ПОДРАЖАЙТЕ ВЕРЕ ИХ

1961—
2001

40 лет пробужденному братству

ПОДРАЖАЙТЕ ВЕРЕ ИХ

Евр. 13, 7

В ДВУХ ЧАСТЯХ

40 ЛЕТ

ПРОБУЖДЕННОМУ БРАТСТВУ

Москва
Издание Совета церквей ЕХБ
2001

«ПОДРАЖАЙТЕ ВЕРЕ ИХ»
2001 Издание Совета церквей ЕХБ
Отпечатано в типографии
издательства «Христианин» СЦ ЕХБ
на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

40 лет по знойной пустыне этого мира движется навстречу Небесной Отчизне стан Божьего народа — братство СЦ ЕХБ. Труден и суров предначертанный Богом путь. Но прежде всего — это путь нескончаемых чудес и Божьих благословений. В преизбытке являл Он нам Свое могущество и силу, облагодатствовал защитой и чудным водительством, дождем проливал Свою милость и благость, как Отец посещал строгостью и прощением и облекал в праведность Христову.

Дух всевышнего Бога вселил в сердце верных детей Своих удивительную жертвенность, так что они не только совершали великие подвиги веры и служения, но и полагали на Божий алтарь жизнь, кровь и слезы.

Эта книга о тех, кто, проходя с гонимым братством путь скорбей, потерял душу свою ради Христа и Евангелия (Марк. 8, 35) и удостоился принять из рук Господа неувядаемый венец славы.

Разные по возрасту и по национальности, жившие в разное время, в разных городах и селениях, они имели то неоценимое общее, без чего нет истинного христианства: они были

напоены одним и тем же Духом Святым, Который повлек их на столь жертвенный подвиг. В них действовала одна и та же Любовь, одно и то же дело искупления, совершенное Христом на голгофском кресте. И печатью их верности и любви к Богу служит смерть, принятая в разных условиях: в тюрьме, в лагере, в армии, на одре болезни, в подстроенных авариях и несчастных случаях.

Верные слуги Господа, они оставили нам благословенный пример жертвенной жизни, глубокого упования и любви к Господу. Все они могли бы повернуть на стезю сделок со грехом и жить беспечной жизнью. Но это означало бы для них духовную смерть и ожидание Божьего суда. Поэтому они решительно отвергли всякое предложение искусителя и избрали путь правды, путь узкий и тернистый, ведущий в жизнь вечную! Такой ценой строилось их служение и совершалось восхождение. Так совершается оно и поныне всеми верными чадами Божьими.

Верно сказано: Господь берет работников Своих — но дела Своего не оставляет. Господь вводит в небесную радость рабов Своих — а на их место ставит других. Они ушли в вечность, а дело служения продолжают и будут продолжать десятки и сотни новых душ, отозвавшихся стать в ряды поборников истины Христовой.

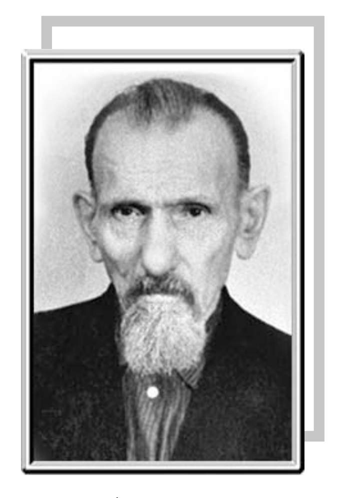
Священное Писание призывает нас помнить наставников наших, которые проповедовали нам Слово Божье и, взирая на кончину их жизни, подражать вере их (Евр. 13, 7).

Труженики сурового, но славного поприща

Часть I

ШАЛАШОВ
Александр Афанасьевич

1891—1963

В** июне 2001 года исполнилось 110 лет со дня рождения верного служителя Божьего Александра Афанасьевича ШАЛАШОВА. Богобоязненной жизнью, созидательным духовным служением, терпением в затяжной мучительной болезни, мужеством в неизбежных для истинных христиан страданиях за имя Иисуса Христа он оправдал высокое звание служителя Господнего и потому достоин, чтобы о подвиге его жизни знало поколение христиан, вступившее в двадцать первый век.

Родился Александр Афанасьевич 4 июня 1891 года в г. Миньяре Челябинской области в многодетной семье, занимающейся кузнечным ремеслом. Воинскую повинность (еще в царской армии) отбывал в г. Хабаровске. Там встретился с верующим солдатом, который предложил ему посетить богослужение христиан. Александр возмутился приглашением сослуживца и дважды сильно избил его. За это его посадили на гауптвахту. Освободившись и одумавшись, он все же пошел на богослужение и там по великой милости Божьей уверовал в Господа Иисуса Христа. Это было 10 июля 1914 года. Зимой 1915 года пресвитер Хабаровской церкви, Степан Васильевич Василенко, крестил его в проруби при двух свидетелях.

В журнале «Благовестник», выходившем в те годы, было помещено письмо Александра Афанасьевича об этом радостном событии: *«Я уверовал и дал обещание служить моему Господу! О, дай Господь, чтобы эта радость не прекратилась вовек! "Хотя бы не расцвела смоковница и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах,— но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего" (Аввак. 3, 17—18)».*

1915 г. Хабаровская община.
(2-й справа сидит А. А. Шалашов.)

Для молодого христианина, посвятившего жизнь проповеди Евангелия, путь скорбей начался после крещения. Уже в апреле 1916 года Александра Афанасьевича Шалашова и еще двух братьев по вере сослали в город Иркутск, где в радостном общении с местными детьми Божьими они пробыли до февраля 1917 года. В ссылке Александр Афанасьевич познакомился со многими служителями Господними, испытавшими гонения при царской власти.

В 1918 году Александр Афанасьевич в церкви сочетался браком с богобоязненной христианкой Лукерьей Филипповной.

В 1919 году в Самарской общине брат Д. С. Ольшанский рукоположил Александра Афанасьевича на служение благовестника, которое он с 1920 по 1926 гг. совершал в Волго-Камском союзе ЕХБ. Разъезжая с братом Ольшанским по селам и городам Поволжья и Урала, они, невзирая на трудности, а иногда и противодействия, несли народу спасительную весть, свидетельствуя, что всякий верующий во Христа получит прощение грехов именем Иисуса Христа. Господь благословлял труд их и повсеместно прилагал спасаемых к церкви.

За два года до вступления в силу Законодательства о религиозных культах ВЦИК и СНК, которое через 70 лет представители власти назовут кровавым и отменят, сотрудники Особого главного поли-

тического управления (ОГПУ) потребовали от руководящих служителей Волго-Камского союза (ВКСБ),

> «чтобы благовестники ВКСБ более не ездили по общинам и группам... и были прикреплены к единичным общинам. Если этого сделано не будет, то благовестники будут арестовываться...
>
> Немедленно по всему Волго-Камскому союзу закрыли все молодежные, женские кружки и трудовые секции, чтобы более не производились собрания молодежи и детей...
>
> Дать распоряжение, чтобы до 30.10.27 г. все общины и группы ВКСБ были зарегистрированы у власти, с включением в устав отдельного пункта о принятии верующими воинской повинности наравне со всеми гражданами. Если со стороны общин и групп этого сделано не будет, то они будут считаться нелегальными и каждое отдельное собрание верующих для молитвы будет считаться незаконным и участники его привлекутся к ответственности».

Выдержка из письма Одинцову Н. В.
от 13. 10. 27. г. *председателя Волго-Камского союза баптистов Кливер К. Ф.*

Брат Корнилий Францевич Кливер отказался дать такую греховную подписку. *«Мы готовы исполнить все, что*

1925 г. Съезд Волго-Камского союза баптистов в г. Самаре. (В третьем ряду снизу в центре сидит Н. В. Одинцов, в 4-м ряду над ним — А. А. Шалашов.)

1925 г. Уральские горы. Общение христианской молодежи проводит А. А. Шалашов. (Он стоит с раскрытой Библией.)

законно,— твердо сказал он представителям Самарского губисполкома,— но что идет против наших убеждений, сделано быть не может». Гонители церкви не смогли руками служителей повести работу в общинах верующих в нужном для них направлении и вскоре Волго-Камский союз ЕХБ был закрыт, а члены правления союза Чекмарев П. И. и Грачев С. П. — арестованы. Многие общины и группы верующих совершали богослужения тайно. В январе 1929 года 12 служителей и проповедников Самарской общины находились в тюрьмах.

С 1928 по 1936 гг. Александр Афанасьевич нес служение проповедника в общине г. Махачкалы, г. Артемовска, Моздока и одновременно работал кузнецом на заводах. В 1934 году в Артемовске ударом детали в спину он серьезно повредил позвоночник и вынужден был пожизненно носить корсет, фиксирующий спину в нужном положении, что позволяло ему передвигаться и работать.

В 1936 году в г. Моздоке по предательству пресвитера в одну ночь арестовали более 20 братьев, среди которых были А. А. Шалашов и М. П. Кондрашов. В домах арестованных прошли обыски, а на молитвенный дом повесили замок. Решением «тройки»* всех братьев осудили на 5 лет концлагерей.

Вспоминая о пережитом, А. А. Шалашов рассказывал: *«Во время следствия, чтобы добыть нужные показания, братьев настраивали друг против друга, сея между ними вражду надуманными обвинениями. После вынесения при-*

*В те годы существовал такой внесудебный орган, который за несколько минут выносил приговор вплоть до расстрела.

говора осужденных братьев поместили в одну камеру. Мы попросили друг у друга прощения и совершили вечерю Господню. Только предавший нас пресвитер одиноко лежал на нарах и уклонялся от общения с нами. Мы приглашали его к покаянию, к примирению с Богом, но он обреченно качал головой: "Мне нет прощения..." Это был жалкий, потерявший благодать Божью человек».

1929 г. Семья А. А. Шалашова.

Жена Александра Афанасьевича Шалашова, Лукерья Филипповна, знала, что легально передать Евангелие в тюрьму невозможно. Собирая мужу продуктовую передачу, она обернула сало листами из Евангелия Матфея. Надзиратели не обратили на это внимания. Александр Афанасьевич вскоре передал жене радостную записку: «Матфей приехал ко мне на сале...»

Затем осужденных братьев этапировали из Моздока в Харьков. Здесь у Александра Афанасьевича отняли кожаный шнурок от корсета. (Заключенным не положено иметь при себе ни веревки, ни шнурка.) А без шнурка корсет не пригоден. Оставшись без него, Александр Афанасьевич оказался прикованным к постели. У него сразу же отнялись ноги. Беспомощный и больной он 5 лет пролежал в Харьковской тюремной больнице.

2000 г. Дочь А. А. Шалашова (Лилия Александровна).

Дочь А. А. Шалашова, Лилия Александровна, вспоминала о жизни родителей:

«По милости Божьей я родилась 16-м ребенком, из которых в живых осталось только четверо. Дети

умирали от трудной жизни и скитаний нашей семьи.

Отец был лишенцем, у него был "волчий" билет. У семей лишенцев не было продовольственных карточек, их нигде не принимали на работу, не предоставляли жилье. После ареста отца скорби в семье умножились. Чтобы заработать на хлеб, мама корчевала пни или ходила с котелком по богатым семьям. Помню, однажды в детстве мы спали между поросятами, чтобы согреться. Мы выжили лишь по милости Божьей.

Все дети в нашей семье были певчие. В два голоса мы пели наизусть многие христианские гимны. Но голод настиг нас: в доме кончились все продукты, мы перестали петь и просили хлеба. Перед сном мама собрала нас на молитву и изложила вопиющую нужду Богу: "Господи, пошли нам хлеб или возьми нас всех к Себе..." На утро мы проснулись голодные. На улице был сильный мороз. Мама вышла в сени и у порога увидела мешок, а в нем — пуд (16 кг) муки! Кто его положил ночью к порогу нашего дома — мы узнаем только в вечности, но Господь явно ответил на молитву мамы. Мы наелись лепешек, испеченных мамой, и снова, прославляя Бога, запели.

В другой раз зимой у нас кончились запасы топлива и продовольствия. Мы снова принесли нашу нужду в молитве Господу и Он послал к нам доброго человека. Войдя в дом, он спросил: "Где ваша мама?" — "Болеет",— ответили голодные дети. Незнакомый мужчина подошел к кровати, где лежала мама и спросил: "Где твой муж?" — В тюрьме за веру в Господа..." — пояснила мама. Неожиданный гость еще долго расспрашивал маму, а потом предложил маме отпустить с ним сына. "Не бойся, я помогу тебе",— успокоил он маму и взял с собой моего 11-летнего брата. Купил воз дров и, рассчитываясь с хозяином, сказал: "Отвези эти дрова к дому, который укажет этот мальчик". Через время к нашему дому подъехала телега, нагруженная рублеными дровами! В этот же день добрый человек прислал нам мешок кукурузной сечки! Мы затопили печь, заварили в чугуне кашу. Дом наш наполнился теплом. Голодные дети наелись и запели: "Благодарим Тебя, Господь, за пищу, данную Тобой..."

Нашим благодетелем оказался хозяин столовой. К работавшему у него хлеборезу он привел моего брата и сказал: "Если ты будешь отдавать этому мальчику крошки от хлеба, то тебе простятся 70 грехов!" И он отдавал.

Иногда нам перепадали и хлебные корочки — ими и жила наша семья. Когда мама выздоровела, этот добрый человек принял ее в столовую работать посудомойкой. Денег не выдавал, расплачивался остатками пищи. Каждый день мама приносила их и мы были сыты. Господь повелел этому незнакомому человеку заботиться о нашей семье.

Подходил к концу 5-летний срок заключения нашего отца, но на него возбудили новое уголовное дело. Врач тюремной больницы был расположен к отцу, иногда приносил ему немного хлеба. Положив в тумбочку отца гостинец, врач однажды тихо сообщил: "Судить вас не будут, дело закрыли..." И действительно папу вскоре освободили из тюрьмы, считая, что в таком состоянии он уже не опасен для атеистически настроенного общества. Из тюремной больницы папу перевели в городскую, а оттуда 15 июня харьковские братья привезли его на тарантасе в Моздок, где мы жили.

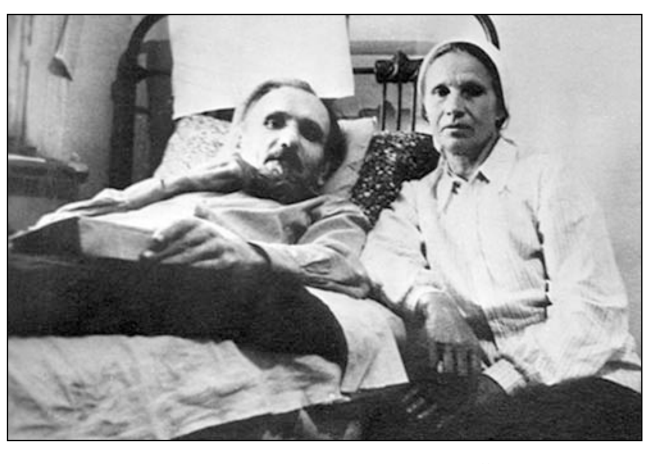
Растроганная мама подошла к повозке: "Санечка, вставай!"

"Лушенька, я никогда больше не встану..." — опечалил ее папа.

От неожиданности мама потеряла сознание...

В таком состоянии папа пролежал еще 13 лет. Это были тяжелые годы испытания для мамы: она должна была кормить семью и воспитывать четверых детей, ухаживать за больным папой.

Наступила война. Наш дом был расположен на берегу реки Терек. С одного берега стреляли немцы, а с другого — русские солдаты. Во время обстрела в комнату, где лежал отец, попал снаряд и снес угол дома. По милости Божьей папа остался жив. Его перенесли в другую

А. А. Шалашов с супругой Лукерьей Филипповной.

комнату...»

Во время болезни Александр Афанасьевич не прекращал духовную работу: дом его был местом посещений для верующих, которые шли к нему за советом и ободрением, будь то в гг. Моздоке, в Нижне-Днепропетровске или в г. Умани, где в эти годы проживал брат.

Домик А. А. Шалашова в г. Умани был любимым местом встреч и чудесных бесед о Слове Божьем.

Побуждаемые Господом, многие дети Божьи усиленно молились об исцелении дорогого служителя. Господь услышал молитвы святых. Однажды Александра Афанасьевича осмотрела опытная массажистка и искренняя, глубоко верующая сестра Вера Абрамовна. «Александр Афанасьевич, верите ли вы, что через вашу веру и мои усилия Господь исцелит вас? Через год вы встанете на ноги!» Надежда на выздоровление окрылила брата. Он ответил ей словами веры многострадального Иова: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию» (Иов. 19, 25).

С молитвой сестра приступила к лечению и болезнь стала отступать. Через 8 месяцев Александр Афанасьевич встал и смог передвигаться на костылях. Прошло еще четыре месяца — он уже ходил твердой поступью, для большей уверенности опираясь на палочку. Так, при усердии богобоязненной сестры и усиленных молитвах Александра Афанасьевича и многих искренних детей Божьих в 1955 году Бог поднял дорогого служителя с мучительного одра болезни, на котором он находился 18 лет и 9 месяцев! С этого времени и до последних дней жизни посох и брезентовая сумка, в которой лежали Библия и елей помазания, были неизменными спутниками в его служении.

Сразу же после выздоровления Александра Афанасьевича

верующие г. Челябинска пригласили его к себе, где в 1956 году он был избран пресвитером Челябинской церкви. Он нес это служение до самой смерти. Кроме того он провел большую духовную работу по упорядочению служения, избрания и рукоположения пресвитеров в незарегистрированных общинах Урала и содействовал их объединению.

Начатую в 1961 году работу Духа Святого по пробуждению церкви, образование Инициативной группы по созыву Всесоюзного съезда церкви ЕХБ Александр Афанасьевич приветствовал и поддержал и уже в 1962 году как представитель незарегистрированных общин Урала был избран в Оргкомитет. Подпись А. А. Шалашова стояла в документах Оргкомитета, направленных представителям центральных органов власти в 1962—1963 гг.

«В 1961 году Александру Афанасьевичу исполнилось 70 лет,— вспоминает М. И. Хорев. — *За три неполных года мы посетили вместе с ним большое число церквей Урала, России, Украины, Сибири и других мест. Он рукоположил много молодых служителей в пробужденном Господом братстве. Совершал это ответственное служение*

1955 г. А. А. Шалашов (в 3-м ряду 7-й слева. Рядом справа — Лукерья Филипповна.) с группой верующих г. Миасс, Челябинской обл.

60-е годы. А. А. Шалашов с чуткостью истинного пастыря утешает скорбящую женщину на кладбище.

60-е годы. После 18-летней болезни А. А. Шалашов приехал посетить церковь г. Моздока, где в 40—50-е годы он жил, нес служение и был арестован. (Сидит в центре А. А. Шалашов, справа — служитель СЦ ЕХБ — Кондрашов Матвей Петрович.

Александр Афанасьевич очень осторожно, тщательно, с большим благоговением и страхом.

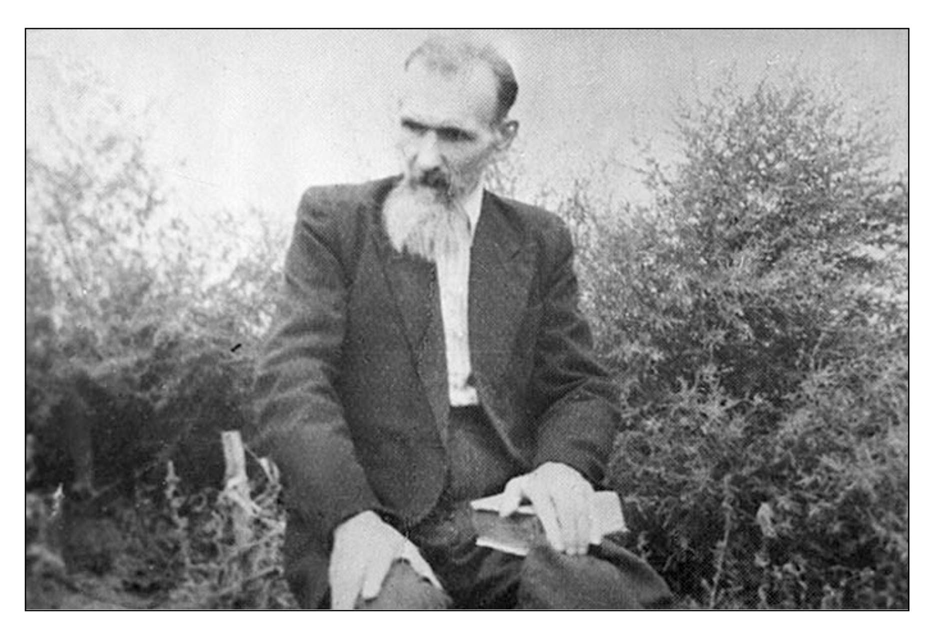
Я сопровождал его в поездках по общинам братства, помогал ему в передвижении, носил его сумку с Библией, а главное — учился у него опыту сложного пастырского служения.

Перед дальней дорогой я спрашивал Александра Афанасьевича: "Выдержите?" — "А как же! Господь для этого меня и поднял!"

Здоровье его было слабое, немели и отекали ноги, но изза болезни он никогда не оставлял служения. Прибыв однажды в Одессу, нам нужно было долго ехать трамваем. Я положил его больные ноги на свои колени и массажировал. Подъехав к остановке, обул старца, и мы пошли к месту служения.

Александр Афанасьевич торопился выполнить доверенный Богом труд. И в дождь и в снег он шел и ехал по делам служения. "Я буду отдыхать в небе",— утешал он жену, всегда сочувствующую и поддерживающую его в молитвах.

Мне он не раз говорил: "Мишенька, брат мой дорогой! Когда я лежал без движения, я молился: «Господи, для чего Ты меня хранишь? Лучше возьми меня к Себе...» Господь молчал, но в Его молчании была такая сила, такая мудрость! Я чувствовал, что Господь не согласен с моей просьбой. И только теперь я понял, что Господь «законсервировал» меня для

А. А. Шалашов. «Благословен Ты, Господи!... О заповедях Твоих размышляю, и взираю на пути Твои» (Пс. 118: 12, 15).

работы в Оргкомитете! Бог совершает великое дело пробуждения в наши дни, и со мной Он соделал чудное! За 18 лет болезни, я хотя не роптал, но и не был глубоко благодарен. Теперь я славлю Господа, что Он не считался с моими желаниями и держал меня на одре болезни. Теперь я понял, что Он меня хранил для Своего особого дела..."

Еще в годы духовного труда в Волго-Камском союзе ЕХБ Александр Афанасьевич проповедовал Слово Божье (передвигаясь в зимнее время из села в село на лыжах) вместе с Николаем Александровичем Левинданто. В 1944 году Левинданто был назначен старшим пресвитером ВСЕХБ в Прибалтике.

Александр Афанасьевич, совершая служение в Оргкомитете, решил навестить бывшего друга и сотрудника и зашел в его канцелярию. Левинданто сразу узнал А. А. Шалашова и первые слова, которые он произнес после столь долгой разлуки, были отнюдь не приветствием, а холодным заявлением: "Я не имею права беседовать с вами без представителя от власти..." Александр Афанасьевич вынужден был тут же покинуть кабинет...

Однажды встав на путь сотрудничества с внешними, Левинданто и ведущие работники официального духовно-

го центра вынуждены были предательствовать до конца жизни. Возможно, в тайне души кто-то из них и порывался избавиться от греховного сотрудничества со спецслужбами, желал исповедовать и оставить этот тяжкий грех, но увы! Вырваться из сатанинских сетей они так и не смогли. Этот путь привел их к разлуке с Богом и верными служителями.

Приведем еще одно немаловажное событие, которое, можно сказать, было заключительным в жизни и служении Александра Афанасьевича.

17—18 октября 1963 года в Москве проходило всесоюзное совещание служителей ВСЕХБ, переименованное в ходе работы в съезд. Основное назначение съезда по высказыванию председателя Совета по делам религиозных культов А. Пузина состояло в следующем: "Давая разрешение на проведение съезда ЕХБ, Совет по делам религиозных культов имел в виду необходимость подорвать позиции раскольников (служителей Инициативной группы. — *Прим. авт.), лишить их доверия и поддержки... изолировать их от основной массы верующих и тем самым облегчить борьбу с нелегальной деятельностью религиозных организаций".* (Инструктивное письмо Председателя Совета по ДРК уполномоченным Совета от 17.10.63 г.)

План мероприятий по ликвидации внутрицерковного движения, начатого в 1961 году Инициативной группой церкви ЕХБ, был согласован с Центральным Комитетом КПСС. Для этих целей руководству ВСЕХБ было поручено создать иллюзию съезда и осудить на нем начатое Духом Святым духовное пробуждение церкви, дав негативную оценку служению Оргкомитета церкви ЕХБ.

На съезд прибыли 210 делегатов с правом решающего голоса и 240 гостей. Кандидатура каждого из них была тщательно подобрана уполномоченными по делам религий на местах и согласована с работниками КГБ. И делегаты, и рекомендовавшие их недруги дела Божьего были единодушны в одном: больше ударить по гонимой церкви, вставшей на путь отделения от мира. Как во времена нечестивого царя Ахава пророк Божий Илия один выступал против 450 пророков Вааловых, питающихся со стола Иезавели, так и в дни съезда, подлинные инициаторы которого были брошены в тюрьмы, а целое воинство служителей (450 делегатов!), находящихся в сговоре с внешними, три дня своими докладами стремились нанести сокрушительный удар по служению Оргкомитета церкви ЕХБ. Но

можно ли сокрушить тех, кто находится под кровом Всевышнего, под сению Всемогущего?!

На этот лжесъезд от Оргкомитета церкви ЕХБ был послан А. А. Шалашов зачитать специальное увещание отступившим от евангельской истины служителям, но он не был допущен в здание и простоял под холодным осенним дождем более часа. В этот же день служители Оргкомитета и некоторые сестры провожали Александра Афанасьевича домой. Он уезжал с Павелецкого вокзала. Брат вошел в вагон, а провожавшие его служители стояли у окна на перроне. Александр Афанасьевич помахал рукой и на стекле вагонного окна написал: 1 Петра 5, 1—3. Поезд тронулся. Последнее пожелание дорогого служителя растрогало до слез. "Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду..."

Прибыв домой, Александр Афанасьевич заболел. Над своей кроватью он попросил вбить два гвоздя и повесить на одном посох, на втором — брезентовую сумку, в которую он, отправляясь на служение, клал Библию, очки, смену одежды и тапочки. "Для служителя Божьего больше ничего не нужно",— говорил Александр Афанасьевич.

Он был серьезно болен, когда за служение в Оргкомитете на него возбудили уголовное дело, но на допросы не являлся. Лечащий врач, посещая Александра Афанасьевича, осторожно, но убедительно попросила родственников: "Никому не позволяйте делать уколы Александру Афанасьевичу! Никому! и не отдавайте его на лечение в больницу..." (Работники КГБ в то время прилагали невероятные усилия по ликвидации служителей Оргкомитета, приобщая к этому недостойному делу даже медицинских работников. Но Бог защищал Своих избранников.)

Александр Афанасьевич по-отцовски любил служителя Господнего — Геннадия Константиновича Крючкова — и называл его жемчужиной. За несколько дней до смерти Александр Афанасьевич горячо молился о гонимом братстве. Я помню, как он, подняв руки к небу, сказал: "Господи, благослови эту жемчужину, сохрани его для служения в церкви..."

7 декабря 1963 года Александр Афанасьевич, послужив изволению Божьему, отошел в вечность.

Я приехал на похороны и увидел висящий на стене посох и знакомую сумку, которую Александр Афанасьевич позволял мне носить во время совместных поездок по многочисленным общинам дорогого братства. Сердце мое переполнено было благодарностью Господу за возможность учиться у верных мужей Божьих, жизнь которых изобиловала благословениями свыше.

Не во всякое время Бог находит в народе Своем святых подвижников, через которых Он мог совершать Свое великое дело. В истории народа израильского был такой скорбный период, когда Бог искал "человека, который поставил бы стену и стал предо Мною в проломе за сию землю, чтоб Я не погубил ее, но не нашел" (Иез. 22, 30). Благодарение Богу, что в нашей богоборческой стране нашлись такие мужи, которые в трудное для церкви время встали в проломе Дома Божьего и Бог пощадил народ Свой и вывел его на путь независимого от мира служения.

После похорон на имя А. А. Шалашова пришла повестка явиться на беседу в КГБ г. Челябинска. Но верный служитель Божий уже был недосягаем для гонителей, потому что навеки водворился у Господа. Дух его наконец обрел вечную свободу, вечное утешение, вечное блаженство в общении с Богом, которого Александр Афанасьевич любил более своей жизни и остался верным Ему до смерти».

М. И. ХОРЕВ

СООБЩЕНИЕ Оргкомитета о кончине брата А. А. ШАЛАШОВА

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.
Евр. 13, 7

Возлюбленные в Господе братья и сестры!

С глубокой скорбью сообщаем вам о кончине брата Александра Афанасьевича Шалашова на семьдесят третьем году жизни.

7 декабря 1963 года в 11 час. 50 минут утра оборвалась нить земной жизни горячо любимого нами брата и соработника на ниве Божьей.

Вся его жизнь — это долгий и трудный путь. Свое служение Господу брат начал в 1914 г. с момента уверования. Совершал служение благовестника в Волго-Камском союзе ЕХБ, затем тюрьма и многолетняя болезнь, приковавшая его на 19 лет к постели, потом выздоровление по милости Господа и пресвитерское служение в Челябинской общине ЕХБ и одновременно самое горячее участие во внутрицерковном движении за дело чистоты и святости Церкви Христа.

Такой долгий и тернистый путь нашего дорогого брата! Господь сохранил его сердце в чистоте для славного служения последних лет жизни и послал ему исцеление от тяжелой болезни.

Как и все верные Господу, дорогой брат всегда стоял за дело чистоты и святости Церкви Божьей и, когда Дух Святой пробудил Церковь Свою, брат Александр Афанасьевич занял место в первых рядах служителей, совершающих благословенное и ответственное дело служения, порученное Господом, и совершал его искренне и ревностно до последних дней жизни.

Нам особенно дороги и памятны последние дни служения Александра Афанасьевича. Он был нездоров, когда в Оргкомитете решался вопрос о посещении представителями Оргкомитета октябрьского совещания ВСЕХБ (с целью зачитать совещанию специальное заявление Оргкомитета и остановить служителей ВСЕХБ на их неверном пути). И когда Александру Афанасьевичу предложили, в числе других, исполнить это служение, он сказал: «Я рад это сделать и, если Господь к этому времени даст силы, я обязательно приеду в Москву!» И он приехал. Труд, который предстояло совершать, может показаться совсем незначительным, но на пути истинного и верного служителя должна быть всегда готовность жертвовать свободой, а если надо, то и жизнью.

В день посещения совещания Александр Афанасьевич взял свою неизменную сумочку, положил в нее Библию и прибыл в числе других братьев к зданию Московской общины, где проходило совещание. Но убеленный сединой старец, верный служитель на ниве Божьей, не был даже допущен в помещение совещания и вынужден был долгое время простоять под дождем у порога.

17 октября братья из Оргкомитета проводили Александра Афанасьевича в обратный путь, домой. Разместившись в вагоне, брат помолился и затем перед отправлением поезда пальцем написал на стекле вагона стих из Священного

Писания — 1 Петр. 5, 1—3. Братья достали Евангелие и прочитали дорогое напутствие: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно...» Поезд медленно тронулся и никто не подозревал, что он навсегда увозит нашего дорогого друга и соработника на ниве Божьей.

В пути брата сопровождала сестра с Украины. По приезде домой брат тяжело заболел, но и теперь он не переставал совершать молитвы за дело Божье, давать советы верующим и проводить беседы.

За день до смерти Александр Афанасьевич был бодрым и готовым отойти к Господу. Он сказал: «Я теперь уже знаю, что Господь меня отзывает, и я слышу последний звонок моему поезду!»

И вот смерть дорогого брата... 7 декабря 1963 года.

Можно сказать, что многие у нас были готовы к этому, и все-таки встретили известие о смерти брата, как внезапное ранение сердца. Мы поняли, что разлучились с другом, работником на ниве Божьей в такое суровое и трудное время.

1963 г. Сподвижники в деле Божьем прощаются с возлюбленным в Господе и верным служителем А. А. Шалашовым. (Сидит 4-й справа — С. Т. Голев.)

До последних дней покойный брат сохранил верность Господу, детскую непосредственность и простоту — эти драгоценные качества, указанные Христом.

После ухода в вечность брата Александра Афанасьевича еще острее сознаем, какого друга мы лишились. Все, кто знали его лично, вспоминают о нем со слезами, как об отце...

На похороны брата собралось очень много детей Божьих и не только местных, но и с Кавказа, Украины, России и других мест. В доме Шалашовых проходили собрания при огромном стечении народа. Братья говорили в проповедях, что Александр Афанасьевич является для нас образцом стойкого верующего, воина Божьего, который до последнего дня твердо выступал за дело Божье и не имел страха перед человеками, но имел страх Божий (Евр. 13, 7).

Там, где ослабевали, брат ехал туда и вдохновлял; там, где охладевали, он ехал и согревал; там, где болели, он ехал туда и разделял и скорби и болезни.

10 декабря в 2 часа дня состоялись похороны брата Александра Афанасьевича. Гроб с телом усопшего несли по улицам с пением и проповедями. Были сказаны проповеди на места Священного Писания: Иов. 14, 14; Ис. 55, 6; Пс. 115, 6.

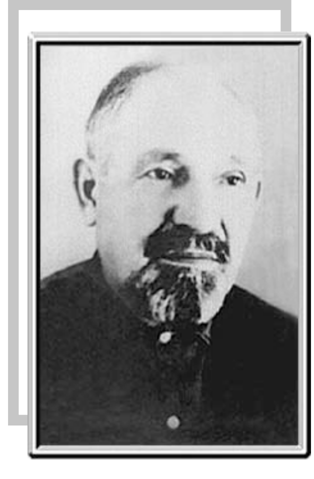
«Дорогà в очах Господних смерть святых Его!»

На кладбище пели: «На небе мой Отцовский дом...», и при словах «Прощай земля!..» гроб с телом Александра Афанасьевича стали опускать в могилу.

Мысленно склоняясь над могилой дорогого брата, всем нам хочется сказать: «Мир праху твоему, возлюбленный брат наш, труженик сурового, но славного поприща; спи спокойно до дня, когда при последней трубе мертвые во Христе воскреснут для вечного счастья, которое уготовано Христом Иисусом. Подвигом добрым ты подвизался, течение совершил, веру сохранил, и тебе уготован венец правды.

То дело, которому ты посвятил всю свою жизнь — вечно и непобедимо, и Господь завершит начатое дело по приготовлению Своей Невесты к Своему славному пришествию, в котором и ты принимал участие, наш дорогой брат Александр Афанасьевич!»

январь 1964 года. Оргкомитет церкви ЕХБ.

ГОЛЕВ
Сергей Терентьевич

1896—1976

3 февраля 1976 года в 80-летнем возрасте отошел в вечность наш дорогой брат и благословенный труженик на ниве Божьей, член Совета церквей евангельских христиан-баптистов – Сергей Терентьевич ГОЛЕВ.

Годы его жизни прошли через многие страдания и скорби. Почти четверть века провел он в тюрьмах и лагерях за имя Божье, но это не лишило его святой ревности в служении Тому, Кому он однажды посвятил свою жизнь.

Он нес живое слово правды везде и всем, с кем бы ни соприкасался. Радость покаяния грешников и помощь Божья были ему вознаграждением за трудный жизненный путь.

Он был служителем поистине выдающимся. Но выдающимся не силой внешнего обаяния, не ярким блеском красноречия, а большой простотой и скромностью. При опыте личных откровений от Бога и огромной мудрости он отличался глубоким смирением.

При всем этом он был исключительно тверд в следовании только по пути истины, а путь этот узок. Верность Богу заставила его расстаться навсегда со служителями, оказёнившими и покорившими миру некогда святое братство христиан. Поэтому, порвавши с некоторыми друзьями молодых лет, он без колебаний стал в ряды преследуемой церкви и был избран в ее духовный центр: сначала Оргкомитет, а затем – и в Совет церквей, куда внес огромный вклад своей преданностью.

Рассказывают, что когда Сергей Терентьевич отбывал последний срок заключения и его спросили: какое его заветное желание, он ответил: «Умереть за Господа за колючей проволокой...»

Но Господь судил иначе.

Вернувшись из заключения, тяжело больной, Сергей Терентьевич очень скорбел, что не может, как прежде, принимать деятельного участия в служении Совета церквей, посещать друзей и свидетельствовать о Господе. И Бог усмотрел весьма славное служение Своему преданному слуге и послал ему дар исцеления больных. И если брат не мог никого посещать сам – многие приезжали к нему и по его молитвам получали исцеление.

Сергея Терентьевича не раз просили рассказать верующим о своей жизни, поделиться богатством испытанных им Божьих благословений, но он всегда отказывался и говорил, что не стоит воздавать честь человекам и что все сделанное в его жизни – сделано Богом. Но когда сказали, что это очень

полезно будет для молодежи, он согласился, но лишь с тем условием, что его свидетельство не будет опубликовано при его жизни.

Теперь, когда брат отошел в вечность, мы еще с большим интересом читаем эти строки, записанные с его слов, которыми и желаем поделиться с вами, дорогие братья и сестры.

Я родился в 1896 в Рязанской губернии, Спасского уезда, в селе Иванково в бедной крестьянской семье. Окончил 4 класса сельской школы. С раннего детства я научился читать и любил различные книги.

Отец мой и мать были православными, глубоко религиозными людьми. В доме у нас было два Евангелия, выданные за отличное окончание школы мне и старшей сестре. Мама часто просила, чтобы я ей читал Евангелие, но в нем я ничего не понимал, оно казалось мне скучным. Я считал, что Евангелие больше написано для того, чтобы угождать Богу.

В 1908 году в нашем селе началось духовное пробуждение. Мой дядя, Кондратий Дементьевич Конкин, принял евангельскую веру. Я считал его поступок неблагоразумным и думал: если он хочет спастись, то усердно молился бы Богу, исполнил все уставы православной веры и имел бы жизнь вечную. После крещения он стал на труд Божий, и в скором времени у нас образовалась община. Сразу же на него обрушились гонения. В то время евангельские христиане подвергались гонениям от царского правительства и православных священников.

Дядя много говорил мне о Христе, но духовная почва моего сердца была подобна дороге: семя Слова Божьего клевали птицы и топтали прохожие.

В 1910 году нашу церковь посетил известный духовный работник Федор Иванович Санин. Я первый раз в жизни попал на собрание, брат разъяснял притчу о сеятеле. И здесь семя Слова Божьего запало в мое сердце. Размышляя о слышанном, я всем существом пожелал быть почвой благоугодной для Господа и приносить плоды для Царства Божьего. Вот так совершился поворот в моей жизни; Господь дал мне силы познать Его святую истину.

После обращения меня долго преследовал стыд, потому что надо мной смеялись и издевались товарищи. Но Слово Божье укрепляло меня. Особенно слова из Евангелия Луки 9, 26: «Кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей...» Хотя я молился Господу, но на душе у меня было как-то неспокойно. Кроме того, я не мог избавиться от некоторых

греховных привычек, что меня очень огорчало. Старшие братья мне подсказывали: это потому, что у тебя нет в сердце Христа, а Он только рядом с тобой. Приняв этот добрый совет, я начал молиться, чтобы Христос вселился в мое сердце и стал моим Спасителем. Наступил день и час, когда Господь посетил меня и дал мне радость спасения. При чтении Слова Божьего, мне стали постепенно открываться истины, которые раньше были непонятны. Слово Божье уже не обличало, а радовало меня; я был освобожден от недостатков, отягощавших меня ранее. Так началась моя христианская жизнь.

Наша церковь выписывала все христианские журналы, которые в то время выходили: «Христианин», «Баптист», «Слово истины» (изд. Тимошенко), «Вестник армии спасения», «Гость», «Друг молодежи», листок «Сеятель».

Чтение журналов способствовало моему духовному познанию и укреплению в вере.

В это время у нас из 20 человек организовался юношеский кружок. Церковь поручила мне руководить им, хотя я по молодости еще не был крещен.

В 1914 году я был призван в армию. В 1917 году, после двухлетнего пребывания в окопах, здоровье мое сильно пошатнулось: я заболел бронхитом.

Карманное Евангелие всегда было со мной неразлучным спутником. В нем я находил утешение от скорби. Как народ израильский при реках Вавилона вспоминал о Сионе, так и я вспоминал о нашем мирном христианском кружке и о нашей церкви.

И вот по болезни я попал домой на два месяца и сразу же принял крещение. Затем вернулся в армию и служил до 1924 года. Потом возвратился на родину и стал работать в церкви благовестником.

В этом же году вступил в брак с членом нашей церкви — Дарьей Васильевной Кузнецовой.

В то время была величайшая свобода. Мы имели право собираться в школах, народных домах, которые власть охотно предоставляла нам.

Господь позволял и мне участвовать в евангелизации и посещать окружающие села и деревни с целью благовестия.

В 1925 году, однажды на собрании брат Ф. И. Конкин говорил в проповеди, что свобода, которую мы имеем, будет очень недолгой. Нам трудно было этому поверить, но спустя 3 года эти пророческие слова сбылись. (Впослед-

ствии Ф. И. Конкин был сослан на 5 лет в Сибирь, в г. Кузнецк, где проповедовал Слово Божье. После покаяния и обращения нескольких душ к Господу, в том числе одного бухгалтера, брат Конкин был осужден на 10 лет лагерей, но по состоянию здоровья был актирован и в 1935 году вернулся на родину. В 1937 году он был снова арестован. Как было слышно, этап стариков, в котором, по-видимому, был Конкин, направили из Рязанской тюрьмы в Рыбинск, где строилась плотина. Никаких известий больше о брате не было. Его жизнь окончилась в узах и страданиях за имя Господа.)

В 1930 году, во время коллективизации, в нашем селе был большой пожар. Сгорело 52 дома, в том числе и молитвенный, построенный и зарегистрированный при царской власти, и собрания часто проходили в моем доме.

Работал я в колхозе животноводом.

В 1937 году за евангельскую деятельность меня арестовали. Тройка НКВД по вымышленному обвинению заочно приговорила меня по ст. 58 п. 10 к 10 годам лишения свободы с отбыванием в дальних лагерях.

Меня привезли в лагерь, в Карелию (ст. Кочкома). Я беспокоился о своих пятерых детях (старшему — 13, младшему — год). Мы вдвоем с женой их с трудом кормили, а теперь они как будут жить?..

В это время все верующие были подвержены разгрому. Большинство тружеников на ниве Божьей оказалось в тюрьмах и лагерях, многим давали по 25 лет. Поэтому семьям репрессированных братьев почти не оказывалось никакой помощи, да и некому было ее оказывать, потому что многие верующие были напуганы и не проявляли никакой деятельности, а иные даже отступили от истины.

Положение в лагерях было очень тяжелое: голод, холод, бараков не хватало. Из дому мне прислали две посылки. Зная, что они отрывают от себя последнее, я запретил им присылать.

Во время моего ареста у нас в доме была взята большая Библия с картинками; когда милиционер листал ее, то выпали тетради. Эти тетради жена мне прислала, и я пользовался ими для духовного подкрепления.

В лагере за проповедь Евангелия добавляли сроки. Мной овладел страх и я думал, что пришло время, когда нужно молчать о Христе. Такое решение я подкреплял 136-м Псалмом, где написано: «При реках Вавилона, там сидели

мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах посреди его повесили мы наши арфы». И я также решил свою «арфу» проповеди Слова Божьего повесить на сосну карельскую и спасать душу свою, чтобы не получить дополнительного срока. И так я молчал целый год.

Долго бы я оставался в таком состоянии, но Господь наблюдал за мной. Однажды, когда я дежурил в ночную смену на смологонке, прогорел котел, в котором из пней выплавлялась смола. Случай этот обычный, но для меня обернулся особенной стороной. Начальник колонии никогда раньше не приходил, а тут вдруг пришел и спрашивает прораба: «Все ли у вас благополучно?» Прораб доложил, что прогорел котел.

«Кто виновен в этом?» — спросил в сильной ярости начальник.

Прораб свалил вину на меня, будто я проспал. Начальник поверил без всякого расследования и распорядился посадить меня в карцер. Это было 20 ноября. На улице мороз -15°С, а в карцере — щели, в которые можно просунуть руку, так что температура там была такая же, как на улице, а я в одной телогрейке.

Здесь, в уединении перед лицом Божьим, я понял свою неправоту в том, что взялся сам спасать жизнь свою. И вот результат: за 12 часов я так озяб, что, если бы меня оставили на ночь, то я замерз бы окончательно. Там я со всей серьезностью раскаялся перед Господом, и Он, любящий миловать, простил меня.

В 9 часов вечера меня выпустили. Придя в теплый барак, съел ужин и быстро уснул. И вижу сон: стою я на коленях на зеленом лугу, покрытом цветами. Луг был залит неземным светом. Вижу, ко мне идет Иисус Христос, облеченный в золотые одежды, и венец на голове Его. Он подошел и положил мне на голову руки. В этот момент все мое существо наполнилось радостью. Страх, мучивший меня, как бы сгорел; я получил духовную силу, которая и пребывала со мной до конца.

Остальные 9 лет заключения я не боялся говорить о Христе. Были обращения в лагере, чему я очень радовался, и вместе мы утешались, что Господь с нами.

Вскоре после этого меня отправили за 800 километров в г. Петрозаводск. Уже в вагоне я нашел верующего брата. Когда нас пригнали в лагерь, сразу же повели в баню. Вижу, в углу сидит старичок-банщик. Слышу, он тихо поет гимн:

«Приди, друг, к Иисусу...» Подойдя к нему, я спросил: «Ты брат?» Он сказал: «Да». Так он отыскивал своих, и отыскал уже 7 братьев. В его котельной мы имели возможность собираться. Так Господь вновь Своей любовью возобновил мой труд на ниве Божьей.

Слова Божьего у нас не было. Получить Евангелие было невозможно, так как посылки обыскивались. Но что невозможно человеку, возможно Богу. Получаю я от родной сестры из Пскова посылку, в которой был мешочек с сахаром и кое-что другое. Все было подвержено тщательному осмотру, но этот мешочек Господь запретил осматривать надзирателю; он его пощупал и бросил мне. К удивлению и нашей общей радости, там оказалось Евангелие! В котельной при свете огня мы читали настоящее живое Евангелие, а не обрывки из нашей памяти.

Во время моего пребывания в лагерях эта Книга хранила себя и меня и доставляла великую радость. За эти годы были десятки обысков, и если бы ее обнаружили, то взяли бы, потому что она является запретной. Сколько раз я по своему малодушию хотел закопать ее в песок от обысков, а также чтобы она не попала в руки курильщиков. Но Господь укреплял и устранял все сомнения, и эта Книга была со мной.

Однажды был такой случай. Брат попросил у меня почитать Евангелие, я дал с обычным предостережением. Тут раздалась команда на ужин. Он быстро положил Евангелие в карман и побежал. После ужина он вымыл котелки, поставил их и хотел достать Евангелие, но увы! — его не оказалось.

Кто не был в лагере, тот не может представить той обстановки. Люди, курящие, дрожат над каждым клочком бумаги, из которого можно свернуть папиросу.

Я очень сокрушался, что мы лишились этой драгоценной Книги, которая была нам назиданием, утешением и радостью. Мы поняли, что в этих условиях эту Книгу нам может возвратить только Тот, Кто ее послал. Мы с братом залезли на верхние нары, упали ниц и в горячей молитве обратились к Богу, для Которого нет ничего невозможного. Когда мы встали с молитвы, то Евангелие лежало возле нас, его подбросили.

В последние 3 года моего срока нас перебросили на юг, в Саратовскую область.

Господь любящий, послал мне большую радость: ко мне

приехал старший сын. Он привез мне передачу и немного денег, после чего я уже не голодал.

Там обратились к Господу один юноша и прораб, и мы каждый день имели общение, читали Слово Божье и радовались в Господе. Бог помогал мне все 10 лет.

14 ноября 1947 года я освободился и направился на родину, к своей семье.

Старший мой сын был в войну мобилизован и служил в войсках связи. Господь ему чудесно сохранил жизнь: он даже не был ранен. Второй сын работал на транспорте помощником машиниста.

Когда я ехал из лагеря домой, утомленный этой 10-летней каторгой, то мой «ветхий человек» предъявлял мне такое требование: теперь ты знаешь, как тяжело быть в лагерях, сколько там погибло людей... Вот ты приедешь домой, и тебе нужно какое-то время молчать, не проповедовать о Боге, иначе дадут новый срок.

Десять лет я был под конвоем, и мы нигде не могли совершать вечерю Господню. Я так желал участвовать в ней, что, закрывая глаза, слышал гимн, который мы всегда пели во время вечери: «Я есмь овца Иисуса...»

Поезд подошел к станции Проня. Здесь жила моя семья, но в каком доме — я не знал, так как жена, пока я был в лагере, продала старый дом и купила худший, чтобы доучить детей. Когда я вышел, около вагона стояли два мальчика, лет 11—12. Я не ожидал, что меня могут встречать, но все же присмотрелся к ним. Вижу, один похож на моего младшего брата. Спрашиваю: «Мальчик, как тебя звать?» Он отвечает: «Ваня». (Моего младшего сына тоже зовут Ваней!) Все же, не доверяя, я снова спросил: «А как твоя фамилия?» И когда он ответил, то из глаз моих полились слезы. Это был мой сын! Когда меня арестовали, ему был год...

«Ваня, ведь это — я, твой отец!» — сказал я. Он тоже заплакал. Мы обнялись. Он схватил мой чемодан и повел меня домой.

Соседка издали увидела, что Ваня идет с чемоданом, а с ним какой-то человек, побежала к моей жене: «Дарья Васильевна, Иван твой, наверно, отца ведет!»

Из дому вышли: жена, дочь и два сына. После молитвы благодарения Господу домашние рассказали о великих трудностях, которые они испытали не меньше, чем я...

И вот мы все собрались домой. Сколько разговоров было у соседей! «Дарья Васильевна,— говорили они жене,— какая ты счастливая, что муж твой и сыновья живы, и вся

семья в сборе». Мы благодарили Господа, Который поистине чудом сохранил и меня и сыновей.

На следующий день было назначено собрание с хлебопреломлением. И здесь Господь позволил мне участвовать в этой великой заповеди Его, по которой так томилась душа моя. Прежние мои мысли об осторожности рассеялись... Братья предложили сказать слово, и я говорил.

На собрании я заметил сестру-старушку (она недавно приехала из Польши), которая особенно радовалась моему возвращению из лагеря и благодарила Господа больше всех. Я ее спросил: «Сестра, мы с тобой видимся первый раз, почему ты так радуешься?»

Она мне сказала, что 5 лет назад прибыла в нашу местность и увидела, как моей жене тяжело воспитывать пятерых детей без всякой помощи. «Из лагерей большинство не приходят, я знала,— говорила сестра. — Я не имела средств помочь твоей жене, но я положила в своем сердце просить у Господа, чтобы Он сохранил тебя в живых и чтобы ты пришел домой. Каждый день я об этом много молилась. Теперь я вижу, что молитву мою Господь услышал. Как же мне не радоваться и не благодарить Господа!»

Сестра эта любила Господа, и я понял, что Бог меня спасал по ее молитвам. (Через год она умерла. Эта сестра была одинокой и жила на квартире. Случилось, когда хозяйка вышла на огород, она стала на молитву, и так на коленях отошла в вечность. Господь взял ее к Себе.)

Вскоре я устроился на работу десятником на строительстве моста. Но мою радость в жизни составляло служение Господу. В воскресные дни мы проводили по селам собрания. Господь обильно благословлял труд наш.

Через год я переехал в Псков. Там была большая духовная нужда. Местная община, численностью около 100 человек, была зарегистрирована. Пресвитером был Дементий Васильевич Васильев. Община жила «новой жизнью», управляемая старшим пресвитером Михаилом Сазонтовичем Капустинским.

Здесь первый раз в жизни мне пришлось встретиться с действиями старших пресвитеров. По общему мнению Псковской церкви он разрушал дело Божье. Кроме того, он присваивал церковные средства. Все общинные пожертвования местный пресвитер передавал Капустинскому. После обычного сбора Капустинский предлагал членам церкви подписной лист для своих «нужд», и ходил по домам, вымогая

таким образом деньги. Члены церкви просили меня помочь.

Братья вызвали Капустинского, чтобы поговорить с ним в присутствии общины. Беседа проходила в недружелюбном тоне. В каждом Капустинский старался находить пороки. Мне пришлось ему указать на его неправильные действия по отношению к церкви: о том, что он один заменяет собой и церковный совет, и кассира, и ревизионную комиссию. После долгой беседы он, в конце концов, согласился даже меня ввести в церковный совет, так как пресвитер сказал, что вся церковь желает этого.

Это было в субботу, а в воскресенье Капустинский руководил собранием как утром, так и вечером, и мне не предложил участвовать в проповеди. Местный пресвитер напомнил ему вечером, что братья и сестры недовольны этим. Капустинский подошел ко мне и при всех спросил: «Сергей Терентьевич, ты не обижаешься, что я тебе слова не дал?» — «Нет, не обижаюсь,— ответил я,— пусть другие говорят, я этому рад». Он сказал: «Прости, брат», и поцеловал меня.

...А через четыре дня меня арестовали, и я оказался в Псковской тюрьме. Меня обвиняли в том, что я проповедовал Евангелие, даже предъявили мое заявление о вступлении в члены Псковской общины, которое Капустинский передал в качестве «вещественного доказательства».

Следствие закончилось скоро, потому что мне не предъявляли ничего несуразного, как было в 1937 году, когда «за принадлежность к контрреволюционной евангельской секте» по постановлению Особого московского совещания меня приговорили к пожизненной ссылке в Красноярский край. Но Бог не оставил меня.

Находясь в Псковской тюрьме, я испытал большие благословения, потому что верующие прилежно молились обо мне. Каждый день я получал передачу и кормил всю камеру — 20 человек. Заключенные видели, какую любовь имеют дети Божьи друг ко другу.

Кроме меня были арестованы еще три брата: Александров (у него осталось 7 детей), Шунаев (он умер в заключении) и Н. Г. Тараканов, но его Господь чудно избавил от ареста.

В 1950 году в первых числах января я прибыл этапом в Казачинский район Красноярского края. Любящий Господь везде пребывал со мной, и я видел Его спасающую и укрепляющую руку.

Мне не хотелось перевозить семью в этот далекий край (от железной дороги 280 км). Зимой здесь мороз до -55°С,

а летом — страшная мошка и глушь таежная. Но Господь расположил сердца моих детей, и ко мне приехали два старших сына и дочь, которых послала мать. Мы построили дом. Все ссыльные завидовали мне: какой счастливый человек, что к нему приехали дети.

Весной 1951 года ко мне приехала жена. Старший сын для нас служил большим благословением, потому что через него мы имели общение с детьми Божьими, рассеянными по всему Красноярскому краю. С нами он прожил все семь лет.

Ближайшее место, где проводились собрания и совершалось хлебопреломление, находилось в 20 километрах от нас. В последние годы моего пребывания в ссылке я посещал эти собрания. К тому времени мне было уже 60 лет, я был инвалидом 2-й группы по болезни сердца. Ходить в день по 40 километров по бездорожью мне стало очень трудно.

Однажды в воскресенье мы вышли с 20-летней дочерью на собрание в 5 часов утра. В будни по дороге ходили лесовозы, а в воскресенье все кругом было тихо. Дорога от нашего поселка шла в гору. Гора не такая крутая, но для моего сердца это было очень затруднительно. И тут мы услышали, что сзади идет машина. Мы были уверены, что шофер нас подвезет, хотя бы немного, но он не остановился. «Господи, почему же так произошло?» — шел я, рассуждая сам с собой.

Вдруг меня охватил сильный ветер. Мы шли густой тайгой, покрытой снежным инеем. Я посмотрел вверх на ветки деревьев — они не шевелились. Оглянулся на дочь, думаю, что она заметила этот сильный ветер, но она молчала. Я как-то испугался, но вместе с тем ощутил прилив физической силы.

Пройдя 7 километров, мы обычно отдыхали, но на этот раз мы не остановились и шли дальше. Прошли еще 7 километров; стало рассветать. Я не чувствовал усталости. Если бы я шел один, то пошел бы еще дальше, но я вижу, что дочь утомилась. «Давай сядем, отдохнем»,— говорю я ей. Мы присели. Она спрашивает: «Папа, почему ты так быстро шел? Я едва за тобой поспевала». Я боялся ей сказать что произошло, а сам думал: как несовершенны мои мысли — хотел подъехать немного, а Господь укрепил меня на весь путь.

Пришли ко времени, братья были очень рады, мы провели торжественно утреннее и вечернее собрание. Но и на обратном пути я также чувствовал крепость, которую Господь мне послал посредством движения ветра.

После смерти Сталина была объявлена амнистия и мы вернулись из ссылки домой, в Рязань.

В этом же году я посетил своего старого друга — Михаила Васильевича Ванина, который после 15-летнего заключения находился в ссылке в городе Ухте. Он мне поручил в Москве встретиться с Ильей Григорьевичем Ивановым, его другом, который обещал ему Библию и другую духовную литературу.

Встретились мы в доме Иванова. Во время беседы Иванов предложил мне работать во ВСЕХБ, так как я был освобожден от работы на производстве по инвалидности. Я в то время не знал о внутреннем состоянии этого центра, поэтому дал согласие работать. На следующий день Иванов познакомил меня с Жидковым и Каревым, с которыми состоялась пространная беседа. Они хорошо знали моего дядю Конкина К. Д. и решили принять меня в число своих служителей. Я заполнил анкеты для работы во ВСЕХБ. Потом я попросил разрешения взять отпуск на два месяца без содержания, так как я некоторых своих родственников не видел уже 20 лет. После этого я думал приступить к служению, куда бы меня ни послали. На это они дали согласие, и я отправился.

Прежде всего я приехал в Батайск, где жила моя сестра. Мы с ней пошли на собрание, и я передал привет от московских братьев: Жидкова, Карева и Иванова, выполняя их просьбу.

Пресвитер Сычев пригласил меня к себе домой и поинтересовался моей биографией. Я ему рассказал за что был арестован первый, а также второй раз. Упомянул о том, что содействовал моему второму аресту М. С. Капустинский. Об этом он просил меня рассказать подробнее. До этого я думал, что Капустинский — единственная личность в нашем братстве, способная на предательство.

Сычев слушал с большим вниманием и как-то настороженно. И вдруг, к моему удивлению, он мне говорит: «Брат, и я такой...» Когда он мне это сказал, я был так поражен, что положил голову на руки и не знал что говорить и что думать...

Он, видя мое состояние, говорит: «Мы все такие... мы все должны давать сведения уполномоченным о всем, что делается в церкви и о чем бы они нас ни попросили, и должны выполнять их задания».

Я тяжело переживал это страшное сообщение. Оно поразило меня.

Затем я поехал в г. Прикумск (Ставропольский край). Там я прожил у своей сестры месяц, проводил ежедневно собрания. Старшим пресвитером был Р. Р. Подгайский. То, что я услышал от Сычева относительно старших пресвитеров, мне хотелось проверить, и я спросил у местного пресвитера о Подгайском. Он мне сказал: «Подгайского, как подменили. Он приезжает к нам и вместо Библии с кафедры читает газеты о достижениях советской власти. Нам тяжело это видеть, но сказать ему не осмелимся, а он побудет и уедет, не принеся нам никакого назидания».

Пробыв два месяца в поездках, посетив многие церкви, я увидел, что брат, открывший мне правду о разрушительной работе старших пресвитеров, был прав. И все же мне очень хотелось услышать об этом от И. Г. Иванова, который больше, чем кто-либо другой знает тайну падения ВСЕХБ. Перед тем, как вернуться в Москву, я побеседовал с пресвитером Рязанской общины Н. П. Болдиным, но тот меня так встретил, что даже не разрешил передать привет,— настолько он «добросовестно» выполнял распоряжения своих «старших братьев», то есть уполномоченного Совета по делам религий и руководителей Союза.

После всего этого я приехал в Москву. В молитвенном доме я встретился с И. Г. Ивановым. Нужно сказать, что при нашем свидании, во время приема меня на работу во ВСЕХБ, он проявил ко мне много внимания и сказал: «Мы будем большими друзьями». Поэтому я к нему обратился с открытым сердцем. Я ему не рассказал того, что говорил Сычев из Батайска, но сказал то, что сам видел за два месяца поездок по общинам.

Кроме того я напомнил ему, что дети Божьи страдали и сейчас страдают в лагерях, «а вы здесь предали дело Божье»,— сказал я ему.

Он долго слушал, а потом говорит: «Неужели ты видел одно плохое, а хорошего не видел?» В это время пришел дежурный и позвал Илью Григорьевича на длительный разговор.

В эту ночь я передумал еще раз обо всем, что пережил, и о нашем разговоре с Ильей Григорьевичем, и я решил в другой раз как можно больше молчать, послушать, что он будет говорить. Я очень страдал за все дело Божье, которое оказалось в таком тяжелом состоянии.

На следующий день мы опять встретились. Сели в уголок к кафедре, я ожидал, что он заговорит первый, и мы

долго молчали. Наконец, он не выдержал, похлопал меня по плечу и сказал: «Все знаем, больше чем ты сказал, знаем. Но скажи, что делать, что делать?!»

Он говорил это таким беспомощным голосом, что пронзил меня до глубины души. Мы опять замолчали. Он мне представился Самсоном, которому остригли волосы, выкололи глаза, связали руки и посадили в дом узников, а потом заставили крутить жернова. И я подумал: если бы его спросить: «Самсон, зачем ты мелешь на врагов народа Божьего?», то он бы сказал так же: «А что делать? Освободиться у меня нет силы, а если не буду молоть, меня убьют, а я жить хочу!»

После этого свидания и молчаливого конца нашей беседы мы простились, и я до сего дня с ним не встречался.

Находясь в Москве в декабре 1957 года, я имел встречу с 85-летней сестрой-старицей Пелагеей Ивановной Ивановой, уроженкой Рязанской области. Эта сестра, бывая на родине, посещала нашу общину в с. Иванково и своим присутствием всегда приносила благословение, так как была способной труженицей на ниве Божьей. Она работала диаконисой 30 лет с покойным В. Г. Павловым. Многие души она приобрела для Господа своими беседами, посещениями.

По окончании длительной беседы о всех благословениях, которые мы имели в прошедшие годы, она вдруг сказала: «А я не согласна со ВСЕХБ и его действиями». Меня это удивило. Тогда она рассказала, как приглашала Я. И. Жидкова и сказала ему:

«Зачем вы соединились с властью, чтобы идти против истины? Ведь написано: "Дружба с миром есть вражда с Богом; кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу"».

Он мне ответил: «Пелагея Ивановна, если бы мы не согласились, нам бы собрания не разрешили».

«А нужны ли Господу такие собрания, где нарушается Слово Его? — говорю я ему. — Саул некогда говорил Самуилу: "скот, который мы оставили, волов и овец, мычащих и блеющих, мы оставили в жертву Господу". Но Самуил сказал Саулу, что Господу нужно послушание. Непокорность — такой же грех, как и волшебство, и непослушание то же, что идолопоклонство».

Яков Иванович молчал. Очевидно, трудно было ему возражать истине. Тогда я ему сказала: «Не будет вам благословения за то, что вы, нарушив волю Божью, согласились

с миром сим разрушать дело Божье. Господь отступит от вас и разрушит дело ваше».

В 1958 году я приехал в Рязань. Зная состояние зарегистрированных церквей, подвластных уполномоченным (а народ Божий еще не понимал этого!), я начал работать среди незарегистрированных общин. В Рязани, в домике, где я жил, 3 раза в неделю собиралась вечерами молодежь и некоторые пожилые братья и сестры для духовно-назидательных собраний.

Старшим пресвитером по Рязанской области был Булгаков Григорий Тимофеевич. В 1960 году мы с ним неожиданно встретились. Он сказал:

— Я рад тебя видеть, Сергей Терентьевич!»

— Почему? — спрашиваю.

— Да как же! Мы сейчас с Петром Александровичем Ивановым (пресвитер из г. Касимова) были у уполномоченного и он сильно ругал меня за то, что ты проповедуешь в незарегистрированных группах Рязанской области.

Булгаков долго журил меня за это. В конце я ему сказал:

— Григорий Тимофеевич, давай поговорим о чем-нибудь назидательном.

— О чем нам с тобой говорить?

— Да хотя бы о пророке Ионе вспомним, которому Господь повелел идти в Ниневию проповедовать, а он не послушался и поехал в Фарсис. А потом мы знаем что его постигло за это непослушание... Нарушать повеления Божьи о проповеди Евангелия я не желаю, ибо это не останется безнаказанным.

И Господь заставил говорить ослицу человеческим голосом: Григорий Тимофеевич, оглянувшись туда-сюда (возле нас никого не было), сказал: «Да, уполномоченные хитро действуют. Сколько бы им нужно было сыщиков, чтобы наблюдать за нами, а они это делают через нас!..»

В скором времени Булгаков привез «Положение» 1960 г. Он собрал церковный совет, пригласили и меня, хотя я в совете не состоял. Булгаков прочитал этот документ. На всех присутствующих, кроме пресвитера, «Положение» произвело потрясающее впечатление. Все молчали, никто не хотел говорить. Тогда Булгаков сказал, что если мы не примем и не подпишем этого «Положения», то собрание нам закроют, а если проведем его в жизнь, то собрания будут проходить так, как и проходили до сих пор.

Мне невольно вспомнились слова сестры П. И. Ивановой:

«А угодны ли Господу такие собрания, где Слово Божье нарушается?». И я попросил слова и сказал: «Давайте напишем во ВСЕХБ: "Приняли к сведению" и тем ограничимся».

Но местный пресвитер Болдин говорит: «Сергей Терентьевич, если мы "Положение" примем, кто же посмеет его нарушить?»

А Булгаков сказал: «Только к неуклонному выполнению и руководству должны мы принять "Новое положение"».

На следующий день собрали они двадцатку и убедили ее подписать «Положение». Булгаков уехал со «спокойной совестью», что выполнил свой долг.

После этого в Рязанской церкви произошло разделение. Отделилось около 40 человек. Конечно, всем было понятно, что разделение вызвано «Новым положением».

Я считал, что отделяться рано, нужно поработать среди зарегистрированной церкви, чтобы было всем понятно что из себя представляют антиевангельские документы.

В один из дней, когда я усиленно молился, чтобы Господь удалил это разделение, я услышал голос свыше, который мне сказал: «Пойди в собрание и прочитай из 17-й главы Евангелия Луки». Я думал: идти или нет, но голос повторился трижды. Меня объял такой страх, что я боялся заглянуть в эту главу.

В воскресенье прихожу я в зарегистрированное собрание и прошу пресвитера оставить церковный совет, что он и сделал, и читаю им, а там написано: «Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, чрез кого они приходят: лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море...» (1—2 ст.).

Они попросили меня разъяснить это место. Мне оно было совершенно понятно, но по их просьбе я стал пояснять:

— Представьте себе такую картину: в молитвенном доме, в узком проходе между скамейками положили грязный большой камень, и всякий проходящий спотыкается и пачкается. Но пресвитер сказал бы: нельзя убирать камень, его положил уполномоченный, если уберем, то нам закроют собрание. Если бы это был обыкновенный камень, то ради сохранения собраний с неудобствами можно было бы смириться. Но «Новое положение» — это грязный камень, который препятствует нам исполнять волю Божью, поэтому нам нельзя с этим смиряться.

Председатель же церковного совета, А. В. Быков, считал: если «Положение» разработали наши старшие братья,

то мы должны его принять: они отвечают перед Богом, властью и всем народом за этот документ. И он крепко ратовал за него.

Уполномоченный, утверждая Быкова председателем церковного совета, мало его знал и после решил заняться его «воспитанием». Он вызывал его к себе и постепенно открывал, в чем состоит задача современного руководства церковью: не допускать детей в собрание, не говорить призывных проповедей, чтобы молодежь приобщалась к культуре, посещая кино и т. п. И когда он его пригласил в 4-й раз, то откровенно сказал: «Мы идем к коммунизму, и дело религии нужно сворачивать».

И только тогда у Быкова открылись глаза и он понял, какой вред приносит церкви «Новое положение» ВСЕХБ и что оно ведет церковь к разрушению. Подчинив себя уполномоченному, она лишилась своего Главы — Христа.

У него созрело решение открыть все это церкви. Он собрал всю общину и заявил, что председателем церковного совета больше не будет. И когда он объяснил причину, у многих открылись глаза. Церковь пришла к единодушному решению: «Положение» устранить и отказаться от вмешательства уполномоченного, начать служение по Слову Божьему, невзирая ни на какие последствия.

После этого в Рязани произошло объединение, и вся церковь единодушно служила Господу. Сразу же крестили тех, кому отказывал уполномоченный.

Уполномоченный донес об этом в райисполком. Через полгода в собрание пришли: секретарь райисполкома, начальник милиции и прокурор и заявили, что наше собрание по постановлению облисполкома закрыто, и приказали, чтобы мы не собирались. Мы им ответили: «Если вы здесь закроете молитвенный дом, то мы будем в 20 местах собираться, но собраний своих не оставим». Они не тревожили нас еще полгода.

В 1961 году дошло до нас Первое послание Инициативной группы. Некоторые служители приняли его с опаской и даже хотели сжечь. Когда я прочитал Послание, сердце мое возрадовалось и я благодарил Господа, что Он возбудил братьев, полагая души свои, выступить на борьбу с нечестием и отступлением.

Получив второе и третье послания, я прочитал их в церкви и призвал всех детей Божьих присоединиться к этому движению.

Для связи с братьями Инициативной группы церковь избрала меня, и вскоре Господь позволил мне встретиться с дорогими братьями: Геннадием Константиновичем Крючковым и Александром Афанасьевичем Шалашовым. Они предложили и мне принять участие в этом святом деле.

23 июня 1962 года мне впервые пришлось присутствовать на братском совещании Оргкомитета в Москве. С этого времени Господь по милости Своей благословил и меня совершать труд благовестника в числе служителей Оргкомитета. Я посещал многие общины со словом назидания и утешения.

Однажды мы с братом Быковым посетили детей Божьих в районе г. Шацка Рязанской области, и провели ряд благословенных собраний. После одного из собраний, когда все разошлись, к дому подъехала легковая машина. Вошел незнакомый человек в штатском.

— Откуда вы будете? — обратился он сразу ко мне.

— Из Рязани.

— Предъявите ваш паспорт.

— А вы имеете право паспорта проверять? — спросил хозяин.

Он достал из кармана удостоверение и показал нам.

Брат читает вслух: «Полковник КГБ...»

— Я нахожусь в своей области и паспорт с собой не взял,— сказал я.

— Вам придется проехать со мной до района,— приказал сотрудник КГБ.

Машину вел председатель колхоза, а мы с полковником беседовали. Приехали в Шацк. В помещении КГБ, на втором этаже, меня пригласили сесть в конце длинного стола, покрытого красным сукном. Вскоре правую и левую сторону стола заняли сотрудники КГБ, их было 6 человек, в том числе и прокурор города, он сел рядом со мной. Начался допрос:

— Как вы сюда попали?

— Я — христианин, и здесь есть христиане, с которыми мы имеем общение,— ответил я.

— Знаете ли вы, что по советским законам у нас запрещена миссионерская деятельность?

— Слышал я о таких законах, но я — христианин и подчиняюсь закону Христа, Который повелел проповедовать Евангелие и иметь общение с детьми Божьими.

Прокурор после этого спросил: «Были ли вы судимы за вашу деятельность?»

— Был,— ответил я.

— Какое вы несли за это наказание?

— 10 лет лагеря и 7 лет ссылки.

— И вы не научились?

— Я никогда не научусь, я — христианин и желаю исполнять повеления Христа.

Прокурор стал угрожать: «Мы за нарушение законов будем составлять дело».

Я ему говорю: «Вот и хорошо! Значит, моя вина для вас ясна, кто̀ я есть, для вас понятно. Начинайте составлять дело, я к этому готов!»

Они хотели припугнуть меня, но, видя, что я совершенно спокоен, пришли в замешательство. И здесь мне вспомнились слова Иисуса Христа: «И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками... не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Матф. 10, 18—19).

Когда я вспомнил это, то встал и начал им свидетельствовать. Господь по слову Своему послал мне силу свыше, и я с ревностью им говорил: «Своим неверием вы не устраните Бога. Бог есть! И хотя вы Его не признаете, но придет время, как в этой Книге написано (Библия была в моих руках), вам придется встретиться с Богом и многие скажут холмам: падите на нас и покройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца. Что вы тогда скажете? Защитит ли вас неверие? Нет, оно вас не защитит, вы будете несчастны. И пока есть время, опомнитесь, чтобы не подпасть вам под это ужасное осуждение».

Сотрудник, сидящий слева от меня, слыша это, вскочил, побежал к двери и закричал: «Он нас агитирует!» Вслед за ним ушел другой, и так все вышли, последним удалился прокурор.

С полчаса я сидел один, ожидая решения земного суда. Потом пришел полковник, который меня привез, и грозным голосом говорит: «Следуй за мной!» Мы спустились вниз к дежурному милиционеру, и я просидел возле него еще два часа. Затем меня вызвал другой сотрудник и предложил написать расписку, что я сегодня уеду и никогда сюда не приеду.

— Такой расписки я не напишу,— ответил я.

— Почему?

— А вдруг я приеду, и тогда, выходит, я обману и вас и себя.

А 15 января 1966 года меня судили. До суда у меня была подписка о невыезде, но я выезжал на дело Божье, потому что я давал подписку, что буду вовремя являться к следо-

вателю. Братья: Н. Ф. Попов и Е. Н. Кудряшов уже были арестованы, а брата Быкова и меня под стражу взяли во время суда.

По нашему делу было допрошено более 50 свидетелей. Меня обвиняли в том, что проводил собрания у себя дома и в Сысоевском лесу, что оказывал материальную помощь узникам, вдовам, сиротам.

В ходе суда прокурор спросил меня:

— Ваша община не зарегистрирована, почему вы проводите собрания?

— Мы просили зарегистрировать, нам отказали. В Евангелии сказано, чтобы мы не оставляли своих собраний, вот мы и проводили. Во время Нерона христиане в катакомбах собирались, а мы — в лесах. Стыдно вам, должно быть, судить нас. 17 лет я отбыл в заключении, меня по вашим законам судили, потом по этим же законам реабилитировали, а сейчас снова по ним же судите,— ответил я.

Прокурор далее пояснил мне: «Закон запрещает вам оказывать материальную поддержку друг другу. Это вам ясно?»

— Это недобрый закон,— сказал я. — Христос велит помогать, и я должен исполнять то, что говорит Евангелие. Это основные заповеди Христа, и если я их не буду выполнять, то какой же я христианин? Сказано: «Вера без дел мертва... А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое,— как пребывает в том любовь Божья?» Если мы говорим, что любим Бога, а брата своего не любим, то мы лжецы. Я хочу выполнять заповеди Божьи. Знайте, граждане судьи и все слушающие, что я эти заповеди буду исполнять. Если это нарушение советских законов, судите меня, за это я готов страдать. Но пусть все знают, что меня судят за то, что я исповедую Иисуса Христа, а Он сказал: «Гнали Меня, будут гнать и вас». И сегодня гражданин судья и прокурор, хотя и не хотят, но выполняют эти слова Христа и не могут изменить их.

Мне 71 год. Уверовал я в юности, и с этого времени я проповедую Евангелие. За это я 17 лет был лишен свободы. Это еще больше укрепило меня в вере. Я всю жизнь чувствую заботу Бога обо мне.

Этот суд — праздник для меня. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах». Поэтому у меня к вам, граждане судьи, нет никаких претензий, я благодарю вас»,— закончил я.

Суд приговорил меня к полутора годам, Быкова — к двум, а брата Попова — к трем годам лишения свободы.

В 1969 году я снова был в тюрьме. Арестовали меня в Воронеже, я приехал туда рукоположить брата. В субботу вечером я был в доме верующих. Вдруг приходит человек, которого я до сих пор не знаю, и говорит: «Вас завтра арестуют»,— и ушел.

Мысли мои побежали: может, ночью уехать... (Там был еще брат, который мог рукоположить, но ночевал он в другом месте.) А сам думаю: завтра соберутся и спросят: где Сергей Терентьевич? И скажут: уехал, сбежал. Тогда мой труд покроется позором. Господь дал мне сил остаться. Меня там действительно арестовали. Успел я только совершить молитву над братом, и тут пришла милиция: брата — в одну машину, меня — в другую, и отвезли в КПЗ.

Все время я переживал, что не докончил служение: рукоположить-то я рукоположил, а наставление не дал... Вдруг открывается дверь, и в мою камеру вводят брата, которого я рукополагал. Я так обрадовался и говорю: «Хотя здесь, брат, служение закончим. Ведь я тебе не все сказал, что надо было сказать». Брату этому дали только 15 суток. Он отсидел, выслушал наставление и ушел на свободу совершать служение. Я очень радовался, что Господь дал мне закончить дело, которому помешали на свободе.

Позже мне передали много приветов из Воронежа и говорили: «Знали все, что ты был предупрежден об аресте, но остался».

Немного расскажу о суде. Правда, это был уже не такой суд, как раньше, когда нас судили заочно. На суде я не защищался, а свидетельствовал и говорил: «Этот суд я принимаю как должное, как необходимое, и какой бы мне срок ни дали, приму с радостью».

Господь давал силы для победы на суде. В ночь перед последней речью мне во сне явился Ангел и сказал слова из книги пророка Иеремии: «Смотри, не малодушествуй, чтобы Я опять не поразил тебя».

Когда нас везли на суд (нас было пятеро: три брата и две сестры), я рассказал этот сон. Сестер это очень ободрило.

Мне было очень тяжело сидеть в тюрьме, потому что там прокуренный воздух, а я — больной. И там от всего этого я так ослаб, что меня на прогулку выводили под руки.

Когда нас привезли в лагерь, меня привели в кабинет: по одну сторону офицеров человек двадцать и по другую. Начальник спрашивает:

— Голев, за что тебя осудили?

Я сказал статью и срок.

— Ты скажи за что?

— Я проповедовал Христа распятого.

— А ты Бога видел что ли? — спросил самый злоязычный.

— Написано в Книге, которую я проповедую: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»,— отвечаю им твердо,— знаю, что Господь со мной. Вам это, может, не совсем понятно, так я докажу фактами: вот все вы — сотрудники лагеря. Вы знаете, что значит быть в лагере с 1936 по 1946-е годы. Там пять процентов живых осталось. А вот меня Господь сохранил, и стою перед вами как свидетель этого. А я — человек-то больной, и я раньше не обладал хорошим здоровьем...

Потом начальник говорит: «Какие у тебя к нам просьбы?» Смотрят я — больной, старый, может, попрошусь: отпустите меня, пожалуйста.

Я говорю: «У меня к вам две просьбы: положите меня на нижней койке и поместите на первый этаж».

«Первую твою просьбу выполним, а вторую — нет, будешь на втором этаже, там займутся твоим воспитанием».

Прихожу в отряд, а там только наверху койка свободная, я занял ее. Тут входит дневальный и говорит, чтобы я шел к начальнику; я пришел, а он мне объясняет: «Просил я уступить тебе койку внизу, а тот человек не соглашается; за непослушание я могу посадить его в карцер, ты согласен?»

Вот, думаю, работа начинается. Хотят, чтобы все знали, что не он его посадил, а я. Мне стало все понятно. «Нет,— говорю,— не сажай его, я обойдусь». Этого он не ожидал.

Потом меня в спецбольницу для заключенных отправили, где я пробыл 5 месяцев.

В больнице я много беседовал. Здоровье, конечно, слабело, я даже чуть не умер, но Господу угодно было, чтобы я остался жив. Больше пяти месяцев не имеют права держать здесь, и меня отправили в лагерную больницу. А мне безразлично, где быть, а сердце наполняла радость.

Пригнали в лагерь, я беседовал с главврачом: «Видите, я совершенно слабый, но радуюсь, потому что Господь со мной. Хорошо бы и вам познать Господа». Все остальное время врач относился ко мне хорошо, очень хорошо, я даже тапочки носил, мне разрешили. Господь был со мной...

22 года с половиной я был в тюрьмах и лагерях. Это время было самое благословенное, несмотря на то, что я был очень слабый физически. Любящий Господь всегда и везде был со мной.

Последнее свидание на земле

В конце января Дух Божий побудил меня посетить Рязанскую церковь. Побыв в общении с друзьями, я пожелал увидеть дорогого старца Сергея Терентьевича Голева. Местный пресвитер охотно согласился посетить его со мной и еще с одним молодым братом.

И вот, пробираясь по переметенной снегом узкой улице Рязани, мы вскоре подошли к дому, где жил Сергей Терентьевич. Как всегда, двери его дома были гостеприимно открыты для всех.

— Мир дому вашему и сердцу вашему! — войдя, приветствовали мы дорогое семейство славного служителя Божьего.

— С миром принимаем, братья дорогие! — ответила нам Дарья Васильевна — помощница Сергея Терентьевича. После такого простого и желанного приветствия всякому гостю в ее доме приятно будет находиться.

— Брат мой! — едва приподнимаясь на постели, с большой радостью отозвался Сергей Терентьевич. — Как я рад-то!.. Как вовремя ты пришел!.. Сам Бог послал тебя!.. Я же умираю... И как я молил Бога моего, чтобы Он послал кого-нибудь из моих дорогих братьев-соработников, ведь попрощаться же надо!.. Я уже жду отшествия...

— Брат дорогой, Сергей Терентьевич,— обнял я его. — Умирай, родной мой! Умирай! Сколько страданий и скорбей оставишь ты здесь и сколько восторга ожидает тебя впереди!

— Вот... — со свойственной ему расстановкой продолжал Сергей Терентьевич,— время моего отшествия настало, и я жду, чтобы кто проводил меня к Господу моему из моих братьев-соработников. Ведь я годы вместе прожил, плечо о плечо шел с ними. И вот Господь послал мне такого любимого дорогого человека!..

— Брат мой,— вытирая слезы и немного отдохнув, продолжал он,— мой кафтан весь износился, я заканчиваю свой путь... Вот ты и скажи мне слова напутствия от всего братства и от служителей, с которыми я много потрудился... А потом и я тебе скажу, что Бог пошлет на сердце.

Я задумался... Что можно сказать человеку, который прожил уже 80 лет, прошел столько тюрем, ссылок, столько перенес лишений, столько имел благословений в служении, исцелял больных, изгонял бесов?..

Я мысленно воззвал к Господу и сказал брату, что Бог положил мне на сердце:

— Брат мой, Сергей Терентьевич, я скажу тебе то, что у меня на сердце, скажу от всего братства, от соработников, братьев твоих, друзей. И пусть это свидетельство идет с тобой пред лицо Господа: «Добрым подвигом ты подвизался...»

Мы провожаем тебя в Отчизну Небесную, и в наших сердцах останется память о твоем благословенном подвизании. Зная твою жизнь и видя преданное служение Господу, мы рады тому, что ты подвизался добрым подвигом. Иди уверенно на встречу с Господом. Он был с тобой, и потому в твоем хождении и служении не было отступления и не было остановки. Вся твоя жизнь была простиранием вперед.

Течение ты совершил и веру в Господа сохранил. Свидетели этому все мы и многие, получившие исцеление по твоим молитвам веры, потому что эти подвиги ты мог совершать только имея живую веру в Господа.

Оставляя нас, ты, брат, возможно, озабочен, как будет продолжаться дело Царства Небесного после тебя в нашем многострадальном братстве?

— Да, брат, ты угадываешь,— ответил Сергей Терентьевич. — Думаю я над этим, и крепко.

— Ну так вот скажи мне: ты уверен, что дело, совершаемое тобой и братьями Совета церквей, есть дело Божье и что путь, по которому ты шел и идут твои братья-соработники — это путь прямой, ведущий в жизнь вечную?

— Да, брат мой, я в этом не сомневаюсь.

— Тогда скажу я тебе: будь совершенно спокоен и иди с радостью навстречу Господу твоему и нашему. Он заботится о деле Своем. Есть у Него кого поставить в ряды вместо тебя... Умирай спокойно!..

— Брат, какие дорогие слова ты мне сказал в конце моего поприща!.. Дай Бог, чтобы так же засвидетельствовали и в конце поприща всех братьев-соработников и лично твоего,— с волнением в душе ответил старец. — А еще тебе лично пожелаю, брат Николай Петрович: «Будь верен до смерти и не пренебрегай никогда обличениями Божьими»,— тихо закончил он.

Я предложил склониться на молитву. «А вы не вставайте, вам не под силу»,— сказал я старцу.

— Нет, дорогой,— возразил он. — Помоги мне, я хочу преклонить колени перед моим Господом и в последний раз на этой земле помолиться с вами вместе.

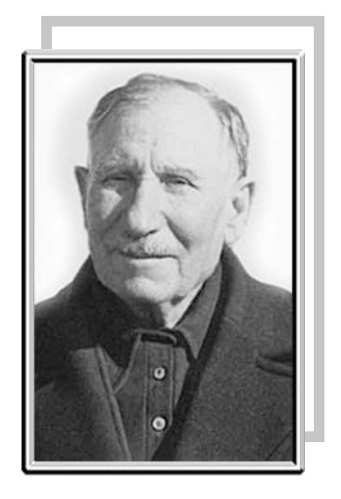
В короткой сердечной молитве он благодарил Господа за то, что Он берег его все годы и просил благословения на служение Совета церквей, на остающееся братство, чтобы знамя истины несли, не опускали.

Это было 30 января 1976 года, а 3 февраля утром Сергей Терентьевич тихо отошел в вечность.

Н. П. ХРАПОВ

ЦУРКАН
Сильвестр Харлампиевич

1898—1980

Брат Сильвестр Харлампиевич ЦУРКАН больше известен молдавским церквам, но дети Божьи всего нашего братства обогатятся духовно, если будут подражать вере и верности этого скромного и неутомимого труженика Божьего.

Никто из святых не должен забывать служителей Господних, через которых Бог совершал великое дело пробуждения Своего народа в нашей стране. Слово Божье призывает помнить благословенных наставников не для того, чтобы просто почтить их память, произнести еще несколько возвышенных слов в их адрес,– они уже вошли в несравнимую, неувядаемую славу! Помнить нужно для пользы самих воспоминающих, потому что биографии Божьих мужей – это прекрасный учебник практического упования, большой веры, глубокого смирения и великой жертвенности. Мы будем должниками перед новым поколением молодежи, если предадим забвению такого чудного служителя Христова и доброго наставника пробужденного братства – Сильвестра Харлампиевича Цуркана.

В 20-е годы он один из первых в Молдавии проповедовал Евангелие покаяния и возрождения. Люди многих городов и сел слышали его пламенную проповедь. Много погибающих душ он привел к Спасителю.

Он один из первых в Молдавии удостоился перенести много страданий за имя Господа.

Один из немногих в Молдавии брат С. Х. Цуркан, будучи старцем, всей душой поддержал начатое Господом в 1961 году движение за пробуждение церкви. В числе семи братьев он без колебания поставил подпись под обращением к церквам евангельско-баптистского братства, в котором выражался призыв к народу Божьему выйти из-под влияния мира и в деле служения Господу повиноваться только Христу.

Перед духовным рассветом, перед пробуждением Господь всегда находил святых старцев, которые как истинные

представители старшего поколения верных Божьих свидетелей благословляли зарождавшееся пробуждение, радовались действиям Божьим. Таким образом замыкалось святое звено подвижников и происходила подлинная духовная преемственность.

Так было в Израиле на рубеже Ветхого и Нового Заветов: радовалась радостью неизреченной и преславной пророчица Анна, увидев новорожденного Христа; торжествовал в духе Симеон, провидев в Младенце восходящее Солнце правды! Старец вдохновенно возгласил: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое...» (Лук. 2, 29—30).

С таким же умиротворенным духом и сердечной молитвой отходили к Господу верные старцы нашего времени, не только заставшие начало пробуждения братства ЕХБ, но и много потрудившиеся в нем в первые годы становления. Среди них были — Александр Афанасьевич Шалашов, Сергей Терентьевич Голев, а в Молдавии — Сильвестр Харлампиевич Цуркан.

Слова пророка Самуила: «Говори, Господи; ибо слышит раб Твой» (1 Цар. 3, 9) были девизом всей жизни брата Сильвестра. Господа он слышал! Господу повиновался! В Его святом деле подвизался! За Него страдал!

Начало радостного совместного христианского пути. (Брат Сильвестр с женой в молодые годы.)

Родился Сильвестр Харлампиевич в 1898 году. Все события его жизни связаны с селом Слободзея. Евангельскую истину о возрождении принес в село брат из Румынии. (Он имел недуг — был слепым.) Над этим первым вестником сначала смеялись, а потом жаждущие спасения все чаще стали приходить в его дом для бесед. Родственники, соседи слушали живое свидетельство о Христе. В сердце простых людей, сельских тружеников, забрезжил

духовный рассвет. Слушатели постепенно стали постигать истинный смысл Евангелия. Однако вскоре возникли препятствия. К сожалению, первыми противниками пробуждения стали ревнители православия. В те годы всякое религиозное инакомыслие жестоко преследовалось. Воистину горе тем, которые «взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали» войти во спасение (Лук. 11, 52).

Среди первых обратившихся к Богу в селе Слободзея был брат Сильвестр. Его покаяние было искренним, решение следовать за Господом — бесповоротным. Слепой проповедник обрел в лице брата Сильвестра ревностного сподвижника. Поскольку слепой брат имел право бесплатного проезда не только для себя, но и для сопровождающего его, то передвижение двух горячо любящих Господа людей из города в город, из села в село в голодное послереволюционное время было очевидной милостью Божьей и много содействовало распространению Евангелия в Молдавии.

Строгие хранители традиционного богопочитания воспротивились новому веянию веры и устроили в селе диспут. Собрали все село, посадили посредине уважаемого, знающего Библию человека, чтобы проверял: правильно ли будет читаться Евангелие. За порядком наблюдал жандарм.

— Этот баптист живет на чужие деньги! Он — тунеядец! — обвинял священник брата Сильвестра.

Брат поднял мозолистые руки:

— Люди добрые, посмотрите, за счет чего я живу! Меня кормит моя сапа (Мотыга. — *Прим. ред.*)!

— Мы тебя на куски разорвем! — в гневе кричала одна половина сельчан.

— Попробуй тронь святого человека! — заступались за брата Сильвестра другие.

— Диспут окончен! По домам! — приказал жандарм.

В возрасте 26 лет брат Сильвестр был рукоположен на пресвитера Слободзейской церкви. Видя верность и искренность брата, через четыре года его избрали ответственным служителем Белгород-Днестровского округа в Бессарабском евангельском союзе.

Как служитель церкви брат Сильвестр был бескомпромиссным. Приносящим чуждое учение он никогда не уступал: «Мир большой, идите и там "ловите рыбу", а в церкви делать это не надо». Когда лжеучители вторгались в дома верующих, брат Сильвестр и тогда был непреклонным, увещевал, чтобы еретиков не принимали в дом

и не приветствовали. (По молдавски: «Не говорите им: "добро пожаловать!"»)

«Церковь нередко посещали гости и отец объявлял, чтобы, кто может, приглашали их к себе. Однако чаще всего отец приводил гостей в свой дом, и мы встречали их и провожали»,— рассказывает дочь брата Сильвестра.

В 30-е годы Бессарабия принадлежала Румынии. Брату Сильвестру, как и многим искренним служителям Божьим, пришлось много претерпеть от властей того времени. Пожилые люди до сих пор помнят, как беззаконно обращались тогда с верующими: сначала изобьют, а потом спросят фамилию. Тяжкие это были дни.

Брата Сильвестра жандармы нередко вызывали на пост, откуда он чаще всего возвращался в побоях. Однажды угрожали расстрелом. Он, положив Библию на грудь, сказал: «Я готов». На этот раз его отпустили.

В другой раз, после побоев, жандармы привязали к поясу брата духовные книги и повели на пост. Он был сильно изможден и еле шел. В пути они догнали другого жандарма, который тоже вел арестанта. Жандармы отошли в сторону и стали переговариваться. Тем временем преступник спросил брата Сильвестра: «Тебя за что арестовали?» Брат от усталости не мог говорить и только указал на привязанные к поясу книги. «Ты самый счастливый человек на свете!» — воскликнул арестант. Эти слова ободрили брата Сильвестра, он благодарил Бога за чудное утешение в трудную минуту жизни.

Перенес он в жизни и такое: однажды жандармы избили его почти до смерти. Бичами вырывали из спины куски кожи, так что спина становилась сплошной раной. Обычно после таких побоев, зная, что человек долго не проживет, ему выдавали справку: «Штрафовать, наказывать, арестовывать — не надо!» Брату Сильвестру такую справку выдали.

После тяжкого избиения дети Божьи решили прятать дорогого служителя от жестоких рук. Но это было делом нелегким: его искали во всех селах. Как-то в дом, где скрывался брат Сильвестр, пришли сыщики: «У вас чужие есть?» Хозяева боялись Бога и не хотели обманывать, но еще больше страшились выдать брата. «Ищите»,— ответили они обреченно. Сыщики обошли весь дом и решили заглянуть в комнату, где хранился корм для скота. Открылась дверь, а крысы бросились врассыпную. «Ужас, сколько у вас крыс!» — удивились сыщики и моментально закрыли дверь, за которой стоял брат Сильвестр. Так Бог укрывал Своего раба!

В скитаниях брат много исследовал Священное Писание и при встречах духовно обогащал народ Божий. Он мог ответить на сложные вопросы и помочь попавшим в сатанинские искушения. Тематические исследования Библии он записывал и давал читать другим. Служитель Божий был всегда бодрым в одиночестве, много молился. «У меня — Книга-книг! Я беседую с Авраамом, Моисеем, с пророками и праведниками прежних веков,— о каком унынии может идти речь?!»

Жена и пятеро детей брата Сильвестра испытали много бед из-за того, что их отец был служителем церкви.

«Отца уводили и мучили, и мы не имели покоя,— свидетельствует дочь брата Сильвестра. — *Ночью и днем врывались в дом и, если не находили отца, уводили со двора корову, свинью, уносили ульи с пчелами...»*

В войну двух сыновей брата Сильвестра взяли на фронт. Власти узнали, что сын Ион — верующий и увезли его в неизвестном направлении. До сих пор никто не знает, что с ним произошло. Одна дочь ушла в Румынию и не вернулась. Меньший сын упал с высокого дерева на забор и умер. Во время похорон брат Сильвестр не мог прийти домой, так как за домом следили. Когда гроб с телом сына проносили мимо того места, где скрывался брат, процессия на несколько минут остановилась, чтобы отец хотя бы взглядом попрощался с сыном. Только несколько братьев и скорбящий отец знали причину этой краткой остановки.

Однажды в доме верующего, где скрывался Сильвестр Харлампиевич, произошел пожар. Сбежались соседи. Один из них поднялся на чердак и увидел там брата Сильвестра. Он сразу все понял и дал указание остальным: «Здесь нет ничего страшного! Я справлюсь на чердаке один! Подавайте воду!» Пожар затушили, и никто так и не узнал, что там находился брат Сильвестр.

После этого случая брату нужно было перейти в другое место. Ночь, в которую был намечен переход, выдалась ясная, лунная. Друзья опасались, что соседи могут заподозрить и выдать брата. «Как идти в такую лунную ночь?!» — останавливали его друзья.

Брат Сильвестр вспомнил обетование Господне: «Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью» (Пс. 120, 6). «Бог повелевал солнцу и оно не выдало меня днем, Он силен сохранить меня ночью и луна не повредит мне!» — ободрил он друзей. Они помолились, и тут произошло чудо: то ли облако закрыло луну, то ли какая-то невидимая тень на время

затемнила ночное светило, но стало темно. Под сенью Божьей руки брат в сопровождении верных друзей безопасно перешел в другой дом.

После того, как был организован религиозный центр ВСЕХБ, Сильвестр Харлампиевич пришел в церковь и, видя отступление, обличал служителей. Конечно, многие, особенно ответственные пресвитеры, которые сотрудничали с властями, восстали на брата Сильвестра. Он рассказывал, как однажды в церковной канцелярии ему вырывали волосы. За что? — За то, что он не давал увести общину на путь измены Богу. Можно представить, какое это было противостояние!

За неподчинение отступившим от Бога служителям Сильвестр Харлампиевич впал в немилость старшего пресвитера по Молдавии Иванова. После этого случая Иванов сразу поехал в Кишинев и уже через несколько дней в село прислали двух человек, которым было поручено любыми средствами убрать брата Сильвестра.

Прибывшие пришли к председателю сельсовета, объяснили цель приезда.

— Покажите его дом, остальное мы сделаем сами!

— Давайте сначала поужинаем, а потом приметесь за дело,— предложил председатель и послал жену предупредить брата Сильвестра. Жена побежала к дому, а на двери — замок, брат уехал в лес за дровами.

Поужинав, двое гостей отправились вместе с председателем к дому брата. Расспросили соседей, где он, и пошли в лес. По дороге встретили брата Сильвестра. Поравнялись. Те двое спрашивают председателя: «Это он?» — «Нет»,— отказался председатель. Не мог он сказать правду, хотя и рисковал жизнью. И они направились дальше в лес. Жена председателя успела предупредить брата Сильвестра, и он вынужден был уйти из дому. Снова скитания, слежки, опасности...

В 35 лет у брата Сильвестра Харлампиевича умерла жена. Дети остались с престарелой бабушкой. Похоронив жену, он снова продолжал совершать служение. «Вы имеете право найти другую сестру»,— советовали ему друзья. «Я хочу предстать перед Богом с одной женой...» — отвечал брат. Такое сердце у него было, так искренне он говорил, хотя знал, что на небе все будет упразднено, там не будет ни мужчины, ни женщины.

После 1953 года Сильвестр Харлампиевич вернулся домой, пришел в родную церковь. И официальное руководство ЕХБ в Кишиневе, и уполномоченный знали, что брат пользуется

большим авторитетом среди верующих. Поэтому снова стали предлагать ему нести служение ответственного за церкви Молдавии. Убеждали смягчить позицию, не быть таким твердым и принципиальным. Брат оставался непреклонным.

Уговаривали его и работники центра в Москве,— напрасно. Повезли в машине на беседу к уполномоченному, говорят: «Сильвестр Харлампиевич, поймите: обстановка такая, законы такие. Вы должны сообразоваться с условиями, в каких оказалась церковь... Вы живете в Советском Союзе и должны понять...»

— Я знаю, что живу в Советском Союзе. Ничего страшного в этом нет. Самое главное — чтобы Советский Союз не жил во мне!

Сильвестр Харлампиевич не прельстился ничем, и Бог был с ним. В смутное время всеобщего отступления от истины он был водим Господом и правильно понял, каким путем нужно идти церкви в атеистической стране, чтобы не разлучиться с Богом.

«Братья, мне Сам Господь открыл, что ВСЕХБ идет неверным путем,— рассказывал служителям Сильвестр Харлампиевич. — Я понял, что мне нужно идти за Господом, не сворачивая ни направо, ни налево, и не всякому духу верить, но испытывать, от Бога ли они».

Сильвестр Харлампиевич был чужд духа сотрудничества с внешними и страх перед ними не проникал в его сердце.

В годы скитаний дорогой брат не раз молился: «Господи, где Твои люди, через которых Ты мог бы действовать, чтобы вывести церковь из отступления?» Когда же Господь начал работу по пробуждению народа Своего, Сильвестр Харлампиевич возрадовался. Нимало не сомневаясь, он встал в проломе за дело Божье и от молдавского братства был избран в состав служителей Оргкомитета.

На одном из братских совещаний он сказал: «Братья, ныне я вижу тех людей, о которых столько молился! Слава Богу, что вы вышли на Его святое дело! Теперь я могу спокойно уходить к Господу!»

О своих встречах со служителями Совета церквей Сильвестр Харлампиевич рассказывал, посещая молдавские общины. Не только служителей, но и молодое поколение в церквах он наставлял, чтобы вместе с гонимым братством шли путем страданий, потому что только этот путь — истинный.

«Братья,— убеждал и от всей души умолял Сильвестр Харлампиевич,— мне Господь открыл и я знаю, видел,

Сильвестр Харлампиевич Цуркан с группой верующих.
(Стоит пятый справа.)

сердцем утвердился, что другого пути нет и быть не может. Я скоро уйду в вечность и хочу, чтобы вы знали, что путь очищения и освящения, которым Господь ведет братство, путь независимости от мира — истинный».

Наряду с этими серьезными вопросами Сильвестр Харлампиевич, как истинный пастырь, не упускал случая предупредить молодых христиан вести богобоязненную, честную жизнь дома, на работе, с соседями. Большое внимание уделял работе с приближенными.

В последние годы жизни брат Сильвестр потерял слух, на богослужениях сидел со слуховым аппаратом. Случалось, что аппарат пищал, и приходившие на богослужение власти разносили по селу нелепую клевету: «У баптистов — рация!» Как-то, возвращаясь поздно вечером с богослужения, он не заметил повреждения моста, оступился и упал в неглубокую речку. Братья помогли ему выбраться на берег. От ушиба у него восстановился слух. «Слава Богу! Я опять слышу!» — радовался Сильвестр Харлампиевич.

Дорогого служителя любили не только верующие, но даже неверующие, более того: гонители уважали его за принципиальность и мужество. Кто-то справедливо сказал о дорогом брате, что он был человеком всех времен и поколений. Для Церкви Христовой он был образцом среди верных и не только в безупречном поведении в мелочах жизни (он никогда не опаздывал на собрание и никому никогда не подал повод к злословию), но был бесстрашным защитником чистоты евангельского учения. Он никогда не шел на компромисс, когда дело касалось исполнения повелений Евангелия.

В церковных вопросах, в отношениях с внешними брат Цуркан был несгибаем, строго придерживался апостольского примера верности и послушания лишь Богу.

Однажды на богослужение пришли районные власти. Председатель сельсовета уверенно прошел к кафедре и уже вознамерился говорить к народу. Сильвестр Харлампиевич тут же остановил его: «Именем государственного закона, которому ты должен подчинятся, повелеваю тебе уйти с кафедры!» И председатель ушел.

До глубокой старости брат Сильвестр оставался верным домостроителем, несмотря на то, что был обложен физической немощью. От сильных головных болей он ночами не спал.

— Отчего же вы не можете уснуть? — сострадали друзья.

— В тюрьме два надзирателя брали меня за руки и били головой об стенку,— с тех пор я лишился нормального сна.

— Есть ли у вас дом?

— Есть хижина: три на два с половиной метра.

— Что в ней?

— Кровать, стол. На столе — Библия.

— А еще что?

— Радиоприемник подарили, но его конфисковали в счет штрафов.

— Пенсию по старости вы получаете?

— Последние годы она вся уходила на штрафы, я ее ни разу не получал.

— Виделись ли вы со старшей дочерью?

— Хотел поехать в Румынию поискать ее, но у меня отобрали паспорт.

Пока у брата были силы, он посещал общины, его трудно было застать дома. Друзья, искренне любя его, зимой каждый вечер чистили снег у его хижины, зажигали свет, рубили дрова, приносили воду, топили печь, чтобы, вернувшись домой ночью, Сильвестр Харлампиевич был согрет заботой

тех, кому в свое время он отдал столько отцовской любви!

Переход в вечность для Сильвестра Харлампиевича был радостным. Незадолго перед смертью его посетила верующая сестра.

— Сейчас осень и много работы, но я пришла увидеть вас.

— Хорошо, что ты пришла! — благодарно приветствовал сестру брат Сильвестр. — Если Богу будет угодно, то к воскресенью я уйду!

— Куда? — забеспокоилась сестра.

— Туда, на небо! — полный неземного восторга от предстоящей встречи с Господом произнес брат, подняв глаза ввысь.

Так оно и произошло: пройдя насыщенный страданиями путь, в возрасте 82 лет брат Сильвестр Харлампиевич водворился у Господа, сменив свою убогую, крытую камышом хижину на сияющий чертог в доме Отца.

Жизнь подвижников Божьих не должна стать ушедшей историей. Молодому поколению нужно знать, что̀ такое подлинный христианский путь. На примере жизни Сильвестра Харлампиевича

это — путь одиночества: он был оставлен всеми;

это — путь непонимания со стороны братьев по вере: они предали его на смерть и только Бог уберег его от рук убийц;

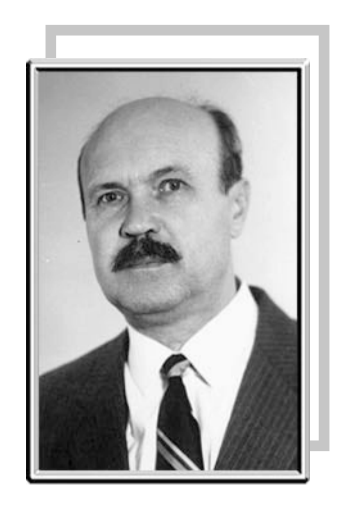
это — путь лишений: брат долгие годы не имел домашнего уюта, потерял жену и детей и не мог проводить их даже в последний путь на земле;

это путь постоянной борьбы с лжебратьями и отступниками от истины Христовой: он ни на час им не уступал!

Апостол Павел писал, что ему пришлось много претерпеть от лжебратьев, не раз быть избитым, изнемогать от голода и холода. Но сколько раз ему лично являлся Господь! Кто испытал подобное общение с Господом, тот пойдет путем страданий, невзирая ни на что! Хочется умолять именем Господа и вас, дорогие молодые друзья: не чуждайтесь узкого пути, как не сторонились его праведники прежних веков и поколений!

БАТУРИН
Николай Георгиевич

1927—1988

(Автобиографический очерк)

«Подвигом добрым я подвизался...»
2 Тим. 4, 7

«Как мало мы знаем Голгофу»

Запись в дневнике:
Кемеровская тюрьма 27.11.83 г.

«В рай мы идем чрез Голгофу...» Сегодня эта мысль прозвучала во мне со всей ясностью и убедительностью. Только теперь я вполне уразумел это и «с душою сокрушенной стою пред Тобой...»

И все же как мало еще отражены в нас события того единственного дня на земле, «когда Бог умирал за людей, за весь мир, потонувший во зле». Как мало мы еще знаем Голгофу.

Как мало я знаю о поношениях, которые сокрушили сердце Господа, и Он изнемог.

Моисей хорошо знал цену египетским сокровищам, но, взвесив все, «поношение Христово почел бо̀льшим для себя богатством... и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное, греховное наслаждение» (Евр. 11: 26, 25).

Голгофа — не только свершившийся исторический факт, она продолжается и доныне. Поношение Христа все еще не перестает звучать в адрес наименьших братьев Его, изгнанных за правду. Но Господь ободряет Своих последователей: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня...» Для плотского человека это блаженство непостижимо, он не способен понять преимущество небесного сокровища.

Да и мне с трудом дается этот урок, особенно там, «где собственная воля в раздетой нищете и унижении должна ложиться на жертвенник, где люди несправедливо судят, где любимые мечты приходится хоронить в тиши и одиночестве...» Хотелось бы опровергать, отрицать все поношения и хуления, извергаемые людьми. А ведь Он «не открывал уст Своих... и, как агнец пред стригущим его, был безгласен...»

Господи, помоги мне, ведь Тебе было неизмеримо тяжелее. Тебя первосвященники и книжники предали, а затем оклеветали и обвинили. В величайших муках на кресте Ты был оставлен даже Отцом Своим. А меня, при моих малых скорбях и страданиях, Ты не оставлял одного по Своему верному любвеобильному обетованию,— какое же это великое счастье и радость! Слава Тебе вовек!

Мои родители

Мой отец, Егор Степанович Батурин (1890 года рождения), находясь на службе в армии, несколько раз побывал в Новосибирской церкви, и с первого же посещения в его сердце запали слова Евангелия: «Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха». Через познание распятого Христа он получил прощение грехов и возрождение к новой жизни. Ему было тогда 20 лет.

За новые убеждения его вскоре сослали на полгода в Забайкалье на лесоповал. Возвратившись в родную деревню Челноково, недалеко от Красноярска, он стал проповедовать Слово Божье. Люди охотно слушали и приобщались к истине. Образовалась небольшая община, их стали посещать служители из Новосибирска и Красноярска.

Девичья фамилия моей мамы — Мусливец, звали Полиной. Родилась 28 октября 1904 года в бедной православной семье, жившей на станции Иланская Канского округа Енисейской губернии.

В начале 20-х годов в Сибири, как и по всей России, проповедь Евангелия была свободной. На станции Иланская верующие также стали проводить богослужения, на которые приглашали желающих послушать Слово Божье и пение духовных гимнов.

В то время из-за голода в Иланск из Ленинграда переехала семья верующих. Юная Поля познакомилась с ними, стала посещать собрания и покаялась. В 17 лет через водное крещение приобщилась к Церкви Христовой и участвовала

в миссионерских поездках хоровой группы с братьями-благовестниками. В одной из поездок познакомилась с молодым проповедником, Егором Степановичем Батуриным, за которого в 1924 году вышла замуж.

Жили они близ Красноярска в деревне Челноково. Молодая чета была совершенно не обеспечена материально. Невеста Поля была бесприданная, а Гоша, хотя и был когда-то у отца, Степана Федоровича, любимым сыном, вернувшись из армии верующим, навлек на себя непримиримую ненависть родителя. Мачеха Егора Степановича, Елизавета, и раньше не питала к нему добрых чувств.

Два года молодожены работали у родителей, занимались хлебопашеством, но за труд не получили ничего, кроме неприязни отца и попреков мачехи.

В марте 1926 г., у них родился сын, назвали Михаилом. Подвыпивший Степан Федорович говорил: «Меньку оставьте мне, а сами можете проваливать к своим бактистам! Ненавижу я вас!»

Появились, возможно, и другие неблагоприятные обстоятельства, которые вынудили моего отца покинуть родную деревню. По совету верующих братьев он переехал с семьей на родину жены (станцию Иланскую). В декабре 1927 года родился второй сын, Николай, но они все еще не имели своего крова над головой и снимали квартиру на окраине села у сторожа кирпичного завода.

В 1928 году на усадьбе тестя, Василия Кирилловича, (с помощью родственников мамы и верующих) отец срубил однокомнатный домик. Сам приготовил лес, вывез его на лошади, вручную распилил на доски.

Одновременно выращивал хлеб, чтобы иметь средства для пропитания семьи. Трудовая жизнь крестьянства в те времена была очень тяжелой. Только благодаря познанию любви Божьей, служению Ему и общению со святыми эта жизнь обретала радостный смысл.

Начало гонений

Время свободы проповеди Евангелия было недолгим. В апреле 1929 года вышло известное Постановление правительства о религиозных культах, а в мае того же года начались аресты благовестников, пресвитеров и руководящих общинами.

В Иланской общине арестовали сначала пресвитера Воробьева, затем второго брата, избранного на его место. Третьим руководящим был мой отец.

В журнале «Христианин» за 1928 год помещена фотография благовестников и сотрудников братского совета Канского округа, на которой в первом ряду сидят: благовестник Михаил Иванович Щукин, брат Воробьев и другие. В третьем ряду среди стоящих братьев — мой отец. Как участник миссионерской работы он, по-видимому, состоял на особом учете в органах власти.

Однажды, возвращаясь со съезда из Новосибирска, отец, по своему обыкновению, беседовал с пассажирами о Христе. Какая-то учительница вступила в спор. Проводник прислушался к их разговору и вызвал милиционера. Отца сняли с поезда и отправили в Канскую тюрьму, где продержали три месяца.

В то время существовал закон, по которому служителей культа, имеющих соответствующее духовное образование и сан, лишали права голоса. Местные власти, узнав, что мой отец избран руководящим Иланской общины, причислили его к разряду служителей культа и лишили права голоса, хотя он был простым крестьянином-хлеборобом с 2-классным образованием.

С началом коллективизации лишенцев подвергали репрессиям в виде повышенного продналога. В 1930 г. отец собрал 92 пуда зерна. Этим хлебом надо было прокормить семью из пяти человек и оставить семена для будущего года. Сельский Совет наложил налог в 160 пудов! Естественно, погасить его отец не смог и вскоре был арестован, снова оказавшись в Канской тюрьме.

За невыплату сельхозналога папа отсидел в тюрьме. Сверх этого сельсовет предъявил ему еще две задолженности: сдать единственную корову на план мясозаготовок и, поскольку у нас был конь,— месяц отработать на нем на лесозаготовках.

«Я не могу это сделать — у меня трое маленьких детей и коня украли, пока сидел в тюрьме...»

Но учитывать этого никто не захотел. «Если не сдашь корову, садись снова в тюрьму!» И он повел корову со двора. Была ранняя весна, холодно. На отце была длинная овчинная шуба. Дети, мама, бабушка со слезами смотрели в окно. За корову дали 50-рублевую облигацию, а отца вскоре сослали.

Маленькие скитальцы

Вслед за папой в ссылку поехала мама, взяв с собой старшего сына (ему необходимо было в Красноярске сделать операцию). Меня и 2-летнюю Веру оставила у своего неверующего брата Ивана Васильевича. У него была своя немалая семья

и недостроенный дом. Все дети, как я помню, спали в сарае. За мной и Верой не было никакого присмотра.

Поздней осенью приехала из Канска известная добродетелью верующая сестра Степанида, хорошо знавшая маму. Принялась нас мыть и расчесывать, а сама плакала. Затем увезла Веру к себе, а меня отправили в деревню Ашкаул, неподалеку от Канска.

В 1933 г. мой двоюродный дедушка, Яков Федорович Батурин, привез меня в семью руководящего Красноярской общиной — Ивана Алексеевича Белкина. Его жена, Мария Васильевна, некоторое время заменяла мне мать. Мне шел тогда шестой год, но уже два с половиной года я оставался на положении сироты.

У Белкиных я прожил до весны 1934 года. Началась навигация по Енисею, и меня, наконец, привезли в Маклаково, где временно остановилась мама. После трехлетней разлуки я ее не узнал и долго не мог называть мамой.

Замерзшие слезы

Операцию Мише в Красноярске делать не стали, и мама пароходом отправилась в Енисейск, а оттуда дальше в Соврудник, в тайгу к отцу. Первое время начальство разрешало ссыльным жить с родными. В общей палатке папа отгородил угол для семьи. Мама шила на руках ссыльным белье, обстирывала их, варила,— работы было много.

Среди зимы, в начале 1934 года, пришел строгий приказ, запрещающий ссыльным жить с семьями. Теперь уже из ссылки в сорокаградусный мороз с грудным ребенком и малолетним сыном высылали маму. Папа нашел санный обоз, договорился с хозяином подводы доставить семью в Енисейск. Настелил мягкого сена в сани, утеплил, чем мог, постель для детей и, вручив их Господу, распрощался.

Тайга, узкая колея санного пути, трескучий мороз... Грудного ребенка надо было пеленать, кормить, а зимовья, где можно остановиться, находились за десятки верст. Кроме того, мама постоянно тревожилась: с обозом возвращались освободившиеся воры, бандиты, готовые украсть единственный пуд муки и другие продукты и вещи немудреного багажа жены ссыльного христианина. Один Бог знал все муки этого скорбного пути и видел тайные мамины слезы, замерзавшие тут же на полах полушубка.

Достигнув Енисейска, мама встретилась с ссыльными братьями. Был голод, и они посоветовали ей дождаться

освобождения папы здесь. Она остановилась в деревне Маклаково в 18 км от Енисейска, ныне город Лесосибирск. Поступила на работу в детский сад-ясли лесопильного завода сразу на три должности: сторожихи-истопницы, уборщицы и прачки. Дали комнату, мама была очень рада: дети при ней и в тепле! Почти круглосуточным трудом она могла заработать на пропитание и учить старшего сына в школе.

Этот год принес ей две утраты: девочка, рожденная в ссылке, не выдержала тяжкой зимней дороги, заболела и в середине лета умерла.

Затем из Канска пришло извещение о смерти сестры Степаниды, давней подруги, взявшей на воспитание нашу Веру. И снова — горькие слезы.

Наступила осень. В один из дождливых вечеров на крыльце, ведущем в кухню детсада, появился долгожданный отец! «Миша, папа пришел!» — воскликнула радостно мама. Миша кинулся на шею отцу, а я стоял в изумлении: неужели это папа, которого мы так долго ждали?

Этой встречей завершилось десятилетие скитаний, скорбей, разлук.

Неимоверная нагрузка

С возвращением к детям ссылка для папы еще не кончилась. Не было денег на дорогу для всей семьи, поэтому он поступил на работу плотником в колхоз, расположенный на противоположном берегу Енисея. С нами виделся только по выходным дням, иногда — реже. Так прошла зима. В марте 1935 года последним санным обозом он перевез нас в Красноярск.

Поселились временно на Николаевской слободе в доме сестры Лидии Кренделевой. У них уже жила семья Пех. Потеснившись, они уступили нам одну из комнат.

Папа устроился плотником в контору, а по вечерам ремонтировал дома и дворы горожан,— ему надо было снова приобретать кров для своей семьи.

Летом освободилась комната в старой заброшенной городской бане, заселенной бездомными жителями. Переселившись в «новую квартиру», папа выдолбил каменный пол, настлал деревянный. В то время Веру уже привезли из Канска. Трое детей спали на полатях, мама — на единственной железной кровати, а папа стелил постель на табуретках в проходе между столом и кроватью — такова была площадь этой хижины с одним окном.

В сентябре я пошел в школу. Вскоре родилась вто-

рая сестричка. В память умершей ее назвали Зинаидой.

Сейчас невозможно даже представить, какую неимоверную физическую нагрузку выдержал папа за первое полугодие жизни в Красноярске. Мозолистыми руками он зарабатывал средства для приобретения мало-мальски сносного жилья для семьи, и Господь помог ему в этой великой нужде. Осенью того же года он купил «дом» на правом берегу Енисея. Это была завалюшка с набивными землей стенами и деревянной крышей. Окно, выходившее на улицу, упиралось наличником в землю. Два других — выходили во двор. О фундаменте в таких хижинах не могло быть и речи.

Все хозяйство предусмотрительный папа оформил на маму. На свободе ему осталось жить считанные месяцы, и он предчувствовал это.

В Красноярске к тому времени было три общины. Пресвитера Ивана Алексеевича Белкина неоднократно вызывали местные органы и возмущались: почему он допускает к проповеди папу, ведь он «лишен права голоса»?! Иван Алексеевич не подчинился запрету, и осенью 1935 года был арестован.

Ночной стук

После праздника Пасхи, в ночь на 28 апреля 1936 года, к нам постучали. Отец вышел в сенцы:

— Кто там?

— Откройте, мы из ГПУ. Будем делать обыск.

— Что вы будете искать?

— Оружие.

До самого рассвета (трое или четверо, не помню) искали. Только оружием, как после выяснилось, они называли Слово Божье — Библию, Евангелие, журналы «Христианин», сборники духовных песен и брошюры религиозного содержания. Связали их в две большие стопы. Протокол об изъятии, как мне помнится, не писали.

Отец попросил разрешения выйти в туалет. У него в кармане пиджака был Новый Завет с Псалтирем. Он незаметно положил его на полку. Из всех духовных книг только она и уцелела после обыска. Вернувшись, папа умылся и долго утирался полотенцем. «Уж я-то знаю, почему он так долго утирался»,— вспоминала со слезами мама.

— Вы арестованы. Берите связки книг и следуйте за нами! — приказали сотрудники ГПУ.

— Разрешите помолиться, попрощаться с семьей.

— Молитесь, только недолго. Нам некогда ждать.

Папа преклонил колени, а вместе с ним и мы. Себя и нас он вручил Господу.

Папа часто брал меня на собрания и подарил Евангелие от Матфея, но при обыске забрали этот бесценный подарок. Мне было горько, что о самом близком человеке не осталось никакой памяти. Но самой большой тяжестью была разлука с любимым отцом.

После окончания следствия его послали работать в тюремном хоздворе. Мы иногда выдели его издали, но разговаривать не могли. В письмах он сообщал, что никакой вины за ним нет и он вскоре будет дома.

Осенью пришло решение Особого совещания из Москвы: десятки проповедников из двух Красноярских общин, в том числе и папу, приговорили к трем годам ИТЛ, а брата И. А. Белкина — к пяти. Братья издали показали нам на пальцах: «3» и «5». Мы все поняли.

Папу этапировали в Мариинск.

Долина слез

Для мамы на 32-м году жизни началась долина слез, нужды, лишений и тревог: четверо деток (двое школьников), специальности — никакой, а кормилец отнят навсегда. Кто ей поможет? К кому обратиться, ведь таких семей верующих — не перечесть! Оставшиеся на свободе братья, пережив голодные 1933—1934 годы, едва сводили концы с концами. Помощь могла прийти только от Господа. Мама, как и прежде, все нужды и скорби приносила в молитве Господу. А их было множество: необходимо найти работу, посещать папу в тюрьме, отправлять старших детей в школу, в то время как младших не с кем оставить дома.

Узнав о наших скорбях, приехали помочь мамина младшая сестра с мужем и дочерью и папин дядя — верующий дедушка Яков.

Мама поступила в больницу санитаркой. После дежурства в свободное время стирала чужим людям белье, белила комнаты, мыла полы, полола чужие огороды, окучивала там картофель. Когда, случалось, расплачивались деньгами, покупала продукты, молоко. Мяса у нас не было.

Летом 1936 года поселок, в котором мы жили, затопило. Домишко наш уцелел, а огород пропал. На следующий год наводнение повторилось.

Мамина сестра завербовалась с мужем и уехали в Игарку. С нами остался дедушка Яков. Он делал березовые коромысла

и продавал на базаре. На вырученные деньги кормился сам и частично помогал нам. Мама радовалась и благодарила Бога, что в доме есть человек, который присмотрит за детьми.

Приобщился к страданиям

Дважды мне посчастливилось быть на свидании у отца в Мариинском лагере. Первый раз с мамой, второй — со старшим братом. Папа был расконвоирован, жил под надзором часового за зоной, в землянке, вместе с неверующим заключенным. Плотничал. Уходить далеко им не разрешали. Начальство не знало, что мы жили с отцом и ели тюремный хлеб. Когда были проверки, отца предупреждали, и мы прятались в бурьяне. Так с детства Бог приобщал меня к страданиям.

Прощаясь, папа подарил мне школьную сумку для учебников и сделанный своими руками деревянный чемоданчик и балалайку. «Только христианские гимны играйте!» — завещал он.

Сам он играть не умел, но при расставании спел нам (произвольно аккомпанируя) один из любимых гимнов: «Страшно бушует житейское море...»

До апреля 1938 года папа присылал письма, затем переписка прекратилась. Мама послала запрос о нем. Через время пришла повестка явиться в районное отделение НКВД. Она взяла меня с собой, чтобы, если арестуют, знать, где ее искать.

— Вы подавали запрос?

— Да.

— Ваш муж, Батурин Егор Степанович, сослан в дальние лагеря без права переписки и свиданий.

Мой отец умер 17 марта 1941 года от истощения,— так мне официально сообщили 17 лет спустя. Позднее я обнаружил, что дата его смерти совпадает с мученической кончиной многих верных служителей Божьих, жизнь которых оборвалась в полной неизвестности. Печальное совпадение,— но оно обернется радостью в день пришествия Господа. Как славно это утешение!

Вдова

Еще в 1937 году арестовали жену служителя И. А. Белкина, Марию Васильевну, и других сестер. Мама не без основания опасалась, что и ее может постичь та же участь. Что будет с детьми?

К тому времени от непосильного физического труда здоровье ее ослабело настолько, что пришлось сделать операцию.

Знакомые медработники из сострадания перевели ее в контору больницы статистом — переписывать истории болезни. Материальное положение семьи резко ухудшилось.

Практиковалась тогда «добровольная» подписка на государственный заем, иногда даже на месячную зарплату. Главврач больницы была очень жестокая. На маму она смотрела как на врага народа. При очередной подписке мама попросила бухгалтера оформить на меньшую сумму. Услышав это, главврач закричала: «Если не хочет подписаться на весь оклад,— уволить с работы!» Мама со слезами подчинилась.

Вскоре без отрыва от работы она окончила полуторагодичные курсы медсестер в надежде, что это улучшит материальное положение семьи. В школе уже учились трое, всех нас надо было одеть, обуть, прокормить, а зарплаты едва хватало на хлеб.

Несмотря на материальные заботы, лежащие на вдовьих плечах, мама много времени уделяла нашему воспитанию. Внимательно следила за учебой, прививала культуру речи, уважительное отношение к старшим, предостерегала от сближения с хулиганами. Долгими зимними вечерами при свете керосиновой семилинейной лампы она рассказывала о своем детстве, юности, приводила поучительные примеры из жизни друзей и знакомых, часто вспоминала об отце-узнике.

В нашей единственной комнате, отгороженной от кухни дощатой перегородкой, висел текст, отпечатанный в типографии: «Господь — оправдание наше». На другой стене висела картина «Святое семейство». На ней изображены: Иосиф с рубанком за столярным верстаком, Мария за веретеном и подросток Иисус, работающий на полу с долотом и молотком. Мы понимали, что у нас есть что-то общее со святым семейством — ведь наш папа был плотником и столяром и, подобно Иисусу, тоже причтен к злодеям.

Зимой, в свободное от работы время, а летом, идя дорогой с пашни или из лесу, мама учила нас петь христианские гимны и детские песни. Дома, сопровождая пояснениями, читала Евангелие, журнал «Христианин», настольный календарь за 1928 год, «Путешествие пилигрима». В нем нам особенно нравилась вторая часть — «Христиана и ее дети». Перед сном вместе молились.

На балалайке, подаренной отцом, научила нас играть христианские песни. Вспоминая об отце, мы часто пели: «Папа, мой папа, иди же домой...», «Ночь над городом царила...», «О нет, никто во всей вселенной...» (любимый папин гимн) и другие.

Без крова

В канун 1 мая 1941 года в Красноярске снова разразилось стихийное бедствие: во время ледохода на Енисее образовались ледяные заторы высотой более 30 метров. Река вышла из берегов и затопила несколько лесозаводов и близлежащих поселков. Для многих жилых домов наводнение было катастрофическим. Несущиеся с большой скоростью огромные льдины пробивали насквозь дощатые стены насыпных строений. Вода вымывала глубокие ямы и обрушивала в них убогие жилища. Наводнение длилось около месяца и принесло нам непоправимый ущерб: хижина наша разрушилась, мы остались без крова.

Началась война. Мама работала в той же больнице медицинской сестрой. Материальная жизнь становилась все труднее. Миша, окончив семилетку, поступил в фельдшерскую школу. Расходы на него резко возросли. Постепенно наступал голод.

Дедушке Якову шел 85-й год, он упал в лесу и получил тяжелую травму, стал нетрудоспособным. Чтобы не обременять семью узника, он стал жить подаянием. Заветной его мечтой было дождаться Гошу (моего отца), а потом спокойно умереть. Старец не знал, что любимого племянника уже не было в живых.

Летом 1942 года верующий брат, отец большой семьи, живший по соседству, посоветовал маме переехать вместе с ними в село Партизанское. Он полагал, что маме там будет легче прокормить нас, но этот переезд привел нашу семью к полному обнищанию. Я работал с мамой в колхозе и на огородах у людей, чтобы заработать картофель на зиму. Платили по одному ведру на человека в день.

В конец осени, не доучившись в фельдшерской школе, приехал из города Миша. На пятерых едоков заработанной картошки хватило только до февраля. Хлеб получали по карточкам. Трое работающих — по 500 граммов, а дочери-иждивенцы — по 300.

В свободное от дежурства время мама нанималась копать землю и нередко, обрабатывая чужой огород, голодная, ела попадавшиеся коренья. И тут случилась беда: ей попал какой-то ядовитый, похожий на морковь, корень, и она отравилась. Яд повлиял на нервную систему. Медицинской помощи ей никто не оказал. Господь сохранил маме жизнь ради малых детей, но следы отравления остались на всю жизнь.

Большая радость

Трудно определить, когда я сделал первые шаги навстречу Господу. Вне всякого сомнения, сказалось христианское воспитание. Каждый день утром и вечером мама собирала нас на молитву.

Однажды она ушла на дежурство, и мы уснули не помолившись. Ночью я пробудился от страшного сна: «Это потому, что я не помолился»,— пришла первая мысль. С тех пор я никогда не забывал молиться.

Подростком я сдружился с неверующими соседскими мальчишками, пробовал курить и даже выпивать. Воровал у дедушки из кармана деньги. Меня уличили — пришлось просить прощение. Курил и старший брат.

Мне особенно запомнились горькие слова мамы: «Дети, мне гораздо легче перенести разлуку с папой, чем знать, что вы курите...» Я очень любил отца и маму, и это удерживало от многих нехороших поступков.

Ранней весной 1943 года я поступил в школу ФЗО в Иланске, поселился в общежитии. Здесь мои сверстники пили грех как холодную воду, но надо мной уже была невидимая охрана и чья-то заботливая рука удерживала от всякого зла.

До училища приходилось идти два с половиной километра. Я выбирал тропинку на окраине поселка, дорогой молился, пел псалмы. Господь посещал мое сердце благодатным миром. С тех пор молитвы мои были постоянными. Потом я разыскал верующих, стал посещать собрания.

Летом приехал на побывку к маме и рассказал, что посещаю собрания, молюсь. Для нее это было самой большой радостью — ведь она воспитывала нас в мрачные годы, когда молитвенные дома были закрыты. Бог услышал ее молитвы, а также и отца-мученика за дело Евангелия: я был первым сыном, который сознательно стал на путь истины. Помню, как в те радостные дни мы шли с мамой с сенокоса и пели: «Радость, радость непрестанно...»

К святым — все желание мое!

На Рождество 1943 года я и девочка-подросток помолились вслух в собрании. Я не придал этому особого значения, а пожилой брат, хозяин дома, где мы собирались, подчеркнул: «Сегодня впервые помолились двое. Господь слышал их молитвы покаяния...» Весной 1945 года одним из первых

я заявил на крещение, а летом уехал помогать маме косить сено. В одно из воскресений должно было состояться испытание желавших принять крещение, а я не мог выехать — покос. С какими слезами молился я Господу, чтобы Он принял меня в Свою Церковь и помог приехать на испытание! Тогда я почувствовал, что произошло рождение свыше.

И вот я решил оставить все, ехать с младшей сестренкой в Красноярск. До станции шли 40 км. После дождей кругом — непролазная грязь. За плечами у нас была ноша: кое-какие продукты. Как мы ни торопились, а на поезд опоздали. Я попросил машиниста товарного поезда взять нас. Пообещал расплатиться кедровыми орехами. Прямо в Красноярск мы не могли ехать — там ловили таких «зайцев» безбилетников, тем более с паровоза! А на нужной нам станции товарные поезда не останавливались. Попросил: «Притормози, мы спрыгнем на тихом ходу...» А сам всю дорогу молился, чтобы Господь помог попасть в церковь на испытание. Но машинист забыл, и станцию Злобино поезд пролетел мимо.

Для меня уже не так страшно было попасть в Красноярске под штраф, как хотелось успеть в собрание. Сердце мое стремилось к народу Божьему. Я не понимал, почему так произошло с нами в пути, но расстраивался напрасно. Господь сделал то, о чем я и не мечтал: неожиданно поезд замедлил ход и остановился как раз там, где был молитвенный дом! Мы сошли. Я оставил сестру с вещами и побежал на собрание,— а там уже шел прием в члены церкви! Подошла моя очередь. Братья поинтересовались, как я доехал. Я рассказал о милости Божьей.

Желающих вступить в завет с Господом было 40 человек молодежи, в числе их был и я. Крестили нас 3 октября, ночью, на Енисее. Вода была холодная, но мы этого не чувствовали. Пресвитер прочитал пожелание, оно запомнилось на всю жизнь: «Ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная» (Рим. 6, 22).

Мой первый следователь

После войны Красноярская община за счет притока молодежи и студентов увеличилась до трехсот членов и превысила численность трех общин, закрытых в 1936—1937 годах. Это сильно обеспокоило органы МГБ. Они стали вызывать многих молодых верующих на тайные беседы; запугивали,

стремясь выявить наиболее активных из числа молодежи, но в основном интересовались мной. В то время я проповедовал, пел в хоре, ревностно участвовал в духовной жизни молодежи. Гонителям хотелось во что бы то ни стало изолировать меня. Они пытались убедить братьев и сестер, что якобы я потому только и веровал, чтобы отомстить за репрессированного отца.

В августе 1949 года приговорили к 25 годам лишения свободы руководящего нашей общиной. Из молодежи арестовали сестру и брата. Меня взяли прямо с завода (я работал конструктором). При обыске в нашем доме изъяли всю духовную литературу и любимую картину «Святое семейство».

В церкви я пробыл всего три года. В тюрьме мне исполнился 21 год.

Два с половиной месяца я находился во внутренней тюрьме Красноярского управления МГБ. Следствие велось на уровне особо опасных контрреволюционных преступлений. Допросы вели в основном ночью, а днем спать запрещали. Это очень изнуряло. Если сидя задремлешь, угрожали карцером. Из арестованных я был самый молодой.

Как вести себя в заключении, я не знал. Слышал от мамы, что братья, как только попадут в узы, сразу преклоняют колени и молятся, чтобы Господь благословил первые шаги в неволе. Так я и делал. Надзиратели криком и руганью пытались прервать мои молитвы, но я не отступал.

Первого следователя по моему делу, старшего лейтенанта Голощапова, сильно раздражали мои простые ответы: «Я христианин и кроме служения Богу ничем не занимался». — «Мы тебя стащим с неба на землю!» — кричал он.

За долгие годы неволи я убедился: единственная цель преследований — столкнуть христиан с истинного пути Божьего, «свести с неба на землю».

Обвинительное заключение было сформулировано так: «Подсудимый Н. Г. Батурин не пел советских песен, не читал советскую литературу, не посещал кино, театров и клубов. Напротив, читал и проповедовал Евангелие, посещал собрания баптистов, пел религиозные песни, воспевал загробную жизнь, и тем самым отвлекся сам и других отвлекал от общественно-политической жизни, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 58, пункт 10, часть II — антисоветская агитация, и пункт 2 — групповая».

Красноярский краевой суд, по-видимому, не принял это дело к производству и направил его в Москву. Особое сове-

щание при МГБ СССР в феврале 1949 года вынесло приговор: троим обвиняемым — по десять лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях.

Из внутренней тюрьмы МГБ меня перевели в общую. Стало полегче, потому что здесь находились в основном политические заключенные, арестованные в 1937 году. Многие отсидели уже по 10 лет и были осуждены вторично.

Спецобъект

Из Красноярской тюрьмы меня отправили в небольшую подмосковную тюрьму (150 человек) на спецобъект, где в экспериментальных мастерских и лабораториях работали техники, механики-слесаря, инженеры и даже профессора. С первого дня я попросил у начальства разрешения получить Библию. «Хорошо, я доложу»,— пообещал оперуполномоченный.

В одно из воскресений меня вызвали на рабочий объект (он был рядом с тюрьмой). Пригласили в кабинет. Захожу — сидит подполковник. Как я понял, он ожидал, что по такому вопросу его беспокоит какой-то солидный человек, а тут — мальчишка.

«Как ты посмел?! — рассвирепел он,— Библию тебе надо! Да знаешь ли, что я могу сослать тебя туда, где будешь камни ворочать?! Читай, что есть в библиотеке!»

Однажды после отбоя заключенные от скуки затеяли игру в азбуку Баркова: каждый должен рассказать на любую букву алфавита какой-нибудь грязный анекдот. Стоял дикий хохот, и, казалось, этому не будет конца. Когда дошла моя очередь, я, на удивление всем, сказал: «Я тоже вам расскажу на букву «Г» и «Я». Смех на минуту затих. Все ожидали, что же я, как христианин, смогу сказать им. Спокойно, делая ударение на каждом слове, я процитировал стих Священного Писания: «Гортань их — открытый гроб... яд аспидов на губах их» (Рим. 3, 13).

В ответ — ни звука, ни улыбки! Все притихли, как от внезапного раската грома. Отвратительная игра оборвалась... В наступившей тишине я склонился на колени и воздал славу Господу за то, что Слово Его сильно заграждать нечестивые уста (Рим. 3, 19).

Примерно через год я «провинился»: сдружился с заключенным и он уверовал. За мной установили слежку. Выкрали тетради со стихами и духовными псалмами. Выписки из тетрадей оказались у оперуполномоченного. За «агитацию» хотели возбудить новое дело, но что-то не получилось, и в марте 1950 года отправили в Воркуту.

Заполярье

Везли через Бутырскую, Лефортовскую тюрьмы, затем в «телячьих» вагонах на Вологду.

В этапе заключенные узнали, что я верующий.

— Ты что, даже ругаться не умеешь? — удивлялись.

— Не умею.

— Ни одного дня ты не сможешь прожить в лагере!

Дорога была трудной, мучил холод (в Вологде была весна, а в Воркуте — зима), но Бог меня не оставил. К тому же послал радостную встречу в двумя братьями — с пресвитером и проповедником из Новочеркасска.

Прибыв на место, мы нашли еще двух христиан-узников. У брата с Западной Украины была Библия! Читали ее по очереди, я много переписывал.

Воркутинские лагеря отличались некоторой свободой: работники оперчасти никого не вербовали, братья-узники могли общаться. Совместные молитвы и пение служили для меня ободрением.

Но с начала 1952 года режим ужесточился. У меня отняли Библию. Тогда я стал переписывать Евангелие, сохранившееся у православных.

Узников освобождали без права выезда. Устроившись жить неподалеку от лагерей, они помогали томящимся в неволе. Первый пресвитер воркутинской церкви, Григорий Иванович Ковтун, по окончании срока был заведующим лесным складом в рабочей зоне лагеря. Там мы с ним встретились. Какая это была приятная встреча! Он ободрил меня, узнал нужды мои и других узников, сердечно всех приветствовал.

Другой освободившийся брат-шофер часто заезжал в зону, передавал духовную литературу и даже журнал «Баптист Украины».

В годы разлуки мама поддерживала меня ободрительными письмами. Иногда присылала продуктовые посылки (на них в те годы не было ограничений, зато и посылать было нечего). О свиданиях в то время не приходилось и мечтать.

Чудо милости Божьей

Осенью 1953 года после операции меня посетили в больнице братья-узники, среди них — Данил Данилович Петерс, осужденные, как и мы, за веру в Господа, но на 25 лет! Лицо его было радостным, взгляд — кротким.

Вскоре мы сдружились. Делились радостями и скорбями,

читали записи из Библии, письма от родных. По письмам я познакомился с его детьми и даже сохранил тетрадь с их пожеланиями дорогому отцу-узнику.

Последние месяцы перед концом срока мы спали на одних нарах: он работал в столярке в третью смену, а я на заводе — в первую.

В лагере было до шести тысяч политических заключенных. В 1950 году он стал режимным — только для осужденных по 58-1 статье. Но в 1955 году политических расформировали, и лагерь заполнили уголовниками.

В день моего освобождения, 28 сентября 1955 г., политические (их осталось около двухсот) поссорились с уголовниками: кто-то без очереди хотел получить завтрак. Началась драка, пошли в ход табуретки. Их кое-как разняли и увели на работу.

Уголовники затаили вражду и вечером подожгли бараки политзаключенных. Окна были зарешечены и людям приходилось спасаться через единственную дверь, а здесь их избивали ломиками, булыжниками, палками.

Охрана пыталась разогнать рассвирепевших, но безуспешно. Толпа стала отступать на запретную зону. Солдаты кричали часовым, чтобы не стреляли, но те открыли огонь и убили семь солдат и более 30 заключенных, около 70 ранили.

Во время этой трагедии я был первый день на свободе и ночевал рядом с лагерем в избушке ссыльного брата Янцена. Он купил себе новый дом в Воркуте, а этот отдал мне, так как я был освобожден без права выезда и ожидал родных.

Утром вижу: заключенные, с которыми я жил в бараке, сидят окруженные конвоем за зоной. Спросил, в чем дело. Они рассказали. Сразу защемило сердце: меня-то Господь спас, а брат мой, Данил Данилович, остался там... Что с ним, жив ли? Но тут сознание посетила утешительная мысль: нет, он не попал туда, потому что вечером ходил на курсы кройки и шитья. Так оно и было. Сгорели только его вещи, которые он приготовил для освобождения.

Если бы я остался в зоне еще на одну ночь, то, возможно, живым оттуда не вышел. Господь чудесным образом сохранил меня и брата от явной смерти.

В Воркутинской церкви

Здоровье мамы было окончательно подорвано, она стала инвалидом второй группы.

Радуясь моему освобождению, она все же не в состоянии была одна приехать ко мне. К счастью, сопровождать ее

согласилась моя невеста, с которой я переписывался в последнее время. Маме не суждено было дождаться из заключения мужа, но на 51-м году жизни Бог послал ей дорогую встречу с сыном-узником!

Воркутинская церковь, состоявшая в основном из бывших узников и ссыльных (русских, украинцев, немцев), дополнила нашу радость теплым вниманием и заботой. Какое в ней царило единодушие! Свобода во Христе, духовное единство и любовь детей Божьих друг ко другу были отрадой для наших утомленных разлукой душ. Невозможно передать словами восторженного чувства благодарности Богу, переполнявшего наши сердца. После семилетних уз, где прошла вся моя молодость, Господь дал мне отдых в этой живой общине, укрепил духовно.

Узники, уверовавшие в лагерях в те суровые годы, освободившись, охотно вступали в завет с Господом; их было много! Я был очевидцем тех благословенных крещений!

У кого были семьи, с нетерпением ждали приезда жен, детей. Некоторые, в том числе и я, женились. Церковь взяла на себя заботу об устройстве нашего брака. Целый год мы прожили в дорогой нам общине. В Воркуте у нас родился первый сын. Когда сняли ограничение на выезд, мы покинули Заполярье, где я отбыл день в день семь лет.

Из истории Шахтинской церкви

Угодно было Господу избрать местом нашего жительства город Шахты (бывший Александрово-Грушевск) Ростовской области.

Община баптистов организовалась там еще в 1908 году. В 30-е годы пресвитером этой церкви был Бориков, а в церкви евангельских христиан — Ковалев. В 1937 году оба молитвенных дома закрыли, репрессировали более ста братьев,— почти все они умерли в узах.

В начале войны богослужения возобновились, а в 1945 году община зарегистрировалась и стала принадлежать ВСЕХБ. Пресвитер в вопросах внутрицерковной жизни подчинялся уполномоченному. В 1956 году я, мама и жена Валя стали членами зарегистрированной общины (независимых церквей в те годы не было). Наиболее радушно нас приняла часть церкви, состоявшая из узников, уцелевших в годы гонений, и тех, чьи отцы за верность Господу не вернулись из тюрем и лагерей.

На первой встрече с шахтинцами я рассказал о жизни

незарегистрированной Воркутинской церкви. Мы помолились, спели. Хотели расходиться, и тут пришел пресвитер. Стал возмущаться: «Зачем собрались? Как вы посмели нарушить закон?!»

Духовной свободы, в которой Христос завещал стоять, в Шахтинской церкви в те годы уже не было. Многие стенали от угнетений человеческих, искали живого общения и собирались по квартирам.

Вскоре после нашего приезда организовали кружок по исследованию Священного Писания. Любители изучения Слова Божьего входили одновременно и в молитвенную группу, которая с постом по пятницам приносила Господу нужды церкви.

Евангелия Марка и Иоанна мы изучали сначала по пособиям, а потом сами стали готовить уроки. Вел их в основном я и некоторые братья-проповедники. Беседы проходили оживленно, молодежь заметно ободрилась. Но где бы мы ни собрались, пресвитер обязательно узнавал и тушил этот малый огонек угрозами и запретами.

В церкви я проповедовал, в лучшем случае, раз в неделю, а иногда и по полгода не давали слова. Братья и сестры хотели слушать меня, просили пресвитера об этом, но он редко уступал.

Было время, когда с разрешения пресвитера я перед началом собраний читал замечательную книгу И. В. Каргеля «В каком ты отношении к Духу Святому?» Это послужило большой духовной поддержкой для верующих. Затем, уже без предварительного согласования, я прочитал письмо узника, который сокрушался об отступлении церкви от Господа. Пресвитер и братский совет огорчились: «Этим письмом ты бросил тень на Шахтинскую церковь и считаешь ее не в должном состоянии». Мой поступок долго разбирали, потом, наконец, помиловали и допустили к проповеди.

Прошло немного времени и я снова «провинился»: поехал в отпуск в Краснодар и передал от церкви привет.

— Как ты посмел? — выговаривал пресвитер.

— Некоторые друзья знали, что я еду в гости, и просили об этом.

— Все равно нельзя.

Постепенно сужались рамки в деле служения Господу по Евангелию. Не допускали детей на богослужения. В нашей общине это дело приказали выполнять пожилой сестре-придвернице. Сколько было загублено детских душ!

Забегая наперед, я с благодарностью Господу хочу отметить, что в пробужденном братстве детям с первых дней было уделено особое внимание. Все родители, в том числе и я, старались постоянно брать детей на собрания. Помню, моих мальчиков на каждом богослужении переписывали,— они чаще всех попадались на глаза милиции. Поэтому во время моего второго ареста милиционер не мог удержаться и бил меня кулаком в лицо. Привел в отделение и там перед офицерами еще раз ударил: «Будешь знать, как водить детей на собрание».

Вернувшись из второго заключения, я очень обрадовался, что в нашей церкви был уже детский струнный оркестр, позже — молодежный хор. А сейчас лицо церкви совершенно изменилось: старушки и старички ютятся на скамеечках сзади, а все помещение занимает молодежь.

Опустошители дела Божьего

С 1959 года атеисты вместе с отступившими от Бога служителями взяли курс на искоренение религии. Повсеместно под различными предлогами закрывали молитвенные дома. В конце 50-х годов старшим пресвитером по Ростовской области был Голяев. Он, как и многие служители официального центра, стал на путь сотрудничества с органами власти. Не отличали они, что кесарево, что Божье, и все святое постепенно уступили недругам. Перед уходом на пенсию Голяев посетил Шахтинскую церковь и заявил, что после него положение будет еще хуже.

Действительно, некто Евстратенко Иван Андреевич, сын известного работника в Союзе баптистов, действовал хуже Голяева. При его участии были закрыта дружная, живая община в Артемовском районе,— это был первый удар для верующих. В то время в одной только Ростовской области закрыли 14 общин! В самом Ростове отняли у верующих помещение.

Не лучше обстояли дела и в других местах. Один служитель рассказывал мне о страшном опустошении, постигшем Херсонскую и Николаевскую области. (В свое время там благословенно трудились такие подвижники Божьи, как Рябошапка, Ратушный и др.) При содействии старшего пресвитера Калибабчука были закрыты молитвенные дома почти во всех селах (в некоторых из них не было ни одного безбожника!).

Удивлению верующих старичков (чудом уцелевших в одной из таких деревень) не было предела, когда через пару десятилетий их посетила молодежь. «Неужели есть еще мо-

лодые христиане? Мы думали, что уже нигде нет церквей».

На одной из лекций представитель горкома партии говорил, что в феврале 1959 года вышло постановление Совета Министров СССР закрывать культовые помещения под любым предлогом. Поднять на несколько сантиметров потолок в молитвенном доме, отодвинуть стены или использовать для ремонта стройматериалы лучшего качества считалось самым большим нарушением. Этого было достаточно, чтобы на двери молитвенного дома повесить замок.

В Шахтах после войны молитвенный дом оформили не на одного человека, а на общество. Пришло время его ремонтировать. Городские власти прислали пожарную и санитарную комиссии. Те дали заключение: «Дом в аварийном состоянии, на время ремонта должен быть закрыт».

Молодые служители предлагали сначала добиться разрешения на ремонт, а потом уже прекращать богослужения. Но пресвитер убеждал церковь: «Надо жалеть служителей, слушать начальство, а то нас арестуют». Верующие старушки, а их было большинство, проголосовали за его предложение, и молитвенный дом по улице Пролетарской, 62, опечатали. В 1959 году горисполком распорядился сломать дом вообще,— 300 человек остались без помещения для богослужений...

Первые полгода верующие не собирались, потом пресвитер предложил на хлебопреломление ездить в ближайшие церкви: в Новочеркасск и в Новошахтинск. Молодежи это было под силу, а старушки плакали без общения.

Никогда не забуду, как в те годы мы приехали однажды в Новочеркасск и нам предложили спеть «Боже, услышь меня...» Это был единственный случай в моей жизни, когда плакал весь хор. «Боже, сжалься надо мной, тьма греха гнетёт меня, Поспеши на помощь мне и в мольбе не откажи, и ко мне будь милостив...» Это был вопль к Богу, все еле сдерживали рыдания...

Главное — служение Богу

В то время как закрыли наш молитвенный дом, стали и меня ущемлять на производстве. Работая инженером-конструктором, я дважды попадал под сокращение. Один из начальников откровенно сказал: «Сколько ты нам зла причиняешь! На всех лекциях мы убеждаем народ, что баптисты — темные люди, в науке ничего не смыслят. Но нам глаза колют: "А у нас проповедник — инженер!" — Все наши лекции идут насмарку!»

Последний раз по объявлению в газете я устроился кон-

структором в институт «Ростовгидрошахт». Проработал всего десять дней! Уволили, а в трудовой отметили: «Запись о приеме ошибочна».

Друг, с которым мы начинали работать, через несколько лет стал начальником отдела в проектной конторе. «И ты занимал бы не меньшую должность!» — искушали меня.

Почему я останавливаюсь на этом? — Трудные это были годы для церкви. Бог — всемогущий, но мы, дети Его, очень ограничены, и Ему не так легко объяснить нам, что главная цель жизни христианской — служение Господу. Все остальное: жилье, учеба, работа, хозяйство,— это самые что ни на есть второстепенные вещи. У многих христиан получается наоборот: торопятся устроить личную жизнь, приобретают дома, машины, а делу Божьему отдают остатки времени, сил и крохи средств. Эту истину и я понял не сразу. Если бы меня повышали по работе, а это приятно для плоти, то я не мог бы так смело вступаться за дело Божье.

В 1960 году пришлось полгода не работать и только в 1961, с помощью верующего брата, устроился на завод слесарем по самому низкому разряду с зарплатой в 70 рублей, несмотря на то, что у меня был пятый разряд слесаря-вагонника.

Самостоятельное служение

За месяц, проведенный мной в поисках работы, братья и сестры устали от поездок по соседним общинам и, несмотря на запреты, решили все же проводить богослужения по домам.

Хористов у нас было много. Регентское служение несла сестра Коломийцева Лидия Ивановна. Ее отец был мучеником за дело Евангелия и, как сотни служителей, арестованных в 37-е годы, не вернулся из уз.

Собрания уже шли, а наши старшие братья из-за страха не приходили. Рукоположенного диакона еле уговорили совершить Вечерю.

Благословенно прошли в нашей отделенной общине первые похороны. Служение впервые шло при большом стечении народа. Прямо на улице пели, молились, проповедовали, призывали к покаянию,— свидетельство о Господе было большое. После похорон на этой некогда глухой и заброшенной улице, безбожники устроили киноплощадку и бесплатно показывали фильмы.

Радовались мы и первому крещению.

Богослужения проходили в разных районах города в частных домах верующих.

Так при благословении Господнем налаживалось самостоятельное служение, и община крепла. Постоянно посещали богослужения человек сто. Руководящим избрали меня.

Постепенно вокруг нас стали группироваться и другие общины, у которых также закрыли молитвенные дома. Вскоре милиция начала разгонять наши собрания, отнимать духовную литературу, штрафовать.

Заря милости Господней

В августе 1961 года над истомленным народом Божьим в нашей стране взошла заря милости Господней — началось благословенное духовное пробуждение! Инициативная группа разослала братские послания по всем общинам. Шахтинская церковь восприняла призыв к очищению и освящению как от Самого Господа и включилась в ходатайства о созыве съезда.

Из «Второго послания» Инициативной группы мы узнали, что ВСЕХБ издал «Инструктивное письмо старшим пресвитерам» и «Положение 1960 года», которые были направлены на разрушение дела Божьего в нашей стране. С их выходом официально закреплялась ранее внедряемая практика: детей и молодежь в церковь не допускать!

Мы радовались, что Господь вывел нас из этой греховной зависимости и мы не исполняли богопротивных постановлений: молодежь и дети вместе с нами славили Господа в собрании.

Нашу общину стали посещать служители Инициативной группы; они пригласили братьев нашей церкви на свои совещания. Первые радостные встречи проходили в Макеевке, в Харькове.

В конце 1961 года Бог позволил мне посетить совещание в Ростове. Здесь я впервые познакомился с дорогим братом Геннадием Константиновичем Крючковым. Приехал я на общение с опозданием. Для меня оставили место рядом с ним.

Первое впечатление от встречи (оно осталось таким до сего дня): у брата особая одаренность и мудрость от Господа, глубокое знание Священного Писания. О чем он говорит, что советует, предпринимает,— все в согласии с волей Божьей, всегда обосновано Священным Писанием и соответствует Духу Святому. В проповедях чувствуется не человеческий авторитет и власть, а особая духовная сила. Слава Богу, мое мнение оказалось верным.

Поскольку в Шахтинской общине налаживалось независимое служение, братья Инициативной группы посоветовали подготовить достойных к рукоположению. С постом и молитвой

В напряженные дни благословенного служения.
(Слева направо С. Г. Дубовой, Г. К. Крючков, Н. Г. Батурин.)

членское собрание подошло к этому вопросу и рекомендовало меня и еще одного брата на пресвитерское служение и некоторых на диаконское. В июне 1962 года рукоположение совершил член Оргкомитета, брат-старец Александр Афанасьевич Шалашов, который в прошлое время нес служение благовестника в Волго-Камском Союзе баптистов. Челябинская община, где он был пресвитером, в 60-е годы одна из первых горячо откликнулась на призыв Духа Святого.

Благословляя нас на служение, он пожелал верности до смерти, так как предчувствовал, что гонения не замедлят прийти.

В 1963 году служители Оргкомитета послали Александра Афанасьевича на лжесъезд ВСЕХБ зачитать обличительное письмо. Но его даже не впустили в помещение. Простояв несколько часов, он вынужден был уйти ни с чем. Шёл холодный осенний дождь. После серьезно заболел, не мог больше совершать служение и поехал домой. Геннадий Константинович с некоторыми служителями провожал его. И Александр Афанасьевич и он чувствовали, что видят друг друга в последний раз. До отправления поезда оставались считанные минуты, братья вышли на перрон. Александр Афанасьевич на стекле вагона написал последнее пожелание «1 Петр. 5, 1—3»: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться:

пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно...»

В мае-июне 1962 года на совещании Оргкомитета было решено собрать от церквей документы, подтверждающие многолетнюю антиевангельскую деятельность служителей отступившего центра. Это сделать было нетрудно, так как народ Божий истомился от разрушительной работы отступников.

Через два месяца Оргкомитет располагал достаточным количеством заявлений, скрепленных сотнями подписей верующих, которые были очевидцами падения работников ВСЕХБ. На совещании Оргкомитета в Москве был подписан Седьмой протокол об отлучении потерявших свое достоинство служителей, где стояла и моя подпись.

Осенью 1962 года во время отпуска я помогал Геннадию Константиновичу готовить годовой отчет о работе Оргкомитета.

7 ноября 1962 года в Новосибирске я познакомил с ним служителей Сибирского объединения. Здесь впервые я встретился с преданными Господу братьями: Д. В. Миняковым, П. Ф. Захаровым, а также с почтенным старцем Андреем Исааковичем Жилиным, сосланным сюда с Украины. Затем я посетил в Красноярском крае ссыльных братьев, среди которых был П. В. Румачик. Сколько было радости и благодарности Богу у братьев, когда они прочитали годовой отчет Оргкомитета!

Органам власти, разумеется, стало известно, что я являюсь членом Оргкомитета, подписал документ об отлучении ВСЕХБ, совершаю духовное служение в пробужденном братстве. Меня обвинили в тунеядстве и согласно майскому Указу 1961 года, который распространялся на служителей незарегистрированных общин, приговорили к году ИТР с вычетом 20% из зарплаты. Вместе со мной из нашей общины осудили шесть братьев и три сестры. 13 декабря 1962 года состоялся повторный суд — дали пять лет высылки в Иркутскую область.

«Иди с Богом!»

Отправляли меня на высылку из Новочеркасской тюрьмы. Дежурный офицер спросил:

— А тебя за что?

— Я верующий в Бога, ссылают за проповедь Евангелия.

— Ну тогда иди с Богом!

Перед этим я был в подавленном настроении: дома осталась старенькая мать, жена с четырьмя детьми (меньший — грудной); в тюрьме я простудился, поднялась высокая температура. Но, услышав такое напутствие, воспрянул духом: Господь

со мной, а я с Богом! Теперь дальний этап не страшен.

Иркутская тюрьма встретила сорокаградусными морозами.

Летом 1963 года жена во время отпуска вместе с детьми и моей мамой приехали ко мне в далекую ссылку, в село Старый Бельчир. Годовалого Алешу везли в кабине грузового автомобиля от самого Иркутска. Мама, старший сын Ваня и Алеша (он еще не ходил) остались со мной на зиму.

Я работал водителем и слесарем в гараже совхоза, жил в маленькой рубленой избушке с русской печью, где помещались две железные кровати и стол. Мама не могла нарадоваться возможности жить под одной крышей с сыном. Помогала по уходу за детьми.

Но радость общения была недолгой. Валентина получила перевод на работу по месту моей ссылки. Чтобы квартира в Шахтах не пустовала, пришлось маме с Алешей вернуться домой, а Валя со старшими детьми приехала ко мне.

Как и прежде, мама поддерживала меня молитвами, письмами.

Гонения в гонениях

В 1963 году вышел первый номер независимого братского журнала «Вестник спасения». Тираж ничтожно малый — 60 экземпляров, но даже это очень встревожило органы КГБ.

Когда распространили второй номер журнала, Иркутское управление КГБ сразу же дало санкцию на обыск у меня. К этому времени первый номер я передал ссыльному брату из Ростова, а второй — нашли, и после обыска увезли меня на допрос в КГБ. Интересовались: где печатается журнал, кто редактирует, принимаю ли я участие?

Вторично приезжали с обыском по случаю ареста Павла Фроловича Захарова. Он после похорон брата Хмары направлялся ко мне, но в Иркутске его задержали.

Меня увезли на допрос в Иркутск. Там целый день беседовал со мной сначала майор КГБ, проводивший у меня обыски (фамилию не назвал). В основном разговор велся на их излюбленную тему: «всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим. 13 гл.). Я особенно подчеркивал такие слова: «Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее». Смело говорил, что не боюсь их, потому что ничего худого в жизни никогда не делал, а за доброе дело христианин должен иметь поощрение со стороны власти, если она правильно осуществляет свои функции.

Во второй половине дня он направил меня в другой ка-

бинет. «С вами до сих пор велась полуофициальная беседа, теперь — вполне официальная,— заявил новый товарищ. — Я — следователь П. Ф. Захарова, и буду задавать конкретные вопросы по его делу: где и когда последний раз вы встречались с Павлом Фроловичем?» Я молчал.

Он задал еще несколько вопросов, касающихся Павла Фроловича, а также журнала «Вестник спасения». Я по-прежнему молчал. Подписок никаких не давал.

Божьи пути всегда благословенны

Никакие противодействия внешних и официального признанного ими центра ЕХБ не могли повлиять на стремление верующих следовать за Господом узким, но верным путем. Отступившие служители и их покровители были заняты одним вопросом: как остановить поток пробуждения в церквах? — И дали указание: отлучать всех, кто поддерживает ходатайство о съезде. Одновременно к верующим применяли Указ о тунеядстве, по которому ссылали служителей и проповедников незарегистрированных общин.

«Отлученные» организовывали общины. Гонения вызвали еще большее пробуждение в церквах, верующие не устрашились, а вдохновились на более ревностное служение Господу: невзирая на запреты, богобоязненные родители водили детей на собрания и воспитывали их в наставлении Господнем; не убила дух ревности в народе Божьем и конфискация молитвенных домов: каждый частный дом, где была хоть малейшая возможность проводить собрание, стал молитвенным.

Братские послания Инициативной группы, а затем и Оргкомитета по созыву съезда церкви ЕХБ, принимались на местах с радостью и вдохновляли на дальнейший труд и следование за Господом по тернистому пути.

В 1963 году ВСЕХБ получил разрешение на проведение Всесоюзного совещания, которое в первый же день было переименовано в съезд. ВСЕХБ не только не ходатайствовал о съезде, но и выступал против его созыва. По справедливости мы называем его лжесъездом, потому что, как я упоминал, инициаторов съезда даже не впустили в помещение. Для пробужденного братства и это видимое зло Бог обратил в добро: если раньше кто-то и сомневался в правильности отлучения отступивших от истины работников центра, то, увидев подлинное их лицо, утвердился в верности решений Оргкомитета.

Движение за очищение и освящение церкви было не человеческим мероприятием, его начал Бог. Поэтому ни тайные,

ни явные противодействия не могли остановить стремление народа Божьего жить в свободе, которую даровал Христос. С уверенностью хочу сказать, что наше внутрицерковное движение уникально в том смысле, что Господь вывел наше братство на путь полной независимости церкви от государства. Это, в первую очередь, соответствует духу Священного Писания и не противоречит требованиям основного закона страны. Только такой путь служения Господу — единственно верный.

Конец ссылки

В 1964 году, после мученической смерти в Барнаульской тюрьме брата Николая Хмары, преследования верующих приостановились.

В ссылке я пробыл два с лишним года. Там у нас родился пятый ребенок. В марте 1965 года мне сняли вторую половину срока и разрешили выехать на прежнее место жительства. Оба приговора по моему делу были отменены за отсутствием состава преступления.

Такие радостные вести в то время получили многие семьи узников.

По просьбе братьев я остался на некоторое время в Сибири для устройства дела Божьего. Находясь в ссылке, я помогал им и даже нелегально участвовал в братских совещаниях. Зная нужды объединения, я решил посетить некоторые общины и только через месяц, к Пасхе, вернулся в Шахты.

На приеме у А. И. Микояна

Несмотря на то, что в 1965 году многих осужденных за веру реабилитировали, в узах оставалось еще около 50 братьев и сестер, богослужения повсеместно разгоняли, верующих штрафовали, отнимали детей за религиозное воспитание.

Представители отдельных общин приезжали в Москву с ходатайствами о прекращении беззаконий, но если для некоторых мест это и приносило какие-то положительные результаты, то в общем по стране преследования верующих нашего братства продолжались.

В августе 1965 года для встречи с Председателем Президиума Верховного Совета А. И. Микояном в Москву прибыла более представительная делегация, свыше 100 человек из 50 городов страны, состоявшая в основном из бывших узников и их родственников.

В течение недели каждое утро мы собирались в Александровском парке (недалеко от Кремля) и к девяти часам шли

в приемную Президиума, подавали заявление и ждали ответа. Нас отсылали в Совет по делам религий, в прокуратуру СССР, но мы отказывались идти туда, так как верующие неоднократно обращались во все эти инстанции и не получили объективного ответа. На четвертый день мы решили не уходить из приемной, пока наши ходатайства не удовлетворят, но прибывший наряд милиции силой вывел нас оттуда.

В пятницу, в посте и молитве, мы снова пришли в приемную. Заведующий сообщил, что Анастас Иванович Микоян соглашается принять 3—5 человек через месяц, 24 сентября. Для окончательного согласования даты приема предложил приехать на два дня раньше.

Мы подготовили документы о гонениях и 22 сентября прибыли в полном составе: Н. Г. Батурин, П. А. Якименков, В. И. Козлов, И. Бондаренко и член Совета родственников узников — Лидия Говорун (у нее тогда за религиозное воспитание отняли сына).

Произошло то, что мы и предполагали: в приемной нам сообщили, что Анастас Иванович может принять только сегодня, 24-го он улетает. Они, видимо, рассчитывали, что придет кто-то один и встреча не состоится. «Готовы идти сейчас!» — ответили мы.

У заведующего приемной консультант проинструктировал: «Сейчас мы пойдем в Кремль. Никаких вещей не брать. Только женщина может иметь при себе сумочку».

Я положил документы в папку, и мы пошли на территорию Кремля, к правительственному зданию. Оно огорожено, охраняется. Подошли со стороны Спасских ворот к маленькой калиточке. Там стоял часовой. Консультант показал ему удостоверение и сказал: «Эти люди идут со мной». Зашли в вестибюль, сдали в гардеробную плащи и головные уборы. В лифте поднялись на третий этаж. В приемной перед кабинетом сидел секретарь. Кругом — роскошные мягкие ковры,— никогда не видел таких. Здесь уже и сестру Лиду попросили оставить сумочку. Через минут десять открылась дверь: «Входите».

В кабинете, как обычно, стоял большой «Т»-образный стол. С одной стороны в мягких креслах сидели: заместитель Генерального прокурора, председатель по делам религиозных культов Пузин, заведующий приемной, консультант и — пятый, видимо, из КГБ.

Все представились, звание последнего мы не поняли.

Пригласили сесть напротив. Микояна не было. Как только

мы сели, открылась какая-то дверь и он сразу оказался за своим столом. После краткого приветствия нас предупредили, что беседа будет непродолжительной — всего час. Мне первому дали слово для доклада.

«Мы благодарим Бога...» — начал я.

«Ничего, ничего, наша обязанность принять граждан»,— прервал меня Анастас Иванович.

После этого я изложил суть дела. Мы приготовили документы и фотографии о мученической смерти Н. Хмары, конфискации и разрушении молитвенных домов, об отчислении из институтов.

«Это события прошлых лет...» — сказал Микоян.

«Взгляните на свежие факты»,— предложил я фотографии погрома в Щетово Ворошиловградской области и разрушенного молитвенного дома в Сухуми.

Он посмотрел и передал заведующему приемной.

Зачитывая дальше документы о гонениях, дошел до сообщения о Хмаре. Микоян резко прервал: «Виновные в его смерти уже наказаны, не надо об этом вспоминать».

«Мы тоже не хотели бы вспоминать, но в приговоре по его делу написано: «Не подчинялся "Инструктивному письму ВСЕХБ" и "Положению"». Это говорит о том, что государство вмешивается в дела церкви».

У нас было больше тридцати обличительных документов. Я успел осветить только около десяти, остальные просто передал. Анастас Иванович заверил, что эти документы они изучат и через месяц дадут ответ.

Тон, с которым начал говорить Иосиф Бондаренко, Микояну не понравился. Он резко прервал его.

По существу дела говорили другие братья и сестра Лида.

В заключение А. М. Микоян пообещал урегулировать взаимоотношения церкви с государством, но через месяц его сняли, и негативное отношение к пробужденному братству ЕХБ оставалось прежним.

Год передышки

Отказ правительства в разрешении на съезд и оппозиция делу пробуждения со стороны отступивших от истины служителей дали Оргкомитету право пред Богом и по закону страны в одностороннем порядке созвать Всесоюзное совещание служителей церкви ЕХБ, которое проходило в Москве 19 сентября 1965 года. На этом совещании Оргкомитет был переименован в Совет церквей ЕХБ. Список нового состава

членов Совета был отослан в правительство. Служители, не вошедшие в основной состав, были введены в Отдел благовестников при Совете церквей ЕХБ.

Для духовного и организационного руководства церквами ЕХБ, а также для объединения всего братства в единый, независимый от государства, союз в ноябре 1965 года в основном под редакцией председателя Совета церквей Г. К. Крючкова был разработан проект Устава Союза церквей ЕХБ. После обсуждения в общинах он был принят на очередном совещании Совета церквей и одобрен как полностью соответствующий Священному Писанию и вероучению евангельских христиан-баптистов.

1965 год был годом передышки перед новой волной гонений. В это время недруги дела Божьего через послушный им духовный центр планировали свести на нет влияние религии в обществе. Был взят курс на атеистическое воспитание детей в яслях, детсадах, школах. В средних и высших учебных заведениях вводилась новая дисциплина — атеизм. Доступ к высшему образованию для верующих был закрыт. Верующих учителей и воспитателей уволили с работ.

В марте 1966 года для борьбы с внутрицерковным движением статью 142 УК РСФСР (нарушение Законодательства о религиозных культах) усилили до трех лет лишения свободы,— гонения на верующих незарегистрированных общин планировали на десятилетия. Для детей Божьих, особенно для служителей духовного центра, которые не желали нарушать евангельские принципы служения, оставался только один путь — скорбей, разлук, скитаний по тюрьмам и лагерям.

Майская делегация

В апреле 1966 года на совещании в Киеве братья-узники, входившие в состав Совета церквей и отдела благовестников, подняли вопрос о дальнейших ходатайствах по прекращению беззаконий в отношении верующих. Учитывая, что обычно верующих по нескольку дней не принимали в правительственных учреждениях, решили назначить делегацию на середину мая, чтобы в ожидании приема можно было ночевать даже под открытым небом.

16 мая 1966 года в Москву прибыло около 500 делегатов из многих общин гонимого братства. [«Могло быть и 1300 (!), если бы мы не отозвали из отпусков и не сняли прямо с поездов всех желающих»,— признался мне позднее следователь.] Прибывающих на все вокзалы столицы встречали специально назначенные братья и распределяли на станциях

метро, в ГУМе и других местах. Ровно в 9.45 верующие небольшими группами с разных сторон дружно направились к зданию ЦК на Новой площади.

Напротив ЦК — небольшой сквер. Там стоит памятник героям Шипки в виде часовенки с крестом. На нем по-славянски написан текст из Священного Писания: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13). Для многих эти слова послужили вдохновением. Мы понимали, что этим служением также полагаем души свои за братьев.

Оказавшись у главного входа, мы прежде всего громко зачитали участникам делегации ходатайственное заявление. Тут же семь братьев и сестра подписали его.

Мы стояли на виду у прохожих. Через время вышел офицер охраны и предложил перейти в соседний глухой переулок, где находится приемная и справочный отдел ЦК. Когда мы перешли, представители из ЦК, прокуратуры предлагали нам пойти то в Совет по делам религий, то в клуб. Нам было известно, что посланников церквей прежних делегаций без свидетелей избивали и разгоняли, поэтому мы отказались идти куда-либо. Так прошел день. С наступлением темноты все устроились на ночлег там же, прямо на асфальте. Наутро мы вернулись к главному входу ЦК, но ответа так и не дождались.

В 13.45 подогнали 28 автобусов. Верующие сплотились тесным кольцом и, взявшись за руки, запели гимн: «Лучшие дни нашей жизни...» Милиция, военнослужащие и сотрудники КГБ начали избивать всех, молодых и старых. Братьев и сестер вырывали из рядов, били по лицу, по голове, бросали на асфальт, тащили за волосы, забрасывали в автобусы и увозили в неизвестном направлении*.

Так 17 мая 1966 года меня арестовали в третий раз и увезли в Лефортовскую тюрьму КГБ. Через день, 19 мая, в приемной ЦК арестовали Г. П. Винса и М. И. Хорева, когда они пошли узнать о судьбе делегации. Спустя 10 дней, 29 мая, на одной из московских квартир арестовали Г. К. Крючкова.

«Не бойся, малое стадо!»

Несмотря на отсутствие основного состава служителей Совета церквей, Господь совершал Свое славное дело. Сотрудники издательства «Христианин», завершив лаборатор-

*Подробности о судьбе делегации читайте в журнале «Вестник истины № 2, 1981 г.

ные и конструкторские исследования (начатые служителями Инициативной группы еще в 1963 г.), создали офсетную машину и приступили к печатанию Евангелий и сборников духовных песен. В 1967 году впервые была напечатана «Книга жизни» — Евангелие Иоанна. Это было первое облачко, величиной с ладонь, предвещавшее обильный дождь благословений Божьих. Никакие гонения, преследования не могли остановить жизнь Церкви Христовой, потому что сила их не в служителях Совета церквей, которых гонители изолировали, но во Христе распятом. Он сказал: «Не бойся, малое стадо!..»

Я не знаю, есть ли в истории христианства проявления подобных чудес благодати Божьей, когда бы сотни церквей в течение почти трех десятилетий были разлучены со своими служителями-избранниками, но духовная жизнь и рост общин не прекращались, а братство мужало и крепло во славу Божью на путях святой независимости!

Третий срок

Обвинение мне предъявили по статье 142, но улик явно не хватало. Тогда следователь Амелин отдал «Братские листки» и другие документы Совета церквей на экспертизу, которая вынесла заключение, что в них якобы содержатся призывы к неисполнению Законодательства о религиозных культах. Считая, что теоретическая база под обвинение подведена, меня и братьев Г. К. Крючкова и Г. П. Винса осудили на три года лишения свободы каждого.

Мой следователь был явно недоволен методами борьбы с верующими и откровенно заявил: «Я бы не так боролся с вами: подготовил специальных людей и под видом проповедников заслал бы в ваши общины, чтобы разлагать изнутри...»

При содействии Ростовского КГБ третий срок я отбывал в Сальском районе. (В лагере находилось пять братьев по вере.) Но потом меня неожиданно отправили в колонию близ Новочеркасска (Каменный Брод). Там администрация относилась к заключенным жестоко: если до нормы выработки не хватало всего одного процента — сажали в ШИЗО.

После амнистии, которая, как обычно, верующих не касалась, в лагерь стал наезжать пожилой полковник КГБ, некий Иван Андрианович Потапов. Отношение ко мне резко изменилось: сначала неожиданно для всех вывели на расконвойку, а потом, когда до конца срока оставалось всего 27 дней, вдруг

оформили на стройки народного хозяйства и отправили работать в город Шахты.

Сотрудники КГБ, чтобы подорвать авторитет служителей Совета церквей, одних задабривали и всячески смягчали участь, как это было со мной, а других — ужесточенно преследовали. Так моего брата и друга Г. К. Крючкова в середине срока неожиданно перебросили за тысячи километров: из Грозного — в Читинскую область! Там открыли на него уголовное дело и намеревались осудить его на новый срок без выхода на свободу. Геннадий Константинович 19 суток не принимал пищи. Верующие стали ходатайствовать. Бог разрушил замыслы недругов, и Геннадий Константинович вышел на свободу.

29 апреля 1969 года кончился месяц моего пребывания на «химии». Начались бесконечные хождения по кабинетам. В отделении милиции и в горисполкоме, куда я приходил по вопросу прописки, постоянно появлялся пожилой сотрудник КГБ и вел со мной беседы, добиваясь согласия на контакты. Только спустя месяц я оформил прописку, но вызовы не прекращались. То приходили домой повестки, то присылали людей из паспортного стола с записками явиться в такой-то кабинет для беседы. Чтобы не давать никаких сведений о церкви, от разговоров я уклонялся. О вызовах всегда рассказывал Геннадию Константиновичу, а в церкви просил братьев молиться обо мне.

Однажды сотрудник КГБ, назвавшийся депутатом областного Совета (не помню фамилии, пожилой человек), заявил: «Ну вот, Николай Георгиевич, прошло полтора года нашего знакомства, мы изучали вас, вы — нас. Теперь я конкретно ставлю вопрос: вы должны сотрудничать с нами, иначе будем возбуждать уголовное дело. Подумайте, при следующей встрече ответите».

Я категорически отверг требование о сотрудничестве и понял, что они намерены вскоре меня арестовать.

В декабре 1969 года Господь чудесным образом позволил провести в Туле Всесоюзное совещание служителей гонимого братства, на котором был избран новый состав Совета церквей.

До осени 1970 года для верующих снова наступила некоторая передышка от гонений. Но вот 15 августа 1970 года в Туле грубым образом было нарушено совещание Совета церквей. А через 3 дня, 18 августа, из-за угрозы ареста, братья Г. К. Крючков и Г. П. Винс вынуждены были уйти на нелегальное положение, чтобы иметь возможность со-

вершать духовное служение. Не сговариваясь, в один день они ушли из дому. В то время почти все служители Совета церквей не могли появляться в своих семьях и общинах из-за слежки и угрозы ареста.

Четвертый арест

В течение двух лет и я был на нелегальном положении. Иногда встречался с женой, с братьями Шахтинской церкви. В одно из таких посещений я ночевал у В. И. Передереева. С одним братом мы договорились перевезти некоторые материалы церковного архива. Сели в электричку. По дороге брат должен был выйти, взять груз и в Ростове передать мне. Как только он вышел, ко мне подсели молодые парни. Когда подъехали к Ростову, старший из них сказал: «Мы из уголовного розыска. Вчера заявили о краже черной сумки. Мы подозреваем вас. Пройдемте, уточним...» Скрутили мне руки. Выходим из вагона, а тут уже наготове «Волга». Привезли прямо в Ростовское управление КГБ. Это было 7 октября 1972 года.

В кабинете ожидали два пожилых сотрудника, знакомые мне по прежним вызовам. На столе лежал «Бюллетень» № 9.

«Знают ли верующие, что вы арестованы?» — поинтересовались они в первую очередь.

Я же в этот момент больше всего переживал об архиве церковных документов. Думаю: не дай Бог, если он попадется. Господь услышал мою молитву: брат, отправившийся за архивом, остался вне подозрения.

Сотрудники КГБ обыскали мои карманы и сумку. Изъяли отпечатанные на гектографе самоучители игры на гитаре, Библию, «Песнь творения» и фотографию Вани Моисеева. (В это время Совет родственников узников опубликовал сообщение о его мученической смерти.)

Как только они ушли, в кабинете появился очень говорливый человек. Он говорил без умолку. Присутствие его имело определенную цель: в первые минуты ареста, когда нервы напряжены до предела, не дать собраться с мыслями. Мне он не давал возможности сосредоточиться в молитве.

Вербовка

С кем-то посовещавшись, сотрудники КГБ вошли и решительно заявили, что я должен, во-первых, помочь им зарегистрировать общину; во-вторых, содействовать тому, чтобы Совет родственников узников прекратил публикацию

материалов о гонимых и чтобы эти документы не попадали за рубеж; и, в-третьих, пойти на постоянные контакты с ними.

— Если дадите согласие помочь, завтра же будете на свободе и дело, возбужденное два года назад, закроем.

На следующий день при очередном допросе они с досадой сообщили: «Ну вот, верующие уже молились о вас...» Им очень хотелось, чтобы никто не знал о моем аресте (поэтому и брали без свидетелей, когда я остался один), но Господь это не допустил.

Со многими служителями поступали подобным образом: арестуют в дороге, угрозами и шантажом добьются согласия на встречи — и отпустят. А они потом в угоду органам власти стараются убедить церковь не ходатайствовать об узниках, настаивают на регистрации. Верующие в общине не поймут, что случилось со служителем — никто не знает, где он побывал...

Трое суток мне не предъявляли санкции на арест. Я мог выйти на свободу, и никто бы не знал, что меня задерживали,— вернули паспорт и все.

В воскресенье я дал письменный ответ: «Община зарегистрируется, если будет гарантировано невмешательство государства во внутрицерковные дела; деятельность Совета родственников узников прекратится и вопрос публикации репрессий снимется с повестки дня, если не будет преследования верующих за религиозные убеждения. Никаких сведений о жизни церкви давать не могу, в органы власти буду являться только по официальным повесткам».

Явился какой-то начальник в гражданской одежде, видимо, из Ростовского КГБ. (Называли его Николаем Николаевичем.) Втроем они читали мой ответ. Он им явно не понравился.

После этого меня из КПЗ, при внутренней тюрьме управления КГБ, перевели вниз и сдали следователю. Видимо, хотели сами вести следствие, но я отказался принимать пищу. Прошло дня три, и начальник отправил меня в следственный изолятор № 1 общей Ростовской тюрьмы.

От жены везде скрывали, что я нахожусь в КГБ, она очень беспокоилась. Господь дал ей мудрость найти меня, и она смогла даже передать передачу.

Следствие шло месяца три. Несколько раз посещали сотрудники КГБ и снова предлагали: «Освободим тебя, только согласись на сотрудничество».

Я не знал как от них избавиться и вновь отказался принимать пищу. Тогда меня поместили в изолятор и стали искусственно кормить. Дважды давали свидание с семьей,— только

бы стал есть. А перед свиданием вызывали и в который раз склоняли на сотрудничество. Я опять отказался. Семья уехала. Тут же вызвал следователь и, кроме 142-й, предъявил дополнительное обвинение по 227, 190, 193-й статьям УК. В результате осудили на четыре года.

На этом вмешательство КГБ не кончилось. Если третий срок, как я уже говорил, по требованию КГБ я отбывал в Ростовской области, то теперь они отправили меня на север — в Коми АССР, чтобы затруднить встречи с семьей. Практически, на общее свидание жена уже не могла приехать, и ни разу не приезжала; была только на длительных.

Опять И. А. Потапов...

Прошло два года лагерной жизни. Неожиданно вызывают в оперчасть, а там — работник КГБ из Сыктывкара и представитель Ростовского КГБ И. А. Потапов. Он посещал меня в колонии в Каменном Броде.

— По делам службы я был в Воркуте и решил заглянуть к вам, Николай Георгиевич, узнать как живете,— преподнес он свой визит так, будто вовсе и не планировал эту поездку, а просто решил навестить. — Как здоровье? Как работа? Семья?

— Для чего задаете эти ненужные вопросы? Прежде чем вызвать, вы обо всем осведомились! Вам все известно! Я не желаю с вами разговаривать.

Он упомянул о деле, по которому я осужден.

— По этому вопросу тем более не хочу разговаривать. Вы сфабриковали его и прекрасно знаете, что никакой вины за мной нет.

— Зачем вы так строго?

— Не хочу с вами разговаривать!

— Николай Георгиевич, я приятную новость привез. Наверное, вам уже писали...

— Не знаю ничего, от верующих мне писем не передают.

— Да будет вам известно, что в декабре ВСЕХБ разрешен съезд. На эту тему я и хотел поговорить. Может, вы поехали бы?

— Что-то странное слышу! Первый раз в жизни сталкиваюсь с тем, чтобы заключенных приглашали на съезд в Москву. Такого еще не бывало.

— Сегодня вы заключенный, а завтра можете быть на свободе. Все будет в порядке, если на съезде скажете то, о чем попросим.

— С вашими инструкциями никуда я не поеду.

— Напишите верующим, чтобы воздерживались от всяких демонстраций, делегаций, зарегистрировались, не нарушали законодательство о культах. Сделайте первый шаг в знак согласия, и мы это учтем.

— Ничего я писать не буду. И вообще, зачем вы сюда приехали? Для чего тратите государственные средства на такие командировки? Не приезжайте больше ко мне, не хочу с вами разговаривать.

— Подумайте, завтра еще вызовем. (Дело было в пятницу, день поста.)

— И завтра не надо вызывать. Ни на какой съезд я не поеду и верующим ничего писать не буду.

До приезда Потапова я работал строгальщиком в мехцехе и, как специалист, был нужен. Все, вплоть до начальника колонии, были довольны мной. И вдруг меня, сравнительно пожилого человека, отправили на лесоповал, в бригаду, где работала одна молодежь. Попасть туда было очень трудно, желающих не брали. Те, кому здоровье позволяло, зарабатывали там хорошие деньги. Я, как старый человек, оказался у них нежелательным нахлебником. Работать сучкорубом без привычки было очень трудно: постоянно был мокрым от пота, нестерпимо болели руки в локтях. Через месяц рабочие, сжалившись, перевели меня помощником повара. (Обед варили прямо в лесу.)

Узнав об этом, оперчасть настояла вернуть на прежнее место. За девять месяцев пребывания на лесоповале так было несколько раз: местное начальство из уважения переводило на легкую работу, а оперчасть возвращала на тяжелую,— и все это за отказ ехать на съезд ВСЕХБ. В конце концов мое сердце не выдержало переутомления: летом 1975 года у меня было, видимо, предынфарктное состояние, и через санчасть меня с лесоповала вернули на легкий труд.

Бессрочная опека

Освободился я в октябре 1976 года. Опасался, что снова начнутся мытарства с пропиской. На этот раз, к удивлению, никто меня не вызывал. Но как только в паспорте поставили штамп, в тот же день через нарочного меня пригласили для беседы в отделение милиции. Одно крыло из здания занимал комитет госбезопасности. Дежурный сразу направил меня туда. Четвертый срок заключения закончился, а опека КГБ — нет.

Я не знаю должность пожилого человека, который вел беседу, но, видимо, это начальник КГБ г. Шахты. Он не требовал

от меня каких-то обязательств о сотрудничестве, ни о чем не спрашивал, только настойчиво советовал: «Не вмешивайтесь в дела церкви. Пусть все идет, как идет».

1978г. Краткие радостные встречи служителей в перерывах между продолжительными узами за имя Христа.
(Слева Д. В. Миняков, справа Н. Г. Батурин.)

Запомнился такой момент: Ростовская автономная община выходила из состава Совета церквей. В связи с этим я должен был ехать на братское совещание. Накануне меня вызвал этот человек: «Николай Георгиевич, у Ростовских назрел вопрос регистрации. Не вмешивайтесь, пусть сами решают».

Приезжаю на совещание и в ходе рассуждений один из служителей автономной общины вдруг говорит: «Братья, у нас такая просьба к Совету церквей: хотя бы два года не вмешиваться в дела нашей церкви, оставьте нас в покое».

Мне сразу стало не по себе. Думаю: не может быть случайным такое совпадение, когда служитель повторяет те же слова, что и КГБ! Тогда я рассказал совещанию, что такой же совет давали мне в кабинете госбезопасности, и предупредил: «Смотрите, братья, откуда все это исходит!»

Поворотный момент

27 августа 1977 года в Ростов съехалась христианская молодежь Украины, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Прибалтики и других мест. Все пути к дому, в котором должно проходить общение, перекрыли милицейские машины и автобусы. Собравшимся пришлось перейти в рощу, но и там богослужение проводить было невозможно: гремели громко-

говорители, специально подосланные молодые люди танцевали, громко пели, потом развели костер. Задыхаясь от дыма, верующие вынуждены были искать другое место и пошли в город. Там, на одной из площадей, в окружении милиции и толпы слушателей прошло получасовое служение. Свидетельство о Господе было большое, а это никак не входило в планы устроителей разгона, и они стали просить верующих вернуться в дом. Я был участником того необычного общения. Оно оставило в душе моей неизгладимый след*.

В продолжение двух лет я совершал служение в нелегальных условиях: помогал в подборке и обработке статей для журнала «Вестник истины», готовил материал библейских курсов, участвовал в совещаниях Совета церквей и по возможности посещал общины. Это было очень напряженное время в жизни братства: повсеместно шли аресты, не прекращались слежки. Для этой цели были задействованы не только сотрудники официальных органов, но и рабочие на производствах, врачи, учителя, соседи и пенсионеры. Передвигаться по стране было очень сложно. На вокзалах нельзя было появиться.

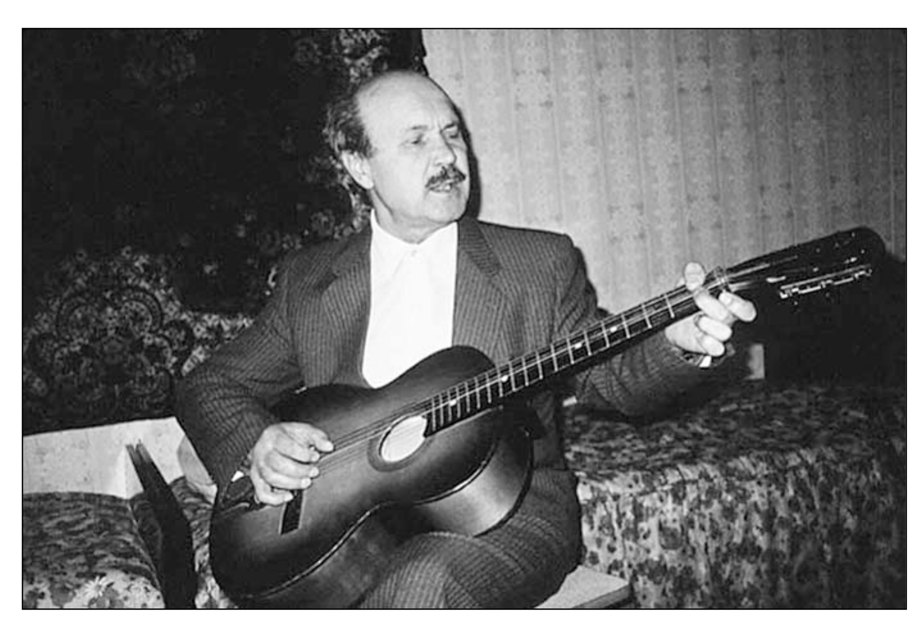
---

* Это общение было поворотным моментом в судьбе Николая Георгиевича. После четвертых уз за Слово Божье и за свидетельство Иисуса Христа он пробыл на свободе всего одиннадцать месяцев. Служители советовали, чтобы к месту общения он шел один и, если заметит, что милиция и дружинники подтянули силы для разгона, воздержался от участия в общении. На Николая Георгиевича, как и на других служителей Совета, уже было заведено уголовное дело.

Он так и поступил: шел рощей один. На него никто не обращал внимания. Видя, что все оцеплено, на перекрестках дежурят милицейские машины, мотоциклы, Николай Георгиевич намеревался было пройти мимо. Но тут вдруг роща огласилась звуками чудного пения: «Нет, не умолкну, хоть тяжек гнет уз, небо, с тобою мой вечный союз...»

Этот гимн он слышал впервые. Не раздумывая ни минуты, он устремился туда, откуда доносилось пение, и без колебания влился в ряды поющих, окруженных плотным кольцом гонителей. Ни угроза пятого ареста, ни даже смерть не могли уже заставить его повернуть назад. Об этом свидетельствует записка, которую Николай Георгиевич написал своим сотрудникам:

> Обрати внимание на хоровой псалом „Небо." Он звучал во мне, когда, попрощавшись с семьей, я шел через рощу в Р-ве на молодежное общение в конце августа 1977 г. Этот день был решающим в направлении моего последующего жизненного пути. А гимн этот был тогда для меня новым: он появился в братстве во время моего последнего заключения.

Духовные песни прекрасной чередой сопутствовали мне во всех жизненных странствиях. С новой силой они звучали «в одиночестве моем».

Пятый арест

Возвращаясь из поездки по Северному Кавказу, я не рассчитал время и засветло подъехал к дому, в котором работал. Он находился под постоянным наблюдением: сосед отмечал всех, кто приходил, кто уходил, какая машина подъехала и т. д.

5 ноября 1979 года я собрался ехать в Москву на встречу с братьями, на руках был билет. За два часа до отъезда в дом вошли нежеланные гости. Произвели обыск якобы по запросу Львовской прокуратуры. Изъяли много духовной литературы, архивных документов и материалов для журнала «Вестник истины» и библейских курсов, а меня арестовали.

Это было в г. Смела Черкасской области. Дело вел старший следователь областной прокуратуры К. И. Яковлев. 16 января 1980 года, после моих многочисленных ходатайств, он выдал мне Библию. С небольшими перерывами почти до самого освобождения Господь дал мне возможность пользоваться этим сокровищем в узах.

Полгода длилось следствие и четыре с половиной месяца я ожидал суда, который шел на территории завода в Черкассах. Никого из верующих не допустили, и к концу первого

дня зачитали приговор — пять лет лагерей строгого режима. Я сказал: «За все слава Богу!»

Положенного после суда свидания не дали. Лишь спустя месяц, в тюрьме, я встретился с женой, матерью и младшим сыном Алешей.

19 сентября отправили этапом через Днепропетровск, Харьков, Свердловск и Мариинск в Юргинский лагерь Кемеровской области. За год скитаний по тюрьмам и по этапам я провел в постах примерно полгода. (Жаль, что не сохранился календарь, где я отмечал эти благословенные дни.)

Месяц я проработал там в строительной бригаде, было очень тяжело. Отняли Библию и несколько тетрадей с записями и долго решали: вернуть или нет. Затем перевели меня в лагерь города Белово той же области.

Были выходные дни, закрыли меня в ШИЗО одного. Спал на голых нарах, положив валенки под голову. Трое суток не ел, не пил — молился, чтобы не отняли Библию и тетради. Господь услышал — все осталось при мне!

Из Юрги меня привезли с характеристикой якобы я, прикрываясь религиозными убеждениями, занимался антисоветской агитацией. Поэтому в Белово с первых же дней за мной установили строгий контроль, стали оформлять одно нарушение за другим:

у заключенного нашли мою тетрадь с записями из книг «Числа» и «Второзаконие», и закрыли меня на три дня в ШИЗО;

в мае 1981 года лишили на месяц ларька за книгу Рогозина «Существует ли загробная жизнь?»;

третье взыскание (10 суток ШИЗО) получил в ноябре 1981 года за юбилейный «Братский листок», который удалось прочитать только раз. «Правильно наказали,— заявил прокурор по надзору,— А если бы другим давал читать,— привлекли бы к уголовной ответственности». Эти дни были не в тягость: провел их в посте и молитве;

На Рождество 1981 года я не вышел на работу (у меня был задел, и я оформил отгул). Узнала оперчасть и водворили в ШИЗО на пять суток,— это было четвертое наказание.

Я снова не принимал пищу. В этот раз мне было очень трудно. В камере вместо семи человек теснилось нередко 17. Вокруг грязь, постелей не было, спали на голом полу. Меня постоянно мучило повышенное давление — 190/100. В последние сутки буквально нечем было дышать, и я подползал ближе к двери под свежую струю. Пульс еле прощупывался.

Но и в этой тесноте я все же старался свидетельствовать о Господе. Люди спорят, с трудом доверяют Слову, ярые — отрицают, вдумчивые — сомневаются. Молился, чтобы хотя некоторым запали живые семена Слова Божьего.

И в зоне обстановка была не лучшей: бараки переполнены, нары в три яруса с проходами всего на ширину тумбочки. Невозможно помолиться даже ночью: возвратившиеся с третьей смены шумят, сквернословят. Территория лагеря настолько мала, что люди толпами ходили по дорожкам во время прогулок. В выходные дни только на стадионе можно было свободно прохаживаться. Как я нуждался в уединенном месте для общения с Господом!..

Тяжелые вести

В этом же году для беседы со мной из Москвы приехал сотрудник КГБ, лет 35. Войдя в кабинет, я отошел к окну, преклонил колени, вслух помолился. Беседовали один на один.

— Николай Георгиевич, поскольку вы пользуетесь авторитетом в Совете церквей, мы будем встречаться не только здесь, но и на свободе. Без меня вы не обойдетесь.

— А что, Потапов и его товарищи уже на пенсии?

— Да.

— Я хочу знать вашу фамилию, должность.

— Узнаете в конце беседы. Николай Георгиевич, вот вы сидите, а вашу молодежь воспитывать некому, они не подчиняются дружинникам...

— Я здесь ни при чем. И как вам хорошо известно, нахожусь в заключении не за преступление.

— Совет церквей,— продолжал сотрудник КГБ,— занял неправильную позицию, некоторые члены Совета уже поняли это. Да будет вам известно, что Сибирь и Средняя Азия скоро отойдут от Совета церквей,— это зависит от... (и назвал две известные в братстве фамилии служителей).

С тяжелым сердцем я уходил с этой беседы. Никто не знал, как горько было мне за братьев, которые оставили путь истины и смущали народ Божий. Господь видел мои переживания и утешил меня: именно с этого дня я больше всего стал получать писем от верующих Сибири и Средней Азии.

Новое уголовное дело

Прошло время. Однажды следователь областной прокуратуры в присутствии оперуполномоченного и двух понятых из администрации произвел обыск на моем рабочем месте

(в жилой зоне) и личный. Изъяли все записи, открытки, письма. (Библия пропала незадолго перед этим.)

28 сентября 1983 года меня перевели в следственный изолятор Кемеровской тюрьмы. Обвиняли по 190-й статье: клевета на советский общественный строй. Только теперь мне стало ясно, почему оперчасть так последовательно оформляла одно необоснованное нарушение за другим,— без этого невозможно было бы осудить меня в лагере на новый срок.

Нужные следствию показания могли дать только лжесвидетели. За этим дело не стало: в камере, куда меня поместили, люди были заранее подготовлены. С первого дня они стремились заводить разговоры, компрометирующие политику нашего государства, всячески пытались подтвердить возводимую на меня клевету.

Во время следствия я ходатайствовал о получении Библии. 21 декабря 1983 года на свидании жена передала ее. Я был очень благодарен Господу.

Мои желания исполнились

Запись в дневнике:
Кемеровская тюрьма,
под следствием, 26.12.83 года.

Следователь дал мне ознакомиться с материалами дела, к которому был приобщен журнал «Вестник истины» № 1, 1981 г., изъятый в Белово при обыске у брата Хмелева. Там помещена моя статья, а на обложке — тексты о побеждающих из Откровения Иоанна.

Я давно хотел, чтобы эти стихи из Священного Писания были вынесены на отдельную страницу журнала или другого издания. Мое желание исполнилось! Господь соединяет нас в одном духе и одних мыслях. Слава Ему!

В этом журнале я прочел о кончине дорогой сестры в Господе С. П. Бочаровой, 11 с половиной лет отдавшей работе в издательстве «Христианин». Она отошла в вечность 22 января 1980 года (когда я находился в Черкасской тюрьме). Я узнал об этом почти четыре года спустя. Благодарил Господа за всех святых, ушедших от нас. «Любящие Господа да будут как солнце, восходящее во всей силе своей».

Мой последний суд

Суд проходил 26—27 января 1984 года. Ходатайство о предоставлении верующего адвоката отклонили и в этот раз, тем самым лишив меня права на защиту. По закону та-

кие приговоры не имеют силы, но никто не думал отменять ни Черкасский приговор, ни тем более Кемеровский.

Это был мой шестой суд, но я впервые встретился с тем, что подсудимого не кормят. Утром в тюрьме я получил только пайку хлеба, а в перерыве мне даже воды не дали, не говоря уже о положенном обеде.

Многим лжесвидетелям, выступавшим против меня на суде, я действительно давал читать Слово Божье, беседовал с ними. «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого» (2 Кор. 4, 3—4). И хотя всем лжесвидетелям я простил, но решение о них будет от Господа по правде Его.

31 января, в день, когда выносили приговор, конвоир подвел меня к скамье подсудимых и сказал: «Садись слева». В предыдущие дни я располагался на ней, где хотел. Мне сразу вспомнился стих из Священного Писания, который я прочитал в это утро: «Ибо Он стои̇т одесную бедного, чтобы спасти его от судящих душу его» (Пс. 108, 31). Я ободрился: Господь будет стоять рядом и защищать меня!

Прокурор требовал наказать по всей строгости, включив и оставшийся срок. Судья же ограничился тремя годами, то есть к прежнему сроку добавил меньше двух лет*. Слава Господу!

Зал был полон друзей по вере. Середина зимы, Сибирь, но, когда зачитали приговор, меня забросали цветами! Благословляя на новые страдания, запели гимн: «Христианин, неси огонь чудесный свой...»

Позже я узнал, что без выхода на свободу также осуждены братья: П. В. Румачик, Я. Г. Скорняков, М. И. Хорев, Р. Д. Классен, А. Т. Козорезов.

Самые тяжелые дни

После суда меня перевели в подвал. В камеру не проникал даже дневной свет; духота, все курят, на прогулку не выводят,— это были самые тяжелые дни за все годы моего пребывания в неволе. К этим трудностям прибавились посещения корреспондента «Советской России», а также

*Защитительная речь Н. Г. Батурина на этом суде помещена в журнале «Вестник истины» № 2—3, 1984 г.

появление клеветнической статьи в местной газете «Кузбасс». В ней затронули даже моего отца: только теперь я узнал, что его, как и тысячи христиан, арестованных в 1937 году, обвинили в надуманных преступлениях.

Прочитав ее, я отказался от пищи. Шли десятые сутки, на меня никто не обращал внимания. Затем, чтобы заставить принимать пищу, вызвали в санчасть. «В крови нашли сахар, значит ты ел!» — заявили врачи и дали заключение, что я не принимал пищу всего три—четыре дня. Перевели в одиночную камеру. Я обрадовался: свежий воздух, можно спокойно молиться, петь.

За этот день оперчасть, вызывая заключенных по одному, настроила всю камеру, якобы я хочу устроить в тюрьме саботаж. Через сутки меня возвратили к ним. Захожу, чувствую, атмосфера накалена: мое место уже занято (до этого я спал внизу), заставили взбираться на второй ярус, а у меня нет сил. «Ложись на мое место, я поднимусь наверх,— сжалился пожилой заключенный. — Пока я здесь, тебя никто пальцем не тронет». Я понял, что они хотели меня избить, но Господь не допустил.

Через два дня на свидание приехала жена, я получил передачу, стал принимать пищу. Сразу же перевели в больничную камеру, которая не отапливалась, я сильно простудил почки. Майор оперчасти, разжегший эту травлю, постоянно интересовался моим самочувствием, и, если бы не Господь, то живым они поглотили бы меня.

«Хочу домой к Иисусу...»

Запись в дневнике:

Кемеровская тюрьма, после суда, 14.03.84 г.

Закончил чтение книги пророка Михея. Немножко приболел: «Хочу домой к Иисусу...» Вспомнил свою юность...

У Бетховена однажды спросили, чего он более всего ожидает в Небесном Царстве? «Там обрету я мой слух»,— ответил он.

Там и я «многих встречу любимых друзей, чудно свиданье вдали от скорбей!..» Там мы будем петь в совершенном хоре, сливаясь с хорами Ангелов.

Там я расскажу о своей одинокой жизни в разлуке со всеми, «кто дорог был и мил». Всем поведаю самое сокровенное: о любви великого Господа Иисуса ко мне, наименьшему из Его рабов.

Исполнятся и многие другие желания: чего «не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

А самое главное — я узрю моего драгоценного любящего Господа Иисуса Христа на престоле в вечной славе одесную Отца и Бога Своего и Бога нашего.

Джамбульская зона

Итак, в Кемеровской тюрьме я провел восемь месяцев. 19 мая 1984 года меня отправили этапом через Новокузнецкую и Барнаульскую тюрьмы на Джамбул. Я ожидал, что перебросят в зону поблизости, но вот уже Сибирь осталась позади, а конца пути не видно. Безжизненные казахстанские пески навевали тоску.

В пути я молился, чтобы на новом месте Господь послал уголок для молитвы, и Бог услышал.

Приближался конец срока. Администрация снова стала выискивать нарушения: не пошел на политзанятие. (Я был в это время на амбулаторном лечении из-за высокого давления и предупредил об этом дежурного офицера, но он все-таки оформил рапорт, и мне объявили выговор.) В августе получил второе взыскание: не успел вместе со всеми поужинать,— тут же пришли с обыском и за хранение продуктов на рабочем месте лишили на месяц ларька. Как я позднее понял, все это делалось для того, чтобы освободить меня с надзором.

Последний год работал садовником, выдавал инструменты рабочим. Я благодарил Бога, что Он, видя мое утомление, послал передышку. А самое главное: я имел постоянное место для уединенной молитвы и общения с Господом, что было бесконечно дорого.

Трудный путь домой

Опасаясь, что ко дню освобождения приедут многие друзья, администрация лагеря в срочном порядке вызвала спецконвой из Алма-Аты (старшего лейтенанта и двух солдат) и отправила меня на этап. Я прошел уже не один этап и знаю, что это такое. Но на сей раз мне впервые в жизни надели стальные наручники как самому опасному государственному преступнику*.

*Самозажимающиеся спаренные браслеты, стягивающие запястья рук. При малейшем движении причиняют невыносимую боль.

Наручники, как правило, надевают на буйных, не подчиняющихся конвою заключенных, или на смертников. Сопровождающий офицер, очевидно по указанию сверху, специально проявил надо мной свою власть, и возможно, В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ. Убедившись что я не тот человек, за кого меня приняли, через полчаса наручники сняли. По милости Божьей мне было даже легче с этим конвоем: не изматывали по общим камерам.

В Уральске, как обычно, обыскали и завели в камеру смертников. Затем — Воронеж; и снова, как особо опасному преступнику, место нашли только в карцере. Я был благодарен Господу и за эти условия: свободно молился, пел, укреплялся духовно.

Семь дней везли до Ростова. Там я пробыл последнюю неделю перед освобождением. 26 сентября доставили в Шахты. Ночь провел в бараке. Утром объявили надзор: с шести вечера до шести утра из дому не выходить, раз в неделю отмечаться в милиции и за пределы города не выезжать. И меня освободили.

Желанная встреча после долгой разлуки со всеми «кого любил, о ком молил, кто сердцу дорог был и мил».

27 сентября после семилетней разлуки Бог подарил мне радостную встречу с семьей, друзьями и молодежью. Разговаривал я с трудом, потому что второй день был в посте, но, увидев дорогую церковь и родные лица многих детей Божьих, воспрянул духом.

Когда меня в лагере осудили на новый срок, кажется, прибавилась печаль к печали, тяжесть к тяжести, но Господь ни на минуту не оставлял меня и всегда с любовью заботился обо мне.

Служение в узах

С первых дней пребывания в Черкасской тюрьме я задумался: зачем Господь допустил мой арест? Столько труда на свободе, а служителей мало, и вдруг я оказался отрезанным от всего.

Господь утвердил меня, что я послан в узы для МОЛИТВЫ. Для молитвы о братстве, о всем деле Божьем, о тружениках наших, о Совете церквей, об издательстве «Христианин», о семьях узников. Молился я и о радиомиссионерах и родственных по духу христианских миссиях, издательствах и о многих братьях и сестрах лично. Очень часто я находился в посте, особенно первый год, который почти весь прошел в тюрьме. Я понял, что молитва — это мое самое главное служение в узах.

Наше братство пережило тяжелые моменты затяжных гонений. Изолировав пастырей, недруги дела Божьего хотели обезглавить церковь и рассеять стадо, но этого не случилось.

Церковь Христова — не человеческая организация, она — Тело Его, а Он — ее Глава, и до тех пор, пока не нарушено это святое единство, ей ничто не угрожает. Ни одно орудие, сделанное против Церкви, не будет успешно, если она идет путем очищения, освящения и неукоснительного исполнения заповедей Господних.

Господь допустил эти гонения и разлуку с пастырями не для того, чтобы нанести ущерб народу Своему. Наоборот, попав за решетку, служители продолжали совершать очень важное служение — день и ночь подвизались в молитвах за народ Божий. Находящиеся же на свободе, хотя и подвергались ударам, старались ходатайствовать о дорогих служителях-узниках.

Господь слышал наши искренние молитвы, в этом мы неоднократно убеждались. И не только в чем-то большом,

но даже в самом малом Он обильно восполнял наши нужды и защищал.

Я лично всегда считал своим долгом молиться также и о Геннадии Константиновиче, потому что ему гораздо тяжелее нести служение, хотя он и не за тюремной решеткой. На протяжении последних 18 лет он находится в добровольных узах только ради дела Божьего, ради сохранения духовных побед, ради независимости церквей Христовых. И надо особо сказать: эти долгие годы проведены им в условиях конспирации не для того, чтобы просто укрыться от ищущих его. Это время отдано ответственному, напряженному труду руководства Советом церквей и всем братством в целом; труду, который Господь поручил ему исполнять еще 30 лет назад, с первого дня пробуждения. И мы должны благодарить Бога, что Он дает ему еще терпение, силу и здоровье совершать это нелегкое служение, а главное — увенчивает его обильными благословениями.

Давно известно: чтобы избежать тюрьмы — не нужно уходить в автономную общину или во ВСЕХБ. Любому верующему нашего братства стоит сказать что-то против служителей Совета церквей и лично против Геннадия Константиновича,— и свобода ему гарантирована.

1986 г. Н. Г. Батурин с супругой Валентиной Матвеевной.

Органам власти выгодно, когда кто-либо хотя бы в мягкой форме высказывается неодобрительно о внутрицерковном движении за очищение и освящение. По этому признаку они определяют, кто предан Господу и верен Ему до смерти, а кто «...за жизнь свою отдаст... все, что есть у него...» (Иов. 2, 4).

Молитвенное служение — самое великое, самое ценное, в нем вся жизнь для братства, жизнь для Совета церквей, жизнь для каждого из нас. Чем больше мы льнем в молитве

Н. Г. Батурин на одном из совещаний служителей Совета церквей.

к нашему Господу, тем ближе и родней будут для нас гонимое братство и все его служители, тем дороже святое дело Его. Только через молитвенное общение с Богом мы объединяемся друг с другом в единую паству, где единый Пастырь — Господь. Он и приведет нас в Свои вечные обители, которые приготовил любящим Его.

Великое приобретение

В 1985 году исполнилось 40 лет как я принял водное крещение. В моей жизни получилось так, что половину этого времени я пробыл в узах и ссылке. Но никогда у меня не появлялось сожаление или сомнение в избранном пути. Я знал, что этим путем ведет меня Господь. Он всегда был со мной,— это ободряло меня.

Я не был материально богатым, поэтому мне нечего было терять, когда начался мой скорбный путь. Все время я только приобретал благословения Божьи, которые несравнимы ни с какими земными сокровищами! Мне хочется повторить вместе с Апостолом Павлом: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4, 7—8).

«Межи мои прошли по прекрасным местам...»
Пс. 15, 6

Для моего отца, Батурина Егора Степановича, в начале 30-х годов отправным пунктом этапного пути был: Иланский сельсовет — Канская — Красноярская тюрьмы. Затем — на барже до Енисейска, оттуда — в тайгу в Соврудник. 28 апреля 1936 года — Красноярская внутренняя тюрьма — тюрьма № 1 — Мариинская тюрьма и лагерь. Новосибирская тюрьма и лагерь в Татарском районе. Снова — Мариинская тюрьма и один из лагерей Кемеровской области, где 7 марта 1941 года он умер в возрасте 40 лет.

Через семь с половиной лет после смерти отца, на 21-м году жизни, начался и для меня тот же путь.

1-й арест: 28 сентября 1948 года — Красноярская внутренняя тюрьма. С 8 января до 15 марта 1949 года — Красноярская тюрьма № 1. Этап: Новосибирск — Омск — Челябинск — Куйбышев — Москва — Лефортовская тюрьма — Подмосковье (станция Кучино) следственная тюрьма до 15 марта 1950 года. Москва — Бутырская тюрьма — этап в «столыпине» до Вологды. Оттуда — спецсоставом из товарных вагонов до Воркуты, где я находился до 28 сентября 1955 года.

2-й арест: 12 января 1962 года — КПЗ г. Шахты — Новочеркасская тюрьма — Саратовская — Челябинская — Новосибирская — Иркутская. Боханский район село Оса — конечный пункт этапа, где родилась Вера. Там, на высылке, я жил до марта 1965 года.

3-й арест: 16 мая 1966 года — Москва — Лефортовская тюрьма — Красная Пресня — Ростовская тюрьма — Сальский район, колония в поселке Юла. Сентябрь 1967 года: Ростовская тюрьма, колония Каменный Брод до 20 апреля 1969 года.

4-й арест: 7 октября 1972 года — Ростовская внутренняя тюрьма № 1 — Новочеркасская — Волгоградская — Казанская — Кировская тюрьмы — Котлас — станция Висляня — Княжпогост — 1-я и 3-я зоны — ШИЗО — Верхний Чов до 7 октября 1976 года.

5-й арест: 5 ноября 1979 года — КПЗ г. Смела — Черкасская — Днепропетровская — Харьковская — Свердлов-

ская — Мариинская тюрьмы — г. Юрга — колония — Кемеровская тюрьма г. Белово — колония до 28 сентября 1983 года.

6-й арест: 28 сентября 1983 года из лагеря г. Белово перевели в следственный изолятор Кемеровской тюрьмы. Суд. И снова — Новокузнецкая — Барнаульская тюрьмы и — Джамбул. Сюда прибыл 5 июня 1984 года.

Последний этап перед освобождением в сентябре 1986 года: Уральская — Воронежская — Ростовская тюрьмы — Шахты — зона строгого режима. Здесь я провел всего одну ночь и меня освободили с надзором на год. В общей сложности Господь провел меня через 50 тюрем и лагерей.

«Возлюбленный мой...»

На этих словах 4 октября 1988 года в 22 часа оборвалась жизнь дорогого служителя. Он написал лишь заголовок, а дальше должны были идти рассуждения о скорбной песне Возлюбленного о винограднике, принесшем дикие ягоды.

Смиренно повинуясь Господу, Николай Георгиевич при содействии Божьем приносил добрые грозди даже в страданиях и всю жизнь сокрушенно плакал о тех, кто опечаливал сердце заботливого Виноградаря дикими ягодами.

Но слез уже было довольно. Настало время незакатной радости для великого печальника и молитвенника русского братства. Вместе с сонмом святых теперь он поет новую, ничем не омраченную песнь Возлюбленному, которую начал в долине слез.

Одинокой была его жизнь и такими же последние минуты пребывания на земле. Жена уехала на лечение, сына он отправил по делу благовестия далеко в Сибирь, дочерей проводил на спевку.

Весь этот день он писал. Торопился закончить историю Шахтинской церкви к ее 70-летию. Поднялось высокое давление. Он нашел силы попросить соседей вызвать «Скорую помощь», но она не понадобилась — Николай Георгиевич был уже у Господа.

Через полчаса вернулись дети. У постели отца стояли чужие люди. На столе горела лампа, лежала, как обычно, раскрытая Библия, тетрадь с записями: «Уроки Боговедения по книге пророка Исаии». Рядом в записной книжке — сотни мест из Священного Писания по этой теме.

В последний путь

8 октября 1988 года в солнечный прохладный осенний день Шахтинская церковь совместно с верующими, прибывшими со всех концов страны, провожала в последний путь дорогого служителя — Н. Г. БАТУРИНА.

Весь предыдущий день и всю ночь лил проливной дождь, завывал ветер; казалось, сочувствуя утрате, плачет само небо. При такой погоде трудно было бы совершать траурное богослужение, но по молитвам детей Своих Бог в день похорон послал ясную погоду, и многочисленная толпа неверующих могла спокойно слушать проповеди, звучавшие во дворе дома, где жил Николай Георгиевич. Вернее, где жила его семья, потому что сам он около 24 лет провел вдали от родных, скитаясь как служитель Божий по тюрьмам и лагерям и в нелегальных условиях.

С ранней юности Николай Георгиевич полюбил Господа. 43 года был членом церкви, 26 лет на служении в Совете церквей, 9 из них — секретарем СЦ ЕХБ. В короткие промежутки между арестами он вместе с другими братьями подвизался в деле домостроительства независимого братства.

«Дорогà в очах Господних смерть святых Его»
М. И Хорев проповедует на прощальном богослужении.

Последний путь, последний долг любви любимому и верному служителю Божьему. (Похоронная процессия по дороге на кладбище.)

Только за последние полтора года после освобождения из уз он посетил 111 церквей нашего братства: Сибири, Урала, Алтая, Украины, Белоруссии. За две недели до перехода в вечность радовался в общении с народом Божьим в Средней Азии.

Переступая же тюремный порог, Николай Георгиевич начинал молитвенное служение, которое также без преувеличения можно назвать подвигом. Болея о деле Божьем, он отказывал себе даже в скудном тюремном пайке и, практически, через день пребывал в посте. Он и на свободе не отступал от этого правила. Молитва была его вторым дыханием.

Более трех часов шло служение у дома. Жители многоквартирного дома открывали окна, вышли на балконы, некоторые поднялись на пожарные лестницы и внимательно слушали Слово Божье. Затем гроб с телом Николая Георгиевича подняли на плечи служители Совета церквей и траурная процессия двинулась к кладбищу. Впереди шли дети с цветами, за ними друзья несли венки (их было 48). От дома до кладбища 4 километра. Шли два часа по трем центральным улицам. 10 раз останавливались для проповеди и свидетельства о Господе стекавшейся со всех сторон толпе слушателей.

Ветер расправлял полотна с текстами Священного Писания: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил...», «Блаженны мертвые, умирающие в Господе», «Верующий во Христа, если и умрет, оживет» и другие.

Замыкали шествие три духовых оркестра (Курской, Харьковской и Здолбуновской церквей).

По пути к процессии примыкало много неверующих людей. Николай Георгиевич при жизни постоянно молился и призывал к широкому благовестию истины Господней. Призыв этот остался завещанием для всех, кто слышал его проповеди. Воистину, желание боящихся Господь исполняет и вопль их слышит. Похоронная процессия была продолжением его проповеди о Христе. Играл оркестр, пели гимны, рассказывали стихотворения, раздали неверующим очень много Евангелий Иоанна.

Когда лучи заходящего солнца посылали всем свой багряный прощальный привет, родные и друзья по вере, благоговея, предали земле прах дорогого отца, любящего мужа и верного служителя Божьего. Боль временной разлуки снимали со скорбящих сердец святые слова Спасителя, прозвучавшие в последний момент: «...Верующий в Меня, если и умрет, оживет... Веришь ли сему?» (Иоан. 11, 25—26). «Верим!» — ответила жена и дети Николая Георгиевича. Этой верой утешены были и все, кому близок и дорог был при жизни Николай Георгиевич Батурин.

МИСИРУК
Степан Никитович

1931—1996

(Автобиографический очерк)

Годы детства

Ни года, ни дня своего рождения я не знал. Мать умерла, когда я был ребенком; отец тоже не помнил точной даты, поэтому в документах записали: 6 июня 1931 года.

Родился я в Волынской области, в глухом селе Крымно (17 километров от районного центра). Детей в семье было шестеро, я — самый младший.

Мне посчастливилось бывать в воскресной школе и учить молитву «Отче наш», из которой в детской памяти осталось всего несколько слов.

Родители были евангельскими христианами. К нам часто заходили верующие сестры. Длинными зимними вечерами они пряли на веретенах и пели. Любимым маминым гимном был: «Уж скоро Господь нас введет в Ханаан...» Возможно, она чувствовала, что скоро перейдет в вечность. Не знаю почему, но, указывая на меня, она говорила сестрам: «Этот будет таким, как библейский Стефан...» Смысл этих слов я не понимал, потому что Библию в детстве нам не читали. Только теперь, когда Господь повел меня путем страданий, я понял ее слова. Слава Богу, ее молитвы услышаны: все дети стали христианами.

Научился и я петь христианский гимн «Вот ворота пред тобою...» Где бы я ни ходил — везде распевал его, мне очень хотелось попасть на небо, где живет Христос.

Я был более привязан к отцу, хотя воспитанием детей он не занимался, потому что с раннего утра и до поздней ночи работал в поле.

Мне было года четыре, когда однажды отец и мать уехали на христианский брак, а мы остались одни. Помню, пришли соседские мальчики, ровесники моим старшим братьям,

и принесли табак. Было лето, мы спрятались в конопле и все начали курить. Вдруг слышим пение: родители возвращались с богослужения... «Теперь нам будет!..» — забеспокоились старшие братья. На меня тогда тоже напал страх. «Больше никогда курить не буду»,— решил я. На протяжении всей жизни Господь хранил меня от этого порока.

Жажда спасения

После смерти матери отец духовно охладел и, когда мы переехали в 1950 году в Одессу, в собрание не ходил. Женился. Дети пошли каждый своей дорогой.

Во время войны я учился в школе. Окончил шесть классов и устроился на работу. Там научился играть в карты, домино и тратил на это все свободное время. На танцы меня не влекло, а в кино изредка ходил. Пристрастился к вину, потому что был свой виноградник, делали вино. Но какой-то огонь жег мою совесть, хотелось стать верующим, но не было человека, который привел бы меня к Иисусу Христу.

Я присматривался к людям: не встречу ли знающих Бога? В нашей бригаде работали верующие отец с сыном, но они были азартными игроками в домино, и я никогда не слышал от них свидетельство о Господе. Евангелия у меня не было.

Наконец я узнал, что в нашем поселке есть верующие и проходят собрания. 31 декабря 1951 года мы с товарищем пришли туда. Там были в основном старички. Собрание окончилось, верующие остались встречать Новый год, а нас никто не пригласил. Обидевшись, мы ушли.

В 1953 году на Троицу я немножко выпил с друзьями, но на душе было тяжело,— я решил больше никогда не пить. Слава Господу, Он помог мне сдержать это слово.

В августе 1953 года отца посетил местный служитель. Как сейчас помню: пришел я вечером с работы, а они рассуждают о том, как после проповеди Апостола Петра весь дом Корнилия был спасен. Сердце мое загорелось: а наша семья? Мне так захотелось помолиться, но брат беседовал с отцом и не обращал внимание на то, с какой жаждой я его слушал.

В ту ночь я дежурил в винограднике и там наедине с Богом излил свою душу перед Ним. На сердце стало легко: я почувствовал, что Господь простил меня и дал новую жизнь.

С радостью я пошел на богослужение. Там было 12 старцев. «Я хочу служить Господу, помолитесь обо мне»,— попросил я верующих. Руководящий брат предложил: «Если можешь — помолись». Я склонился на колени и со слезами помолился.

Первые шаги духовной жизни

После покаяния в душе загорелось желание возвещать о Господе другим. Каждый раз я старался привести в собрание хотя бы одного из знакомых.

Я узнал, что и на Пересыпи проходят богослужения и там много молодежи. Меня и моего брата Тимофея молодежь окружила большим вниманием.

Вскоре покаялись: моя жена, мой родной брат и еще некоторые. В 1954 году восемь человек заявили на крещение. Для Усатовской зарегистрированной церкви это был праздник: с 1945 года они не крестили ни одной души.

Мне и жене брата уполномоченный не разрешил преподать крещение. Я огорчился до слез. Диакон городской общины Пироженко крестил нас с условием, что никому не расскажем.

Соседи заметили, что наша жизнь резко изменилась. Удивлялись: «Что с ними произошло? Каждый вечер поют!»

На нашем собрании иногда некому было даже проповедовать. Однажды старец, который уже лет 15 был верующим, предложил мне помолиться перед началом богослужения.

— А почему не вы? — растерялся я.

— Я никогда вслух не молился,— сознался он.

Хотя я был еще духовным младенцем, но в трепете помолился, потом кто-то из сестер прочитал Слово Божье.

Собрания проходили по воскресеньям. Однажды сестра-проповедница предложила мне первый раз сказать слово: «У меня же нет Евангелия!» Она дала Новый Завет: «Подготовься». — «Можно это прочитать?» — спросил я, открыв знакомый стих Священного Писания. Она взглянула: «Можно». Прочитал вслух и говорю: «Братья и сестры, я не могу объяснить эти слова, пусть Сам Господь вам откроет». Сказал «аминь» и сел.

Вскоре Господь послал Евангелие. С тех пор почти каждое собрание, хотя и в слабости, но я проповедовал. Господь благословлял: церковь понемногу росла, каждый год были желающие принять крещение. Нас было уже 44 члена церкви. (До моего обращения было 18 членов и, чтобы не сняли регистрацию, прежний служитель включал каждый год в списки двух умерших.)

Начало искушений

В 1955 году меня избрали в церковный совет, назначили секретарем общины. Писал письма во ВСЕХБ, составлял каждый год отчеты и списки; вел протоколы членских собраний и отсылал уполномоченному.

В 1957 году ВСЕХБ выпустил Библии. Желающие получить должны были выслать деньги. Мы отослали, но Библий не получили. В то же время церковь решила купить молитвенный дом. ВСЕХБ, делая вид, что участвует в нуждах народа Божьего, выслал нам для строительства наши же деньги, посланные для покупки Библий, и напомнил: «Если хотите получить Библии — высылайте деньги».

Церковь поручила мне выяснить, в чем дело. Я написал: «Деньги на Библии мы высылали, но по всему видно, что вы поступаете по принципу: "Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что думает иметь"». После этого нам выслали Библию и три сборника духовных песен и напомнили, чтобы мы все-таки рассчитались за них.

В нашей церкви нужно было рукоположить служителя. Пригласили старшего пресвитера по Одесской области — М. С. Липового. Нас предупредили, что он сотрудничает с властями. «А зачем же мы его приглашаем?» — спросил я братьев. Меня успокоили, что во ВСЕХБ лучших служителей нет.

Липовой в письме спросил адрес нашего молитвенного дома и как его найти. Мы объяснили, на каком трамвае ехать. Он же подъехал к дому на такси и предложил, чтобы мы рассчитались с водителем.

Кратко побеседовав, он совершил рукоположение, попросил денег на обратный путь и уехал.

Такое отношение служителей ВСЕХБ к делу Божьему меня очень встревожило. Я понимал, что они находятся в недолжном духовном состоянии, но выхода из создавшегося положения не видел.

Пресвитер городской общины ВСЕХБ Н. В. Кузьменко, посещая нас, придерживался инструкций ВСЕХБ: не проповедовал и даже отказался отвечать на вопросы после собрания.

В нашу церковь приезжали гости и участвовали в слове. Когда узнавал об этом Кузьменко, то спрашивал, где они остановились, и тогда на те квартиры приходила милиция с проверкой. Посадили однажды в машину сестру и возили по городу, чтобы она в толпе опознала приехавшего проповедника. Кузьменко угрожал, что общину закроют, а нас посадят в тюрьму за то, что «принимаем неизвестных проповедников».

Детей в общине, можно сказать, у нас не было, поэтому некого было выводить, как это делалось в других общинах ВСЕХБ, о чем мы узнали позже.

В 1958 году на Пересыпи закрыли общину. Кузьменко сразу вызвал меня и пресвитера нашей церкви и поставил

на вид, что мы принимаем «бродячих» проповедников.

— Вашу общину тоже могут закрыть.

— Что нам делать, чтобы этого не случилось? — спросил я.

— Пусть проповедуют только члены исполоргана, они имеют право.

Мы сначала согласились, но когда посетили Пересыпскую церковь и увидели, что они проводят богослужения под открытым небом и проповедуют все желающие, то ободрились и не стали соблюдать предписаний Кузьменко. Приглашали пересыпских братьев и с радостью слушали их проповеди.

В 1960 году ВСЕХБ прислал в нашу общину «Новое Положение» с сопроводительной запиской: «Сообщите, единодушно ли вы приняли этот документ? Кто не согласен — пришлите адреса и фамилии».

Семьдесят процентов верующих возмущались духом этих документов, но братья, зная, что несогласных сразу начнут преследовать, решили ответить, что «приняли все».

Господь пробуждает Свой народ

Настал 1961 год. Однажды ко мне на работу пришел родной брат и принес Первое послание Инициативной группы. Я перечитал его несколько раз и радовался, что Господь не оставил народ Свой. Мне понятнее стала отступническая деятельность Липового, Кузьменко и других неверных Богу служителей.

Прочитал Послание одному, второму брату — они были в восторге. Пришел к пресвитеру-старцу, познакомил и его.

— Это Господь пробуждает народ Свой! Это то, чего мы давно ожидали! — дополнил он мою радость.

— Брат, а если прочитать Послание в церкви, не закроют молитвенный дом?

— Если церковь очистится и освятится, как призывают братья, и нам удастся прожить новой жизнью хотя бы три месяца, то и за это слава Богу, а там — пусть закрывают.

Не откладывая, мы прочитали Послание всей церкви. Призыв братьев к очищению и освящению все восприняли как голос Божий. Не согласен был только один — он сразу же перешел в городскую общину.

Всей церковью мы молились о съезде.

Как-то в письме от имени церкви я спросил старшего пресвитера по Украине Андреева: «Мы регулярно отсылаем средства, почему нас не посещают служители ВСЕХБ?»

Андреев ответил: «Мы имеем право посещать только большие церкви, а ваша — маленькая».

Тогда мы отправили во ВСЕХБ письмо с просьбой не присылать в дальнейшем журнал «Братский вестник». «Мы считаем вас отступниками от истины»,— написали мы. Сразу же приехал Андреев и еще некоторые служители. Уговаривали не порывать с ними, но мы стояли твердо и решили вообще не принимать работников ВСЕХБ, за исключением старшего пресвитера по Одесской области — Киващенко, которому еще доверяли. Помню, он привез к нам «Положение» и пояснил: «Братья, здесь написано, чтобы детей не допускать в собрание, но вести их к спасению — наша святая обязанность».

Он много разъяснял нам о падении служителей ВСЕХБ и о том, как далеко они зашли в отступлении.

Кващенко был у нас на празднике Жатвы. Собрание проходило во дворе моего дома, было около 800 человек. В присутствии всех он рассказывал, в каком состоянии сейчас находится официальное руководство союза ЕХБ и сказал такую фразу: «В настоящее время многих старших пресвитеров можно назвать страшными пресвитерами, потому что у них руки нечисты».

На следующий день его вызвали в КГБ и заявили: «Признавайся, кого убивают старшие пресвитера? Чьи руки в крови?»

В 1963 году Кващенко отказался ехать на съезд ВСЕХБ. Его сняли и поставили Кузьменко.

К нашей церкви стали присоединяться члены из городской общины. Собрания были переполнены. Нам по-прежнему угрожали закрыть молитвенный дом.

Служителей пробужденного братства мы принимали с радостью. Дух Божий касался сердец. Была такая ревность, что почти каждый день верующие собирались на общения, даже ночи проводили в беседах; по нескольку раз прочитывали материал «Об очищении и освящении», брошюру «О начатках учения Христова». Все стремились к святости. Благополучие личной жизни никого не волновало. Господь чудно благословлял нас.

Хорошее начало

В 1962 году в Одессе проходил суд над Николаем Павловичем Шевченко (пресвитером Пересыпской церкви) и другими. Съехалось около пяти тысяч верующих. В первый день подсудимых так и не смогли провести сквозь толпу

собравшихся и увезли обратно. Сначала никого не впускали в зал суда, потом войти могли те, кто называл фамилию.

На второй день меня и брата задержали в трамвае и повезли тоже на суд, только в другое место. До этого я никогда не имел дело с представителями власти. Спросили: «Какого вероисповедания?» — «Баптист». — «15 суток без всяких разговоров!» «Слава Богу,— думал я,— это хорошее начало».

Поместили нас в камеру. Тогда первый раз в жизни я познакомился с тюрьмой и ничуть об этом не пожалел. С нами сидел моряк, хорошо знакомый со Священным Писанием. Побеседуем мы с кем-нибудь, человек умилится сердцем, а моряк тут же насмехается. «Расскажи-ка лучше историю с Лотом»,— громко сказал он, явно желая поставить меня в неловкое положение. «В Библии написано: "Не искушай Господа Бога твоего",— ответил я, глядя ему в глаза. Он попытался возразить, но, ко всеобщему удивлению, замычал, как немой, и не мог сказать ни слова, и больше не насмехался.

Нападки ВСЕХБ

В 1962 году в Одессу приехали Андреев, Н. Н. Мельников, Шаповалов, И. Я. Татарченко и другие работники ВСЕХБ. Собрали пресвитеров области в молитвенный дом городской общины. Меня и пресвитера пригласили письменно. Мы решили как представители церкви пойти втроем. Во время беседы Андреев призывал служителей поступать мудро; убеждал, что за беспрекословное повиновение властям Бог будет благословлять; настаивал, чтобы не допускали приезжих проповедников; чтобы в церкви не было шумных оркестров, не нарушали благоговения дети.

Кузьменко продолжил нападки и подчеркнул, что эти нарушения более всего наблюдаются в Усатовской, то есть в нашей, церкви.

— Такого не было,— возразили мы.

— А я знаю, что иногда у вас посторонние ведут служение.

— Служители, возвещающие нам истину Господню и открывающие глаза на действительное положение церкви,— не посторонние для нас!

— Вы преступаете братские инструкции!

— Неужели возвращение полумертвой церкви к жизни можно назвать преступлением? В нашей церкви зачастую одному проповеднику приходится вести собрание два часа.

— В таких случаях пусть брат прочитает Слово Божье, помолитесь и расходитесь,— советовал Кузьменко.

Поднялся Мельников и, указывая на меня, спросил: «Как твоя фамилия? Какое служение несешь в церкви?» Я ответил. На этом совещание закончилось.

Угрозы уполномоченного

Дня через три брата Кващенко вызвал уполномоченный. В его кабинете он встретился с Мельниковым (отцом) и Мельниковым (сыном), которые докладывали уполномоченному о прошедшем совещании.

Через неделю уполномоченный выслал нашей церкви предписание: меня, моего отца и других ревностных братьев — исключить. Страшась, что закроют молитвенный дом, верующие после долгих тяжелых рассуждений оставили меня членом церкви, но вывели из исполнительного органа.

«Если мы не будем отстаивать истину Господню и намерены дальше подчиняться уполномоченному, то придется все равно меня исключить — делайте тогда это сегодня»,— предложил я церкви.

Встала сестра-проповедница: «Что мы делаем, братья и сестры?! Брат ни в чем не согрешил, а мы его исключаем. Зло мы делаем перед Господом!»

Некоторые устыдились, многие заплакали. Церковь отослала уполномоченному протокол членского собрания с окончательным решением: «Выполнить ваше предписание отказываемся».

На вызовы уполномоченного никто не ходил. Через некоторое время он с двумя неизвестными лицами прибыл на богослужение и в ярости кричал: «Не только ваших служителей нужно исключать, но и пресвитера за то, что совершил бракосочетание! Это должен делать Кузьменко! Ваш молитвенный дом все равно закроем!»

Запугать церковь не удалось. Тогда он застучал и закричал еще громче: «Судить вас всех будем!»

Святое решение

Господь благословил святое решение церкви: повиноваться только Ему одному, и прилагал спасаемых. Мы могли не только назидать свою церковь, но и посещать соседние общины со словом утешения и ободрения. Зачастую ночи напролет проводили в молитве и слезах. Братская простота, сердечность сближали нас. Ободряя других, мы росли духовно сами и понимали, что все это совершает Дух Святой.

Нашу общину посещали служители пробужденного брат-

ства, такие как Онищенко, Руденко. Они учили нас проповедовать и отстаивать истину Господню.

Помню, как умилялись сердца наши, слушая проповедь брата Руденко. «Не вешайте свои арфы на вербы,— призывал он. — Пусть струны сердца вашего будут настроены славить Бога при любых обстоятельствах...»

Служение в гонимом братстве

В 1963 году рукоположить служителей в нашей церкви приехали дорогие братья А. А. Шалашов и М. И. Хорев. В течение недели брат Шалашов беседовал с семьями будущих служителей. О троих он был спокоен, а о четвертом засвидетельствовал перед церковью, что сомневается и от рукоположения его воздержится, так как Слово Божье учит воздевать чистые руки без гнева и сомнения. Опасение брата Шалашова подтвердилось: прошло немного времени — предполагаемый служитель из страха преследований оставил церковь и выехал в другое место.

После рукоположения мне предложили навестить церкви Киевского объединения. Николай Павлович Шевченко и я с великим трепетом посещали общины и старались не пройти ни одной. Это стало известно властям. Начались преследования. Пришлось совершать служение нелегально. Семью посещал редко.

В 1967 году Господь позволил мне участвовать в республиканских и всесоюзных совещаниях Совета церквей. В том же году меня избрали благовестником при Совете церквей. Я никогда не считал себя талантливым служителем и с благоговением старался исполнить порученное Господом и братьями дело.

Господни уроки

Искренне благодарю Господа, что Он позволил мне трудиться с Сергеем Терентьевичем Голевым, Михаилом Ивановичем Хоревым. У них я учился вести назидательные беседы, потому что для меня это было самым тяжелым. Помню, поехал в одну церковь, переживаю: вдруг поручат вести беседу? Всю дорогу молился. Приезжаю — и точно: предлагают тему: «Кто Мне служит, Мне да последует». Останавливаясь на мысли, как нужно присматриваться к кровавым следам Иисуса Христа и идти по ним от Гефсимании до Голгофы, я призывал каждого исполнить это в своей жизни. Ощущалось явное присутствие Божье. Эта беседа укрепила меня самого.

Окрыленный сознанием того, что у меня уже есть опыт, в другой общине я смелее приступил к беседе на эту же тему и не молился, как в прошлый раз. Беседа, во время которой в первой общине был плач и рыдание, здесь нисколько не затронула сердце слушателей. Я понял свою ошибку.

Как рукоположенному служителю, мне нужно было совершать крещение,— какое это ответственное дело! Самостоятельно нужно определить: возрожденные ли это души, достойны ли стать членами Тела Христова? Чтобы проникнуть в дух человека, нужно иметь помазание Духа Святого. Посоветоваться было не с кем. Вот тут-то я трепетал!

В одной из церквей подготовили к крещению 18 человек. Пятеро обнаружились сразу, их отстранили. По дороге к месту крещения тревога меня не оставляла. В беседе с одним из крещаемых я уловил еретические нотки. Оказалось, что он иеговист и пытался проникнуть в церковь с явно недоброй целью. Выяснилось также, что одна из крещаемых впала в ересь,— и ее отстранили.

Я был очень благодарен Богу, что мне, немощному, Он послал откровение и не допустил возложить руки на чуждых истине Господней людей.

Приходилось проповедовать и среди неверующих. Однажды с большим трудом — сквозь снежные заносы — к ночи мы еле пробрались к селу. Сестра-старушка тут же пошла звать людей на богослужение. Собралось около 50 неверующих. Господь благословил слово свидетельства и вознаградил сестру за усердие: покаялась ее дочь и еще семь человек.

Жена не препятствовала мне совершать служение, но иногда сетовала, что редко бываю дома. Несколько раз я брал ее с собой. Увидев крайнюю нужду в тружениках и жажду, с которой грешники слушают Слово Господне, она сказала: «Никогда не буду больше огорчать тебя ропотом».

На богослужении в одной общине на призыв к покаянию никто не откликался. Тогда служитель обратился к студентке, присланной специально для наблюдения за верующими: «Вам нужно выходить вперед и каяться». Девушка оглянулась, думая, что зовут кого-то другого. «Я к вам обращаюсь,— повторил служитель,— вас Господь зовет».

Я удивился дерзновению служителя.

«Проходите, проходите, опускайтесь на колени, молитесь»,— приглашал проповедник.

Девушка робко прошла: «Я не умею молиться...»

«Так и скажите Богу».

Студентка склонилась на колени: «Господи, я — грешница, не умею молиться».

И тут в слезах стал каяться юноша, за ним — еще несколько человек. После их молитв студентка помолилась вторично и сокрушалась так, как может сокрушаться только тот, кого коснулся Дух Святой. Она стала христианкой и до сих пор верна Господу. Позднее через нее обратились к Богу еще две студентки.

Божья защита

В Львовской области намечалось братское совещание. Об этом узнали власти. В дом, где мы находились, пришли с проверкой паспортного режима. Мы в то время молились. Хозяйка тут же подала домовую книгу. Они проверили и ушли. Нас проводили в другой дом. Опомнившись, что не осмотрели комнаты, сотрудники милиции вернулись, а нас уже не было. Господь видимым образом явил Свою защиту.

На меня был объявлен всесоюзный розыск. Приехал я на праздник Жатвы в Симферопольскую церковь. Кто-то донес об этом. Во время богослужения сотрудники милиции прошли вперед, осмотрели всех. Взяли сидящих рядом со мной четверых братьев. У калитки поставили дежурного. В милиции у них проверили документы и отпустили: «Нам нужен Мисирук». А я тем временем ушел.

Таких случаев, когда Господь чудно укрывал и меня, и дорогих служителей Совета церквей, я пережил много.

В зарегистрированной общине Львовской области мы три дня вели благословенные беседы. Служитель принял нас радушно. Потом задал вопрос:

— Не знаете ли, братья, по какой причине молодежь в последнее время восстает на стариков?

— А почему Давид «восстал» на Саула? — Ответил я вопросом на вопрос.

— Нет! Это Саул восстал на Давида.

— Брат, не думаешь ли, что и в настоящее время происходит то же?

Наутро старец слег так, что не мог прийти на собрание и передал, чтобы мы навестили его. Мы с братом в сопровождении верующих пришли и хотели поприветствовать его.

«Нет,— отстранился он,— я не могу вас приветствовать. Мне нужно узнать ваши фамилии,— для этого я призвал вас. Запишите на бумажке, я отнесу уполномоченному».

«Брат, нам не страшно написать фамилии. Можете нести.

Только знайте, что эта бумажка послужит вам препятствием для входа в Царство Божье».

Все ужаснулись такому состоянию служителя. Мы ушли. Верующие все же взяли у старца записку и, догнав нас, с радостью сообщили: «Мы ее порвали».

С 1966 по 1969 год большинство служителей Совета церквей находились в узах. Нужда в тружениках была великой, а мы — молодые, неопытные, но, уповая на Господа, принимали всю тяжесть служения на себя, трудились по силам, а иногда и сверх сил.

Четыре года я совершал служение в нелегальных условиях, испытал узы, но должен откровенно сказать, что они легче, чем служение в конспирации. Особенно трудно было переносить укоры и недопонимание верующих, когда других служителей арестовывали, а я оставался на свободе. В слабости я даже молился: «Господи, почему меня не берут?»

В нашей церкви арестовали всех служителей. Мне опасно было появляться. Но там ожидали крещаемые,— и я рискнул. Не успел переступить порог своего дома как тут же приехала милиция. Говорю жене: «Готовь вещи, сейчас меня увезут». Произошла заминка: я вышел во двор, моя одиннадцатилетняя дочь тут же захлопнула дверь. Милиция осталась в доме, а я ушел. Господь хранил меня еще восемь месяцев на служении.

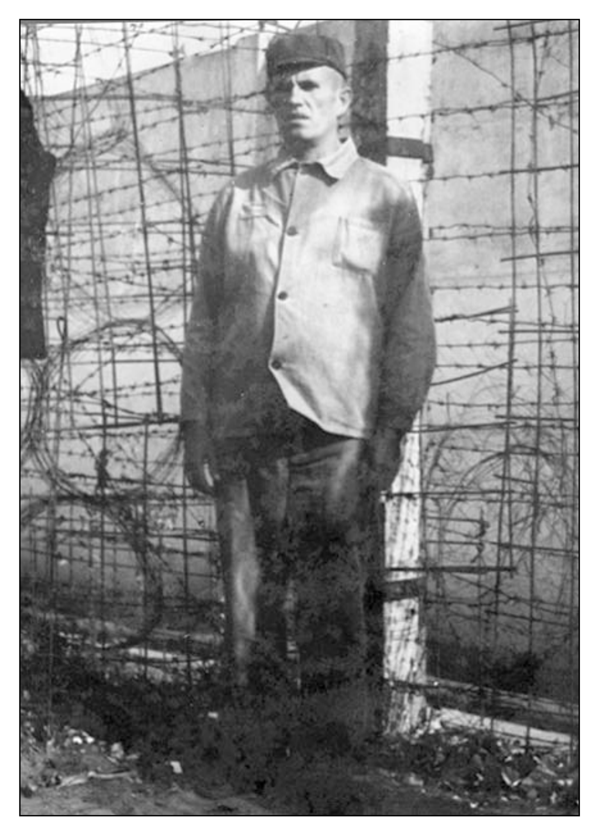
Первый арест

20 мая 1969 года по дороге из г. Ровно в Здолбунове меня арестовали. «Не совсем похож»,— сказал задерживавший меня сотрудник в штатском. «Я тот, кого вы ищете»,— уточнил я.

Закрыли меня в отделении милиции. Я понимал, что этот арест — не для административного наказания. Вспомнил советы братьев-узников и сразу проверил содержимое карманов, извлек фотографии, адреса, но не знал куда деть: бросить в урну — найдут, оставить при себе — не хотелось подвергать друзей опасности. В углу стоял сейф. Сдвинуть его с места могли бы только человек шесть. Я протолкнул адреса в щель между стеной и сейфом, и тут за мной пришли. Привезли в здание КГБ, и в течение дня человек тридцать приходили и уходили — знакомились со мной. Вечером сказали: «Если дашь расписку, что явишься в Одесскую прокуратуру, то отпустим». Я отказался. «В таком случае будешь здесь ночевать».

Заводили меня в КГБ по коридорам, устланным ковровыми дорожками, а выводили через черный ход. Обыскали, отняли

ремень, шнурки. За день я очень устал. Помолившись, я тут же уснул на полу камеры. Надзиратель удивлялся: «Преступники в первую ночь буйствуют, пытаются даже жизни себя лишить, а ты всю ночь проспал».

Благословенный участник Христовых страданий!

На душе было радостно. Вспоминая Апостола Павла и Силу, я пел в камере от души.

В Ровенской тюрьме я встретился с убийцами, которых ожидала высшая мера наказания. Сердце мое расположилось засвидетельствовать им о Господе. Один из них сокрушался: «Если бы мне довелось весь срок отбывать с вами!..»

Через восемь дней отправили в Одессу. Там, по ошибке или специально, меня поместили в камеру с осужденными на «крытый режим» (это как тюрьма в тюрьме: осужденных на работу никуда не выводят, а просто переводят из жилой камеры в рабочую). Но через некоторое время перевели меня в другую камеру.

Вызвали на беседу с сотрудником госбезопасности. Он подает руку:

— Хочу с вами поговорить...

— Мне не о чем с вами говорить,— ответил я, не подав руки.

— Тогда слушай, что я буду говорить: если согласишься на сотрудничество, не будем судить, предоставим квартиру в другом городе; никто знать не будет о наших связях.

— Иуда предал Христа — и повесился. Я не хочу такой участи.

Сотрудник рассвирепел, выгнал меня. «Мы еще с тобой встретимся!» — крикнул вслед.

Прихожу в камеру — мне вручают передачу! Господь побудил сердце жены, и она разыскала меня не раньше не позже, а именно в тот день, когда я прибыл.

В первые дни тюрьма показалась мне сносной. Может быть, потому что я готовился к большим трудностям.

Через неделю тот же сотрудник госбезопасности посетил меня снова.

— Ты не желаешь с нами разговаривать, а вот Апостол Павел разговаривал с начальниками и властями. Не будем касаться вопросов веры, помоги хотя бы в перевоспитании преступников. Они открывают тебе душу. Постарайся нам сообщать обо всем, чтобы вместе бороться со злом.

— Ни о ком я докладывать вам не буду.

— Тогда не выйдешь отсюда, сгниешь! — пообещал он.

— Плоть моя сгниет, но дух будет жить во веки с Богом. Какова же будет ваша участь?

Перед судом этот товарищ пришел еще раз, но, как и прежде, говорил только он, а я за три часа не проронил ни слова.

В камере каждый день молился на коленях прямо на нарах. Однажды только помолился — открывается «кормушка»* и надзиратель спрашивает: «Какого ты вероисповедания?» Ответил. «Ты знаешь песню "Дочь Самарии не знала..."? В детстве я играл ее на гармошке,— моя мать была верующая. Сейчас хочется сыграть, но я не помню слов».

К сожалению, и я не знал этого гимна, но пообещал достать слова.

Суд

В основном меня обвиняли в нарушении Законодательства о религиозных культах, а также в том, что я якобы избил капитана милиции. Но подобного обвинения никто не мог доказать, и тогда прокурор решил помочь капитану.

— Вы на предварительном следствии говорили о телесных повреждениях.

— Помню, помню. У меня было поцарапано ухо.

— Кто это сделал?

— Не помню.

* Окошко в двери камеры для раздачи пищи заключенным.

— А в заключение судебно-медицинской экспертизы сказано: «Нанесение побоев в области живота, правой и левой ноги...»

Капитан молчал.

За дачу ложных показаний суд приговорил капитана милиции и еще двух свидетелей к административному взысканию, а из моего дела эту статью исключили как несущественную. Но в принципе ничего не изменилось: одну статью убрали — и тут же включили другую.

Один лжесвидетель говорил: «Во время крещения из воды поднялся большой крест. Мисирук зашел в воду и стал его поддерживать». Как только я отверг это как чистый вымысел,— сразу объявили перерыв. И так было каждый раз, когда обнаруживалась лживость показаний.

Судья не знала, как вести процесс, то и дело выходила и созванивалась с сотрудниками КГБ. Свидетелем этих разговоров была уборщица, член зарегистрированной общины. Она поняла, что меня судят не за преступление, а за то, что я — христианин, и вскоре перешла в нашу общину.

Суд шел семь дней. Во время чтения приговора из зала вывели девятилетнего сына. Он закричал: «А брата зачем оставляете!» — и указал под скамейку, где спрятался второй мой сын. Когда его выводили, он оглянулся и крикнул: «Папа, будь бодрым!» Эти слова я помнил весь срок.

Зачитали приговор: «4 года лагерей и 5 лет ссылки». Сестра гость вынула из сумки букет цветов и бросила мне. Я поймал. Конвоир отнимать не стал.

После суда работал стекольщиком: вставлял стекла в комнате дежурного по тюрьме. В это время прибыл наряд милиции, который охранял меня на суде. Подают руку и говорят: «Таких судов, как у тебя, мы еще не видели!»

«Почему ты не отнял у меня тогда цветы?» — поинтересовался я. Он махнул рукой: «Ты знаешь, я не мог вытерпеть эту "аварию"...»

В тюрьме я встретился с одесским служителем — Павлом Андреевичем Куприяновым.

Перед этапом меня посетил старый знакомый из КГБ: «Вас хотели отправить далеко. Я посодействовал, чтобы этапировали в Вилково, здесь ближе жене посещать. Теперь вы со своей стороны должны написать письмо, чтобы Усатовская церковь зарегистрировалась...»

«Не писал и писать не буду! С вами у меня разговоров никаких не может быть». Он тут же ушел. И, действительно, меня этапом направили в Вилково.

В лагере

По прибытии в лагерь, при распределении в отряд, зачитали мою характеристику: «Вел себя плохо, сам не работал и других агитировал не работать». Я, конечно, засмеялся: «Такого быть не может! У меня есть квитанции: нам по 2 руб. 50 коп. платили в месяц».

Заключенные приняли меня хорошо, начальство — агрессивно.

23 февраля 1970 года в зоне случился пожар: сгорела столовая и рабочие цеха. До конца зимы мы обедали на улице. Наступил день Пасхи, я впервые праздновал его в тех условиях. Сел с заключенными за стол во дворе. Задумался, вспомнил, как радостно отмечают этот день друзья на свободе. Не мог взять ничего в рот, к горлу подступил ком. Все шумят. Думаю: скроюсь от людей, хоть немножко изолью душу наедине с Господом. Нашел укромное местечко, склонился, молюсь со слезами. Вдруг подходят двое заключенных: «Ты чего плачешь? Обидели? Мы отомстим!» — «Нет, вспомнил друзей...» — успокоил я их, а самому так жаль было, что прервали мое общение с Господом.

Евангелие у меня было, прятал я его в рабочей зоне, поскольку в жилой проходили постоянные обыски. Давал читать другим. Один из заключенных попытался пронести Евангелие в жилую зону, но при обыске его обнаружили. Книгу отобрали, а его увели в ШИЗО*. Там он написал объяснительную, о чем беседовал со мной. (Этот человек желал принять крещение, я отказался его крестить.)

Через неделю работник оперчасти, испытывающе глядя на меня, спросил:

— Евангелие есть у тебя?

— Нет.

— А это чье? — вынул он книжечку из кармана

— Мое! — протянул я руки.

— Ты сказал "нет", а сейчас говоришь "мое"? Ты не исправился! Подумай, что тебя дальше ожидает.

— Ничего страшного меня не ожидает. А вот вас что ожидает?

Он замолчал, а потом спокойно спросил:

— Библия есть?

— Нет, но очень хочу иметь.

---

* ШИЗО — штрафной изолятор.

— Ну ладно, иди.

Осудили меня на десять суток ШИЗО.

Через два года перевели в лагерь в Херсонскую область. Встретился с братьями по вере и отбывал заключение там до конца срока. Начальство относилось лучше, заключенные — хуже.

Этапом в ссылку

К месту ссылки везли этапом. Он был тяжел. Пережил много трудностей.

В «столыпинском» вагоне на четыре дня пути (в купе разместили 23 человека) дали на каждого четыре булки хлеба, 600 гр сахара.

Везли из Харькова в Свердловск без пересадки. Очень тяжелая эта пересыльная тюрьма. Выдали после бани матрацы, наполненные трухой вместо ваты. В камере — человек 200, и еще 60 втиснули: кто в карты играет, кто курит, кто наколки делает. Надзиратели не могут навести никакого порядка. Человек 40 увезли на этап, мы разместились под нарами на цементном полу. За три дня хоть немного полежали, расправившись.

Четверо суток до Красноярска ехали медленно, много стояли. Красноярская тюрьма деревянная, в ней много клопов,— переносить их трудно. Спали на железных нарах. Полежишь минут 15 — угольники врезаются в спину, нужно переворачиваться.

Затем — Иркутск. И здесь насекомых — хоть отбавляй. Одно облегчение — сплошные деревянные нары, есть где прилечь.

Отправляя из Иркутска, надели мне наручники и самолетом — в Якутскую тюрьму. Дежурный, ознакомившись с делом, принял грозный вид: «Пойдешь в карцер! А пока помой пол!» И дал швабру. Но это было только начало трудностей. Меня не поставили на довольствие, не дали ни ложки, ни кружки; не определили ни в какую камеру и 18 дней я просидел в «привратке». По поводу всех этих беззаконий я писал много заявлений начальству.

Однажды приходит врач: «Какие жалобы?» — «Смотрите, сколько вшей, и не хотят вести в баню...» Врач распорядился,— меня сводили в баню. И снова — в «привратку». «Не пойду»,— отказался я. Отправили на второй этаж в камеру смертников. Но я был очень доволен: комната светлая, свободная, можно спокойно помолиться. Стол прибит железной полосой;

вокруг — скамейки, они служат и кроватями. Первое впечатление, что это гроб с крышкой. На полу и на стенах надписи: «прощай жена», «прощай, семья». Помолился, поблагодарил Бога, что есть где отдохнуть. Прошло три дня. Вспомнят — покормят, не вспомнят — сижу голодный. Дежурный спросил: «За что попал сюда?» — «Я верующий».

На четвертый день — новая смена, и опять: «Почему ты здесь?» — «Иду в ссылку, я верующий». Надзиратель приоткрыл «кормушку», оглянулся: «Откуда ты?» — «С Украины». Ушел. Среди ночи открыл дверь, зовет: «Подойди сюда». И стал рассказать: «Я из Ровенской области, у меня мать верующая. Здесь служил в армии и остался работать, вот уже 20-й год. Ты едешь в ссылку?» — «Да». — «Здесь верующих нет, в поселке Морха должны быть, разыщи, если оставят».

Чувствуя расположение, я передал жалобу: «Почему меня не ставят на довольствие? На каком основании поселили в камеру смертников? Когда отправят в ссылку? Если не ответите, поступлю как подсказывает совесть. За последствия отвечаете вы».

Наутро приходит начальник по режиму: «Почему вы здесь?» Я ответил.

— Кто поселил в эту камеру?

— На этот вопрос вы мне должны ответить.

— Вы едете отбывать дополнительную меру наказания? Здесь какое-то недоразумение...

— Почему меня 18 дней даже на прогулку не выводят?

— Уточню.

— Когда отправят на этап?

— Все-все уточню, а пока идите на прогулку.

Сразу покормили, четыре часа был на свежем воздухе. Возвращаюсь в камеру — лежит ложка, кружка, на «гробе» застлана постель. Сверху — книга. Обрадовался, что за все время хоть немного отдохну по-человечески. Помолился и лег. Не знаю, сколько проспал. Будят: «Собирайся на этап».

В аэропорт сопровождали уже сотрудники милиции. Закрыли одного. Собралась портовая милиция посмотреть на баптиста. И с ходу:

— Как тебе не стыдно! Ты калечишь жизнь своим детям!

— Дети не знающие Бога больше покалечены, чем мои.

— Прекрати! Вздумал нам проповедовать! У нас уже были такие, как ты! Миняков сюда приезжал, хотел проповедовать, не дали. Он перед самолетом отрясал прах от ног! Вину на нас всю взвалил. И тебя отправим, где был!

— Это дело ваше. Поступайте, как найдете нужным.

Посадили в самолет без наручников. Справа и слева — по милиционеру. Слышу объявляют: самолет отправляется на Батагай. «Везут, наверное, на край света»,— подумал я.

Когда меня увозили из Херсона, начальник конвоя и замполит сказали жене: «Не оставляйте мужа, куда бы его ни отправили...» — «Хоть на край света поеду»,— ответила жена.

Батагай

Самолет приземлился. Холодно, хотя было лето. Погода дождливая. Смотрю: цветочек растет. Ободрился. Думаю: если есть цветок, есть и жизнь!

Приехал за мной начальник милиции на личной машине.

Прочитал мое дело, удивился. «Посмотри, за что человек приехал ссылку отбывать! Я в своей жизни еще не встречал такого,— обратился он к другому сотруднику. — Не могу представить, чтобы за веру в Бога отправлять человека в такую даль!»

Капитан Линов взглянул на меня, улыбнулся:

— Деньги есть?

— Нет.

— Как же жить будешь?

— Жена вышлет.

— Сколько вышлет?

— Рублей 150.

— Дай адрес.

Я продиктовал. Он дает пять рублей: «Иди в столовую поешь».

Первый раз после четырех лет неволи я вышел на улицу без надзора. Чужая сторона... Тоскливо. Небритый, грязный. Спросил, где столовая. Иду, оглядываюсь: нет ли кого за мной? Поел, вернулся. Линов подает квитанцию: «Сообщил жене, чтобы деньги телеграфом выслала. Я позвонил на все предприятия, где тебе можно устроиться на работу. Мест нет. У тебя назначение — поселить ближе к морю Лаптевых, но сейчас нелетная погода. Если найдешь здесь работу, останешься в Батагае. А сейчас иди в райисполком, скажи, чтобы от моего имени дали 30 рублей».

Мне выдали только 15 рублей. Кассир-якутка спросила:

— Откуда прибыли?

— С Украины.

— У меня муж украинец. Где будете работать?

— Здесь работы нет...

— На руднике, где добывают олово, требуется печник в контору.

Сказал об этом начальнику. Он туда, оказывается, уже звонил. При мне позвонил повторно: «Здесь есть хороший человек, такого, может быть, вы в жизни еще не встречали...»

«Иди! — сказал он мне. — Устроишься,— попросишь общежитие. Если мест в общежитии нет — приходи, будешь спать в этом кабинете на диване».

На руднике пояснили: «Оформить не можем, а работу дадим. Сложи печь участковому». Я разобрал старую и в течение двух дней сделал новую. Поштукатурил, затопил — горит и греет! Докладываю: «Сделал». Удивились, что быстро.

Первое воскресенье в ссылке я провел на горе. Молился, можно сказать, через каждый шаг, у каждого куста. Помолюсь, иду дальше, опять помолюсь. Здесь я имел общение с Господом, как никогда раньше. Просил у Него благословения, чтобы не напрасно прошло время ссылки.

Я не хорист, но в этот день пел Господу от сердца. Часов у меня не было, а по солнцу я не мог определить, сколько времени. Летом оно там не заходит. «Где ты так долго гулял?» — спросили в общежитии. Оказывается, был второй час ночи. Есть мне не хотелось, я наслаждался общением с Господом. В письме домой написал: «Здесь я впервые в жизни почувствовал, что̀ значит иметь непосредственное общение с Богом!». До сих пор я с радостью вспоминаю эти светлые часы.

Оформили меня на работу по ремонту квартир. Получаю телеграмму от жены: «Встречай, выезжаю!» Слава Богу!

Дали мне для жительства разваленный домик. К приезду семьи я успел его оштукатурить. Забеспокоился: на чем будем спать? Едут: племянница, пять детей и жена. Пошел искать кровати. Нашел, стал заносить в дом — кровать застряла в двери. В этот момент входит жена. Так и встретил дорогую семью...

После долгой разлуки мы благодарили Господа и радовались. Жена привезла Евангелие, Библию и другую духовную литературу. Проводили семейные собрания, все участвовали в служении.

Тяжелый отпуск

Прошло полтора года. Мы уже привыкли к тем условиям, настроились жить пять лет. И тут получаем две телеграммы, заверенные врачом: отец при смерти. Попросил я отпуск и поехал в Одессу на десять дней. Только вошел во двор —

идет за мной незнакомый: «Тебя вызывают в сельсовет». Там меня ожидал молодой человек в гражданской одежде. Поговорили немного, ушел. Вызывают второй раз: «Здесь негде говорить. Пойдемте в машину». Сел. Машина моментально тронулась. Подъезжаем к одесскому рынку, на «Привоз». Ведет в отделение милиции в подвал. Заперто. «О! Я забыл ключ! Давай пройдемся». Пошли. Неожиданно подходит другой товарищ. Здоровается с ним. «Ты беседуешь со Степаном Никитовичем? — подает руку мне. Как здоровье отца?» — интересуется как ближайший родственник. И тут первый товарищ исчезает, а этот приглашает: «Хочу с вами поговорить». Подошли к зданию КГБ. Ведет на третий этаж. Смотрю — сидит тот, который вез меня в машине. Как ни в чем ни бывало помогает снять пальто, вешает его, пододвигает кресло:

— Садитесь, пожалуйста. Степан Никитович, посодействуйте регистрации Усатовской общины... (Пересыпьская церковь в то время была зарегистрирована.)

— Ничем не могу помочь, я отбываю ссылку в Якутии...

— Мы продлим отпуск, можем сделать так, что вы в ссылку больше не поедете...

— Ничем не могу вам помочь,— повторил я.

— Да, кстати! Вы отбыли год ссылки, вам положен настоящий отпуск!

— Мне такой отпуск не дадут.

— Нужно посодействовать, чтобы ему дали отпуск,— обратился майор к первому товарищу.

— Если он в чем-то нам посодействует, то мы не останемся в долгу... Посодействуешь? — и смотрит испытывающе.

— Нет.

— Ну хотя бы пообещай.

— Нет.

— Почему?

— Потому что написано: «не обещай» (Еккл. 5, 4).

— А сделай... — моментально добавил он.

Они засмеялись.

— Ничего я не буду для вас делать,— повторил я, уходя.

Необычное посещение

Кончился отпуск, вернулся я в Якутию, и тут неожиданно в гости приехал один из служителей (член Совета церквей, но в то время выведенный из его состава, о чем я не знал). «Надолго?» — обрадовался я. «На несколько дней...»

Пользуясь случаем, совершили хлебопреломление. С нами был зять Гриша и старшая дочь. В этот момент впервые за все время ссылки пришли с проверкой паспортного режима.

После вечери Господней брат начал издалека: «Когда мы сидели в тюрьме, ты очень хорошо вел дело Божье, церкви стояли. А сейчас раздор, несогласие среди братьев...»

Изолированный от народа Божьего, я не знал о многом, происходящем в братстве. Не знал, что не устоявшие в суровых испытаниях служители под давлением извне стали усиленно проводить разрушительную работу среди общин братства, склоняли их к пагубной регистрации на условиях исполнения печально-известного законодательства о религиозных культах. Они стремились увлечь за собой как можно больше служителей. С этой целью и предпринимались поездки даже в самые отдаленные места. Не обошли стороной и меня. От этого служителя я узнал, что ими проведено уже два тайных общения. Дух мой не мог согласиться с услышанным и я открыто возмутился: «Как вы могли без Совета церквей проводить совещания?» И еще многое высказал ему. Он понял мое настроение и сразу заявил: «Утром я уезжаю...» — «Вы же сказали, что побудете несколько дней!» — «Я передумал...» И уехал. Конечно, я был не первый и не последний, кого посещали с подобными вестями отступившие служители. Но благодарение Богу, Его народ не поддался искушению, не отступил назад и остался верным на узком пути.

Неожиданное освобождение

На второй день после отъезда этого брата пришла повестка в суд. «В чем дело? — недоумевал я. — Наверное, перешлют к морю Лаптевых...»

Утром отправился в суд с племянницей и женой. Там объявляют: «Будет слушаться дело по условно-досрочному освобождению С. Н. Мисирука...» Я не мог ничего понять. Слушал в растерянности, как председательствующий расхваливал меня — такого никогда не было.

— Куда вы поедете? — спрашивают.

— Ничего не знаю, не могу сказать.

— Вы не знали, что вас будут освобождать?

— Нет, конечно!

— Вы свободны и можете ехать куда хотите!

Именно в этот момент мне почему-то вспомнились слова, которые я сказал в одесском КГБ: «Не обещай...», а они

дополнили: «А сделай». На меня напал страх. Думаю: они все же ухватились за это неосторожное слово и теперь «посодействовали» освобождению. Теперь будут надеяться, что я, в знак благодарности, зарегистрирую общину. Очень я переживал. Говорю жене: «Ты рассчитывайся, а я из Якутии ни выписываться, ни рассчитываться не буду. Возьму только отпуск за этот год и поеду узнаю в чем дело».

Остановился проездом в Москве. Встретился с братьями. Узнал, что уже около 40 братьев и сестер к тому времени освободили. От сердца отлегло.

На второй день по приезду в Одессу сразу вызвали в КГБ.

— Мы ожидали, что ты сам приедешь поблагодарить...

— За что?

— За то, что ты дома...

— Суд оправдал меня за хорошую работу и освободил...

— Но не без нашего ведома, запомни!

— Не знаю...

— Ну хорошо, как все-таки ты смотришь на регистрацию своей общины?

— Что мне смотреть? Из Якутии я не выписался, может быть, завтра отправите туда же.

— Какое твое личное отношение к регистрации?

— Я против регистрации на условиях действующего законодательства.

— Ты что, опять против советской власти?! — ударил сотрудник КГБ кулаком по столу. — Пеняй на себя!

Беседа закончилась.

После этого я лег в больницу на операцию, выслал в Якутию больничный лист и попросил, чтобы выписали.

Дома, в Одессе, меня не прописывали к семье.

Пришлось по совету братьев поменять местожительство: переехал в Молдавию.

Вызывали в КГБ еще раз, я не пошел.

С первых дней пребывания на свободе я настроил себя, что завтра могу быть арестованным вновь. Меня совершенно не смущали преследования за веру — я воспринимал это как неизбежность, так нам суждено (Фил. 1, 29). В штатском ли встретятся люди, в мундире ли — я спокойно совершал служение.

И снова — КГБ

Присмотрел дом в Бельцах, и тут вызывает уполномоченный. Пошел я к нему не один, пригласил сестру. Открываю дверь, а там — представитель КГБ.

— Заходите, заходите!

— Я не к вам.

— Уполномоченный поручил мне вас принять. — И тут же звонит неизвестно кому: «Выполняю вашу просьбу...»

— Ай-яй-яй! Что же вы наделали?! — начал он, имея в виду совещание Совета церквей в Кишиневе, которое представители власти не дали провести и где присутствовал я. — Вы знаете, что теперь уже не надо ожидать суда, прокурор распишется — и вы поедете опять в Якутию! Помогите в регистрации Усатовской общины, иначе придется расстаться со свободой...

— Чем быстрее, тем лучше! Снимайте груз с плеч. Я сегодня готов поехать на прежнее место ссылки.

Сотрудник КГБ посмотрел на меня и продолжил: «Уполномоченному, когда он вас посетил, вы заявили, что у верующих должен быть духовный центр. Вот вам Библия. Если вы не найдете здесь основания для существования духовного центра, то понесете ответственность. В Библии такого нет, я читал».

Не раскрывая Библии, я ответил: «Вы не нашли? Значит плохо читали. Когда в первоапостольской церкви возникали трудности, то Апостолы собирались и сообща все разрешали,— вот вам и центр! Духовные центры должны быть!»

«Если вы будете препятствовать регистрации Усатовской общины — пеняйте на себя!»

Скорбное расставание

Я уже говорил, что пока находился в тюрьме, а затем в ссылке, в братстве появились люди, восставшие против верного Божьего пути. Мне никто об этом не писал, конкретно я ничего не знал. Когда освободился, меня посетил Михаил Иванович Хорев. Я спросил его об этих людях. Он ответил: «Брат, осмотрись и разберешься».

Решил я посетить некоторых некогда близких друзей. Встретился с одним из них. Он принял меня, можно сказать, очень любезно. У него гостил как раз благовестник из Орджоникидзе, а в церкви планировалось провести молодежное общение. Мне предложили провести его.

— Прежде всего я хочу с тобой побеседовать,— отказался я.

Мы пошли на второй этаж его дома, жена моя осталась внизу.

— Почему ты находишься вне братства?

— Я имею откровение от Господа и не могу быть в единстве с таким братством.

— Какие откровения?

— Первое: я видел сон, как братья Совета церквей, карабкаясь в гору, так и остались внизу, а я поднялся.

Второе: я не спал, сидел в кресле размышлял. Слышу, летит самолет и оттуда доносится скверная информация. И тут какая-то неведомая сила меня берет и поднимает в этот самолет. Там сидят Николай Петрович Храпов и Дмитрий Васильевич Миняков. Я понял, что скверная информация идет от них. Как ты думаешь: могу я трудиться с такими братьями?

— Нужно еще хорошо рассудить: от Господа ли твои откровения?

Он усиленно убеждал, что от Господа.

— Твоим «откровениям» я верить не могу, потому что знаю твои прежние дела.

И напомнил ему конкретные неверные действия. Он жаловался, что с ним поступили несправедливо. Ни к какому согласию мы не пришли. Единственное, о чем я его попросил на прощанье, чтобы о нашей беседе он ничего не говорил моей жене.

Мы сошли вниз. Брат гость, сейчас он выехал на Запад, сразу подошел ко мне: «Я хочу с вами побеседовать». Не зная его, я спросил брата хозяина: можно ли с ним говорить откровенно. «Можно».

— Вы только освободились,— с видимым участием сказал брат,— ни в Одессе, ни в Бельцах вам не дадут жить, будут преследовать. Латвия — страна европейская, я бы советовал вам перебраться в Ригу.

— Как перебраться? В Одессе я еще дом не продал, занял деньги, купил в Бельцах.

— Это все устроится, если только пожелаете. Разве у вас нет детей? Те дома отдайте детям, а здесь купите. Мы поговорим с местным служителем, он знает какие дома здесь продают. Многие верующие выезжают в Германию, можно дешево купить дом. Все будет хорошо, не надо ваши дома продавать.

— Я так не могу поступить!

— Ну смотрите, это мой совет.

После разговора с этим человеком я зашел в комнату, смотрю: брат, которого я только что просил не сообщать ни о чем моей жене, беседует с ней. «Как могли братья так поступить с ним?» — в слезах обратилась ко мне жена. Я взглянул на брата, и мне ничего не оставалось делать, как в присутствии жены указать ему на неверное поведение и конкретно на его

«откровения»: «Ты рвешься снова в братство, жалуешься, что тебя не ввели в Совет церквей, а сам поносишь служителей?!»

Тот моментально изменил тон: «Если бы я хотел быть в Совете церквей, то вместо Винса, мог бы стать секретарем, мне предлагали. А неграмотные члены Совета церквей, с трехклассным образованием, ползали бы у моих ног!»

Услышав эти слова, жена закричала: «Что ты говоришь! Что с тобой?!»

«Вот, посмотри, какой он на самом деле!» — подвел я итог.

Отступление от Бога всегда калечит души! Жизнь отступивших становится неузнаваемой, лишенной правды, искренности. Страшно наблюдать эту перемену в людях!

С тяжелым сердцем пошел я на молодежное общение. Перед началом служения брат, к которому я приехал, представил меня собравшимся: «Это благовестник Совета церквей, мой друг, у нас с ним много общего. Когда я первый раз был в узах, он пробрался ко мне по камышам, в воде простудился, заболел астмой, которая до сих пор его мучит. Но брат ни на что не посмотрел, шел ободрить меня — узника. Он только что освободился из уз. Я прошу, чтобы он провел молодежное общение».

— Для чего ты это сказал? Ты же знаешь, что у нас нет согласия по многим вопросам... — шепнул я ему.

— Не время сейчас говорить о мнениях. Я сказал, что ты друг, и все...

— После бесед с тобой я не в состоянии вести служение...

— Ну хорошо, тогда брат Вася проведет.

В заключение общения в присутствии друзей он стал дарить мне коротковолновый радиоприемник.

— Не могу принять.

— Как? Вы пренебрегаете вот этой молодежью? — Приемник не от меня!

Многие зашумели: «Это от нас! Возьмите!»

Пришлось взять, щадя молодые души, не знающие глубины отступления своих наставников.

А вечером я выслушал от некогда близких людей горькие укоры: «Что? Боялся взять приемник? Думаешь, тебя Совет церквей исключит? Если боишься — можешь оставить его!»

«Я могу его вернуть только той молодежи, от которой принял...»

Они замолчали.

Так расстался я с этими братьями, и расстался, наверное, навсегда.

Перед вторым арестом

В Бельцах верующих отделенного братства было 11 человек, а зарегистрированная община — самая большая во всей Молдавии. «Мы поддерживаем вас, приходите и совершайте служение в нашем доме»,— приглашали меня. «Нет, я буду надзирать над этим малым стадом, которое доверил мне Бог»,— ответил я. «Тогда потеряете авторитет у нас...» Я согласился лучше потерять авторитет у людей, чем у Господа.

После освобождения участвовал в братских совещаниях Совета церквей, на Харцызском Всесоюзном был, на Харьковском, где меня избрали кандидатом в члены Совета церквей. Теперь мое служение было уже межцерковным, приходилось посещать многие общины.

Поводом для второго ареста послужила опять-таки Одесса, опять уполномоченный. Как только я появлялся в тех местах, ему доносили, он фиксировал и передавал по месту жительства — в Бельцы.

В феврале 1979 года мы решили провести в Одесском объединении общение с участием бывших узников. Их оказалось 36. Общение провели в помещении Пересыпьской церкви, и прошло оно хорошо, несмотря на то что присутствовали около 40 представителей власти. Они пытались прервать служение и требовали: «Прекратите! Здесь собрались одни уголовники! Разойдитесь!»

Некоторые заколебались: «Может быть, действительно не надо вспоминать об узниках?..» Я не должен был участвовать в проповеди, но, видя обстановку, подошел к пресвитеру, Николаю Ерофеевичу Бойко, и сказал: «У меня есть побуждение сказать в этот момент слово». — «Пожалуйста!»

Подняв Библию, я спросил представителей власти:

— Имею ли я право прочитать из этой Книги?

Молчание.

Второй раз спрашиваю.

— Это провокационный вопрос! — ответил заместитель уполномоченного.

В третий раз спросил. Уполномоченный наконец сказал: «Пожалуйста, читайте».

«Представитель власти утверждает, что здесь собрались уголовники, а вот Иисуса Христа в тюрьму не сажали,— начал я. — Христа сразу осудили на смертную казнь, и только поэтому Он не сидел в тюрьме. В настоящее время многие наши гонители и судьи глубоко убеждены, что верующих

судят не за преступления. Вы ведете борьбу не с нами, а с Богом. Может быть, и сегодня кто-то из нас дополнит число узников. Поэтому Слово Божье говорит, чтобы мы помнили узников и их семьи.

Братья и сестры! — продолжал я. — Нас назвали уголовниками. Прошу встать тех, кто когда-либо был осужден за веру в Бога». Поднялось 36 человек. «Братья и сестры,— обратился я к церкви,— вы считаете нас уголовниками?» — «Нет!»

Представители власти пришли в ярость, подняли шум, а уполномоченный, неожиданно сменив гнев на милость, стал льстить пересыпским верующим: «Вы — жители добросовестные, трудяги, к вам только приезжают некоторые и возмущают...»

За это общение меня оштрафовали на 50 рублей.

Второй причиной для ареста послужило бракосочетание.

Перед моим вторым арестом Бельцкая церковь насчитывала более 50 членов. Служителя, кроме меня, не было. 6 июня 1982 года, в день своего рождения, я решил побыть с семьей и совершить в церкви вечерю.

Служители Совета церквей просили воздержаться от этой поездки, но я не послушал. Побыл дома, поехал в собрание, и только приступил к совершению вечери — в этот момент на автобусах подъехало человек 20 милиции. «Мы только перепишем всех и уйдем». Переписали и пошли по комнатам. Нашли меня. Я встал. «Садись! Не вставать!» — приказали. Вошли еще четверо. Двое подхватили меня за руки, двое — за ноги и понесли в машину. Не дали даже обуться. Включили сирену и помчали в Бельцкое КПЗ.

Второе странствование по тюрьмам

Началось мое второе странствование по тюрьмам. Прошло три дня, предъявили санкцию на арест. Перевели в Бельцкую тюрьму. Обвинили по украинским статьям 209-й и 138-й.

Недели через две посетили работники госбезопасности из Кишинева: «Степан Никитович! Мы узнали о вашем аресте и решили помочь. Вы не преступник, просто излишне упрямы. Не будь этого — вас можно было бы освободить. Мы помогли некоторым товарищам в Кишиневе... и они на свободе. Направляйте церковь к легализации, и все будет хорошо...»

«Арестовали без вины — отпустите. А если виновен — судите,— ответил я. — Никаких разговоров о легализации у нас не может быть». — На этом расстались.

Через месяц опять посетили работники тех же спецслужб.

— Мы ничего от тебя не требуем, только согласись переписываться с известным тебе человеком (и называют фамилию брата, уехавшего на жительство в Германию).

— Для чего? — поинтересовался я.

— Ты же с ним, кажется, в хороших отношениях? Нам известно, что ты с ним кое-где бывал. Пиши ему письма, потом вызовешь его сюда, а он, возможно, вызовет тебя.

— Чтобы потом вы меня обвинили в зарубежных связях?

— Этого не может быть! Мы — власть, ты будешь это делать с нашего разрешения.

— Не согласен.

— Ты по-прежнему упрямствуешь! Предлагаем второй вариант: трудись, разъезжай, как прежде, но советуй, чтобы верующие не писали властям резких заявлений, жалоб в правительство. Незаметно направляй церковь к регистрации. Поступай осторожно, чтобы тебя не исключили...

Разговор окончился. На сердце было очень тяжело. В этот момент Господь напомнил стих Священного Писания: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей». Мне стало ясно состояние многих неустоявших служителей, которые то тут, то там высказывались в пользу регистрации общин. Мне хотелось крикнуть: «Братья и сестры! Остерегайтесь лукавых делателей и сами не будьте таковыми!»

Теперь мне стало понятно, почему нужно было выводить из Совета церквей тех, кто сам уходил от узкого пути и других увлекал за собой. Я еще больше убедился, насколько тонко и коварно обольщают работники КГБ. Как легко и незаметно можно стать лукавым делателем! Мне так хотелось предупредить народ Божий, чтобы все были осторожными, осмотрительными и не вступали ни в какие разговоры с небезызвестными сотрудниками. Особенно хотел умолять служителей, чтобы не попали в эти сатанинские сети и не стали лукавыми делателями.

Понятнее мне стала постоянная забота Геннадия Константиновича, как председателя Совета церквей, когда он предупреждал нас хранить сердце от малейшей неверности, которая может привести к гибели. Вспомнил беседы с другими членами СЦ ЕХБ, которые защищали лояльность. В узах мне стали яснее замыслы врага душ человеческих, который постепенно превращает служителей Божьих в своих деятелей, чтобы потом нашими же руками разрушать дело Божье. При мне не было ни Священного Писания, ни ручки, ни карандаша, чтобы написать церкви письмо и предупредить братство

остерегаться неверных служителей и не внимать их призывам к незаконной, ведущей к богоотступничеству, регистрации церквей. Поэтому я всю тревогу изливал в молитве перед Богом.

Однажды ко мне приехали представители Бельцкого горисполкома и из Кишинева. Предложили написать письмо родственникам, чтобы принимали участие в выборах. (Они отказались голосовать из-за того, что меня арестовали.) «И правильно делают!» — только и ответил я.

Следствие тянулось девять месяцев. Бельцкая тюрьма по сравнению с другими легче: лучше кормят и режим сносный. Беседовал с заключенными о Боге. Священное Писание, благодарение Богу, мне потом передали.

Сначала вел дело старший следователь прокуратуры г. Бельцы, молдаванин по национальности. Он заявил, что постарается выяснить истину. Спрашивал: «Почему у тебя взяли семь брошюр "Этика поведения христианской молодежи"? Для кого они предназначены?» — «Неплохо было бы, если бы их прочитала вся молодежь». Он посмотрел на меня: «Вы правы...» И стал рассказывать, какой низкий моральный уровень современной молодежи... «Если бы наша молодежь придерживалась таких правил, как у вас, то не было бы столько преступлений...»

Спустя два месяца он отказался вести дело. Взялся Рылюк, но и этот оставил. Оканчивал следствие зампрокурора.

Перед судом снова явились работники КГБ:

— Мы приехали побеседовать последний раз. Хотим вам помочь. Если не послушаете, учтите: будет "потолок" и Сибирь.

— Согласен на второе! — не колеблясь, ответил я.

— Подумай! Михаилу Ивановичу Хореву тоже предлагали — сначала не захотел. Теперь просит, чтобы помогли, готов все осознать, но бесполезно. Если он пойдет во ВСЕХБ и отречется от своих взглядов через газету, тогда, может быть, поможем. У тебя же есть еще возможность — мы согласны помочь. Подумай.

— Хватит! Вы мне уже "хорошо помогли", другой помощи я от вас не жду.

— Оставайся со своим упрямством,— на суде не будет ни жены, никого.

— В таком случае судите меня заочно.

— Даем три дня на обдумывание. Если согласишься, то напиши на имя депутата Верховного Совета Волкова (в то время он был председателем КГБ Молдавской ССР) заявление такого содержания: «У меня будет суд, прошу подойти

к делу объективно». И все. Мы будем знать, что это твое согласие. Можешь передать заявление начальнику оперчасти. Пусть он позвонит, чтобы мы приехали.

«Заявления такого от меня не ждите!» — решительно ответил я.

Прошло ровно три дня, везут меня в Кишиневскую тюрьму, оставляют в камере. Входит подполковник. Посмотрел вокруг и говорит:

— У нас будет сейчас комиссия. По какой статье обвинялся?

Ответил.

— Когда спросят, скажешь по 206-й.

— Нет, я человек верующий, лгать не буду.

— Я приказываю!

— Вы не можете приказать лгать.

— Коль такое дело, пошли!

Завел в подвал. Прошло часа три. Вызывают с вещами на этап. Не знаю, действительно ли была комиссия или просто очередная проверка КГБ: соглашусь я на их предложения или нет?

Второй суд

Ночь. Привезли в Бендеры. И наконец — суд.

Жене не сообщили, где будет суд, но предложили встретиться в Тирасполе на вокзале. Когда друзья, дети, жена приехали в Тирасполь, представители власти пригласили только жену ехать с ними в «Волге». Она отказалась. «Пусть дети едут с вами, а я — другой машиной следом». Они долго перезванивались и наконец согласились. «Волга» долго кружила по Тирасполю. Убедившись, что никто не увязался, повезли в Бендеры. На суде присутствовало всего восемь человек верующих.

Навязался защитник.

— Вы знакомы с моим делом?

— Немного.

— Как вы собираетесь меня защищать?

— Выгораживать вас не буду...

— Вы читали мое заявление? Там ясно указано: адвокат с атеистическим убеждением мне не нужен. Если есть верующий, понимающий Священное Писание,— пожалуйста.

— Я атеист.

— Тогда разговор окончен...

Верховный суд приступил к разбору дела. Адвокат удалился. «Я две ночи не спал и к суду не готов...» — заявил я.

На просьбу никто не обратил внимание. Попросил вызвать верующих свидетелей.

Суд шел неполный день. Маленький зал заполнили корреспонденты, разместили теле- и киноаппаратуру.

Инспектор милиции давал показания:

— Мисирук говорил что-то против советской власти.

— Конкретно повторите мои слова,— попросил я.

— Я отчетливо не слышал, потому что стоял в стороне.

— Тогда скажите, пожалуйста, где это общение проходило?

— На Цымлянской, 4.

— В помещении, в палатке или под открытым небом?

Он задумался на мгновение и говорит: «Под открытым небом».

— Граждане судьи, обратите внимание: свидетель даже не знает, где проходило богослужение.

Лживы были и показания других свидетелей.

— Вам предоставляется последнее слово,— сказал судья.

— Вы обвиняли и клеветали на меня в присутствии юристов, корреспондентов, а правду я должен говорить пустому залу.

— Надо же ему дать защитительное слово,— вспомнил прокурор.

И от этого я отказался, хотя у меня было что сказать и я готовился.

Вынесли приговор: 3 года строгого режима.

Отправили в Бендерскую тюрьму. Где-то на четвертый день вручили приговор.

Во время обхода прокурор, обвинявший меня на суде, спросил:

— Ну как ты здесь? Не агитируешь?

— Мне нужна Библия,— сказал я.

— Хочешь увеличить срок?

Худшая зона

Только он вышел, меня спецэтапом в «воронке» увезли в самую худшую зону Молдавии. Заключенные ее называли «козлячьей». В основном в ней находились провинившиеся, которые искали защиты у администрации.

Оперчасть зоны встретила меня враждебно. Взглянув в дело, один из них молча взял меня за руку, подвел к ШИЗО и ткнул пальцем в вывеску. На ней было написано: «Здесь содержатся нарушители режима и отказчики от работы».

— Читай внимательно, потому что это твое место пребывания на все время.

— Если провинюсь, то будет.

— Мы все поусердствуем, чтобы ты обязательно «провинился».

Направили меня в отряд неисправимых, у всех были большие сроки. Они удивились, что я с таким небольшим сроком попал к ним.

Зона переполнена. В жилой секции на 80 $м^2$ размещалось 86 человек. Даже коридоры забиты. Молился на улице, зачастую на ходу. Спал на третьем ярусе.

На второй день вызывает начальник оперативной части майор Олар:

— Ты думаешь, что сюда приехал на три года?! Мы постараемся, чтобы ты скоро отсюда не вышел.

— Если будет причина,— ответил я.

— Поверь мне,— бил себя в грудь майор,— я уже 25 лет здесь работаю, не одному нашел причину, найду и тебе! Составлю протокол, что занимаешься дезорганизацией молодежи, помогут еще и работники КГБ, и тебе 15 лет обеспечено, а, может быть, и высшая мера наказания!

— Замышляйте, а Бог будет меня хранить.

Через несколько дней заключенный попросил: «Мне скоро освобождаться, жена перестала писать письма, а она верующая. Напиши ей, ты сможешь...»

Ничего не подозревая, я написал. Вдруг вызывают в оперчасть. «Ты говорил, причины не найдем,— улыбнулся майор Олар,— уже есть! — Нелегально письма отправляешь? — И зачитал письмо, которое я написал жене зэка. — На первый раз тебе — выговор».

Не прошло и недели — опять в оперчасть. «Еще причина! — злорадно заявили. — К нам попали деньги, которые единоверцы передают тебе. Предупреждаем: еще малейшее нарушение — применим самые строгие меры!»

— Буду жаловаться.

— Пиши, пиши! Все будет в наших руках!

Я передал жалобу жене. Она направила дальше. На администрацию лагеря пошли телеграммы от Совета родственников узников, от многих церквей.

Забеспокоились. Приезжали из Управления, несколько раз из КГБ и требовали: «Напиши, что не имеешь никаких претензий к нам...» Я отказался.

Приехал республиканский прокурор по надзору, собра-

Степан Никитович не успел совершить вечерю Господню, как был арестован, это был его второй арест). По возвращении Любовь Петровна вручила ему бережно хранимый три года хлеб, который он держит в руках.

лось человек 30 офицеров. Начальник колонии, указывая на меня, насмехался:

— Посмотрите на нашего христианина! Так кто тебя здесь притесняет?

— Лично вам я написал, но вы не обратили внимание, поэтому я вынужден жаловаться дальше.

— Послушайте, какие длинные телеграммы присылают этому христианину! И каждая в шесть инстанций! Но мы все равно тебя за малейшее будем наказывать!

Слушая текст телеграммы, я невольно улыбнулся.

— Он еще улыбается! — вспыхнул начальник. Откуда мне еще ждать телеграммы? Из Организации Объединенных наций?

— Может быть, и оттуда доведется...

Каждый считал своим долгом ругать меня, и дежурный по колонии решил вставить свое слово: «Товарищ полковник! У Мисирука рубаха, хотя и черная, но гражданская. Это же нарушение». Начальник как не слышал. Дежурный не отступал: «У него рубаха не по форме!» — «Да оставь ты эту рубаху!» — отмахнулся начальник.

Офицеры разошлись, остался начальник и прокурор.

— Вы согласны побеседовать со мной в присутствии начальника?

— Мне все равно.

— Ты признаешь себя виновным?

— Нет.

— Это почему же? Ты же вовлекал несовершеннолетних в секту.

— Согласно закону, мы имеем право воспитывать детей в религиозном духе частным образом.

— Кроме того, на тебя есть подозрение, что ты давал взятку.

— Это что-то новое,— удивился я. — Меня же судили по украинскому Уголовному кодексу, а вы смотрите номера статей по молдавскому.

— Недосмотрел, недосмотрел,— извинился прокурор и предложил подписать заготовленный бланк.

— Не буду подписывать.

— Как не будешь? — вспылил он. — Мы столько раз приезжали разбирать жалобу!

— Мне положена Библия,— сказал я.

— Можешь выписать через торговую сеть.

— Мне могут прислать через религиозные организации.

— Только через торговую сеть! — настаивал прокурор.

После этого меня много шантажировали докладными. Свидания прерывали и превращали в сплошные мучения.

Особенно злобствовали майор Олар и начальник режимно-оперативной части.

— Как я хочу посадить тебя, несчастного, к «козлам» в ШИЗО! — сказал он мне однажды.

— Мне кажется, нет человека несчастнее нераскаянного грешника...

— Передо мной дрожат не только заключенные, но и начальство!

Его действительно боялась вся зона, он мог оскорбить кого угодно.

— Это вам удается только потому, что сегодня вы облечены властью. Но к кому вы прибегнете, когда вас лишат ее? Вот тогда вы поймете свое несчастье.

— Ты малограмотный и еще меня учишь! — упрекал он меня.

— Думаю, что неверующий образованный, да еще и облеченный властью, может сделать больше зла, чем малограмотный...

Месяца через четыре его сняли. На него жалко было смотреть.

Администрация по три-четыре раза в день подсылала заключенных с написанными жалобами, чтобы я передал их на Запад.

«Скажите в оперчасти, что у меня нет никаких связей»,— отсылал я их.

И при освобождении — КГБ

Сотрудники КГБ не оставляли меня в покое и в лагере. Некий Петр Тимофеевич пытался расположить к себе, сначала не вербовал, интересовался: не обижают ли здесь, как кормят, предлагал мед и деньги.

— Вы что, хотите, чтобы меня в ШИЗО посадили? — отказался я.

И только в конце беседы я понял, с какой целью он пришел ко мне.

— Ты не знаешь, для чего приехала дочь Геннадия Константиновича Крючкова в Молдавию?

По моей реакции они хотели узнать: здесь ли скрывается Геннадий Константинович или нет. Если я встревожусь, значит, они будут более тщательно разыскивать его в этих краях. Я не знал, где находится дорогой брат, и сказал: «Он имеет право везде бывать».

— Ты был на нелегальном. Каким транспортом чаще всего передвигаются служители Совета церквей? Наверное, только частным?

— Всяким. Я как-то вошел в автобус, а там — прокурор,— пришлось выйти.

— Ты болел, трудно больному на нелегальном? Где ты лечился?

— У нас есть один Врач...

Сотрудник КГБ рассказал мне, кого из служителей Совета церквей арестовали, кого освободили:

— О Геннадии Константиновиче ничего не слышно. Все о нем забыли. А Иосиф утвердился в своих позициях, издает журнал, открытки...

— Интересно посмотреть...

— Если нужно — покажем. Не хочешь ли, чтобы он посетил тебя?

— У меня осталось всего одно свидание, и я не хочу семью лишить этой радости.

— Встретиться можно и помимо свидания.

— Пусть приезжает, если ему нужно.

Но Иосиф не приехал.

Много писем получал от верующих, особенно из Орджоникидзе и из Миролюбовки. Были у меня книги «Существует ли загробная жизнь?», «Мир с Богом», Евангелие Иоанна. Заключенные хранили их от обысков и читали.

За пять дней до освобождения мне снова устроили провокацию. Заключенные перед этим отказались от пищи. Приехали из Управления. Их якобы кто-то сфотографировал.

— Ты уже передал пленку в Вашингтон?

— Какую? Очередная провокация?

Рано утром, я еще не успел одеться, приходит дежурный по колонии и прапорщик и ведут меня в дежурную комнату.

— Дайте хотя одеться и обуться.

— Ничего не надо.

— В чем дело? — остановился я у ШИЗО.

— Нам позвонили, чтобы тебя изолировали.

— Разрешите хотя взять вещи.

— Никаких вещей! — и дверь захлопнулась.

Я понял, что меня отправят в тюрьму, но не знал: для освобождения или для нового срока. Передали кое-какие вещи и привезли в Кишиневскую тюрьму, где меня уже ожидал работник госбезопасности, опекавший меня в лагере.

— Вы думаете устраиваться на производственную работу?

— Если позволят, если нет — уйду на нелегальное.

Присутствующий при разговоре начальник оперчасти, глядя на меня, спросил:

— Как его освободим: с надзором или без?

— Мне безразлично, я привык жить под надзором, под прослушиванием, под подглядыванием.

— Ну, а что шеф скажет? — кивнул он в сторону работника КГБ.

— Давайте освободим без надзора, посмотрим...

Начальник оперчасти тут же ушел. Мы остались один на один с сотрудником КГБ.

— Напоминаю еще раз, что в церквах очень тяжелое положение: Геннадий Константинович болен, на него большой ропот. Иосиф, как я уже говорил, утвердился и действует хорошо. Какого вы о них мнения?

— Если освобожусь — сам разберусь.

— И последнее: когда и где мы встретимся?

— Нигде и никогда я не желаю с вами встречаться.

— А я желаю,— наступал он.

— Вызывайте тогда повесткой.

— Вы же знаете, что верующим повестки мы не присылаем.

Я хочу просто узнать, как вы устроились. Кстати, вы не знаете в Тирасполе номер телефона кого-нибудь из верующих?

— Нет.

— А в Кишиневе? В Бельцах?

— Ничего не знаю.

— Тогда, пожалуйста, мой телефон.

— Для чего?

— Будешь ехать когда-нибудь через Кишинев и сообщишь: мол, жив здоров — и больше ничего.

— Мне не нужен ваш телефон. Я не намерен ни о чем вам сообщать.

Сотрудник КГБ все-таки не отступал и подчеркнул, что свадьбу моей дочери не нарушили только благодаря его заботе и что он постарается, чтобы спокойно прошла и вторая свадьба.

Я молчал.

— Ну, где же мы все-таки встретимся? В вашем дворе — все та же злая собака?

— Не знаю.

— Если я приду, ваша жена меня узнает?

— Думаю, что да.

— Давай тогда встретимся в ресторане или в парке на скамеечке. Ты придешь скажешь, что устроился на работу, и больше мы ни о чем не будем говорить.

— Нет и нет! — категорически заявил я.

— Тогда я буду делать все сам.

Чувствуя, что меня на второй срок не оставляют, я успокоился. В девять утра меня поторопили на выход. «Сводите хотя в баню, я же небритый».

— Быстрей! Быстрей!

Ничего не пойму. Выдают заработанные деньги, паспорт — и за ворота.

Оказывается, жена получила телеграмму, которую отправил прапорщик по моей просьбе, и с 12 ночи с друзьями ожидала у Кишиневской тюрьмы. Зная, что многих родственников узников обманывают, друзья подъехали и к Тираспольской и Бендерской тюрьмам.

На крыльце меня встретили друзья с цветами. Мы помолились, сфотографировались. За нами наблюдали: «Уходите скорее отсюда, чтобы не было неприятностей»,— приказали.

Вернувшись к семье, успел я прописаться — вызвали в уголовный розыск. Я не пошел. Присылали повестки,— не являлся. И снова вынужден был совершать служение в нелегальных условиях. Так я вышел на свободу, как на свидание.

Краткий отдых среди детей и внуков после очередных скитаний.

Мужи благочестивые восхищаются от зла

Пасмурным, холодным для Одессы, мартовским утром (14.03.1996 г.) к молитвенному дому Усатовской общины СЦ ЕХБ на траурное богослужение по случаю смерти служителя Совета церквей — Степана Никитовича Мисирука — стекался народ.

У гроба, кроме скорбящих родственников, в тысячной толпе плотно стояли преимущественно служители Украины, Молдавии, Западной Украины, России, Краснодарского края и других мест.

Прощальным служением, при участии курского духового оркестра, руководил у молитвенного дома — Михаил Иванович Хорев, на кладбище — брат Александр Бровер.

Печаль неожиданной разлуки острой болью отозвалась в сердце служителей Совета церквей, которым выпало счастье в суровое время гонений совершать дело духовного домостроительства вместе со Степаном Никитовичем. Г. К. Крючков, Я. Е. Иващенко, Г. В. Костюченко, М. С. Кривко, Д. В. Миняков, В. Т. Березовский, А. Я. Куркин в кратких проповедях с большой теплотой отмечали необычайную скромность дорогого сподвижника, силу Духа

Святого, пребывающую на нем, великодушие и принципиальную верность в деле служения Богу.

Я. Г. Скорняков (от Джамбульской церкви), Б. Я. Шмидт, Д. А. Пивнев, А. И. Валл (от Сибирского объединения СЦ ЕХБ), миссия «Фриденсштимме», друзья из Сан-Диего (США) прислали семье Степана Никитовича сочувственные телеграммы утешения.

Михаил Иванович Хорев руководит прощальным служением на похоронах С. Н. Мисирука.

По свидетельству друзей последние минуты пребывания на земле Степан Никитович провел в молитве о дорогих его сердцу служителях, которые будут продолжать дело Божьего домостроительства, и печалился о своих, еще не обратившихся к Богу сыновьях, непорадовавших его при жизни своим покаянием. Сердце их дрогнуло, когда на молящиеся уста любимого отца легла тень смерти. Один из сыновей покаялся во время служения у молитвенного дома, двое других, невестка и внук примирились с Богом, когда гроб с телом отца находился у края могилы. «Папа, прости нас! Мы не знали, что ты у нас такой хороший! Что тебя так любят...» — содрогались от рыдания дети.

«Господи, неужели ценой такой тяжелой утраты для братства, для церкви, для семьи Ты спасаешь дорогих детей раба Своего?!» — вырывался вздох радости и грусти у тех, кто был свидетелем слезных молитв покаяния, которые смягчили боль утраты не только вдовы и матери этих детей, но и всего братства.

Степан Никитович прошел насыщенный скорбями путь. Бог удостоил его приобщиться к семье страдальцев Христовых — два срока заключения и ссылку в далекую Якутию он относил к наилучшим годам своей жизни. Близкое общение с Богом, какое он пережил в тяжелые дни одиночества, были ему наградой за терпение и безропотность в страданиях.

Трудности узнической жизни, серьезные физические заболевания, многолетняя разлука с церковью и семьей были для него не так тягостны, как неотступная вербовка и попытки работников КГБ склонить его на сотрудничество для разрушения церкви изнутри. Бог помог Степану Никитовичу выйти победителем из этих страшных искушений.

Верного и испытанного служителя Господнего, жертвенно подвизавшегося в деле духовного возрождения церкви — Степана Никитовича — как некогда первомученика Стефана, оплакали и погребли мужи благоговейные. От дома до кладбища гроб с телом дорогого служителя несли на плечах любящие и глубоко скорбящие о нем соработники Господни, по зову сердца прибывшие проводить его в последний путь.

Похоронная процессия была похожа больше на шествие: впереди идущим не было слышно духового оркестра. Друзья несли 23 венка со словами любви к дорогому служителю. Среди них был венок от Совета церквей, от издательства «Христианин», от жены, детей, внуков, родных и близких и многих церквей.

Степан Никитович был любим народом Божьим повсеместно. Весть о его внезапной кончине обожгла сердце любящих. Изливая печаль перед Богом, каждый искал утешения, и Бог проливал бальзам святого успокоения, напоминая плачущим слова Священного Писания: «...праведник восхищается от зла» (Ис. 57, 1). Эти слова неоднократно звучали во время служения. Сердца святых умиротворились сознанием того, что молитва Иисуса Христа: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною...» (Иоан. 17, 24) исполнилась в отношении Степана Никитовича, и он видит славу своего Учителя, Которому преданно служил всю жизнь.

Сопровождаемый молитвами и слезами святых, усыпанный цветами любви уходил от нас на временный приют дорогой служитель, чтобы при гласе Архангела и трубе Божьей в ином теле восстать из плена могилы прежде живых, ожидающих встречи с Господом (1 Фес. 4, 16—17).

Сын утешения

Перед тем, как ехать в дом плача о моем дорогом друге и верном рабе Господнем — Степане Никитовиче — я разговаривал по телефону со служителем Совета церквей Иваном Яковлевичем Антоновым. Он просил меня передать в утеше-

Слезы и печаль детей Божьих, которым при жизни с отцовской любовью служил С. Н. Мисирук.

ние народу Божьему слова из книги пророка Исаии, которые здесь уже зачитывали — Исаии 57, 1—2. В утешение семье и самому себе Иван Яковлевич напомнил о плаче Давида об Ионафане: «Скорблю о тебе, брат мой Ионафан: ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской» (2 Цар. 1, 26).

Обратите внимание, как соработники Божьи, благословенно трудясь на ниве Божьей, сродняются в любви, как они нуждаются в дружбе и как тяжело расстаются. Эти слова — не метафора.

Степан Никитович был пронизан любовью Божьей, на его лице никогда не было гнева. Этот человек прожил жизнь с застенчивой улыбкой, но с преданным сердцем. Приятно было слышать искренние свидетельства друзей, любящих Степана Никитовича. Как он чудно жил! Как преданно служил Господу! О нем говорили здесь самые возвышенные слова, и ни одно из них не было неискренним! Если бы кто нашел лучшие слова, их нужно было бы сказать, потому что наш дорогой брат достоин, чтобы так говорили о нем. Бог чудно изменил все его существо и наградил благословенным даром утешения.

Сейчас Степан Никитович утопает в цветах, утопает в детских лицах. Много доброго было сказано о повседневном хождении брата. Но я должен отметить и другую сторону. Засвидетельствовать каким был Степан Никитович среди воинов Господних, среди пастырей, среди царей и священников. На совещаниях Совета церквей он всегда был рядом, сидел справа от меня, и я знал, что рядом со мной находится улыбка и милосердие. Но когда нужно было сказать твердое слово в защиту истины, Степан Никитович говорил его, невзирая на лица. Говорил так же застенчиво, так же смущенно. Но говорил так, как сказать мог бы Сам Бог, потому что через него действовал Дух Святой. На его жизни и служении сказалась сила Божья.

Я сравниваю подвиг Степана Никитовича с подвигом первомученика Стефана. Брат Степан Никитович — тоже мученик. Он очень много пострадал. Он не был оратором и не умел говорить громко, но то, что брат произносил тихо, иногда имело еще большее значение. Степан Никитович был чудный человек — здесь нет никакого преувеличения. Он был большой помощью служителям Совета церквей, и мы благодарим Бога за такого соратника, за такого друга.

Мы благодарим Бога за семью брата, которая отпускала его на служение. Что дети и жена терпели его отсутствие — от всей семьи это большой вклад в дело Божье.

Первомученика «Стефана погребли мужи благоговейные и сделали великий плач по нем». Уход от нас нашего Стефана — это тяжелая утрата. Нам очень недостает иногда таких простых, верных, искренних людей. Гордецов, рвущихся к власти, и в церкви много, а скромных и мужественных — мало. Сегодня нашего друга и служителя погребают мужи благоговейные, потому что в их прощальных словах нет ни одного слова фальши.

Наш дорогой брат, как и многие усопшие во Христе, в пришествие Иисуса Христа воскреснут первыми (1 Фес. 4, 16). Они первыми услышат глас Божьего призыва и восстанут из могил.

Иногда душа задает вопрос: как это будет? И Господь напоминает величественные слова: «У Бога не останется бессильным никакое слово» (Лук. 1, 37). Когда Мария, Мать Господа, вопрошала Ангела, как воплотится Сын Божий, то получила ответ, что это совершит всесильное слово Бога! Это воистину так! Вспомним, милые друзья, прикосновение Сына Божьего к одру умершего сына Наинской вдовы. Сто-

«Мы не боимся слез, не боимся большой печали о праведном муже Божьем... Наш друг и брат — во спасении! Он навеки будет пребывать в деснице Божьей!»— сказал в слове прощания Г. К. Крючков.

ило Христу сказать: «Юноша! тебе говорю, встань. — Мертвый поднявшись сел и стал говорить...» (Лук. 7, 14—15). Женщина, болевшая 12 лет, сказала сама в себе: «Если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею», и исцелилась (Матф. 9, 21). Если Бог сказал, что грешник без покаяния смертью умрет — так и будет. Но если кто доверился словам Христа и оплакал перед Ним свою греховность, он будет спасен, потому что «у Бога не останется бессильным никакое слово»! Уповая на это чудное слово, мы стараемся идти путем заповедей Божьих. Служим Ему, не на свои силы надеясь, а на Его всемогущее слово. Находясь в тюрьме, когда над тобой издеваются, трудно улыбаться. Но когда сердце исполнено благости Божьей, когда Бог через Слово Свое преображает простого смертного человека, тогда можно и в скорби радоваться.

Мы печалимся, что нет больше с нами дорогого брата, он здесь уже не труженик, но мы радуемся, что все, сделанное им, учтено Богом! Ни одна буква, ни одна йота не будет вычеркнута из подвига дорогого служителя. Всему,

что успел совершить брат, Бог дал высокую оценку и взял его в Свои чертоги. «...Войди в радость господина твоего» (Матф. 25, 21). Это слово так же верно и всесильно. С этой надеждой, с этим упованием будем следовать за нашим Господом и дальше.

Те, кто верно пройдут свой путь, будут судить этот мир, как сказал Господь: «Разве не знаете, что святые будут судить мир?.. Разве не знаете, что мы будем судить ангелов...» (1 Кор. 6, 2—3). Вот этот, сохранивший верность, муж Божий, с которым мы ныне прощаемся, он одновременно и судия. Сколько он пережил глумлений! Сколько страдал с Церковью Христовой! Когда пробьет час, святые войдут в иную славу, примут иные свойства и будут судить мир. Мы будем судить ангелов — таково обетование Божье! Именно те, которые сегодня, кажется, ограничены со всех сторон и теснимы, те, которые плачут над утратой близких,— те будут судить мир. Да, сегодня мы будем переживать, великий плач устроим, потому что от нас ушел соработник на ниве Божьей. Но мы силой Господней победили мир! Силой Господней вышли на путь независимости

Служители Совета церквей в благоговейной скорби стоят у гроба благословенного соработника, в жизни которого сказалась сила Божья.

и никакие внешние стеснения, никакие внутренние козни не могут разрушить наше упование на Бога! Мы не боимся слез, не боимся большой печали о праведном муже Божьем. У нас есть утешение, что душа его водворилась у Господа. Для нашего возлюбленного брата тайна водворения в вышние чертоги совершилась, а для нас, живых, она, по-прежнему, остается тайной.

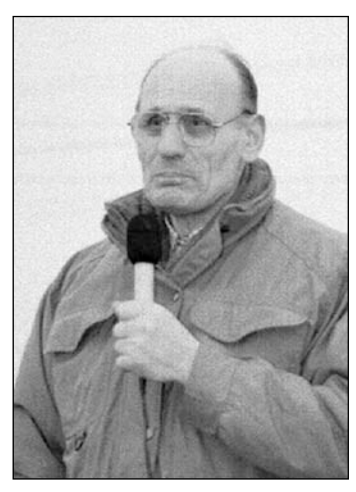
Что унес в своем духе наш дорогой друг, знает только один Господь. Теперь его никто не может очернить, оклеветать — Господь восхитил праведника от зла! Наш друг и брат — во спасении! Он навеки будет пребывать в деснице Божьей!

Да даст Господь незнающим Его силу для покаяния, особенно родственникам и близким Степана Никитовича. А тем, кто знает узкий путь, но колеблется и отступает, пусть укрепятся в уповании. Миру за растленный образ жизни оставлено мало времени для покаяния, и у колеблющихся для исправления своего хождения — тоже сроки весьма малы.

Дорогие соработники Божьи! Будем подражать вере и верности Степана Никитовича, который с таким упованием встречал своего Господа. В последние минуты жизни на земле он не столько прощался, сколько очами веры искал встречи с Сидящим одесную Бога — Иисусом Христом. Молитвами покаяния достигайте благословений Божьих, какие обрел наш дорогой брат и друг. Степан Никитович до конца жизни радовался дару спасения, радовался возможности служить Богу в скорбях, в тюрьмах, в скитаниях. Мы на земле расстаемся с братом и не стыдимся своих слез. Мы просим милости покаяния для тех, кто не отдал еще сердце Господу. Милости этому городу просим, этому селению, дорогим соседям: Господи, спаси их! Дай им дерзновение, чтобы не смущал их сатана и они покаялись за свои грехи, потому что близки суды Твои. Наш дорогой брат не подлежит теперь никакому суду. Он уже со всеми святыми, потому что почил в уповании, в верности и любви. Мы верим Господу, что Он, будучи верен в Своих обетованиях, благословит дело Свое и оно будет процветать до Его пришествия. А противник будет постыжен и посрамлен, не имея сказать о нас ничего худого. Да будет прославлен за все великий Бог Отец, Сын и Дух Святой.

Г. К. КРЮЧКОВ

В последние дни жизни патриарх Иаков с дальновидностью пророка предсказал будущее каждому сыну и, окончив завещание, «приложился к народу своему»,— читаем мы в книге Бытие (49, 33). Ни у кого нет сомнения, что Иаков приложился к избранному Богом народу, с судьбой которого была связана вся его земная жизнь.

Г. В. Костюченко проповедует на похоронах С. Н. Мисифука.

Кто и к какому народу приложится по окончании земного странствования определяется при жизни. Дело не в национальной или расовой принадлежности, а в духовном приобщении, духовном единении. С духом какого народа был соединен человек, живя на земле, с каким народом делил радость и горе, с кем вместе шел по пути,— к такому сонму и приложится дух его, когда он отойдет в путь всей земли.

Об искупленных чадах Божьих сказано, что это народ особенный, люди взятые в удел, царственное священство (1 Петр. 2, 9). Степан Никитович был единодушен с гонимым народом Господним. Без ропота нес вместе со святыми все тяжести труда и крест скорбей возлюбленной Церкви Христовой. Теперь, когда все невзгоды позади, он слился с сонмом святых, для которых Бог приготовил обители!

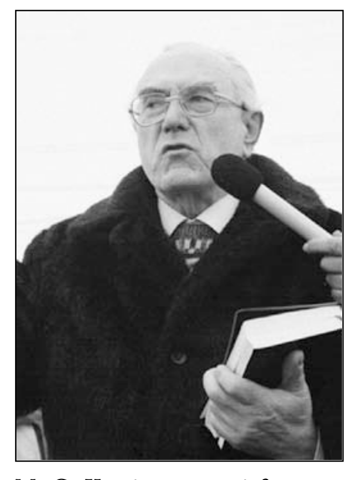
Общаясь со Степаном Никитовичем, мне запечатлелась такая добрая черта: уступчивость не только старшим по возрасту и духовному опыту, но и меньшим. И это не случайность. Так учит Господь и Слово Его: «Почитайте один другого высшим себя» (Фил. 2, 3). Степан Никитович это делал легко и свято, располагая к себе.

Он не был красноречивым, но самое простое слово в его устах звучало сильно, откровенно прямо, без длинных заходов и влияло на слушателей.

У него не было начальственного вида, он ничем особенным не выделялся, тем не менее, в Совете церквей Степана Никитовича постоянно и единодушно избирали в узкий круг малого совета.

Г. В. КОСТЮЧЕНКО

128 Псалом Давида по праву называется песнью восхождения, потому что преисполнен восторженной благодарности Богу за милости Его и особенно за победы, какие Он помогал одерживать народу израильскому над неприятелями, которые долгие годы глумились над ними. «Много теснили меня от юности моей... — пели Израильтяне, вспоминая ужасы пережитого. — Много теснили... но не одолели... На хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои» (ст. 1—3). Хребет — средоточие силы человека. Сломлен позвоночник — человека, считай, нет. Много «оратаев» устремлялись на народ израильский, чтобы сломить дух его, лишить упования. Но этого не произошло!

М. С. Кривко проповедует на похоронах С. Н. Мисирука.

Путь нашего братства очень похож на путь народа израильского. От начала благословенного движения за пробуждение церкви малое стадо последователей Христовых теснили тюрьмами, ссылками, лагерями. Среди теснимых был и наш дорогой брат Степан Никитович. Недруги дела Божьего не раз пытались сломить его дух, но над его жизнью была простерта сильная Божья рука. Бог допускал эту переплавку рабу Своему, чтобы сделать его чище, мужественней. Как благословенно закончилась переплавка: не одолели! Не сломили духа верности в дорогом служителе Божьем! Брат победно закончил свой путь. Мы еще идем, но в устах наших не плачевная песнь, а песнь восхождения! Не одолели народ Божий тюрьмы, потому что Господь был с нами! Не одолеют и коварные искушения, потому что верен Бог, ведущий нас узким путем!

М. С. КРИВКО

ЗАХАРОВ

Павел Фролович

1922—1971

От автора

«Простые и незнатные, немощные и спотыкающиеся, мы старались во всем покориться Господу, когда Он позвал нас на этот путь. Под окрики и насмешки, под ударами и угрозами шли мы по тернистому пути, поддерживая друг друга. Сквозь железные решетки и колючую проволоку проходил наш суровый путь. Но мы шли и боролись. Шли только потому, что Бог был с нами». Эти слова из «Братского листка» за июль–август 1971 года вполне могут служить эпиграфом к воспоминанию о Павле Фроловиче ЗАХАРОВЕ.

Он посетил меня, ссыльного, в далекой Сибири. Было начало декабря 1963 года. В черном полушубке, в меховой шапке и валенках, вошел он в нашу избушку и мягким баритоном произнес:

— Мир дому вашему!

— С миром, Павел Фролович! — сразу узнаю дорогого гостя.

Поблагодарив Господа за добрый путь Павла Фроловича и за нашу встречу, расспрашиваю его о жизни братства, а он — о наших обстоятельствах на ссылке. Мама готовит ужин. Алеша, младший сынок, сидит у меня на коленах, а старший, Ваня,— возле гостя.

Он передает нам дорогой подарок — второй номер журнала «Вестник спасения», а также некоторые документы Оргкомитета.

Много нового и радостного рассказывает этот единственный в то время благовестник Оргкомитета по Сибири, служение которого распространялось и на Среднюю Азию, и на Урал, и даже на Кавказ.

Рассказывает об избавлении от ареста братского совещания Оргкомитета в Прокопьевске, о чудесном освобождении по молитве церкви из Ташкентской тюрьмы самого Павла Фроловича; о служении дорогих братьев: Г. К. Крючкова,

Г. П. Винса и других; о страданиях, переносимых многими церквами; о барнаульских событиях, о братьях-узниках.

После ужина Павел Фролович взял гитару и мы много от души пели. И, конечно же, его любимый: «Не унывай в пути своем, в надежде ободрись, в минуту жизненных скорбей к Иисусу ты склонись...»

С Павлом Фроловичем, как и со всеми служителями Западной Сибири, мне пришлось познакомиться за год перед описанной встречей на общесибирском совещании в г. Новосибирске. По поручению братьев я привез на это совещание годовой отчет о служении Оргкомитета. Братья-сибиряки горячо откликнулись на призыв к пробуждению всего братства, несмотря на прокатившуюся волну арестов в конце 1962 года (брата Захарова к тому времени осудили на административную высылку на 5 лет). Прокопьевской церковью он был избран и рукоположен на служение благовестника, и Господь благословлял его. Он стал желанным гостем во многих церквах, какие только в состоянии был посетить.

Его детство

В 20 км от г. Армавира, Краснодарского края, на хуторе Каспаровском 26 апреля 1922 года в крестьянской семье Захаровых родился двенадцатый ребенок. Его назвали Павлом. Отец его, Фрол Афанасьевич, и мать, Софья Емельяновна, горели тогда первой любовью к Господу. Они были выходцами из православия. Фрол Афанасьевич, побывав на собрании христиан-баптистов в г. Армавире, обратился к Господу летом 1921 года, а его жена уверовала на полгода позднее, на празднике рождества Христова. И, несмотря на зимнюю стужу и беременность, она пожелала сразу же принять водное крещение. «Я не могу больше жить в разной вере с мужем,— говорила она,— и не хочу остаться здесь, на земле, когда придет Иисус». Прорубив прорубь в реке, армавирские братья преподали ей крещение.

Павлик был первым ребенком после их уверования. Затем Господь послал им еще двоих детей. Впоследствии семья состояла из шестерых детей (остальные умерли в раннем детстве).

Кроме семьи Фрола Афанасьевича на хуторе жили еще три его брата семьями. Младшие братья, Кузьма и Григорий, и их семьи тоже стали христианами. И тогда на хуторе образовалась община. В доме Фрола Афанасьевича второй

этаж был отведен для молитвенных собраний. Из верующей молодежи организовался хор. Приобрели фисгармонию. Григорий Афанасьевич играл на скрипке. «Все это составляло чудную гармонию во славу Божью»,— писал Павел Фролович в своей биографии.

Павел Фролович справедливо назвал свое детство счастливым, потому что оно сопровождалось христианским воспитанием.

Арест отца

Но безмятежное детство длилось недолго. В 1929 году Павлик пошел в школу. В это время обстановка резко изменилась. Евангельских христиан-баптистов стали преследовать, и народ боялся общаться с верующими.

Глубокой осенью арестовали Фрола Афанасьевича за то, что «он молился и не прекращал проводить в своем доме собрания». Софью Емельяновну власти предупредили о возможной высылке ее с детьми за религиозную деятельность мужа. Но через месяц отца освободили, и он переехал с семьей на хутор Южные сады близ Майкопа.

Всей семьей они посещали молитвенные собрания, но массовые гонения на христиан, начавшиеся с мая 1929 года, настигли семью Захаровых и там. В начале 1931 года Фрол Афанасьевич вновь был арестован, а жену с четырьмя младшими детьми «в чем были» отправили на ссылку. Этап ссыльных семей формировался в здании городской мельницы. Туда же доставили и арестованных ранее отцов семейств.

В ожидании отправки Фрол Афанасьевич читал ссыльным Священное Писание, пел со своей семьей и молился.

Число ссыльных увеличивалось с каждым днем. Однажды, когда Фрол Афанасьевич читал Слово Божье, сквозь толпу пробрался человек и спросил: «Кто здесь Захаров?»

— Простите меня,— сказал он со слезами. — Вас ведь мало кто знал, но я на сельской сходке настоял: его, мол, надо выслать за то, что много молится. А теперь я и сам здесь...

Ссыльные закричали:

— Побить его! Дозволь, Фрол Афанасьевич, мы с ним расправимся!

— Не троньте его,— спокойно сказал Захаров,— он и так наказан за свой грех. — А плачущего успокоил, сказав:

— Я и моя семья прощаем тебя.

И, склонившись на колени, Захаровы помолились Господу об этом человеке.

Он работал фельдшером и позднее, в тяжелые годы ссылки и голода, оказывал часто материальную помощь семье Захаровых, говоря: «Я обязан вашу семью поддерживать, ибо вы страдаете из-за меня».

Из Майкопа ссыльных отправили в село Дарбетовка Ставропольского края, а спустя полгода — на Урал, в село Тренихино Верхнетурского района. Жили они в бараках далеко в тайге. Местное население относилось к ссыльным враждебно.

Суровый северный климат окончательно подорвал здоровье Фрола Афанасьевича, и зимой 1932 года он тяжело заболел.

В 1933 году в индустриальных центрах потребовались рабочие руки, и партию ссыльных, где была семья Захаровых, переселили в Нижний Тагил. С большим трудом они разыскали там две христианские семьи: Савиных и Шкобора. Позднее из числа ссыльных нашлись и другие верующие семьи.

Семья испытывала большую нужду, и во время летних каникул Павлик пас стадо коз. Эта работа была ему хорошей школой для будущего служения в церкви. Отец подарил Павлику скрипку, и будущий регент с большой любовью один в поле постигал красоты музыки.

По окончании школы-семилетки в 1936 г. 14-летним подростком Павел поступил на работу на Уральский вагонный завод. К этому времени с отцом в ссылке остались Павел и Тимофей. Старшая дочь, Нина, получила разрешение выехать на Кубань, младшая, Шурочка, умерла в ссылке.

Как и во время свободы, родители Захаровы уделяли много времени христианскому воспитанию детей, заботливо оберегая их от растления мира.

Несмотря на сильные гонения, дети Божьи в Н. Тагиле старались не прекращать общений. Собрания часто проходили в квартире Захаровых, а летом — в лесу.

Юный Павел Захаров любил христианское пение, музыку углублялся в чтение Евангелия и часто беседовал с проповедниками о прочитанном. В июле 1940 года он, первый из числа молодежи, обратился к Господу и пережил духовное возрождение. «Дух Святой наполнил радостью мое сердце,— писал он. — Я жаждал всем рассказать о Боге, особенно своим сверстникам из верующих семей, чтобы передать им свою радость в Господе. Я желал иметь юных друзей во

Христе и вместе с церковью молился об этом Отцу Небесному, и Он услышал нас. Многие дети верующих обратились к Господу».

30 августа 1940 г. рано утром Павлу преподали водное крещение. Он был очень рад, став членом Церкви Христовой.

Арест сына

24 февраля 1945 года, ранним утром, в квартиру Захаровых пришли чекисты с обыском; взяли фотографию верующей молодежи, тетрадь со стихами Павла, а его арестовали. При расставании ему разрешили помолиться.

Искренние молитвы тяжело больного отца и матери были трогательными и проникновенными.

«Следствие велось в Свердловске, во внутренней тюрьме. Строгость была большая,— вспоминал Павел Фролович,— *Обвинялся я, как и многие верующие, в антисоветской агитации. Сущность всех вопросов следователя сводилась к следующему: где и когда проводились молитвенные собрания, сколько присутствовало, была ли молодежь, кто старший и т. п. Я сразу же сказал, что я верующий и на такие вопросы отвечать не буду. За это меня дважды избивали. В камере я постоянно молился.*

Первый раз следователь бил резиновой плетью по спине. Боль была неимоверная, но я не проронил ни слова. Все мое упование было на Господа, я желал все претерпеть.

Когда привели в камеру, я не в силах был стоять на ногах, но заключенные не дали мне упасть. Осмотрев меня, они ужаснулись: вся спина была в кровавых рубцах, так что прилипла рубаха. Заключенные сильно возмущались — и тогда меня перевели в одиночку.

Через две недели следователь вторично избил меня, трижды ударив чем-то по голове. Когда я очнулся, то оказался лежащим на полу. Но, благодарение Богу, Он давал сил. В этом испытании Он меня плавил, даровав терпение.

Вскоре, после моего ареста, в Свердловск на допрос привезли больного отца в сопровождении медработника. Когда отец спросил о моем здоровье, ему ответили: "Ты погубил сына! Он кроме Бога никого не хочет знать и все молится".

Вернувшись домой, он с мамой благодарили Господа и просили, чтобы Он хранил меня в вере.

В мае 1945 г. без суда меня этапировали на север Урала в "Ивдельлаг" и только в августе объявили приговор: "За принадлежность к группе евангельских христиан и баптистов

осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей". Это дословное обвинение.

Здоровье мое было подорвано. В 23 года я стал инвалидом.

В сентябре я получил письмо из дому, в котором мама сообщала, что отец умер с молитвой о детях на устах. В 1947 году мама и брат Тимофей, отслуживший в армии, приезжали ко мне на свидание.

Господь хранил меня в эти страшные годы. Постепенно здоровье стало улучшаться, и лагерное начальство назначило на работу по специальности — бухгалтером. В той должности я работал до конца срока».

Далее в своих биографических записях Павел Фролович сообщает о том, что в ноябре 1949 года через многие тюрьмы и пересылки его отправили на север Красноярского края в поселок Брянка, расположенный на реке Большой Пит. Здесь бывшим заключенным объявлялась «свобода» и «вечное поселение» с обязательной отметкой в комендатуре 3 раза в месяц.

Выезд за пределы поселка был запрещен.

Павел Фролович поступил на работу бухгалтером. Через год он приобрел небольшой домик, где мог свободно после работы заниматься чтением Слова Божьего и молитвой. Писал христианские стихи. Переписывался с родными.

«...Со мной в ссылке был пятидесятник Вениамин Кононов. На его сестре, Есфири Яковлевне, я женился в 1952 году. Вместе с моей мамой она приехала ко мне по письменному предложению. Мой будущий шурин совершил бракосочетание.

В 1954 году «вечная ссылка» была отменена и я получил документы о снятии судимости и освобождении от ссылки.

Вместе с семьей я выехал в Армавир, а затем в Жданов, где жили родственники жены. Там я нашел работу и получил квартиру».

«Не унывай в пути своем»

В мае 1955 года в квартире Захаровых был произведен обыск. Изъяли Библию, «Гусли», «Сборник духовных песен» и журнал «Баптист», и это несмотря на то, что 10 ноября 1954 года вышло Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». «Гляди-ка ты,— говорили тогда многие христиане, испытавшие на себе весь ужас этих "ошибок", начиная с 30 годов,— теперь "ошибки" будут исправлять...»

«Необходимо иметь в виду,— говорилось в Постановлении,— что оскорбительные действия по отношению к церкви, духовенству, верующим гражданам несовместимы с линией партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести».

Органы КГБ не руководствовались Постановлением. На следующий день после обыска Павел Фролович пришел к ним на беседу и сказал о незаконности их действий и потребовал возвращения духовной литературы. Частично ему вернули литературу, но через два дня его уволили с работы и предложили немедленно покинуть город Жданов...

Не унывай в пути своем,
В надежде ободрись,
В минуту жизненных скорбей
К Иисусу ты склонись.

Скажи Ему: «И жизнь мою,
И мысли — знаешь Ты.
К Тебе иду, Тебя прошу,—
Помощник только Ты.

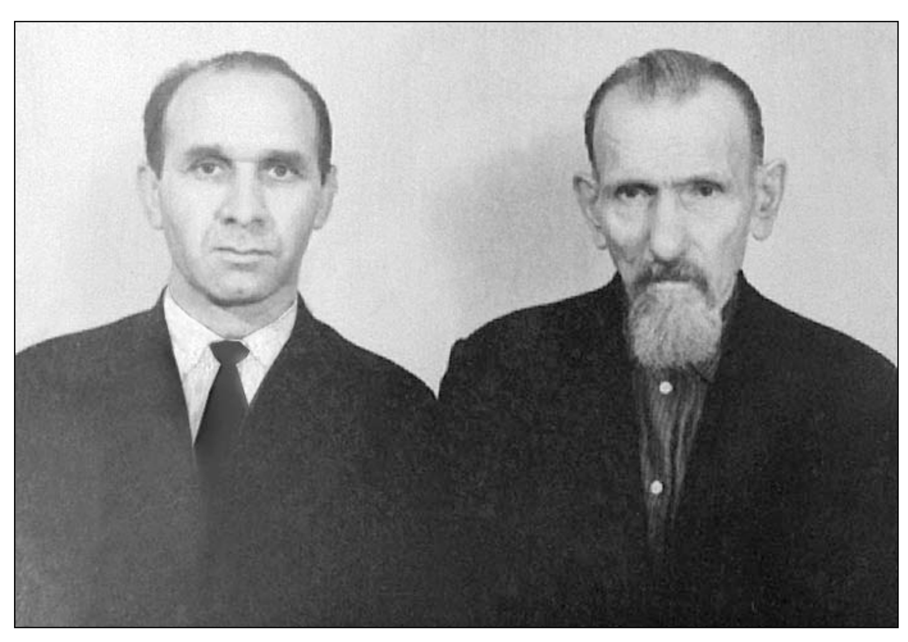
Еще не был написан Павлом Фроловичем этот псалом, но он как будто слышится нам под аккомпанемент колес поезда, когда семья Захаровых, недавно вернувшаяся из далекой сибирской ссылки, снова ехала туда же «добровольно». У них была уже двухлетняя дочь Нина, родившаяся на «вечной ссылке», и сын Миша, дополнивший гонимую семью два с половиной месяца назад в неприветливом Жданове.

Дети христиан! Сколько их родилось в ссылках и даже за колючей проволокой! У скольких из них первое в жизни свидание с отцом было через тюремную решетку или в лагерной зоне! Сколько скиталось по ссылкам и умирало от голода и холода! Утешительно одно: «Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Небесного»,— говорит Тот, Кто Сам в детстве перенес гонения от Ирода.

По приезде в Новокузнецк Кемеровской области Павел Фролович прежде всего обратился к церкви евангельских христиан-баптистов с просьбой о приеме его в члены. Он откровенно рассказал о своем жизненном пути, и все собрание единодушно приняло брата в церковь.

После долголетних скитаний и томлений духа он получил от Господа утешение и радость в общении с детьми Божьими.

Богу угодно было дать рабу Своему только краткий отдых в этой церкви.

П. Ф. Захаров и А. А. Шалашов в годы благословенного служения.

В сентябре 1955 года Павел Фролович с семьей переехал в г. Прокопьевск. Там в незарегистрированной общине уставшая семья нашла братскую любовь, сердечную простоту и дружелюбие. Община жила свободой проповеди Слова Божьего, совершая служение в частных домах. Молодежи было очень много: почти все дети верующих посещали собрания. Регента в общине не было. Хотя Павел Фролович не имел опыта в руководстве хоровым коллективом, но, видя его дарование, церковь с радостью поручила ему служение регента и проповедника, и Бог обильно благословил его труд.

Особую заботу Отца Небесного он увидел также в получении квартиры и устройстве на работу сначала старшим бухгалтером, а затем заместителем главного бухгалтера завода. Есфирь Яковлевна также нашла работу фармацевта в аптеке.

С детства приобщившись к великой семье христиан-мучеников за веру, Павел Фролович без сожаления пожертвовал ради Господа своей юностью, проведя ее в неволе, но и в зрелые годы он, по примеру Спасителя, не искал тихой жизни. В порывистой его душе жила непрестанная тревога за судьбу погибающих в грехе людей. Он не ожидал

удобного случая для свидетельства о Господе, но со свойственной ему откровенностью души, в глубокой искренности, очень доходчиво рассказывал людям о любви Божьей и неотвратимости грядущего суда. Внутреннее горение, личная уверенность в спасении, жизнерадостность — привлекали к нему многих друзей, а его бескомпромиссность очень обостряла против него врагов.

Та сила убежденности, с которой он отстаивал свободу проповеди Евангелия как в своей, так и в соседних зарегистрированных общинах, которые он старался посещать, встревожила гонителей, и они сделали все, чтобы поскорее изолировать Павла Фроловича и, тем самым, покончить с его оздоравливающим влиянием на жизнь оказененных церквей.

В ход были пущены: клевета в печати, лекции и, наконец, рабочее собрание, обернувшееся для Павла Фроловича вдохновенной 2-часовой беседой о Господе перед большой массой заводских рабочих.

Эти события происходили в 1961 году весной, а в августе уже началось внутрицерковное движение. Инициативная группа, благословенной программой которой было: неукоснительно следовать за Господом,— удивительно своевременно объединила в мощный поток святые стремления народа Божьего к очищению церкви и, руководимая Духом Святым, направила их нужным руслом.

Павел Фролович оказался одним из тех, воинственному духу и горячему сердцу которого недоставало именно этого связующего звена, чтобы его способности и жертвенность принесли самую действенную помощь уставшей церкви. Вместе с Прокопьевской общиной он горячо откликнулся на Божий призыв и вскоре за это был вызван в горотдел, где ему за проповедническую деятельность объявили административную высылку на 30 дней.

Здесь, в своей малой ссылке, которую он отбывал на полевых работах, Павел Фролович и написал гимн, пользующийся особой любовью гонимых: «Не унывай в пути своем...» Музыку к нему он тоже подобрал сам. Предчувствуя новые скорби и большую разлуку, он писал его жене и любимым деткам, совсем не предполагая, что этими задушевными словами будут утешены тысячи христианских семей узников.

Взыскательный знаток не найдет в этом гимне высокой поэзии, но он покорил сердце христиан простотой и горячей верой, что Бог никогда не покинет малюток милых и их скорбящих матерей! Строки, рожденные душевной болью,

стали молитвой, потому этот гимн больше плачется, нежели поется страдальцами.

Павла Фроловича многие помнят восторженным, пылким, но он был и таким, как эта его песня. Он знал времена и тихой грусти, когда его поэтическое вдохновение выливалось в трепетных словах любви к Спасителю: «Но жить хочу я лишь с Тобой...»

Под таким девизом проходила вся жизнь этого служителя, а это, по мнению гонителей, значит, что он был «опасным» для общества. Его горячие симпатии к работе Инициативной группы побудили гонителей принять более суровые меры, и в октябре 1961 года, опять же на рабочем собрании, лектор-атеист Старов потребовал для Павла Фроловича ссылку на 5 лет. Из трехсот присутствующих проголосовало за это предложение всего около сорока человек, но и этого оказалось достаточно.

Спустя 20 дней Павлу Фроловичу в райисполкоме предложили отказаться от проповеди Евангелия, и высылка будет отменена. Он не согласился, и приговор утвердили ему и брату П. В. Шива. Церковь, разделяя скорбь братьев и их семей, возносила горячие молитвы к Господу.

1962 г. П. Ф. Захаров во время посещения Барнаульской церкви. (Слева от него в первом ряду сидит жена Д. В. Минякова — Антонина Михайловна.

Благовестник

Но ссылку Павлу Фроловичу не пришлось отбывать, так как он ушел на нелегальное служение благовестника по Сибирскому объединению. Церковь с радостью благословила его на этот труд.

13 декабря Павел Фролович был рукоположен старейшим служителем нашего братства, Жировым Андреем Исааковичем.

Семья Павла Фроловича была взята церковью на материальное обеспечение. В связи с арестом некоторых служителей Оргкомитета, в том числе и Дмитрия Васильевича Минякова, Павел Фролович по поручению Сибирского объединения в январе 1963 года впервые участвовал в совещании Оргкомитета. Это общение было для него утешением от Духа Святого и принесло много радости и благословения. «Я видел в их лицах готовность к верному служению Господу. Благословение над Его народом было великое...» — вспоминал он позже.

Затем он около трех недель провел в посещениях церквей Европейской части страны, а в середине февраля вместе с председателем Оргкомитета Г. К. Крючковым и благовестником Ленинградской церкви М. И. Хоревым выехал в г. Ташкент. Посетив несколько поместных церквей, они провели организационную работу по созданию Среднеазиатского совета.

Братья уехали, а Павел Фролович остался, и во время богослужения 9 марта 1963 г. в доме брата Л. Неверова его арестовали, но Ташкентская церковь прилежно молилась о нем Богу, и через 10 дней он был освобожден.

В этом же году в середине ноября Господь снова чудным образом избавил Павла Фроловича от вторичного ареста. Это было уже в самом Прокопьевске. В доме брата В. Ф. Дуды проходило совещание служителей Сибирского объединения с участием братьев Г. К. Крючкова и Г. П. Винса. Место совещания было выслежено органами КГБ. В 21 час прибыл наряд милиции, возглавляемый сотрудниками КГБ и заместителем председателя горисполкома Григорьевым, всего около 30 человек. В этой обстановке братья решили проводить молитвенное служение всю ночь, прося защиты у Господа. И Бог услышал молитву. Решительно отклонив требование о проверке документов, братья просили вошедших не нарушать богослужения и освободить помещение.

Тогда начальник милиции, обращаясь к Павлу Фроловичу, объявил его арестованным и приказал следовать за ним. Братья, окружив плотным кольцом дорогого служителя, не дали его увести.

Павел Фролович не столько переживал за свой арест, сколько за то, что были подвержены опасности председатель Оргкомитета Г. К. Крючков и недавно избранный секретарь Оргкомитета Г. П. Винс. К утру сотрудники КГБ и милиции покинули помещение и расставили посты на улицах и переулках этого района, для того чтобы арестовать братьев, когда верующие начнут расходиться.

Воспользовавшись затишьем и проверив обстановку на улице, местные братья вывели гостей за город по снегу через горы и лес за 40 км в другой город. В течение нескольких дней отряды милиции и КГБ держали под непрерывным контролем ж.-д. вокзалы, проверяли поезда и автобусы. Но Господь сокрыл братьев, которые были так необходимы для дальнейшего служения.

Испытание верности

Оставаться на свободе Павлу Фроловичу пришлось недолго. 22 февраля он был арестован в Иркутске в доме брата Калмыкова. Во время задержания у него нашли фотоснимки замученного в Барнаульской тюрьме брата Н. К. Хмары и некоторые другие документы.

Следствие длилось 4,5 месяца. Снова одиночная камера и обвинения в «руководстве антисоветской группой» якобы являющейся составной частью Оргкомитета. По всем признакам органы КГБ хотели создать громкий процесс против служителей Оргкомитета. В Иркутской области в то время находилось до 10 ссыльных братьев. Были попытки привлечь по делу Захарова некоторых других братьев. Обыски и допросы проводились в Тайшете и других местах. Дважды был обыск у автора этих строк, в селе Старый Бильчир. Дважды меня вызывали на допрос в Иркутское КГБ. При обыске изымали, главным образом, документы Оргкомитета и журнал «Вестник спасения». Эти материалы были переданы научному эксперту — доценту Иркутского университета — с целью изыскания в них клеветы.

В ходе следствия дублировалось даже обвинение по делу Н. К. Хмары, осужденного за непризнание «Положения ВСЕХБ» и «Инструктивного письма», которые были к тому времени уже отменены самим ВСЕХБ. Барнаульское письмо

и фотографии замученного брата Н. К. Хмары представлялись как самые важные улики для обвинения Павла Фроловича и всего Оргкомитета в «клевете». Но этих обвинений было недостаточно.

Следователь — капитан КГБ, и его старшие начальники отдела по борьбе с религией стали усиленно склонять Павла Фроловича отмежеваться от Оргкомитета, отказаться от служения благовестника. За это ему обещали свободу «завтра же». С этой целью четыре раза его вызывал в кабинет начальник областного Управления Иркутского КГБ полковник Н. Но Павел Фролович твердо решил — лучше страдать с народом Божьим, нежели иметь временное земное благополучие.

Закрытый суд проходил 11—12 июня 1964 г. Его обвиняли по ст. 70 УК РСФСР в «антисоветской пропаганде» и приговорили к 3 годам лагерей строгого режима.

В августе из Иркутской тюрьмы его перевели в Мордовию, в лагерь для политзаключенных на ст. Потьма, откуда незадолго до него освободился Н. П. Храпов. Случилось так, что ему даже выдали бушлат Николая Петровича.

В этом же лагере находились и другие братья: Ф. Я. Прокопенко, старец М. Ф. Нефедов.

На этот раз узы длились недолго. В декабре того же года Павла Фроловича дважды вызывали в оперчасть и предлагали написать верующим письмо, что он отказывается от Оргкомитета, но и от этого предложения он отказался.

Наконец, 29 декабря его вызвали в третий раз. Майор спецчасти объявил, что постановлением Пленума Верховного суда РСФСР от 10 декабря 1964 г. он реабилитирован.

«Новый 1965 год я встретил в Москве,— вспоминает Павел Фролович. — Участвовал в новогоднем благодарственном служении церкви; встретился с братьями Геннадием Константиновичем и другими.

2 января я был на вечернем собрании в г. Новосибирске». А на следующий день утром Павел Фролович прибыл в Прокопьевск и сразу попал на богослужение, где и произошла его радостная встреча с церковью и любимой семьей.

Он увидел обильные Божьи благословения в пополнении рядов церкви юными братьями и сестрами, в обновлении состава хора и проповедников. Поток благодарственных молитв и псалмов был вознесен Богу жизни.

Радостным событием в жизни брата было то, что вскоре его жена Есфирь Яковлевна была принята в члены Прокопьевской церкви ЕХБ.

В связи с тем, что четырехлетние ходатайства десятков тысяч верующих о разрешении на созыв съезда ЕХБ правительство оставило без ответа, а ВСЕХБ не пошло на исправление создавшегося внутрицерковного положения, в сентябре 1965 года Оргкомитет созвал Всесоюзное совещание служителей церквей, на котором председатель Оргкомитета ЕХБ пресвитер Узловской церкви Крючков Геннадий Константинович сделал отчетный доклад о работе Оргкомитета за прошедший период и предложил переименовать его в Совет церквей евангельских христиан-баптистов.

В состав Совета церквей вошли десять прежних служителей и был введен старейший служитель нашего братства и представитель Северокавказского объединения ЕХБ — М. П. Кондрашов. Примерно столько же служителей было утверждено в Отдел благовестников при Совете церквей. В их числе был и Павел Фролович.

В это время стал регулярно выходить «Братский листок». В ноябре был выработан и утвержден Устав СЦ ЕХБ. Таким образом, все церкви ЕХБ, участвовавшие в движении за созыв съезда, оформились в самостоятельное братство, соблюдающее принцип отделения церкви от государства и совершающее служение Господу по Евангелию.

После Всесоюзного совещания Павлу Фроловичу (как и многим другим братьям) пришлось потрудиться на обширной ниве Божьей всего только 8 месяцев. Он вновь был арестован за участие в делегации 17 мая 1966 года у здания ЦК КПСС на Новой площади в Москве.

Суд над Павлом Фроловичем Захаровым как членом делегации ЕХБ от Прокопьевской церкви и благовестником Совета церквей состоялся 23 июня 1966 г. в Москве. Он приговорен был по ст. 142, ч. II УК РСФСР (согласно Указу от 18 марта 1966 года эта статья применялась тогда впервые) к 3 годам лагерей усиленного режима. Срок наказания Павел Фролович отбывал в Нальчике.

Одновременно в Прокопьевске были осуждены: пресвитер Гончаров Андрей Спиридонович — член Совета церквей ЕХБ — и еще четыре человека. Подобная обстановка сложилась почти во всех общинах гонимого братства. В некоторых крупных общинах было арестовано до 10 человек одновременно.

В связи с арестом делегации почти весь состав Совета и Отдела благовестников оказался также за тюремной ре-

шеткой. На свободе остались, казалось бы, самые немощные, самые неопытные братья, но их служение Бог обильно благословлял, церкви возрастали и укреплялись духовно. Гонимое братство при всех этих обстоятельствах было под защитой и особой милостью Божьей и шло верным путем.

В 1969 году Павел Фролович освободился, но через 3 месяца тяжело заболел. Последние два года жизни он проводил на больничной койке. Врачи знали о его подлинной болезни, но, как только ему становилось лучше,— выписывали из больницы, а органы власти тут же его, нетрудоспособного, принуждали идти на работу. Он падал без чувств у станка, и скорая помощь вновь доставляла его в больницу.

В то же время продолжались гонения на церковь, разгоны собраний, штрафы. Его детей преследовали в школе. Газета «Шахтерская правда» продолжала кампанию клеветы на верующих.

Уполномоченный М. И. Сащенко, прокурор Ермузович, секретарь горисполкома Пушкарева, лектор Баранов, Рудничный исполком — все включились в кампанию травли против верующих. Павла Фроловича, его жену и других верующих неоднократно вызывали в Рудничный райисполком, где Сащенко угрожал новыми судебными расправами, если верующие не прекратят богослужений; обвинял Павла Фроловича в том, что на его адрес приходит много писем из-за рубежа с расспросами о составе семьи, здоровье, нуждах. Павел Фролович потребовал выдать адресованные ему письма, но их не отдали.

Страдания дорогого брата тяжело отразились на здоровье его верной спутницы Есфири Яковлевны, которая разделяла с ним все скорби и лишения. В один из длительных периодов пребывания его в больнице, Есфирь Яковлевна скоропостижно скончалась дома 14 октября 1969 года, в возрасте 45 лет. Выписавшись из больницы, брат вместе со своими четырьмя детками-сиротами оплакал и проводил свою дорогую подругу в последний путь.

В декабре 1969 года состоялось Всесоюзное совещание служителей церкви ЕХБ, на котором был вновь избран Совет церквей и утвержден состав отдела благовестников. Павел Фролович был участником этого совещания. По мере сил он продолжал совершать труд благовестника Совета церквей и председателя Сибирского объединения ЕХБ.

Сироты-дети и родственники у гроба П. Ф. Захарова.

«Искупитель мой жив!»

В середине мая ему сделали рентгеновский снимок головы и обнаружили опухоль мозга. Необходима была срочная операция, но врачи г. Прокопьевска ничего не предприняли для этого. «Лечили» по ложноустановленному диагнозу. И это делалось не без вмешательства тех, кто преследовал брата за верность Господу. Но здоровье его ухудшалось. Головные боли становились нестерпимыми, силы оставляли его. В больнице его по-прежнему лечили от заболевания сердца, умышленно обходя его жалобы на головную боль.

Наконец, по усиленной просьбе друзей, в конце июня он выехал в Краснодар, где ему было проведено срочное медицинское обследование и был установлен верный диагноз: опухоль мозга. Операцию можно было сделать только в Ленинградской клинике. Но дни брата были уже сочтены.

Незадолго до его кончины сестра в Господе С. (медработник) читала Павлу Фроловичу Библию. И когда она дошла до места из книги Иова: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию; и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам;

мои глаза, не глаза другого, увидят Его»,— он сказал слабым голосом: «Это основа всей моей жизни».

Он скончался 1 июля 1971 года.

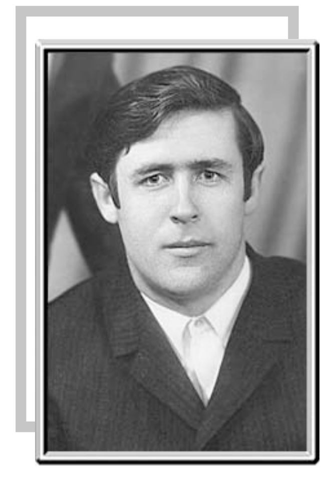
Похороны состоялись в воскресенье 4 июля в 3 часа дня при большом стечении народа — многих братьев и сестер Краснодарской, Пашковской, Елизаветинской и других церквей ЕХБ. В последний час перед выносом тела прибыли дети покойного: Нина, Миша, Любочка и Леночка (младшей было 5 лет).

Во время траурного служения проповедники вспоминали скорбный путь усопшего брата, его ревность в служении Господу, его терпение в скорбях и страданиях, его поэтические и музыкальные дарования, которые он посвятил для славы Возлюбившего нас, и призывали подражать вере его.

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил». Эти слова были написаны на гробе, оббитом белым, и на лентах венков: «Они поют... новую песнь пред престолом...» (Откр. 14, 3). «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» (Пс. 90, 2); «Живите достойно благовествования Христова... подвизаясь единодушно за веру евангельскую» (Фил. 1, 27).

Эти слова были как бы завещанием дорогого служителя Христова всем, оставшимся на земле его детям, родным и друзьям.

Н. Г. БАТУРИН

МЕЛЬНИКОВ

Николай Иванович

1941—1972

Жизнь некоторых служителей Господних бывает долгой, спокойной и пламя их свидетельства горит умеренно ровным светом. Иных же – напротив – короткой, яркой, вспыхнувшей, как факел во мраке. Они словно призваны в годину ненастья озарить Христовым светом окружающий мрак и так, не угасая, отойти в вечность.

Именно такой и воспринимается жизнь дорогого брата и служителя Господнего – Николая МЕЛЬНИКОВА, горячо любимого многими детьми Божьими и особенно христианской молодежью, отдавшего лучшие годы своей жизни Христу и делу Его пробуждения в нашем братстве.

Достаточно вспомнить такой задушевный гимн, как «О Тебе пою, Спаситель...» или добрый, полный упования – «С бурей жизни я сражаюсь...», мелодию и слова которых Николай Мельников написал сам,– чтобы понять: Кем был для него Спаситель.

Глубокой заботой о деле Христовом проникнуто его простое, но трогательное и полное огня предсмертное обращение к детям Божьим пробужденного братства, которое мы приводим ниже.

Стойте в свободе, которую даровал нам Христос... Гал. 5, 1

Дорогие дети Божьи! Эти слова, сказанные Духом Святым через уста Апостола Павла, звучат сегодня как чудный призыв к каждой спасенной душе. Враг душ человеческих старается любыми средствами поработить душу, сделать ее пленницей греха. Там, где ему не удается это сделать обычным, грубым методом, он принимает вид ангела света или, как бы заботясь о ней, хитрым змеем вползает в душу. Любым путем — лишь бы достигнуть своей цели: лишить душу христианина Христовой свободы, закрыть ее в клетке, пусть даже сделанной из золота. Посему как раньше, так и сегодня, особенно важный смысл имеют слова: «Итак стойте в свободе...»

Я вспоминаю свое обращение. Дух Святой заполнил меня Собой, и я с радостью принял Господа личным Спасителем. В тот день я стал новым человеком. Радости моей не было границ. Мне хотелось поделиться ею с окружающими людьми. Они не всегда понимали ее, но это меня не огорчало. Огонь, зажженный в моем сердце, заставлял меня трудиться для Господа. Я полюбил Библию, собрания, особенно посещать больных и, конечно, говорить неверующим людям о Христе. Дьявол делал много попыток, чтобы угасить во мне огонь Святого Духа, но моим девизом были слова Апостола Павла: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Фил. 1, 21).

Но вот пришло первое испытание. Меня призвали в армию. В армии Господь плавил меня в горниле скорбей: уговоры, насмешки, притеснения и даже побои. Но я всегда помнил слова Петра: «Противостойте ему (Дьяволу. — *Прим. авт.*) твердою верою...» (1 Петр. 5, 9). Однажды замполит вызвал и стал упрашивать: «Ну, сходи хоть раз в кино, и мы от тебя отстанем». Я знаю, что дьяволу нужен только палец, а потом он и за руку схватит. И когда я отказался, надо мной было учинено оскорбительное глумление. Меня спеленали простынями, положили на одеяло и четверо солдат понесли в клуб. За нами строевым шагом шла рота. И в этом случае, как и во многих других, Господь поддержал и даровал чудную победу. И свобода, данная мне Христом, еще больше утвердилась в моем сердце.

В 1963 году я был впервые арестован. В это время Дух Святой побудил сердце верующих порвать с мертвой религией. Это было время духовного пробуждения. Началась упорная борьба за утерянную свободу во Христе, за полную отдачу Господу. Несмотря на огромные усилия отступившего от Бога официального руководства ЕХБ, стоявшего впереди сил, подавляющих Истину ложью; несмотря на репрессии со стороны мира,— движение за пробуждение росло и крепло, ибо его возглавил Бог! До меня также доходили звуки этой борьбы, и Дух Святой побудил меня поднять голос в защиту дела Божьего. Пробужденному братству я посвящал стихи, проповеди, статьи, которые органы КГБ назвали «антисоветскими», и по статье 70-й меня осудили на 3 года строгого режима.

Началась новая, неизвестная для меня жизнь узника за Слово Христово. И здесь я вместе с псалмопевцем Давидом воскликнул: «От Господа спасение праведникам; Он защита их во время скорби» (Пс. 36, 39). Там, где, казалось, трудности непреодолимы, Господь чудно охранял мою жизнь. Вскоре Он совершил чудо: пять душ обратилось к Господу.

Ярким примером мужества стал для меня узник — брат Пузин Федор Фролович. В 1943 году за верность Господу его осудили на 25 лет и 5 лет каторги. Глубоким старцем он отбывал свой срок, но оставался верным Господу. Он был для меня и обращенной к Богу молодежи образцом для подражания: он никогда ни в чем не уступал искусителю. Ему не раз предлагали написать просьбу о помиловании или хотя бы жалобу, но он никогда не соглашался даже на это. Часто вечером он садился на лавочку в скверике и пел: «В край родной, в край родной страны. В край мира, счастья, тишины стремлюсь я всей душой...» Мы в трепетном благоговении стояли и смотрели на этого страдальца.

И тогда я вспоминал о таких отступивших от Бога служителях, как Татарченко, его предшественниках Русанове, Мельникове, и о всем признанном миром руководстве ЕХБ, и думал: что скажут они перед Богом, предав дело Божье и погубив столько душ? Почему этот старец, всю свою жизнь любя Господа, несет на себе следы страдания своего Спасителя, а эти люди, утеряв страх Божий, благоденствуют здесь? Все это мне было непонятно, и я, делая сравнение, говорил себе: Господи, помоги никогда не уйти с прямого пути следования за Тобой. Удостой меня этой чести быть всегда гонимым за имя Твое, ибо Апостол Павел говорит: «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1, 29).

Иногда было очень тяжело и, казалось, что сил больше не хватит, но именно тогда Иисус совершал такое, что развеивало все трудности и оставалось только благодарить Господа. Потом ссылка. Этап из Мордовии в Красноярский край. И вот я среди друзей в Канске. Здесь — тоже борьба, хотя немного и другого порядка. Но я усвоил для себя истину, столь важную для моей души: цель врага — лишить меня свободы Христовой, а моя цель, при содействии Духа Божьего,— никогда не идти под иго рабства.

Здесь впервые я лично встретился с представителями нейтральных групп, ставивших цель: примирить, объединить и зарегистрировать общины любой ценой, даже ценой уступок атеизму. Интересна такая деталь: перед приездом «примирителей» на церковь делался нажим со стороны власти: разгоны, угрозы, штрафы и пр. И тут приезжали они и показывали «выход» из положения: объединиться, ведь «свобода» дана, многие существовавшие долгие годы запреты в духовной жизни и служении в церкви отменены.

Эту картину я наблюдал не раз. Так неожиданно начались разгоны собраний народа Божьего, идущего прямым путем, в г. Жданове. Неожиданно, потому что в Донецкой области вообще на протяжении многих лет органы власти не препятствовали богослужениям гонимой церкви. И вдруг — милиция, штрафы, изъятия духовной литературы, вызовы и т. п. Так продолжалось около полумесяца, и после этого в Жданов приезжает Жидков из Москвы с другими работниками ВСЕХБ и с помощью отступившего от истины П. И. Савченко склоняют к объединению верующих гонимой церкви. Совпадением это назвать нельзя, а скорее наоборот, это — согласованные действия, имеющие одну цель: подорвать дело Божье.

В ссылке Господь чудно благословил мой путь. Ни удары извне, ни попытки ст. пресвитера по Сибири — Раевского и пресвитера Красноярской общины — Петра Самуиловича Хмырова не могли увести меня с пути следования по стопам Господа.

И еще меня удивило одно обстоятельство: там, в Сибири, в глухих таежных поселках, к которым трудно добираться, много остывших, духовно умерших верующих. Есть села, в которых все жители раньше были верующими, но с годами, без связи с народом Божьим, без посещений, без поддержки они охладели и угасли. Но эти души не умерли совсем. Нужна лишь искорка Духа Божьего, чтобы воспламенить эти сердца.

Чтобы больше посеять Божьих семян, мы в ссылке организовали труд по распространению духовной литературы, а также знакомили верующих с начавшимся пробуждением, совершать которое Бог поставил братьев истинных и любящих Господа.

Мой срок ссылки подходил к концу. Друзья и родственники готовились встретить меня, а я частенько мечтал об этом. Но когда до окончания срока оставался месяц и 22 дня — меня вновь арестовали. И снова — тюрьма, следствие, суд — и снова враг души моей делал отчаянную попытку лишить меня свободы во Христе, но снова и снова Господь даровал мне чудную победу в Нем.

Второй срок был намного тяжелей первого: шесть месяцев следствия, бòльшую часть которого я провел в одиночной камере. Тюрьма — режимная, условия содержания — ужасные. Железные нары, клочок ваты в грязной мешковине, отсутствие чистого воздуха, угрозы, иногда побои и долгая изоляция от народа Божьего.

Я вспоминаю, как первые дни после ареста были для меня весьма тяжелы. Я замкнулся в себе, погас порыв молитвы, какое-то тупое безразличие охватило мое сознание,— никакой внутренней духовной жизни. Кто боролся и страдал, тот знает, какое это тяжелое состояние... Не всегда в борьбе — одни радостные победы.

Однажды, когда в таком подавленном состоянии я лежал на нарах, память из глубины сознания принесла рассказанный как-то братом случай из его жизни. Это было в тяжелые сороковые годы. Судили группу братьев. Всем дали по 15 лет. Брата судили последним и дали 25 лет. Он рассказывал: «Когда я зашел с сияющим лицом в камеру к братьям, то не выдержал и воскликнул: "Бог удостоил меня большей чести — мне дали не 15 лет, а 25 лет!" Братья даже приуныли и чуть не возроптали: неужели Бог любит его больше, чем нас?

Когда я вспомнил этот случай, меня осенила мысль: брат, получив 25 лет, сиял от счастья, а я, еще не получил ничего, унываю. Дух Святой обличил меня и я обратился к Иисусу с глубоким раскаянием.

Судили нас двоих. Меня и сестру Валю Богдан. Это был замечательный суд.

Мне вкратце хочется показать, какова цена так называемого правосудия, когда задание осудить есть, а материалов нет. Суд объявили закрытый. Всех верующих попросили из зала, но разрешили остаться партийным работникам, комсомольцам, представителям печати, телевидения и пресвитеру из Красноярска П. С. Хмырову.

Начался суд. Мы отказались отвечать на вопросы в связи с такой показательной нечестностью. Один за другим вызывались свидетели. Большинство из них — верующая молодежь. Они не дают никаких показаний, несмотря на всякие уловки прокурора, судьи и даже адвоката. Перед лицом этих ослепленных злобой людей проходили недрогнувшие, полные радости и чувства победы дети Божьи. И даже кто говорил, говорил только положительное.

Потом — выступление прокурора: стандартные обвинения в адрес религии, огульные — в наш адрес, демонстрация своего бессилия и грубые нападки. И никакой правды. Итог суда — 3 года мне и 2 — Вале. За что? Если их совесть не задаст им этого вопроса, то задаст его Бог. За что? Но мы просим Господа: «Прости им, ибо не знают, что делают».

Так начался мой следующий срок. По ходатайству соответствующих должностных лиц меня привезли в штрафную зону. Каторжный труд — лесоповал. Ужасные бытовые условия и непомерно жестокое обращение лагерного начальства. Зона, где без всяких оснований можно попасть в изолятор. Зимой — сколько градусов мороза на улице, столько и в бетонной камере. На день отбирают теплую одежду, в камере нет даже железных нар, чтобы сесть. С 6 утра до 10 вечера стой на ногах или садись на бетонный, покрытый льдом пол. На ночь переводят в другую камеру, где есть нары. В день дают 400 граммов черного хлеба и через день — горячую пищу. В зоне, где в среднем содержится 1000—1200 человек, 200 туберкулезников, еще больше язвенников.

Если бы я стал описывать все ужасы, издевательства, поругания, всю пошлость, которые мне пришлось перенести, то получился бы объемный том. К сожалению, у меня нет такой возможности. Мало кто поверит, что такое может происходить, но со мной всегда был Бог, а с Ним всегда радостно.

Мои друзья, движимые любовью Божьей, находили возможность помочь мне духовно и материально. Поистине для Господа нет ничего невозможного. Даже когда я сидел в холодной камере изолятора, я не был оставлен и имел поддержку. Это был подвиг детей Божьих, и награда им от Господа велика. Весь срок мне не отдавали писем. Но Господь умудрил, и я имел письменную связь с Его детьми. Оперативный работник лагеря говорил мне: «Мы все равно поймаем тебя с письмами, и тогда ты у нас из изолятора не выйдешь».

Однажды случилось такое. Я писал письма и на рабочем объекте прятал их в будке до приезда друзей. Потом, когда кто-либо приезжал, я передавал их, а они мне. Однажды я, ожидая приезда друзей, спрятал в пожарной будке два очень важных письма. Но ночью был совершен побег и нас не пустили на объект. Когда на другой день я пришел, то увидел, что будку всю обыскали и писем моих нет. Сердце дрогнуло. Наконец я воззвал к Господу об этой нужде, оделся потеплее, взял с собой пайку хлеба, зная, что сейчас меня прямо с вахты заберут в изолятор. Весь день ходил я по рабочему объекту удрученный. Вечером, когда нужно было идти на съем, пришедший на смену пожарник решил проверить журнал учета. Открыв его, он позвал меня: «Это что за письма?» Я обомлел: в журнале лежали мои два письма. На конверте одного из них было написано: «Туда больше не клади». Взволнованный, я выбежал и за штабелем леса склонился на колени и возблагодарил

Господа в горячей молитве. «Милостей Твоих, Господи, полна земля!» Так Бог совершал дивные Свои дела.

Было даже так, что негодные люди хотели ночью убить меня, но до полночи не дожили и были убиты сами. Так Господь оберегал Свое дитя. И даже более того,— в тех ужасных условиях Он давал дивные встречи.

Друзья со свободы написали мне, что в центральном больничном лагере лежит Дмитрий Васильевич Миняков. Я никогда ранее не видел этого служителя. «Господи,— молился я,— это же рядом, дай мне встречу». Я пошел в санчасть, где помощником врача работал старый ждановский вор, и сказал ему, что мне нужно попасть в больницу. С большими трудностями я попал туда. Больница перегорожена на две зоны забором с колючей проволокой. Туберкулезная зона и общая. Я был в общей, Дмитрий Васильевич — в туберкулезной. Я передал через вахту, чтобы вызвали Минякова, и с трепетом ожидал его. Я молился: «Господи, устрой Ты Сам эту встречу. Неужели после длительного скитания и борьбы я не встречусь с братом?..» И вот он идет по трапу. Худощавый, усталые глаза. Но, Боже мой, сколько энергии излучают эти усталые глаза! Сколько твердости Духа и радости в этом взгляде! Вот она — душа живая среди покойников! Смотрите, это идет мой брат! Узы для него не существуют! Идет человек, в котором Христова свобода бьет чудесным родником в безводной пустыне. И если одну ночь Даниил провел во рву львином, то вот идет душа, которая долгие годы живет среди львов, но остается невредимой.

Обнялись, поцеловались, сели на лавочку... О чем говорить сразу? Мы сидели молча. Разговаривали наши души. Кто может себе представить радость этих встреч?!.. В Книге Жизни описаны эти чудные мгновения.

Мы были вместе 18 суток. Всего 18 суток. Разлучались только на ночь, после 10 вечера. Сколько было воспоминаний и бесед! Для меня, начинающего христианина, эта встреча была настоящим кладом. И должен сказать, что встреча с ним оказалась для меня поворотным пунктом в жизни, как в земной, так и в духовной. Там, под ночным небом, в окружении запретной зоны и колючей проволоки, был заключен союз, освященный Богом. Господь дал мне успех и мудрость. Я стал работать учетчиком в цехе и, практически, выполнял работу мастера. Успех в работе был очевиден, и даже негодующая администрация была довольна. Но вот по заданию особого отдела приехал начальник политотдела и дал указание местной администрации

лагеря срочно перевести меня в грузчики на самую тяжелую работу. Такова методика этих людей. При встречах, в беседах они — «доброжелатели», заботливы, но за спиной делают все, чтобы погубить и тело и душу. Меня перевели в грузчики. Но Бог и там все так устроил, что сверх силы не было ничего.

Самый радостный момент в жизни заключенного — это его освобождение. Меня отправили этапом доотбыть 1 месяц и 22 дня. Привезли в районный центр — село Дзержинское. Туда приехала моя мама, друзья, и у меня начались радостные дни, которые омрачались лишь вызовами в комендатуру. Причем каждая беседа кончалась призывом, чтобы шел в зарегистрированное собрание, в противном случае никогда не избавлюсь от неволи. Но теперь, когда за плечами такой путь, конечно, эти угрозы — пустой звук.

В мае, после долгих скитаний (более 10 лет), я вернулся в Жданов, город моего детства. Были чудесные встречи и замечательные общения. Но недолго мне пришлось трудиться: у меня был обнаружен рак в опасной стадии. После тяжелой операции прошло полгода. Врачи говорили, что буду жить не более 3 месяцев, но слава Господу, я живу уже более полгода. Правда, болезнь прогрессирует, я и нахожусь в том состоянии, когда хочется только одного: скорее в вечность. И она для меня близка.

А теперь, в заключение, я хочу перейти к самому главному. Выше я вкратце описал свой жизненный путь. Я хотел показать, как дьявол пытался лишить меня духовной свободы и как ему это не удалось, ибо хранит Бог любящих Его. И сейчас, когда я на свободе, приходится встречаться с различными людьми из среды народа Божьего. Многие из них тоже были в рядах борцов, но соблазнились и разочаровались. Другие, оставаясь в рядах гонимой церкви, критикуют ее. Критикуют работу братьев и вообще все движение. Что скажу я, стоя перед судом Вечности, когда ослабевшая и разлагающаяся плоть едва держит эту ручку?

Я благодарю Бога моего, что Он вел меня этим путем. Мое сердце ликует от того, что свой короткий жизненный путь я провел в рядах гонимой церкви. Благодарю Бога моего, что Он воздвиг это братство, расторг ярмо неволи, которое одели на церковь руководители ВСЕХБ, идя на поводу у внешних. Ценой жертв, ценой неволи и страданий даже общины ВСЕХБ имеют больше возможности свободней прославлять Господа. Именно через гонимое братство мы имеем и духовную литературу, и Библии, и Евангелия, и детей в собраниях, и молодежные общения. Если учесть, где мы живем, то это поистине — подвиг!

Я хотел бы сказать несколько слов нашей молодежи. Бог показал уже, что Его благодеющая рука сопровождает дивными благословениями Совет церквей. Поэтому на попытку врага разделить, ослабить братство — вы ответьте усиленной молитвой и еще большей сплоченностью вокруг гонимых. Враг засылает в наши ряды людей, смущающих многие сердца, делающих попытку расколоть движение, создать другие группировки. Но его умысел нам не безызвестен. Братство, перенесшее столько страданий, никогда не останется без благословения. Поэтому станем еще ближе к Господу и со всем гонимым народом Его пойдем по пути в небеса.

Сегодня ВСЕХБ по-прежнему клевещет на Совет церквей. По-прежнему идет на поводу у мира. По-прежнему ничего там не делается без указаний уполномоченных. В то же время они делают отчаянные попытки соединить общины под одно иго позолоченной видимой свободы. Сегодня только совершенно слепой христианин не видит до чего дошел этот отступивший центр, показав всему миру свою порочность.

И сейчас как никогда нужно твердо стоять в проломе за дело Божье. В борьбе умерло немало братьев. Пусть и я уйду в вечность в молодые годы. Это радует меня. Но я снова и снова хочу сказать, и с этим понятием уйду к Господу,— это наше дорогое, гонимое братство, это пока единственное собрание искупленных сердец, где свобода во Христе стоит на первом месте и где нет никаких уступок врагу душ наших.

Болезни были и в апостольские времена, но мир не имел никакой части в жизни Церкви. И трагедия верующих наших дней, что не Христос, а безбожные привычки зачастую руководят ими в пути. И все вы знаете, что к началу 60-х годов это чуть не привело к окончательному исчезновению истины в Советском Союзе. Но слава Господу, что нашлись верные Его дети, которые преградили путь духовному растлению и выступили за освящение и пробуждение народа Божьего.

Заканчивая это обращение и как бы подводя итог своей жизни, я повторяю: нет, я не только не жалею об избранном пути, но благодарю Бога, что Он удостоил меня этой чести — быть среди гонимых. Ободритесь и вы, друзья мои, и вместе с гонимым братством пойдем вперед навстречу Жениху! «Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны» (Еф. 4, 1).

Да благословит всех вас Господь.

Жданов, 20 апреля 1972 года.

САВЧЕНКО
Николай Романович

1925— 1989

...Ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью.
Фил. 1, 20

Каждый шаг жизни пресвитера Омской церкви, Николая Романовича САВЧЕНКО, был воплощением этого сокровенного желания: возвеличить Господа! Оно не раз приводило его на скамью подсудимых, где он с кротостью давал отчет в своем уповании. Он не уклонялся от крестного пути, потому что знал: «кратковременные легкие страдания в безмерном преизбытке производят вечную славу» имени Господа Иисуса Христа (2 Кор. 4, 17).

Родился Николай Романович в ноябре 1925 года в православной семье, которая вела обычную мирскую жизнь. Несмотря на это, он с детства с трепетом относился к слову о Боге и по-своему молился Ему.

В январе 1943 года со школьной скамьи его призвали в армию, затем отправили на фронт. Там он был ранен, лечился в прифронтовых госпиталях. В 19 лет (в мае 1945 г.) попал в тюрьму, а в 1953 году, за месяц до окончания срока, амнистирован со снятием судимости.

Скитаясь по лагерям, он встречался со многими верующими. Однажды заметил у одного Евангелие, попросил почитать. Заключенный не дал, но предложил читать вместе. *«Когда он стал читать,— вспоминал Николай Романович,— я не то что был увлечен, а пришел в восторг, ликовал! Господь словно входил в мое сердце. Я восхищался всемогуществом Божьим, Его любовью к людям. Я узнал, что Христос пришел для спасения грешников, хотя себя грешником не считал.*

Слушал я, жадно впитывая каждое слово, и как будто переселялся в другой мир. Мысли мои отрывались от земли; что-то новое, удивительное происходило со мной...

Покаяния открытого у меня не было — мне никто об этом не говорил. Но пришло время, когда я всем своим существом понял, что я — большой грешник. Каялся сам перед Богом, освобождаясь то от одного, то от другого греха. Со временем я почувствовал, что совесть моя очищена, свободна...»

После того, как Николай Романович решил следовать за Господом, на него обрушились различные искушения. Одно из них: стремление администрации сделать из него доносчика. «Что хотите делайте, но я никогда не буду предателем! Я не могу причинять зло людям...» За это его тут же отправили на самый отдаленный вахтпункт.

Братья по вере собрали на дорогу немного денег и подарили Евангелие. Господь помог уберечь его от бесконечных обысков.

«Это было первое чудо в моей жизни. Я отдал гимнастерку на просмотр, а там, в кармане, Евангелие. Конвоир поднял ее за воротник и просматривал, будто она стеклянная. Покрутил и бросил в сторону. Другие вещи он тщательно прощупывал, многое у меня отнял, но я ни о чем не жалел,— Евангелие со мной! Как я был счастлив! Своими глазами я увидел всемогущую руку Божью и понял, что Он меня любит и благословляет».

Возвратившись к родителям, Николай Романович томился, не имея духовной поддержки. С большим трудом разыскал в Омске верующего старца Агафона Парфеновича Бодрова, который тоже недавно вернулся из уз. Брат пригласил его на собрание и дал на время Библию. «Радости моей не было границ! Я летел домой, как на крыльях!..»

Собранием Николай Романович был несколько разочарован: молодежь между богослужениями играла в «третий лишний». «Разве для этого Господь создал Церковь Свою?!» — думал он. В лагере он встречался со многими христианами, которые впоследствии были замучены за дело Божье, а тут молодежь развлекалась. Видя это, он молился и очень желал, чтобы и его жизнь закончилась в узах. В молитве он находил все утешение. «Это — моя жизнь»,— говорил он.

11 сентября 1953 года Николаю Романовичу преподали крещение в Иртыше, и с тех пор он стал проповедником. В 1954 году — женился на сестре Людмиле.

В 60-е годы богослужения в Омской церкви проходили в 13 группах. Служители добивались регистрации, но им ставили условие: «Прекратите собираться и тогда, возможно, мы решим вопрос положительно». Пожилые верующие согласились, а молодежь стала собираться отдельно.

«В 1961 году через служителей Инициативной группы Господь начал духовное пробуждение церкви в нашей стране. Омские верующие получили послания с призывом к очищению и освящению. Старые служители скрыли его. Только в 1962 году об этом узнали молодые братья. Я слышал, что Г. К. Крючков посещал центральную городскую группу, в которой собиралось около 300 человек. Меня не пригласили, о чем я сильно сожалел, но сожалением встречи не заменишь и никогда не вернешь этой возможности.

Началу пробуждения я был очень рад, потому что видел большое отступление от истины в своей общине, хотя она оставалась незарегистрированной. С первых дней духовной работы по очищению и освящению народа Божьего я всем сердцем воспринял ее и никогда не сомневался, что ее начал Господь. Это то, что крайне необходимо церкви! Это — голос Божий!

Позднее, познакомившись с "Инструктивным письмом" и "Положением ВСЕХБ", я ужаснулся: до какого гибельного состояния дошли руководители официального духовного центра!

Шел 1964 год. Омская церковь была разрозненна. Внешние стали усиленно навязывать регистрацию. И когда ее приняли, основная масса верующих хлынула туда. "Наконец-то мы получили свободу! Теперь мы будем совершать духовную работу!" — радовались многие. Но это были обманчивые надежды. Регистрация обязывала поступиться заповедями Христа. Разве можно было после этого ожидать духовного подъема?!

Оставшиеся верующие решили начать самостоятельное служение. Все понимали, что для этого нужно серьезное жертвенное посвящение Господу и самих себя, и своих семей. Собрали всех жен служителей и проповедников и в сокрушении отдавались в распоряжение Божье, невзирая на последствия.

К этому времени служители Оргкомитета подготовили замечательный духовный материал по проведению очищения и освящения народа Божьего. Сколько было сокрушения, раскаяния! Не стыдясь, братья и сестры свергали с себя всякое бремя греха, освобождались от всего нечистого...»

В 1967 году Николая Романовича рукоположили на диаконское служение, но потрудиться ему почти не пришлось. За ревностное участие в жизни пробужденного братства его и старца Петра Прокофьевича (79 лет!) арестовали

и осудили на 3 года. На год раньше за участие в майской делегации у здания ЦК КПСС в Москве был арестован А. Т. Козорезов.

В лагере Николай Романович открыто молился, свидетельствовал о Господе, не обращая внимания на угрозы и запреты.

Перед освобождением Бог чудом сохранил его жизнь. В обеденный перерыв он лег в кузов машины отдохнуть и уснул. Когда пробудился, заключенный сказал: «Не зря ты молишься. Сегодня Бог тебя спас. Мы уже размахнулись, чтобы забросить в кузов тяжелую деталь, но меня обожгла мысль: нет ли там человека? Заглянул, а ты спишь... Мы попали бы тебе точно в голову...»

В 1970 году Николай Романович вышел на свободу и пробыл дома всего 9 месяцев. Снова разгоны богослужений, акты, штрафы. Николая Романовича пытались даже поместить в психбольницу, а 14 мая 1971 г. его и еще троих омских братьев арестовали вторично. В судебном процессе они не участвовали, молчали, потому что исход дела был предрешен. Суд не намеревался выяснять истину, и каждый из подсудимых мог бы сказать словами Христа: «...если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня» (Лук. 22, 67—68).

Ход суда снимался на телевидение. Братьев осудили кого на 5, кого на 4 года, а Николаю Романовичу дали 3 года.

К концу срока его стали осаждать сотрудники КГБ — Мясников (он же Иванов) и Савин (он же Запрудников). «Община ваша распалась. Если, возвратившись, ты попытаешься ее восстановить, тебя ожидают еще худшие условия... Зачем тебе новые страдания? Иди в зарегистрированную общину или уезжай, как это сделали по нашему совету некоторые верующие. Можешь и остаться, но с условием: будешь нам помогать...»

Сначала предлагали длительное свидание, разрешили передачи, сняли надзор, но, когда Николай Романович отверг все предложения, его перевели на тяжелую работу, водворили в изолятор, угрожали третьим сроком.

В 1974 году Николая Романовича освободили с надзором. Церковь в то время была без служителей, из-за больших гонений собирались по шесть человек, а милиции приходило человек по восемь. Николай Романович предложил проводить богослужения вместе.

«Весь удар падет снова на тебя...» — сочувствовали верующие и предлагали уехать из Омска.

«Я предаю свою душу Господу, Он силен защитить, а если и не так, опять пойду в узы. Но в таком состоянии церковь не должна оставаться».

В 1978 году, на Пасху, дом, где проходило богослужение, окружили 32 сотрудника милиции и солдаты внутренних войск. Силой вырывали из среды верующих нужных им людей, не щадили детей, женщин, старцев. За воротами стояли верующие, которых не впускали в дом. После получасовой расправы верующие решили пойти в город! По дороге пели, поздравляли прохожих с праздником Пасхи. Учинившие разгон вынуждены были позволить им вернуться на прежнее место.

Когда Николай Романович, как поднадзорный, пошел отмечаться, то в отделении милиции его ожидал сотрудник КГБ Запрудников.

«Теперь у нас достаточно улик! За организацию шествия по городу тебя ожидает более суровый срок. Но ты можешь избежать заслуженной кары добросовестным служением Родине...» (Он имел в виду сотрудничество.)

Николай Романович ожидал этого и воспринял угрозы совершенно спокойно: *«Я не только буду принимать узы и скорби за моего Господа, но с Божьей помощь собираюсь и умереть за Него...»*

«Зачем же умирать, когда можно хорошо жить!» — уговаривал Запрудников.

1 октября 1981 года Борис Яковлевич Шмидт рукоположил Николая Романовича на пресвитерское служение.

7 апреля 1985 года Омской церкви вновь не дали провести богослужение и верующие вынуждены были опять пойти по городу с пением и проповедями. Это послужило поводом для нового ареста Николая Романовича. 11 июня его привезли с работы домой, сделали обыск и под конвоем увезли в отделение милиции — это уже был третий арест.

Каждый новый шаг своей жизни Николай Романович начинал с молитвы. На этот раз у него было предчувствие, что путь будет особенно суров. Первые три дня он провел в усиленной молитве. Когда перевели в следственный изолятор, во время обыска у Николая Романовича появилось сильное желание помолиться. *«Всем своим существом я понял, что это нужно сделать именно сейчас. Чувствуя ответственность за погибающих грешников, я упал на колени и громко помолился. Люди заинтересовались, стали расспрашивать. Чтобы прекратить свидетельство*

о Боге и устрашить заключенных, надзиратели раздели нас донага, поставили к стенке с поднятыми руками. Открыли дворик, создали сильный сквозняк. Запрещали даже шелохнуться, кричали, наводили жуть. Через час меня поместили в 195 камеру, где раньше сидел М. И. Хорев. Мне еще приятней было склониться перед Господом там, где молился мой дорогой брат. Хотя сердце сжималось от тоски о народе Божьем, о семье, но молитва и свидетельство снимали боль. Я еще ревностней стал свидетельствовать о Господе.

Во время суда Господь утешал меня словом Своим: "Блаженны изгнанные за правду... радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах..." Эти слова не выходили из памяти, вдохновляли, я принимал все страдания за честь. Виновным себя не признал. Сказал, что судят меня за верность моему Господу и что я счастлив».

По статьям 142 и 190-1 Николая Романовича осудили на два с половиной года строгого режима и отправили в экспериментальную 9-ю пресс-колонию.

Здесь он 29 суток провел в «африканке», испытал очень много глумлений, шантажа и пыток. Его заставляли пить несколько литров воды, чтобы промыть желудок и извлечь якобы спрятанные деньги. Били так, что повредили желудок, возможно, переломали ребра, потому что после избиения он страшно мучился, не мог вздохнуть.

«Условия в "африканке" невыносимые,— вспоминал Николай Романович. — *Пол в камере устлан железными решетками, ходить нельзя. Декабрь, холодно, на стенах иней. Сквозняк. Напротив камеры — прогулочный дворик, дверь которого открывали специально, чтобы температура в камере была, как на улице. У двери, где нет решеток, скорчившись, мы ложились на доски, положенные сверх бетона, но из-под двери сильно дуло. Мне всегда приходилось лежать с краю, всех беспрерывно била дрожь. Железные нары никто не просил отстегнуть.*

Обыкновенную одежду с нас снимали, давали изорванную, грязную, переполненную вшами. И за то, что мы представали в такой одежде перед начальством, нам добавляли наказание: "не по форме одет, нет пуговиц, спал на полу, не побрит и т. п."

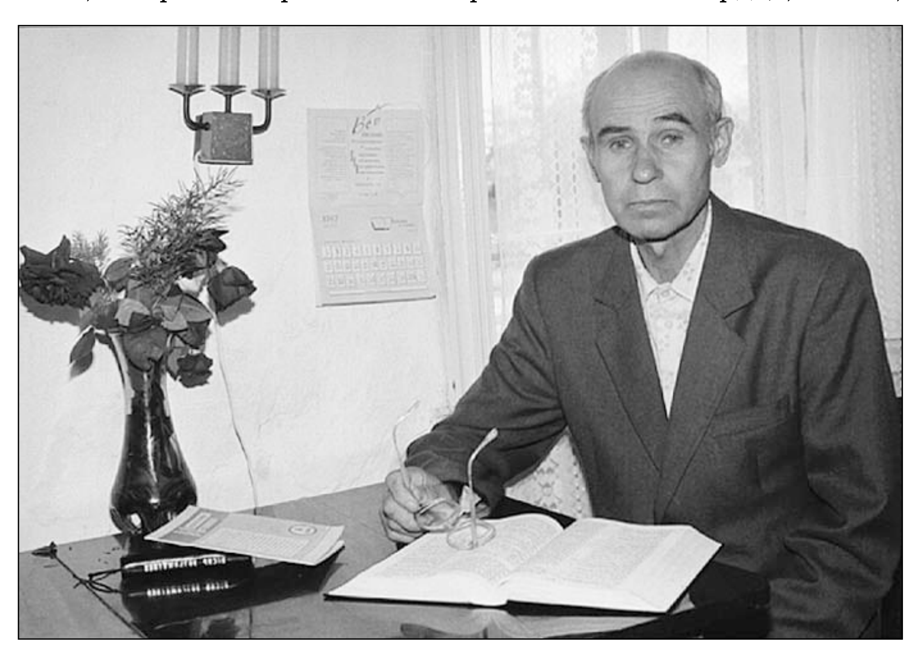
По десять часов в сутки я проводил в коленопреклоненной молитве. Это была единственная настоящая радость. Я не надеялся остаться в живых, был истощен, потерял

силы для сопротивления невзгодам. Ноги сильно опухли. На правом колене образовался огромный нарыв, опухоль распирала брюки. Пошел на работу, но ничего делать не мог. Отправили в санчасть, сказали, что гангрена и хотели отправить в больницу для ампутации. Я усиленно помолился Господу, и Он, милосердный, совершил чудо. Нога была багровая, а после молитвы побелела. Операцию отложили. Господь меня исцелил».

О своем состоянии Николаю Романовичу удалось сообщить семье, в лагерь стали приходить ходатайства верующих. Администрация угрожала за это новым сроком. Добивались, через кого он передал сведения.

Угрозы усилились. Вызывали по вечерам пять раз и требовали написать объяснительную. От нервных потрясений опухало лицо, поднялось давление. Хотели отослать в больницу. Николай Романович помолился, и Господь снова его исцелил.

И все же его силой поместили в больницу. Четыре раза в день вводили неизвестное лекарство и заставляли принимать какие-то таблетки, несмотря на то, что Николай Романович ни на что не жаловался. Появились сильные головные боли, открылась рвота. Нестерпимо болело сердце, спина,

«Радуюсь я слову Твоему, как получивший великую прибыль» (Пс. 118, 162).

Крещение, совершенное Николаем Романовичем в августе 1987 года в холодных водах Иртыша, было последним и на пределе его физических сил.

было трудно дышать. Онемело все тело. Ему было плохо даже от глотка воды. Тело было сдавлено словно панцирем, «мурашки» бегали даже по лицу.

Он опять сообщил домой. Приехала жена. Ей сказали, что с уколом Николаю Романовичу внесли какую-то инфекцию.

«Когда приходила мысль, что, может, расстанусь с жизнью,— вспоминал Николай Романович,— *я и тогда знал, что уйду в блаженство. Просил только Господа, чтобы переход был по силам».*

Николая Романовича заключенные чаще всего видели молящимся. «Он непрерывно молится!» — удивлялись люди. Молился он вслух и в бараке, и в камере, и в кабинетах начальников.

Здоровье его было сильно подорвано. Боясь, что он умрет в лагере, его освободили на 8 месяцев раньше срока.

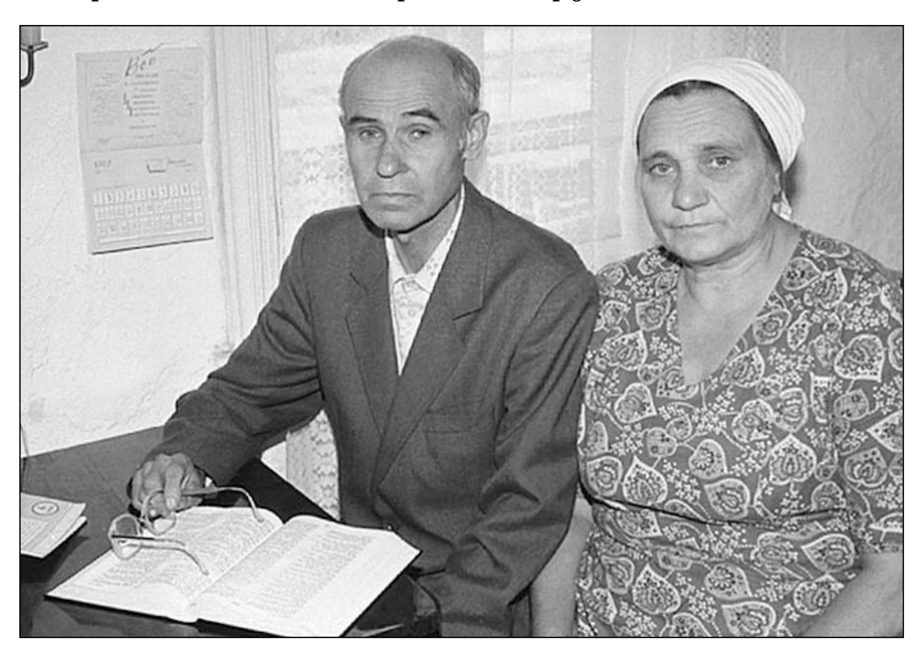
И снова он с жаждой принялся за дорогое сердцу служение в церкви. Трижды в 1987 году он совершил в Иртыше крещение новообращенных. Последний раз — в студеной воде. Жена, зная насколько он слаб, попыталась отговорить. «Как ты можешь препятствовать мне в деле Божьем?» — и, собрав последние силы, совершил крещение.

Когда он еще стоял в холодной воде, сатана пугал: «Все! Ты отсюда живым не уйдешь!» — «Отойди от меня, сатана! Церковь обо мне молится!» — с верой противостал Николай Романович.

Здоровье не позволило Николаю Романовичу посетить общины и поблагодарить лично народ Божий за молитвы и ходатайства о нем. *«Я и моя семья очень чувствовали заботу церкви,*— говорил он посещавшим его друзьям. — *Я благодарен Господу, что Он положил на сердце всем святым такую добрую мысль — поддерживать друг друга в трудностях! Забота церкви обо мне запечатлелась в моем сердце, как самое дорогое, самое ценное.*

С самого начала духовного пробуждения, начатого Господом через служителей Инициативной группы, я всем своим существом одобрял и поддерживал это святое дело. Старался всегда вместе со всей церковью участвовать в ходатайствах, молитвах, пожертвованиях,— во всем. Все, что от меня зависело, я делал, чтобы прославилось имя Господне.

Никогда я не шел на компромисс с миром, отвергал все предложения, все встречи с недругами.

Н. Р. Савченко и его верная супруга жизни сестра Людмила.

Мы идем верным путем. Пока я жив, я и впредь молитвами и всем, чем могу, буду поддерживать наше дорогое братство и все его духовное служение. С первых дней, духом присоединившись к этому движению, я испытал большую радость. Она усиливается во мне с каждым днем. Слава Господу!»

Будучи тяжело больным, Николай Романович молился, можно сказать, непрерывно. Когда бы жена ни входила в комнату, все время заставала его на коленях. Как бы плохо ему ни было, он никогда не молился стоя или лежа, но только на коленях. Служителей Совета церквей он приносил пред лицо Божье поименно. «Господи, прости, если кого сегодня забыл». По «Братскому листку» он запоминал имена тех, с кем не был знаком лично.

Он не пропустил также ни одного богослужения. В последней проповеди он призывал народ Божий следовать за Господом, не озираясь на бушующие волны, но смотреть только на Христа. С этого собрания сын уже нес его в машину на руках.

Страдания его были тяжелы, но он не проронил ни слова ропота. Каждый его вздох сопровождался словами: «Господи, помоги! Господи, дай силы! Благодарю Тебя, что ношу в теле своем язвы за имя Твое».

На прощальное богослужение прибыло более 300 друзей по вере из многих городов страны. Играл Челябинский и Павлодарский духовой оркестры.

«Мы хороним святого человека! — обращаясь к пришедшим на похороны неверующим людям, говорили проповедники. — Мы хороним того, кто всю свою жизнь молился о вас. Умер ваш молитвенник, который постоянно ходатайствовал пред Богом о вашем спасении».

«Я не знаю случая, когда бы Николай Романович забыл помолиться о детях, и молился он всегда в сокрушении. Это величайший памятник для детей!» — напомнил другой проповедник.

Жена Николая Романовича благодарила Господа, что муж до последнего вздоха был верен Богу и пожелала продолжить его молитвы о детях и неверующих родственниках.

Она свидетельствовала также, что сотрудники КГБ не оставляли его до последних дней. Трижды приходили, когда он уже не вставал. Дознавались: кто шлет духовную литературу и приказывали к следующему разу приготовить

подписи на бандеролях, чтобы установить, как попал за рубеж наш адрес.

Настаивали, чтобы Николай Романович зарегистрировал общину.

«Думаю, что только по этой причине его трижды арестовывали и создавали невыносимые условия в лагере,— говорила сестра Людмила. — *Сотрудники КГБ и меня не раз просили повлиять на мужа, чтобы он склонил общину к регистрации. "Он завтра же будет на свободе, если исполнит нашу просьбу!" — обещали мне.*

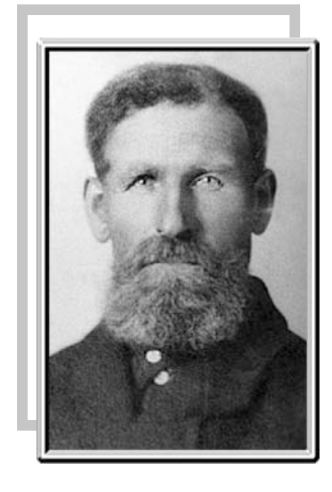
Я благодарю Бога, что муж остался непреклонным. Он очень любил церковь, братство наше гонимое, и если бы у него были силы, то его месяцами не было бы дома — он посещал бы общины, проповедовал Евангелие, невзирая ни на какие запреты».

«Дорогà в очах Господних смерть святых Его!» (Пс. 115, 6). А почему не жизнь? Да потому что смерть в святости — это благословенный итог всей жизни! Это радостная жатва, которую уже не омрачит никакая тень скорби. Отяжеленные чистым зерном упования снопы укладываются в небесную житницу — этому ли не радоваться? Этим ли не дорожить?

«Дорога в очах Господних смерть святых». Мучеников тем более. Господь лично Сам приветствует приход героев веры в небеса, как приветствовал некогда Стефана.

«Будь верен до смерти!» — призывает Он Своих последователей. И нет места печали, когда прославленный Пастыреначальник, некогда Сам прошедший долину смерти, увенчивает Своих рабов неувядающими венцами славы (1 Петр. 5, 4).

И хотя скорбит семья, печалится церковь и все наше братство об утрате верного служителя Божьего, но сознание того, что земное поприще дорогого пастыря завершилось таким торжественным аккордом верности Господу, изгоняет печаль и водворяет радость. И она преобладает, потому что праведник водворился у Господа.

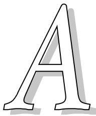

ИСКОВСКИХ

Алексей Федорович

1891—1970

Все воды Твои и волны Твои
прошли надо мною... Пс. 41, 8

лексей Федорович Исковских родился 30 марта 1891 года в крестьянской православной семье в селе Кривец Добровского района Центрально-Черноземной области (ныне Липецкая область).

В семье Исковских было 12 детей. Зятья, невестки, внуки жили вместе. Всего 30 человек. Отец Алеши, Федор Никитич, приучал семью к трудолюбию. Мать, Матрена Филипповна,— трудолюбивая, спокойная и выдержанная женщина, из всех детей особенно любила послушного и исполнительного Алешу.

Благодаря заботе отца Алеша получил не малое по тому времени образование — 3 класса церковно-приходской школы и еще, как говорили тогда, учился «сам по себе».

На 21-м году Алексей женился на православной девушке Марии Николаевне Стукаловой.

В 1913 году Алексей был призван на действительную службу в морфлот. Пять лет он служил в г. Севастополе на корабле в звании шкипера-каптенармуса (заведовал вещевым довольствием), по совместительству работал парикмахером. Во время службы Алексей с двумя матросами тонул в море, был поднят из глубины почти мертвым. Моряки долго откачивали его и он очнулся.

Однажды сослуживец пригласил его на богослужение в молитвенный дом христиан, куда сам ходил. Алексей Федорович позднее вспоминал об этом: «Когда я был в собрании, у меня внутри все будто загорелось и расплавилось...» С тех пор, в дни очередных увольнений на берег, Алексей стал посещать в городе молитвенные собрания верующих. Вскоре уверовал, покаялся и во время службы заключил завет с Господом.

Миновали мятежные годы революции, кончилась и военная служба брата. В 1918 году он вернулся в село Кривец, купил лошадь и занялся сельским хозяйством. В своем доме он стал проводить молитвенные собрания. Но не в почете была «новая вера», принесенная Алексеем со службы.

Шел 1920 год. На праздник Пасхи Алексея, как верующего, сельский совет принуждал работать на своей лошади. Он отказался сквернить святой праздник Христов. За это его арестовали и полгода держали в тюрьме, но это было лишь началом страданий брата за имя Иисуса.

В 1930 году Алексея Федоровича вызвали в НКВД. После допроса по церковным делам его отпустили домой. Почувствовав что-то неладное, он зимой со старшим сыном уехал из дому (второй сын был отдан куда-то в пастухи).

Весной 1931 года, под видом раскулачивания, стали разорять его семью за веру в Бога: со двора увели корову и лошадь и с малыми детьми всех выгнали из дома. В это время жена Алексея Федоровича ждала шестого ребенка.

Старшая дочь, Анастасия Алексеевна, так вспоминала о тех горьких днях:

«Мама нездоровая лежала на печи. Пришли забирать со двора лошадь. А лошадь молодая, сильная, бьет всех — никому не дается обуздывать.

— Иди, обротай лошадь,— приказали пришедшие матери.

— Не могу.

Тогда маму схватили за волосы и стащили с печи:

— Иди, накинь на лошадь о̀броть!)*

Мать снова отказалась. С большим трудом лошадь обуздали и вывели со двора. Позднее лошадь вырвалась и снова прибежала, но уже на опустошенную и без хозяев усадьбу.

Бездомная семья наша — мать и четверо малых детей — без отца, без крова, без пищи скиталась и страшно бедствовала. Голодные и полураздетые мы скрывались днем в поле во ржи, передвигаясь ползком и на коленях, раздирая в кровь ноги, а ночами — у знакомых в соседней деревне Верещаенке.

Через месяц отец послал за нами старшего сына и забрал к себе в строящийся тогда город Бобрики (ныне Новомосковск Тульской обл.). Папа в Бобриках устроился тогда на строительство химзавода и жил в общежитии. Это был барак, стены, пол, потолки и нары которого были из

---

* О̀броть — недоуздок, узда без удил.

нестроганых досок. Перегородок не было. Жильцы, как в конюшне, спали вповалку на сплошных нарах вдоль стен.

На зиму нам дали комнату, в которой помещалось уже четыре семьи. Так около года мы прожили в Бобриках.

Весной 1932 года начался массовый арест верующих и неверующих. Ночью пришли из НКВД и забрали папу. Всех арестованных поместили в Бобриках в барак № 20. Мы ходили на свидание с отцом. Людей в бараке было набито битком. Заключенные по очереди подходили к маленькому окошечку; они были расстегнуты или раздеты. Все тело их было покрыто какой-то грязной пеной. Отец крикнул в окошечко: "Уезжайте отсюда скорей!"

Ночью всей семьей мы с большим трудом перебрались через речку во время ледохода (лед уже отошел от берегов) и укрылись в соседней деревне, в доме верующих Горшковых. Там были трое суток, пока приехал дядя и забрал нас к себе снова в село Кривец.

Папу осудили на 3 года лишения свободы и отправили на строительство "Беломорканала". Целый год о нем не было вестей. Шли слухи, что отца будто на стройке засыпало землей... Потом получили от него весть: жив!

Жизнь нашей семьи без отца была ужасной: мы болели, пухли от голода, собирали колосья, просили милостыню. После раскулачивания и ареста отца, семья наша была на положении лишенцев».

Работая на канале, Алексей Федорович получал хлеб на свою бригаду. Однажды хлеборез, всмотревшись в него, спросил:

— Ты не верующий ли?

— Да, верующий.

Это оказался брат по вере! С тех пор Алексей Федорович имел некоторую поддержку хлебом. Их бригада осталась жива, а люди вокруг умирали.

Весной 1935 года окончился срок заключения. Алексей Федорович, освободившись, привез жене и детям гостинец и подарок — буханку черного хлеба и старое одеяло. Это было великим богатством для измученной голодом семьи.

Но недолгой была радость многострадальной семьи. Через три дня Алексея Федоровича вызвали в район, взяли документы (они были хорошие: поощрения, благодарности), но отпустили домой, приказав прийти на другой день. Из беседы Алексей Федорович понял, что ему грозит новый арест. По пути к дому ему встретился знакомый начальник. «Если завтра придешь туда, то обратно не вернешься...» — предупредил он.

Алексей Федорович ушел из дому и устроился без документов на лесоповал в Добровском совхозе. Однажды после работы он не захотел спать ночью в бараке и пошел в конюшню, примыкавшую одним концом к лесу. На восходе солнца, услышав шум мотора, он выглянул в щель и встрепенулся: около барака стояла грузовая машина. В кузове ее сидели арестованные: племянник Алексея, местный священник и еще несколько человек. Алексей Федорович понял: приехали за ним и ищут в бараке. Не раздумывая, он через конюшню ушел в лес. С тех пор Алексей Федорович стал скитаться по разным местам, нанимаясь на случайные работы.

В 1936 году наступило какое-то послабление, репрессии поутихли и Алексей Федорович послал в Москву ходатайство о восстановлении их семьи в правах. Из Москвы пришло утверждение и Алексей Федорович вернулся в село Кривец. В это время в семье Исковских родился 7-й ребенок. По вышедшему закону на него дали государственное пособие. Семью приняли в колхоз, дали огород. На выданное пособие купили корову. Алексей Федорович стал колхозником. Вскоре его поставили председателем ревизионной комиссии. Поскольку он не был способен на подкупы, взятки, разные сделки и фальшивые документы, ему стали угрожать. Проработав месяца два, Алексей Федорович уволился и уехал осенью в Москву. Устроился со старшим сыном на стройку каменщиком и стал жить на Беговой улице, рядом с Ваганьковским кладбищем.

В 1939 году Алексей Федорович выехал на станцию Гучково (ныне г. Дедовск) и устроился работать завхозом в детсад. Позднее он взял к себе и семью из села Кривец. В Гучкове Исковские жили по разным квартирам. Однажды заведующая детсадом предложила Алексею Федоровичу устроиться сторожем в лесной летний детсад. Он согласился. В районе детсада Исковские построили из горбылей коровник. В нем и жили сначала, выселяя корову на летнее время на двор. Осенью дом, где жили отдыхающие дети, освобождался и семья Исковских переселялась в него зимовать.

Весной 1941 года Алексея Федоровича неожиданно вызвали в Москву в НКВД и предложили сотрудничать с ними, отпустив посоветоваться с женой. Выслушав мужа, Мария Николаевна сказала: «Видно, нам, Алексей, суждено опять жить врозь». Помолившись и попрощавшись с семьей, Алексей Федорович пошел на беседу, не думая вернуться назад.

Начальник тихим и спокойным тоном сказал: «Будешь работать со мной, поставим пресвитером в церкви и что спросим, сообщишь нам. Ваших у нас много работает, и не такие еще как ты...»

«Нет, нет и нет!» — последовал ответ брата. Ему дали 24 часа для выселения из Московской области и он переехал в город Мичуринск, устроившись работать в фруктово-ягодном совхозе.

Через два месяца началась война. Алексея Федоровича и старшего сына мобилизовали на фронт. Сын, с которым делили прежде все горечи скитаний, погиб. Алексей Федорович на фронте работал пекарем. Тропами войны прошел от Мичуринска до Берлина и в 1945 году вернулся домой.

Как участнику войны Алексею Федоровичу дали лес на строительство жилого дома. С двумя сыновьями и женой он построил дом в Дедовске по улице 2-я Пролетарская, 18.

За годы войны, разрухи, голода и скитаний забылись многие друзья, угасла живая вера. До 1948 года Алексей Федорович никого из верующих в Дедовске не знал. Но всемогущий и долготерпеливый Бог незримо хранил и вел его как сына «чрез все воды и волны» к немеркнущим дням вечной славы.

В 1948 году на стройке в Москве упавшей стеной дома убило 18-летнего сына Алексея Федоровича. Это горе встряхнуло сердце отца. Он отыскал в Дедовске верующих для похорон сына и с тех пор стал посещать молитвенные собрания. В нем с новой силой загорелся огонь любви к Богу.

Сначала собирались в доме Александрова П. В. на улице Пушкинской, 14 (человек 10). Потом — у брата Смирнова В. Я. в доме № 11, на той же улице.

В 1958 году Алексей Федорович был рукоположен на пресвитера служителем Московской общины ЕХБ Глебовым Борисом Глебовичем, а в последующие годы в Узловской церкви сам рукоположил на пресвитерское служение Геннадия Константиновича Крючкова — ныне председателя СЦ ЕХБ. С тех пор Алексей Федорович с большой ревностью трудился в Дедовской церкви.

Он был любим всеми детьми Божьими, о каждом помнил, каждого посещал, ободрял, увещевал. На Пасху рано утром до богослужения объезжал на велосипеде все дома и квартиры верующих и поздравлял с праздником воскресения Христова. Так он делал каждый год и делал это с любовью и радостью.

Не только к верующим проявлял Алексей Федорович трогательное внимание. Он знал скорби и нужды неверующих.

60-е годы. Крещение в Дедовской церкви. Молитву совершает А. Ф. Исковских.

Встретив однажды вдову, он призывал ее довериться Богу. Сказал ей много утешительных слов. Она, выслушав, понурая пошла домой. Алексей Федорович скорбно смотрел ей вслед. Потом, словно опомнившись, догнал вдову и, извиняясь, сказал: «Что это я только словами утешал тебя! Возьми три рубля, больше у меня нет...» Алексей Федорович жил не богато, но если Бог посылал ему достаток, он тут же раздавал нуждающимся.

За годы бескомпромиссного служения в церкви Алексей Федорович неоднократно подвергался штрафам и обыскам. Если на богослужения вторгались недруги, Алексей Федорович, как и подобает истинному пастырю, всегда брал удар на себя, старался говорить проповедь сам, чтобы уберечь других братьев-проповедников от опасности ареста.

Когда началось духовное пробуждение церкви, работа по очищению и освящению, борьба за ее независимость и неповрежденность от мира, Алексей Федорович, будучи послушен зову Небесного Отца, много трудился на ниве Божьей. К 1961 году Дедовская церковь уже насчитывала 150 членов.

Начался период массовых гонений верующих в нашей стране. В сентябре 1961 года над Алексеем Федоровичем

и братьями: В. Я. Смирновым, В. Ф. Рыжуком, П. В. Румачиком, А. Л. Каюковым и пресвитером П. В. Александровым устроили судебный процесс. Братьев взяли с работ, но осудили как «тунеядцев» на 5 лет ссылки каждого. Отбывали они срок в Сибири, а Алексея Федоровича освободили от суда по старости и он стал неутомимо трудиться в церкви, ездил на ссылку посещать братьев-узников.

Дедовская церковь крепла в верности Христу, но и дух противления действовал в сердцах малодушных и неверных, поэтому гонения на церковь усилились.

Через 3 года ссыльных братьев реабилитировали и они в разное время возвратились домой. Александров, вернувшись домой, не посещал собраний в Дедовске и вместе с Каюковым ездил в Москву на богослужения в зарегистрированную общину.

В мае 1965 года в Дедовской церкви произошло разделение. Вслед за этим волны гонений на искренних детей Божьих последовали одна за другой. Следующая из них настигла больного Алексея Федоровича на 78 году жизни. В марте 1968 года он был осужден по ст. 142 ч. 2 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы и отправлен в лагерь строгого режима города Ярославля (ЮН-83/12). Болезнь брата в лагере усилилась и перешла в раковую опухоль. Алексея Федоровича перевезли в рыбинскую больницу № 1, в хирургическое отделение. До конца срока его заключения оставался год.

Находясь семь месяцев в больнице, Алексей Федорович всегда с улыбкой встречал лечащего врача и проповедовал ему о любви Христа. Молодой доктор, восхищаясь, говорил: «Какой удивительный человек! При таких сильных болях он всегда улыбается и проповедует...» Медсестрам доктор наказывал: «Если что попросит этот дедушка, ни в чем не отказывайте. Если потребуется, то на свидание я его на руках принесу». Весь медперсонал удивлялся постоянной бодрости Алексея Федоровича, его терпению и неутомимому свидетельству о Боге.

Верная подруга жизни Алексея Федоровича, безропотно переносившая вместе с мужем всю горечь скитаний и лишений за имя Иисуса, Мария Николаевна, в глубокой старости скорбящая по мужу-узнику, отошла в вечность на месяц раньше его кончины.

За две недели до смерти, 14 октября 1970 года, лечащий врач добился для Алексея Федоровича свидания с дочерью. Это было последнее свидание брата-узника с родными.

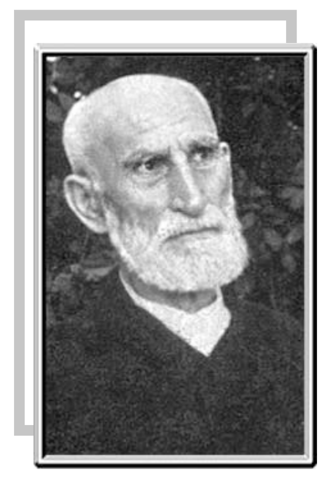
«...Он пришел сам, хотя идти нужно было далеко. Пришел худой, но радостный... Я рассказала ему, как страдала и умирала мама и как похоронили ее. Он был очень рад, узнав, что она перед смертью молилась».

«Ну, доченька,— сказал Алексей Федорович,— последний раз мы встретились на этой земле. Ты, Настя, не плачь обо мне, что я тут умру. Я тут нахожусь не в наказание, а по любви Бога... Одно мое желание, чтобы вы взяли меня домой. Похороните рядом с матерью, Марией Николаевной...»

27 октября 1970 года в областной больнице города Рыбинска в возрасте около 80 лет перешел от смерти в жизнь наш дорогой многострадальный брат и узник, отбывший за имя Господне в неволе 14 лет,— Алексей Федорович Исковских.

Незадолго перед кончиной, во время одного из свиданий с дочерью, Алексей Федорович попросил ее на надгробном памятнике написать стих из Священного Писания: «Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною...»

С сердечным участием, при огромном стечении народа, Дедовская церковь провожала своего любимого пастыря, верного служителя Божьего, скитальца и труженика, закончившего свой земной путь в узах.

СЕРЕБРЕННИКОВ
Петр Александрович

1905—1986

Скромный подвиг

Петр Александрович СЕРЕБРЕННИКОВ, пресвитер Ивановской церкви СЦ ЕХБ (Азербайджан), отошел к Господу 6 марта 1986 г.

Жизненный путь его, как и многих других последователей Христа, проходил по узкой тропе страданий от юности до последних дней. Но радость в Господе и глубокое упование на Него неизменно сопровождали его в житейских невзгодах и были очевидны для всех.

Незадолго до своей кончины по просьбе друзей он рассказал о пережитом. Надеемся, что это простое свидетельство одного из многих верных служителей Божьих принесет назидание и пользу любящим Господа и послужит к прославлению имени Иисуса Христа.

Родительский дом

Мои родители, по национальности русские, жили в очень красивой зоне Азербайджана — Ленкорани. В царское время, как выходцев из православия, их выслали в село Ивановку Бакинской губернии.

Отец мой, Серебренников Александр Григорьевич 1864 года рождения, был ремесленником-кустарем и очень много трудился, чтобы прокормить своих 11 детей. Он совершенно не заботился о духовном воспитании семьи, потому что обратился к Господу лишь в глубокой старости.

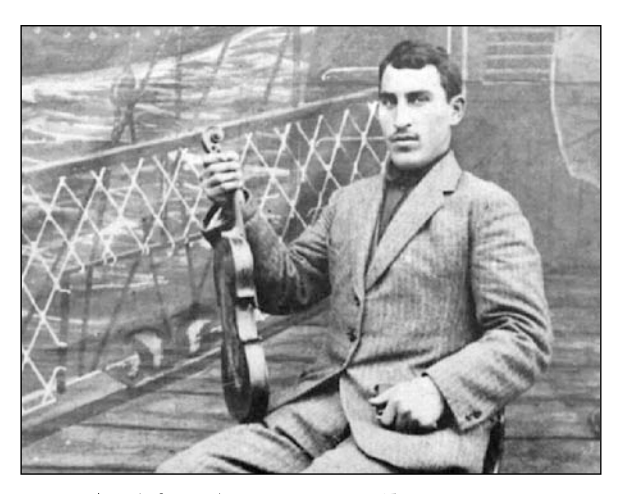
Живя в родительском доме, все дети вместе с отцом занимались плотницким, столярным, жестяным, обозным и другими ремеслами; впоследствии — земледелием и хлебопашеством.

Моя мать, Аграфена Федоровна, была ревностной, глубоко верующей христианкой. На ее долю выпала вся забота о духовном воспитании детей. Под ее наблюдением все дети с ранних лет приучались к молитве. Вместе с ней каждый

день мы становились на колени, и она вслух молилась о нас Господу, чтобы мы не остались неверующими. Она очень хотела, чтобы мы стали достоянием Бога здесь, на земле, и в вечности. По нашей вере и желанию богобоязненной матери в дальнейшем все дети — пять сыновей и шесть дочерей — стали верующими.

Родился я в 1905 году (в документах значится 1900 год). Окончил 3 класса сельской школы. С 9 до 13 лет пас овец.

С юности я стал ходить в дом Божий на молитвенные собрания верующих. Я любил наблюдать братское служение в церкви и внимательно слушал все собрание. Эти богослужения повлияли на мое сердце и углубили веру в Господа. Вскоре я обратился к Богу с покаянием перед лицом всей церкви и просил всех молиться о моей духовной жизни, чтобы мне исполнить волю Божью, всецело отдаться Ему и вместе с Христовой Церковью совершать служение. В 18 лет я принял водное крещение, которое преподал пресвитер Бакинской церкви Даниил Харлампович.

«Да будет благоприятна Ему песнь моя; буду веселиться о Господе» (Пс. 103, 34).
(П. А. Серебренников в молодые годы.)

После крещения мне поручили совершать регентское служение. Этому немало способствовали моя любовь к пению с детства и сильный голос. Хоровое пение христианских гимнов для меня было большим наслаждением.

Своя семья

В 1924 году я сделал предложение верующей сестре, члену местной церкви, Анастасии Михайловне Леонтьевой, 1907 года рождения. В это время в общину приехали братья-миссионеры. Они охотно совершили бракосочетание. Началась новая школа совместной христианской жизни, начались трудности и страдания за веру в Бога.

Жили мы сначала в родительском доме вместе с тремя младшими братьями. Кому-то нужно было отделиться. Жребий пал на меня. Мы приступили к самостоятельной жизни: взяли усадьбу, огородили, посадили деревца. Жили в большой бедности, но в дальнейшем Господь благословил. Семейной жизнью мы были очень довольны и благодарны Господу. Сначала в своем хозяйстве занимались огородничеством и кустарной работой, а потом только хлебопашеством. Первый год мы получили богатый урожай. Господь так обильно благословил наш посев, что собранное зерно даже некуда было ссыпать.

Но все земные блага не мешали нам единодушно устремляться к духовной жизни.

В условиях гонений на христиан, в годы скитаний, мы старались вместе воспитывать наших детей по Слову Божьему в христианском духе. Господь дал нам пятерых детей. Все они с юных лет стремились к Господу и стали членами Церкви Христовой.

В Ивановской церкви кроме регентского служения мне доверили исполнять обязанности помощника пресвитера. Через короткое время, к всеобщему сожалению, пресвитер нашей церкви отошел в вечность, и я остался вместо него. Позднее меня рукоположили на пресвитерское служение. В скором времени органы власти обратили на меня внимание.

Лучше смерть, чем предательство

Шел 1931 год. Однажды в ночное время меня вызвали в НКВД. Работник, усадив меня за стол, положил перед собой наган и маузер.

— Вы повинуетесь власти, когда вызывают? — спрашивает.

— Как же, подчиняемся.

— Поскольку вы подчиняетесь и являетесь по вызову, мы дадим тебе другую фамилию и, когда нам будет нужно, будем вызывать через сельсовет. Ты будешь приезжать в район. Ты разбогатеешь, будешь ходить нарядно, есть сытно. Вместе с тем, будешь свободно проповедовать и никого не бояться. Если кто тронет тебя — защитим.

Выслушав, я прямо сказал:

— На такое сотрудничество не могу пойти, так как я верующий. В Слове Божьем написано: «Кесарево отдавайте кесарю, а Божие — Богу». Так что двум господам я служить не могу.

Начальник принял довольно суровый вид и стал угрожать:

— Я тебя сейчас же расстреляю! — С этими словами он взял в обе руки оружие и неистово заорал:

— Рас-стре-ляю! Сейчас же расстреляю!..

Но Господь исполнил меня смелостью и бесстрашием. Я был готов даже умереть и тут же говорю ему:

— Стреляйте. Я перед вами.

Видя мое бесстрашие, начальник сбавил ярость:

— Я тебя сошлю к белым медведям! Ты оттуда никогда не вернешься!

— Дело ваше, ссылайте куда хотите.

После этого он резко изменил тон и приказал:

— Поедешь со мной в район...

В районе выставил против меня лжесвидетеля, который показал, что якобы я однажды, выходя из калитки дома, где было богослужение, говорил верующим: «Не платите никакого налога: ни сеном, ни хлебом, ни мясом, ни молоком! Гоните их всех, иначе мы обнищаем и погибнем...» Лжесвидетель при мне наговаривал следователю эти небылицы, а тот быстрой рукой записывал. Лжесвидетеля отпустил, а мне говорит:

— Подпиши.

— А что подписать?

— Вот, что он говорил.

— Нет, такое я не подписываю.

— Почему?

— Потому, что это ложь, клевета. Ложь я не подписываю.

— Как это ложь?

— Конечно, это чистая ложь, без примеси. Подписать не могу. На такое дело я не пойду и не запугивайте.

Следователь повел меня в НКВД. Там уже стал действовать хитро: посадил сначала в светлую, чистую камеру. В ней сидело 13 человек. Через некоторое время вызвал и стал снова предлагать сотрудничество. Я, как и прежде, не дал согласия. Перевели в одиночную камеру, где круглые сутки темно, пол цементный. Впотьмах измерил камеру: 7 шагов в длину и ширину.

Чтобы скоротать время, я прохаживался всю ночь. Лечь на пол не решался, потому что кругом цемент, а я в одной тужурочке. Так и жил: ни лечь, ни сесть и стоять утомился. 3—4 раза следователь вызывал на допросы в ночное время и все требовал согласиться на контакт с ним. Так он продержал меня в этой темной камере-одиночке девять суток.

К концу февраля 1932 года стали готовить этап. Через родственницу жена узнала, что меня будут отправлять и снабдила, по возможности, питанием, одеждой, обувью, постелью.

Человек четырнадцать арестантов посадили в грузовую машину. Почти все были азербайджанцы, неверующие. Перед отправкой к машине подошел прокурор и строго наказал конвою: «Будьте бдительны! Особенно наблюдайте за Серебренниковым!»

Привезли на вокзал, посадили в поезд, отправили в Баку. Около 4-х месяцев, примерно до половины июня, пробыл я в центральной Бакинской тюрьме.

Этап на Красноводск

Во второй половине июня вызвали в контору и объявили: «Ты осужден заочно "тройкой" по статье 72-й на 3 года. Направляешься в Ташкентский лагерь. Жди этап...» Видимо, мое заключение было необходимо сотрудникам НКВД.

Человек 800 вывели во двор, построили, приказали присесть. Осужденные почти все были "беки" (богатые азербайджанцы). Верующий был одни я.

В эту ночь нас повели темными улицами на берег Каспийского моря. Шли колоннами по пять человек в ряд. Через каждый ряд — конвой с одной и с другой стороны.

На берегу под строгой охраной погрузили на баржу и ночью же на буксире потянули в Красноводск, на другую сторону Каспийского моря. От духоты и качки в трюме баржи я сильно заболел, поднялась температура. От жары я не знал куда деться. Тяжко было, не хватало воздуха. Стал подниматься по лестнице наверх. Конвоир кричит: «Назад!» — «Нет,— говорю,— мне нужно немножко вдохнуть воздуха...» Он позволил. Я высунул голову и беспомощно опустил ее на палубу... Впереди над темным морем светлел горизонт. Занималась утренняя заря...

В Красноводске погрузили в красные «телячьи» вагоны. Набили столько людей, что можно было только скорчившись сидеть. Я попал к щели у двери, где немножко просачивался воздух. Во всем теле чувствовалась горячка. Прислонившись ртом к щели, я жадно глотал воздух. Очень хотелось пить, со вчерашнего дня нас не поили. Мне вздумалось дать денег конвоиру, чтобы купил газированной воды. Одного попросил — не обратил внимания, третьего, четвертого. Наконец один расположился, взял три рубля: «Хорошо, куплю!» И ушел. Приносит пару бутылок минеральной «Быдмалы». Я с радостью

возблагодарил Господа, открыл и хлебнул глоток. Внутрь вошла словно целая река. Сразу же почувствовал в теле легкость. Хлебнул еще и еще, поправился, стал совсем здоровым.

Ташкентский лагерь

Отсюда состав тронулся к Ташкенту. Тихим ходом ехали девять суток. Прибыли в пересыльный пункт. Сгрузились. Приказали каждому к вещам повесить бирки, на которых указать номер личного дела,— вещи пойдут вслед за нами в штаб лагеря. К счастью, с собой я взял из вещевого мешка полхлеба и пиджак теплый.

Нас переправили на остров по реке Чирчик. Шли вброд. Сперва по колено в воде, а потом выше, выше, наконец, вплавь. Не все могли плавать. Схватившись за руки, под угрозой конвойных, кто как мог, вышли на остров. Одного унесло быстрым течением.

С острова на пароме нас привезли на другой берег. Оттуда пешком мы пришли в штаб лагерей, расположенный на окраине Ташкента. Там рассортировали по группам и определили для работ по осушению болотистых мест, заросших камышом. Эти площади нужны были под распашку и посев хлебов. Это была страшно тяжелая ручная работа, но Господь взял меня отсюда и поставил работать по специальности. Потребовались кузнецы и жестянщики: пять человек вернули в штаб. Увидев кузню, подошел как к чему-то знакомому и родному. Старший кузнец спросил:

— Ты откуда? Таких у нас не было.

— Вызвали с камышей. По специальности я кузнец, жестянщик.

— Нам как раз нужны жестянщики и кузнецы.

И тут же доложил инспектору о моем прибытии. Тот побежал к начальнику.

Так мне разрешили остаться при кузне. Здесь я встретил молодого пятидесятника, и мы с ним стали работать. Как верующие, мы вели себя открыто. В кузне пели христианские гимны. У него и у меня голоса были сильные, хорошие. Наше пение раздавалось по всему штабу. В лагере тоже певчие были. Один из них говорит:

— Нам нужны люди в самодеятельность.

— В такую самодеятельность мы не пойдем. Такие пения мы петь не можем и не будем,— ответили мы.

— Почему?

— Мы поем только духовные песни.

— Ах, духовные? Это дело другое. После этого разговора вечерами приходили в наш барак начальники и угрожали: «В скором будущем многие заключенные исправятся и выйдут на свободу, вы же будете грызть локти, а зубы коротки, останетесь здесь...»

Угрозы на нас не повлияли. Мы решили: пускай что хотят, то и делают, и продолжали петь.

«Не буду сохранять себя»

Через несколько месяцев, признав меня здоровым, решили отправить на тяжелые работы. Тогда строили канал — соединяли Балтийское море с Белым. Вот туда и направляли всех, у кого была первая категория здоровья.

Собрали заключенных из всех лагерей в одну группу. Наш инспектор походатайствовал перед начальником, меня оставили в кузне. Когда проверяли по состоянию здоровья, инспектор говорит: «Мне уже неудобно, сходи сам. Тебя начальник обязательно оставит».

Думаю: поскольку уж я взят со двора, лишен семьи, хозяйства, попал в эту колею и нахожусь в лагере — не буду сохранять себя. Здесь есть и столовая, и пекарня, кормят неплохо, не буду держаться за это место. Поскольку вызывают — предамся Господу, пусть ведет меня, куда хочет. Ведь я в лагере при хороших условиях могу пережить свой срок, а потом не буду знать всей тяжести лагерной жизни.

Через некоторое время нас отправили прямо в Ташкент. В пересыльный пункт из всех лагерей собралось три с лишним тысячи человек. Из них 46 верующих. Встретились братья по вере, никогда прежде не знавшие друг друга на воле! Собрались вместе, порадовались и поблагодарили Господа.

Всех разделили на бригады, готовили к отправке на «Беломорканал». Прошел месяц. Наконец слышим: «Утром отправка!» Все беспокойно засуетились. По-разному ожидала многотысячная толпа заключенных столь далекого и тяжелого этапа. Вдруг в барак приходит какой-то молодой человек и кричит:

— Серебренников! Серебренников!

— Я здесь! — с радостным чувством отозвался я.

— Как звать жену?

— Серебренникова Анастасия Михайловна.

— Дети есть?

— Двое.

— Как звать?
— Вера, Николай.
— На сколько осужден? Сколько отбыл?
— Год не кончил. Скажите, пожалуйста, кто это требует, кому нужно?
— Контора требует! — ответил незнакомец и быстро ушел.
Вечером, как обычно, режут хлеб на паечки, делят на бригаду. Подхожу и я получить свой паек.
— А тебе хлеба нет.
— Почему?
— Ты в этап не идешь.
— А где же я должен получить хлеб?
— Это уж мы не знаем!
Наутро скомандовали: «Строиться!» Вышли на посадку вместе. Попрощался я с братьями и как-то неуютно стало на сердце. Окинул взглядом опустевший без перегородок дощатый сарай: в одном конце около двери сидели два русских незнакомых человека, в другом — больной лежал. Лег и я на нары, размышляю о том, как быстро все меняется в жизни. Завечерело, время спать. Слышу, кто-то с русскими заговорил, те отвечают:
— Мы ездовые, работаем на фургонах, не можем оставить свою работу.
— Вот тебе раз! А где же найти русского человека в кочегарку?
— А вон русский лежит! — показывают на меня. Подходит. Впотьмах дернул мою ногу: «Але! Ну-ка встань! Русский?»
— Да.
— Сколько судимости?
— Три года.
— Сколько отбыл?
— Год не кончил.
— Хорошо! Вставай, собирай постель! Пошли в кочегарку.

В кочегарке

В кочегарке паровой котел надо держать на атмосферах. От него дается гудок, кипятится вода, отапливаются помещения. Котел надо ремонтировать и охранять. Через каждые 20 дней чистить. Для этого нужно спустить воду, открыть люки и удалить всю накипь.
Старший кочегар Сафронов был очень строг, суров и всегда имел нахмуренный вид, будто весь мир виноват перед ним.

— Ты откуда? — нехотя спросил он меня в первый день.

— Из лагерей. Отправляли на этап, а потом почему-то оставили.

— А ты кто будешь?

— Я баптист, верующий человек.

— За что попал?

— Как служитель церкви, за духовное дело.

— За ду-хо-вное! — с укором протянул Сафронов. — Ты какой категории по здоровью?

— Первой.

— Как же это? У нас взяли больного, по второй категории, увели на тяжелые работы на канал, а тебя по первой оставили?!

— Я не знаю, это не от меня зависит.

Хмурый Сафронов всегда старался промывать котел в мое дежурство, чтобы хоть чем-нибудь досадить мне, и не упускал случая чем-то ковырнуть, как верующего.

Однажды, когда я находился во дворе котельной, Сафронов отыскал где-то плакат «Война при царизме»: войска идут на фронт. Попы с кадилами благословляют солдат идти на войну, убивать...

Сафронов, показывая на плакат, с возмущением сказал: «Кого убивать? Невинных людей? Вот вы, попы, за что вы убивали?»

Я выдержку сделал, вижу: уже хватит как бы ему надо мной кощунствовать и говорю:

— Сафронов, ведь это не мы, баптисты, кадилами машем, а ваши православные кадилами машут, и ты — их брат, а не я.

Он увидел свою ошибку, понял что попал впросак и говорит:

— Ты можешь идти.

Довольный такой победой я ушел, а когда вернулся — этого плаката уже не было, но искушать меня он не перестал.

— Вот ты — жестянщик, а можешь ли работать?

— А как же?

— Сделай колено.

— Пожалуйста, какого размера?

Взял кусок жести, от руки черкнул размер толщины трубы. Срезал, сшил половинки, откосы выровнял. Отогнул у одного конца на два загиба, у другого — на один, как по правилу требуется. Концы сложил, на ломике заправил, сшил. Все! Пожалуйста! — отдаю ему.

— Чистая работа,— говорит,— правильно сделано! Да, теперь я верю, что ты — жестянщик.

Он часто поддевал меня, а я старался ни в чем его не укорять, а только говорил ему о Христе.

Так и заканчивал я срок на одном месте — в пересыльном пункте города Ташкента.

Второй год заключения уже подходил к концу. Мне пришла такая мысль: вот, кончится этот срок, меня вызовут и скажут: «Твой срок кончился, получи документы и отправляйся домой. Будешь ли продолжать служение в церкви?» Мысленно отвечаю: «А как же? конечно, буду, обязательно буду! Я служил Богу и буду служить. В этом нет никакого преступления». Про себя думаю: я не отрекусь, пусть хоть еще срок дадут.

Вскоре вызвали в контору: «Освобождаешься по амнистии...»

Получил документы. Дали денег на дорогу, и я вернулся домой в село Ивановку в 1933 году.

Наш молитвенный дом не был отнят, и братья снова меня поставили на служение

Когда вставал на учет, меня предупредили: «Смотри, по этой дорожке в тот дом не ходи, а то снова пойдешь туда, откуда пришел».

«Нет,— говорю,— эту дорожку я не оставлю. Как ходил, так и буду ходить. Это дело Господне, это Его воля».

Скитания в горах Азербайджана

После уз я несколько лет нес служение пресвитера в местной церкви. Наступал 1937 год. Вслед за угрозами начались преследования христиан. У нас отняли молитвенный дом. Повсюду шли массовые аресты. Начались суды над братьями. Ожидал скорого ареста и я. Пришел мой верующий брат Тимофей и говорит: «В азербайджанских колхозах, в горах, я договорился сделать работу по обозной части. Собраний сейчас нет, все закрыли, пойдем поработаем...» Я согласился, и мы тут же отправились в путь.

В первом колхозе по договору нужно было сделать три пары тележных колес. У них был свой материал, своя кузня, мастерская и инструмент. Дней за пять мы закончили. Нам заплатили даже сверх цены. Только бы отправиться в другой колхоз, как приходит брат по вере из нашего села: «Твоя хозяйка попросила сообщить, что в наших селениях арестовывают всех служителей и тебя ищут, от нее требуют сказать: где муж? Имей размышление, возвращаться ли тебе домой или нет?» Тут я вспомнил виденные мной перед этим два предупредительных сна и понял, что Господь не хочет

допустить меня под арест и побуждает тут же отправиться в путь. Мы вместе помолились и сразу же распрощались. Тимофей отправился для работы в следующий колхоз, а я пошел долиной плача: показаться никому нельзя — могут донести, меня искали. Куда идти — не знаю. Старался уйти в незнакомые места, подальше в горы.

Между тем, на работу к Тимофею вскоре явились работники НКВД и спрашивали:

— А где третий?

— Мы только двое.

Спрашивали у хозяев:

— Здесь сколько человек работает?

— Двое.

Они ушли.

Скитаясь в одиночестве, я просил Господа: «Если Ты меня направил этой долиной, сохрани мою семью, чтобы дома все было благополучно...» Великие трудности переживал я в этих скитаниях. Днем задерживался в укрытиях, в лесах, ночью продолжал путь. Однажды шел зимней ночью, в святцы, в опасное от зверей время года. Дорога шла через перевалы, горы, степи, леса, болота, шел в туманы и в непогодь. В руках была маленькая палочка, я переживал, что это слабая защита от зверей. Вдруг сбоку дороги увидел какую-то городьбу. Подошел, нащупал впотьмах колышек. Обрадовался, ухватился, пошатал, чувствую: крепкий — как раз будет в меру. Стал дергать, а мне как бы голос: «На кол надеешься? На самозащиту? На Господа не надеешься?» Я тут же бросил это занятие и стал молиться: «Господи, прости, что не доверяю Тебе...» И с маленькой палочкой пошел дальше, Господь провел меня мимо всех опасностей. Я уверен, что на ночной дороге меня видели звери, но Господь взял меня всецело под Свою охрану, и я шел с Ним спокойно. Даже с дороги заходил в лес, чтобы немножко отдохнуть.

Наконец пришел в незнакомое азербайджанское село. Осторожно постучал в калитку первого же двора. Вышел хозяин, пригласил в дом, предложил помыть руки и сесть с ними за стол. Я был голоден и обрадовался приглашению. За обедом хозяин поинтересовался моей специальностью. Узнав, что я «на все руки мастер», предложил внутреннюю отделку только что выстроенного дома.

Признаться, столярную работу я никогда не делал, но подумал: Господь привел меня сюда, значит, Он поможет. И Господь помог.

Здесь я был спокоен — никто из моих знакомых не мог сюда попасть. Наконец работа была закончена, и хозяева расплатились со мной. О сумме мы не договаривались, но они мне дали такую цену, о которой я даже не помышлял. «Доволен ли?» — спросил. «Благодарю! Даже лишком!» — ответил я с радостью.

Оставив хлебосольных хозяев, пошел дальше. В дороге пришли мысли: сейчас над моим домом, возможно, надзора нет. Как бы мне пройти и передать семье заработок?

Господь благословил путь, и, наконец, после томительных трехлетних скитаний, я тайно ночью вернулся к своему дому. По условленному заранее сигналу, на стук камня о доски балкона, во двор вышла жена. С великой радостью мы встретились и возблагодарили Господа.

Целый год был надзор за домом, а теперь никто не тревожил,— успокоились. Знать, вычеркнули меня из своих «нумералов».

Но как быть? Входить ли в дом? Может соседка внезапно войти, да и детям показываться нельзя... Жить в своем доме стало тяжело. Я прятался на чердаке, жена приносила пищу. Трудно приходилось терпеть такое заточение: ни кашлянуть, ни двинуться.

Гибель Тимофея

Мой брат Тимофей был рад увидеть меня после столь долгой разлуки. С большим интересом слушал рассказ о моих скитаниях за это долгое томительное время.

«Пойдем опять на работу,— предложил он,— сейчас уборка хлебов, народ нигде не ходит праздно». Я согласился, мы отправились в один колхоз, там меня никто не знал. Дружно взялись за дело и закончили порученную работу в короткий срок. Получив хороший расчет, накупили для дома необходимой посуды, мануфактуры и наутро отправились в обратный путь. В одном месте нам нужно было проходить горами и перевалами. Днем в села заходить опасались. Поскольку домой являться нужно было только в ночное время, в конце пути мы немножко медлили, задерживались, часто отдыхали.

Вошли в горы, где рос лишь кустарник, леса не было. Тимофей, прихрамывая, шел впереди: пораненная топором нога еще не зажила. На левой руке у нас по-плотницки висел топор, за плечами мешок. Подошли к зеленому бугорку. С одной стороны крутой, как стена, скат, а с другой — обрывистый яр. Сзади извилистой змейкой терялась среди каменных осыпей

дорога под гору. Мне захотелось в этом уютном месте немножко отдохнуть. Сняв тяжелый мешок, я расстелил пиджак на пригретом солнцем зеленом бугорке и прилег. Тимофей вернулся ко мне. «Давай немножко здесь отдохнем»,— говорю ему. «Нет, пойдем,— настаивал Тимофей. — Впереди кочевки, там у меня есть знакомый. Там передохнем, закусим и пойдем дальше».

Тимофей пошел не спеша. Метров шестьдесят отошел. Я решил подняться и догнать его. Только поднял голову с мешка, вижу: снизу по дороге бежит запыхавшийся человек. Одной рукой утирает пот, другой держит винтовку. Подбежал ко мне. Увидев, что я один, злобно ругнул: «Верни товарища твоего!» И тут же бросился догонять брата, который, не подозревая опасности, шел не оборачиваясь.

Меня будто кто поднял подмышки, беги! Я вскочил, вижу Тимофей оглянулся, увидел бегущего разбойника с винтовкой в руках...

Спрыгнув с дороги под небольшой обрыв, я перебежал маленькую долинку и быстро скрылся за каменистым мыском. Только теперь я опомнился и стал размышлять: мешок мой с вещами брошен, брат остался в руках разбойника... Господи! Как это так получилось, что я сбежал? Может, мне вернуться? Но чем я могу помочь? Господи, я же не сам ушел. Ты спас меня... «Нет! Нет! — властно говорил мне будто кто-то,— нельзя! Продолжай свой путь, только не по дороге, а вдоль, по кустам».

Пробежав мимо кочевок, о которых говорил Тимофей, я вышел на развилку дорог: одна из них вела в наше село. Не могу идти: где же мой брат? Господи, где же теперь брат мой? Выстрела я не слышал, может, он спасся?

Наступила ночь, я жду брата. Часа четыре ждал — ни слуху, ни духу... Чтобы не опоздать к дому, а дорога еще далека, я медленно пошел — может, догонит.

К дому подошел ближе к рассвету. Сообщил тревожную весть: на нас напали разбойники, брат остался в горах.

Утром рассказал моим братьям Василию и Осипу, где встретились с разбойником. Они хорошо знали это место и отправились туда. Мертвый Тимофей лежал у самой дороги: одежда и обувь сняты, в одном нижнем белье, с простреленной спиной. Сообщили в село Бердерю, где на нефтеперекачечной станции находился милицейский пост. Оттуда позвонили в район. Сразу же на место происшествия на машине выехал угрозыск. Взяли с собой братьев Василия и Осипа.

Обследовав вокруг всю местность, положили убитого на машину и вернулись в район. Начались допросы.

Я чувствовал в каком затруднении оказались мои братья и сказал жене: «Сегодня откроюсь, пусть что хотят делают со мной». Мы стали молиться, чтобы Господь расположил сердце братьев сказать обо мне, как действительно все было.

Братья признались, и их вместе с покойным привезли в село. Все село кинулось смотреть: «Привезли убитого человека!» Вся улица забита людьми. Смотрят: я иду. Откуда взялся? Давно уже не считали живым.

Суд

Взглянув на мертвого брата, я поспешил явиться в сельсовет.

Следователю угрозыска я рассказал все, как было. На следственном дворе я находился трое суток. После этого мне заявили: «Ты убил, все дела говорят об этом». — «В крови своего брата я не виновен, вы ошибаетесь»,— ответил я, а сам думаю: с их стороны только подозрения, а фактов нет. В молитве обращаюсь к Господу: «Ты знаешь, что я в этом не повинен. Никто не знает, а только Ты. Открой им правду, как есть».

Отвели в тюрьму — грязную, вшивую. Утром, когда заключенных выводили во двор, я снимал рубашку и вытряхивал вшей — выбрать их было невозможно.

В камере было человек сорок, все знали о моей «вине». Люди верили лжи и удивлялись моему злому поступку. Пытался объяснять,— никто не верил.

Окончилось следствие. Назавтра — суд. Будут судить как убийцу. Жена плачет, братья скорбят.

Предварительно опросили население:

«В их родстве есть убийца?» Все отвечают: «Нет!» Последствия суда известны: или расстрел, или большой срок. Я молюсь: «Господи, Ты знаешь, что я чист от крови брата...»

В эту же ночь вдруг открывается дверь камеры. Заключенные вскочили: что такое? в чем дело? Ночью камеры не открывают. Надзиратель объявляет: «Серебренников, забирай постель, вещи и выходи во двор». Все крикнули в один голос: «Домой пошел! Серебренников идет домой!»

А я про себя мыслю: домой ли? может, в степь...

Иду за надзирателем. За углом он остановился:

— Давай магарыч.

— Какой магарыч? За что?

— Домой идешь!

— Как домой? Мне завтра суд.

— Нашли убийц — пять человек!

Привели к начальнику. Там — жена и брат. Хозяйка моя плачет, а жена начальника уголовного розыска успокаивает.

— Ну, как в тюрьме? — спросил начальник.

— Кому как. Одни играют, другие печалятся, третьи плачут...

— Ты пойдешь домой. Разбойники пойманы. Они признались, что убили твоего брата.

Следователь взял подписку, что в дни следствия и суда над убийцами я из дома никуда не буду отлучаться и отпустил.

Начался суд. Я приехал. Народу было столько, что ни в один дом не вместить. Судил Верховный суд г. Баку три дня. Я узнал круглолицего, невысокого роста человека, который с винтовкой пробежал мимо меня. Мне было безразлично: кто он и что он, ведь брата уже нет в живых.

Встает прокурор:

— Брат покойного здесь?

— Здесь.

— Где вы с ним были?

— В колхозах работали по договорам.

— В колхозах, говоришь, работали? А ты кто?

— Колхозник.

— Нет, ты кто в церкви?

— Я верующий человек.

— Знаю, верующий. Кем числишься в церкви?

— Служителем.

— А у тебя Библия есть?

— Есть.

— Почему не сдал?

— С меня не требовали (а сам думаю: если бы и требовали, все равно не сдал бы).

— Садись.

Во время перерыва на улице окружили меня азербайджанские женщины. Плачут: «Зачем ты признался, что верующий и что Библия у тебя есть, что ты служитель церкви? Один брат пропал, вот и тебя, может, то же». — «Нет, нет! — говорю,— будьте спокойны: надо мной есть мой Господь, Он не допустит». А они плачут...

На суде стало известно, как поймали убийц. По дороге из района в село шли с базара люди. Разбойники ограбили их. Когда ограбленные отошли немного, один парнишка сказал: «А я знаю одного, это наш кунак (знакомый) из аула». Об

этом сообщили в район. Оттуда на машине сразу же выехал угрозыск. Взяли с собой парнишку и — в то село. Окружили дом и схватили того человека. Через него узнали, где второй, и того арестовали. Так взяли всех. В их домах оказались и наши мешки с вещами. Вещи нам не были возвращены. Круглолицый, застреливший Тимофея, был приговорен к расстрелу, остальным дали по 10 лет.

С этих пор я стал жить дома открыто.

На фронте

Шел 1941 год. Летом меня призвали для работы в тылу по обеспечению фронта питанием. Мы двигались за фронтом все дальше и дальше. Наконец, нас отправили в город Махачкалу и разместили на самом конце полуострова, где были рыбные промыслы, 120 километров от материка. Хлеба не было совершенно. Все кричат: «Хотим хлеба!» Нас выстроили в ряды, спрашивают:

— Кто тут пекарь?

— «Я! Я! Я! — закричали многие. И я тоже крикнул: «Я пекарь!»

— Много пекарей, вся часть — пекари! — смеются офицеры.

Построили и повели к директору. Переписали всех «пекарей» и стали вызывать по одному:

— Пекарь?

— Да, пекарь.

— Из какой муки пек? На каких печах? Сколько припеку давал?

На эти вопросы кто что отвечал. Меня тоже спросили:

— Работал пекарем в сухопутной военной части или на море?

— На воле,— отвечаю им (хотя только дома помогал своей хозяйке месить в квашне тесто, знал, как замесить).

— Из какой муки пек? Какой припек давал? — Даже и не помню сейчас, что отвечал.

Я был высок ростом, молодой, заметный.

В конце опроса старшина вызвал по списку меня первого, потом еще четверых, остальных отправили в часть. Нас привели в пекарню, где работали гражданские пекари и сказали: «Вот, военные пекари, старший — Серебренников». В течение трех суток нас испытывали.

Мне выдали майку, пекарскую шапочку. Мы сразу же приступили к замесу. Русский пекарь почему-то сразу полюбил меня. В длинное корыто высыпали 5 мешков муки,

налили воды. Одна женщина стала медленно погружать муку в воду, а мы руками месить. Один с одной стороны корыта, а я с другой. Я вижу, что к его рукам тесто не липнет, а я весь застрял в тесте и думаю: он, конечно, понял, что я не пекарь. Немного погодя решил открыться:

— Знаешь что? Может, ты и вправду думаешь, что я пекарь? Абсолютно не пекарь и пекарем никогда не работал.

— А ты желаешь быть пекарем?

— От всего сердца!

— Ну, ты будешь настоящим пекарем!

Мне сразу стало легче на сердце. Теперь я стал разбалтывать муку, а они месили. Работают — играют.

Вскоре моего учителя-пекаря забрали в часть и отправили на передовую. Со мной остались его помощник — казанский татарин и три молодые женщины. Я внимательно наблюдал, как заправляют тесто, как ставят, в какие часы. Старался понять и запомнить эту работу: хлебы разваливали на пятикилограммовые буханки. Две печи, в каждую входит по 106 штук. Печку нужно засадить буханками за 5 минут и закрыть. В руках опытного пекаря хлебы буквально летели в печь. Я не успевал даже готовое вываливать на лопату. Господь помог мне все понять и быстро освоить.

Здесь мы стояли месяца четыре. Когда снялись, всех отправили на фронт. Меня оставили при начальстве, поваром. Мы все время двигались за фронтом и прошли уже за Великие Луки. Стало слышно, как мины летят, рвутся, ухают снаряды. Меня направили в инвалидный батальон, в трофейную роту как специалиста-жестянщика, машины ремонтировать и другую технику. Работал без отказа. Начальник части, бывало, идет мимо и шутит: «Инструктор! Пусть Серебренников больше сидит, меньше делает...»

Потом всех инвалидов отправили на фронт. Припадочный, кривой, хромой — все на передовую! Вот и я там. На передовой опять пекарь потребовался. Меня направили в армейскую походную хлебопекарню: три печки, топили дровами.

Война шла к концу. Находясь в части, я в воскресные дни имел возможность посещать молитвенное собрание. Соберу свой инструмент, спрячу и иду в город, ищу собрание. По дороге начальство меня иногда встречало, но никто не спрашивал куда иду. В собрании всегда садился к певчим, пел вместе с ними. Уходя с собрания, спрашивал: «По улице, где я иду в часть, есть верующие, которые в собрание не ходят?» — «Есть». Беру их адреса, захожу.

— Верующий? — Мнется, стесняется признаться.

— Ты в собрание ходишь?

— Нет.

— А почему? Ты давал обет Господу служить доброй совестью? Тебя никто не принуждал? Ты сам из любви дал обет исполнять волю Божью? А теперь почему в собрание не ходишь? Что за пример?!

— Виноват...

— А теперь будешь ходить?

— Буду.

Так иду к другому, к третьему, а потом — в часть. Майор знал, что у меня Евангелие есть и что я хожу в собрание, но никогда об этом не спрашивал. Когда бывала комиссия, он посылал меня куда-нибудь в командировку. Я знаю, что это Господь заботился обо мне.

Закончилась война, и я вернулся в свое село, где снова продолжал служение в церкви.

Гибельные инструкции

В 1960 году ВСЕХБ выпустило «Новое положение». Недруги стали предъявлять новые требования к евангельским церквам, будто бы для улучшения дела. Позднее вышли инструкции, так же направленные на подрыв дела Божьего.

Пресвитером Ивановской церкви у нас в то время был мой двоюродный брат — Феофилов Алексей Григорьевич. Он однажды предложил такое: «Мы с тобой, Петр Александрович, должны дружить. И тогда куда надо, туда и повернем церковь». Я понял, что он предлагает что-то недоброе, стал не доверять ему, как неверному служителю. С тех пор между нами пошло разногласие. Алексей Григорьевич просил церковь повлиять на меня и помирить нас, будто я ссорюсь с ним. Церковь — в недоумении. Я объяснил, что мы друг другу лично не сделали ничего худого. Он хочет, чтобы я его слушал во всем и чтобы мы вместе могли увлечь церковь в сторону.

Ивановская церковь заболела духовно от этих «разногласий». Я объяснил народу Божьему, что неверные в служении, уводящие церковь с истинного пути, достойны отлучения, потому что погубят церковь. Они вредили церкви и погубили бы ее. Церковь приняла во внимание мой совет, и все, кто уклонялся от верного пути, были отлучены.

Вскоре после отлучения у нас отняли молитвенный дом.

Стали собираться в другом месте. Сразу же приехала милиция: «Почему тут собираетесь? Собрание ваше вон где,

а вы почему тут? (В прежнем доме собирались отлученные.) Угрожали, требовали вернуться. Мы отказались идти к отступникам. Нас стали преследовать. Всячески грозили, всех переписывали, фотографировали. Думали, что мы от страха разбежимся, спрячемся или возвратимся к ним. Но, слава Богу, Он дал силы, бодрости и смелости. Мы продолжали наши собрания.

В 1962 году я был рукоположен на пресвитера (до этого времени пресвитерские обязанности исполнял без рукоположения). Несколько раз меня с собрания увозили в район, где фотографировали, угрожали и предупреждали. Вся церковь ездила со мной в район, и меня отпускали. Наши свободные богослужения не переставали преследовать.

Второй срок

23 ноября 1968 года меня одного увезли в район, там взяли под арест. Обвиняли в проведении незаконных богослужений, в том, что не собираемся вместе с зарегистрированными отлученными.

24 декабря 1968 года был суд. По статям 142-1 ч. 1, 188-1, 38 УК Аз. ССР я был приговорен к 3 годам лишения свободы.

Отбывать наказание меня отправили в город Баку. Здесь заключенные плели какие-то веревочные «зембеля» и делали картонные коробки.

В нашей зоне была кипятильня (чайхана). Внутри здания стояли два титана. От них во двор были выведены краны. Меня и поставили кипятильщиком воды. До этого внутри здания была сплошная грязь, все было забито тараканами. Хлеб никуда нельзя положить... Я не мог ни к чему притронуться без отвращения. Приступив к работе, я прежде всего решил навести полный порядок. Сначала всех тараканов кипятком выварил. Даже оторвал подоконники и там все кипятком ошпарил. Попросил начальника лагеря, чтобы помещение внутри оштукатурили, побелили. Начальник, видя мое усердие, охотно предоставил мне рабочих, приказав: «Выполните все, что скажет Серебренников». Когда все было сделано, начальство осталось очень довольно.

Ко мне как-то относились снисходительно. На рабочем месте я пел духовные песни, играл на мандолинке. У меня было Евангелие. Я читал и молился. Лагерная контора находилась во дворе зоны, недалеко от чайханы; когда работники конторы проходили мимо, они видели и слышали мою молитву, знали мою духовную жизнь, но ни в чем не меша-

ли и не трогали. Здесь я и отбыл весь срок. 23 ноября 1971 года я вышел из уз.

Возвратившись, я нашел церковь живой, все с радостью ожидали меня. У нас было тогда 50 членов, да еще молодежь, дети. Гонители заметили наше оживление и стали наведываться, снова стали угрожать и препятствовать. Однажды нас посетили 18 человек из исполкома: парторг, медицинские работники, милиция, дружинники. Пришли в собрание с угрозами:

— Долго будете продолжать свое дело?

— Пока Господь придет, так написано! — отвечаю.

Составили акт.

— Подписывать не будем! — единодушно заявили мы.

Третий срок

Вскоре собрали материал, арестовали шестерых: меня, моего брата, Ивана Александровича, двух проповедников — Минникова Василия Матвеевича и Казакова Василия Михайловича, а также двух сестер — Леонтьеву Марию Степановну и Ермолову Анастасию Павловну.

5 сентября 1972 года нас осудили по ст. 142 ч. 2. Мне дали 3 года лишения свободы строгого режима. Братьям: Минникову и Казакову по 2 года и отправили в разные лагеря.

Меня привезли в Баку в лагерь «Гюльдара». После тщательного обыска спросили:

— За какое преступление ты попал сюда?

— Как верующий, служитель церкви, за проповедь Слова Божьего.

— Ты уже за это был судим и продолжаешь? Мы строго-настрого запрещаем тебе проповедовать в стенах нашего лагеря. Никому ни о чем не говори и никакие молитвы не совершай. И не пиши духовные письма. Пиши простые: жив, нуждаюсь в том-то и в том-то, а о Боге ни слова.

— Я с таким делом не согласен,— ответил,— во-первых, как верующий человек без молитвы в лагере хлеб кушать я не буду, и это вы мне не запретите. Во-вторых, письма писать верующей семье, конечно, буду и буду писать со Словом Божьим, возбуждать у них бодрость, чтобы продолжали молиться и совершать служение Господу.

Меня послали в 6-ю рабочую бригаду. Здесь я убирал и раздавал пищу. В другое время исполнял и прочую работу.

Через некоторое время в лагерь привезли из Баку брата Арсения Тимофеевича Агаркова. Он узнал, что я здесь,

и разыскал меня. Какая это была радостная встреча! Мы часто открыто пели в лагере, вместе молились. Начальство вскоре установило за нами слежку. Мы продолжали в выходные дни молиться, открыто свидетельствовать и петь христианские гимны. Многие умилялись и говорили: «Счастливые вы люди! Только берегитесь, чтобы вас не сбили с пути. Мы очень завидуем вашей жизни». У нас появились даже приближенные.

С братом в лагере мы совершали вечерю Господню.

Однажды заключенным приказали вынести свои вещи и продукты из жилой секции в каптерку. Это было грязное помещение без полок и других необходимых удобств. Заключенные заявили: «Если Серебренников будет там каптерщиком, то вынесем, а если кто другой, не вынесем». Все знали, что в каптерке с этого времени будет полный порядок и чистота.

В зоне выстроили большое здание размером 70x30 метров. Потребовался кровельщик, мне предложили эту работу. Начальство мало-помалу располагалось к верующим. Во время осмотра кровельной работы начальник заботливо предупреждал: «Смотри, чтобы не упал с высоты...» — «Надо мной есть охрана свыше. Господь поддержит меня, так что, надеюсь, не упаду!» — ответил я.

Не успел этой работы окончить, как приехали в лагерь из Баку: член ЦК и прокурор-азербайджанец. Вызвали меня, говорят:

— Ты столько лет в лагерях отбыл, большие трудности переживал, с таким нехорошим народом находился. Нам как-то даже неприятно, что ты до сих пор в заключении. Сейчас у тебя жена больная. Мы тебя освободим, пойдешь домой. Только хотим предостеречь: береги себя, больше в собрание не ходи. Живи дома со своей хозяйкой, всем потребным вас сполна ублаготворят. Вы заживете хорошо и последние годы своей старческой жизни спокойно проживете вместе.

— Я служитель церкви. Как же вы даете мне такие предложения? Выйдя отсюда, я должен пойти прямо в собрание, на свое место и продолжать служение. И если придется, на случай, пойти и на улице с кем встретиться, я должен все сказать о своей жизни, о Боге.

12 ноября 1974 года я был освобожден из уз по ст. 50 УК Аз. ССР условно-досрочно на 9 месяцев и 23 дня раньше срока.

И снова — за дело Божье!

Придя домой на этот раз, я увидел, что братья, освободившиеся раньше меня и тоже раньше срока, возвратились со страхом и в собрание не ходят. Видимо, их предупредили, они опасаются, а может, в лагере уговорили, как и меня уговаривали. Они дали церкви повод совсем прекратить собрания. Только три семьи не взирали на действия Минникова и Казакова и продолжали собираться. С немалым трудом, не сразу, восстановилось в церкви прежнее служение Богу. Малодушные братья остались в стороне и уклонились совсем.

По возвращении из заключения у меня с председателем колхоза произошел такой разговор:

— Вернулся?

— Да, вернулся.

— Ну, помни: того дела не продолжай, оставь все, иначе или ты будешь убран отсюда, или я,— кто-то один останется.

— Это дело было и будет продолжаться, потому что оно — Божье!

К этому времени наша церковь уже бодрствовала, в собраниях была молодежь, появились приближенные. Меня снова забрала милиция. Посадили в отдельную камеру, стали угрожать, требовали оставить дело служения. Я отказался в этом повиноваться. Меня отпустили и стали фабриковать дело.

Четвертый срок

11 июля меня снова арестовали и приготовили к суду. Единоверцы Ивановской церкви обратились в правительство с ходатайством. Указывали, что я без вины арестован, дома осталась прикованная к постели жена; что под следствием находятся мой брат, сестры по вере: А. П. Ермолова, у которой семеро детей оставлены без средств к существованию, и М. С. Леонтьева — вдова. Верующую А. В. Фефелову и ее детей лишили работы. Председатель колхоза Никитин клеветал на собрании жителей села якобы сестра задушила мужа, умершего три года назад, и что в доме у нее во время обыска найдено «холодное оружие» (два обыкновенных кухонных ножа). У верующих отключили электроэнергию, воду. По указанию Никитина требуют, чтобы верующие расписались в бланке, что получили посылки, а самих посылок не отдают. Все эти преследования обрушились на общину только за то, что мы поддерживали гонимое братство и избранный духовный центр — Совет церквей.

Перед судом вызвал прокурор и сказал: «Ты будешь освобожден. Дело закроем и пойдешь домой».

Когда услышал об этом председатель нашего сельсовета, Никитин Николай Васильевич, быстро собрал атеистов и направил их ко мне в район, в КПЗ. Они вошли в камеру, где я сидел:

— Так что? Продолжаешь свое дело?

— Это дело, конечно, оставить я не могу. Это не мое дело, это дело Божье. Оно было, есть и будет! Так что этого я не оставлю.

Тут же, в райисполкоме, они собрали собрание и стали, во-первых, обвинять прокурора за «слабинку», постановили дать мне твердую судимость и отправить в Россию, в строгий, «полосатый» лагерь, обязательно к рецидивистам. Все это они решили безотлагательно.

21 июля 1976 года меня осудили по ст. 142-1 ч. 1 УК Аз. ССР к 5 годам строгого режима и направили на пересыльный пункт. Приготовили к отправке.

Я смог увидеть приехавших проводить меня в узы: семью, некоторых братьев. Они подняли плач, сожалея и сострадая о моей судимости, но я из «черного ворона» только увещевал их:

— Будьте спокойны! Не волнуйтесь! Бодрствуйте! А я предал себя Господу. Господь не оставит меня. Я в Его руках! Он поможет мне во всем, я верю, а вы будьте спокойны...

Нас отправили на «черном вороне» в г. Кировобад. Оттуда через полмесяца всех осужденных стали вызывать и подвозить к поезду для отправки. Всех отправили, а меня опять-таки задержали здесь, в Бакинском лагере «Биюкшор». В Россию я так и не попал.

Умножаются скорби — умножается и утешение

В лагере я, конечно, стал сразу же известен всему начальству, хотя меня предупредили, чтобы не совершал молитв, ни с кем ни о чем не говорил, домой не писал духовных писем.

«Кушать без молитвы я не могу. Ложусь спасть — молюсь, встаю — молюсь. Всегда с молитвами к Господу обращаюсь. Ваше дело предварить, а мое дело — продолжать все, что я получил от Господа»,— ответил я им.

Меня направили в барак, где было человек сто инвалидов. Никто из нас не ходил ни на какую работу. Все были свободны и могли прогуливаться по территории зоны.

Ко мне в узы со многих мест друзья присылали письма.

Смотрю, однажды, старшина несет письма. Все кинулись на встречу. «О, если бы мне было письмо!» — пожелал я. Старшина взял пачку писем, стал вызывать:

— Серебренников!

— Я! — отозвался, сам не веря от радости.

— Серебренников! — подает второе письмо, потом третье, четвертое, пятое!.. Итак все письма старшина передал мне. А их было 37 штук! Все с нетерпением ожидали, что назовут их фамилию, ужаснулись и огорченно стали спрашивать:

— А нам? А нам?

— А вам пишут! — спокойно сказал старшина и вышел.

Переполненный ликованием, я скорее стал читать, чтобы узнать, о чем же пишут друзья в своих приветах и поздравлениях перед праздником Пасхи.

Перечитав их, я много утешился и тут же стал передавать письма заключенным, знакомить их с пасхальными приветствиями моих друзей. Все письма, за исключением пяти-шести, были с обратными адресами. Местное начальство, лагерное правление, цензор, возможно, проверили их и передали мне, получив немалое свидетельство для себя. Они отметили, что письма без обратного адреса «незаконные», но не задержали: пусть Серебренников читает...

После начальник спросил:

— Серебренников, как это у тебя столько братьев? Разве столько бывает?

— Это еще не все, это только часть!

— Как же это так?

— Это духовные братья. Это мои братья по вере! — отвечаю ему.

— Ах, вон что!..

Я, конечно, очень вдохновился вниманием друзей, был возбужден радостью и еще больше стал напоминать грешникам о спасительной благодати Божьей. Я говорил смело всем заключенным и начальникам:

— Покайтесь! Познайте, веруйте, потому что Господь — Судья строгий! Вы что, думаете, умирать не будете? — Умрете! Вы думаете, что не воскреснете? — Воскреснете! Вы, может, думаете, что на суд не попадете? — Все попадете на суд Божий! Так вот, сегодня позаботьтесь, сегодня примиритесь с Господом, пока еще не поздно...

Таким образом, в лагере не осталось ни одного человека ни из начальства, ни из заключенных, которым бы я не сказал о Боге.

Я — не преступник

В один воскресный день я вышел во двор лагеря и стал прохаживаться с мысленной молитвой: «Господи, я уже всем здесь засвидетельствовал — и простым, и начальству. Зачем теперь я здесь нахожусь?..»

В этот же день получил ответ: смотрю, идет человек из конторы, несет бумагу и зовет:

— Серебренников, а ну-ка! Вот тебе бумажка, пожалуйста, подпиши вот здесь...

Смотрю, на бумаге написано: «ПОМИЛОВАНИЕ». Помиловка, значит, пришла; я возвращаю ее и говорю:

— Где ты ее взял, кто тебе дал, неси ее обратно и передай тому человеку: я — не преступник! Так и скажи ему, что я — не преступник. Помилование дается только преступникам. А я за собой ничего не чувствую, поэтому ее и не подписываю.

Смотрю, другой человек несет эту же бумажку мне на подпись. И его так же возвратил. За ним идут четверо из конвоя и говорят:

— Серебренников, ты что думаешь? Помни, мы за тебя не отвечаем, если случится что с тобой. Есть приказ: в такие-то часы ты должен выйти из стен лагеря, а ты еще здесь сидишь, из барака не выходишь! Мы тебя возьмем вот за руки за ноги и выбросим за ограду. Собирай постель свою и уходи!

— Подписывать такую бумагу ни за что не буду! — отвечаю им.

Тут все инвалиды закричали разом, схватили мою постель, вещи и понесли на склад. Взял я в руки свою палочку и пошел вслед за ними. Моя постель уже сдана. Зашел в кабинет к начальнику. Капитан подкладывает мне опять ту бумажку и говорит:

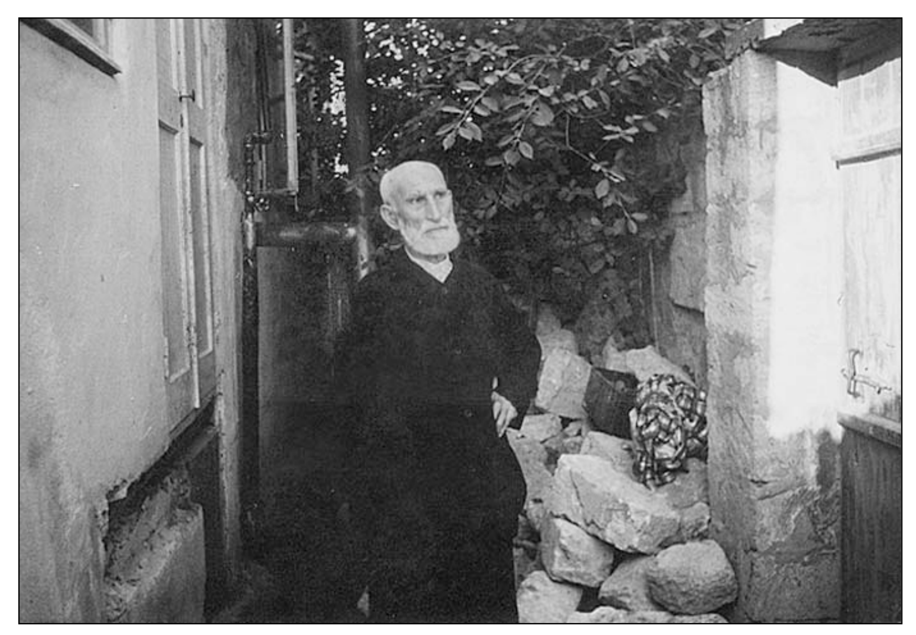
— Ну, Серебренников, ты должен все же подписать. Нельзя же не слушать. Что это преступное дело что ли?

— Нет, я на себя преступление не буду натягивать. Если я подпишу, я — преступник. А я не преступник и брать на себя вину не буду. Так что подписывать бумагу не стану.

Он немного подумал и отправился к начальнику лагеря. Вскоре приходит сам начальник.

— Что же это, Серебренников? Что же вы не хотите подписывать? Хотя меня уважьте. Ради меня подпишите.

— Это не для вас подпись. Она нужна для высшего на-

«Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи — утра...» (Пс. 129, 6).

чальства, а не вам. Дело в том, что я чист от всего, так что подписывать не буду.

Начальник повел плечами и пошел. Капитан тут же подскочил к нему:

— А что теперь делать?

— Составьте комиссию, человека три, сами подпишите. Напишите объяснение, что от подписи отказался, а его отпустите.

Таким образом 6 июня 1977 года я был выведен из лагеря без всякой подписи на их документах.

При освобождении выдали справку, что я помилован, а неотбытый срок заменен условным, с испытательным сроком — три года.

На свободе

Пришел домой, стал на учет. Выходя из сельсовета, мне что-то расположилось зайти в кабинет к своему гонителю, наведать председателя Никитина.

Он посмотрел на меня растерянно.

— Здравствуйте, Николай Васильевич! — говорю ему,— я уже вышел. Вот зашел проведать вас. Так что, слава Богу,

жив-здоров. Вы все на своем месте сидите? Дай Бог вам всего хорошего, продолжайте свою работу. Хочу так же всего хорошего и вашим домашним пожелать. Привет передайте им от меня. До свидания.

Мое возвращение все соседи и родственники встретили с радостью. Всех их затруднял уход за больной моей хозяйкой. А коль уж я пришел, они сказали: «Ну, теперь уж, видно, тебе самому придется ухаживать за ней».

П. А. Серебренников с группой верующих.

С этого дня я приступил к домашним делам. Хозяйка сразу повеселела. Я приложил все старание, заботясь о ней, но не оставлял и дело служения.

Истинный подвиг

Церковь рада была моему возвращению, ободрилась, стала более оживленной в служении, молитвах, пении. С тех пор по сей день, благодарю Господа, я с церковью и продолжаю свое служение.

Помощница моя одиннадцать месяцев жила по моем возвращении. 3 апреля 1978 года Анастасия Михайловна отошла в вечность.

Заканчивая свои воспоминания, хочу сказать: вот так вел меня Господь. Иногда путь мой проходил как бы долиной смертной тени. Но Господь сопутствовал мне с первых дней нашей семейной жизни и до сих пор ведет и спасает. Везде и во всем я придерживался Господа, и Он всегда был путеводителем моим. И сегодня я радуюсь и благодарю Го-

спода, что до сего места я дошел и в старческой жизни своей продолжаю служение в церкви.

Сегодня я хочу сказать всем: полагайтесь на Господа! Крепитесь Господом! Всегда предавайте свой путь Господу, и Он выведет всех любящих чад Своих из горя и тревог, и только Он один!

Противники все еще действуют, многих уже нет, а мы живы. Поэтому, братья и сестры, будем любить Господа. Будем проводить нашу жизнь всегда в служении Господу, доколе Он придет. Он же сказал: «Се, Я с вами во все дни до скончания века...» Он смотрит сегодня на подвиг всех нас. Господу угодно, чтобы у всех нас в служении был подвиг истинный, действенный, живой, сильный, чтобы мы были среди этого мира поистине письмом Господним или «городом, стоящим на верху горы». Чтобы мы в наших городах и селах были видны миру, как ученики Христа.

А теперь что еще я могу сказать вам, дорогое наше братство: будем благодарны все мы, что Господь вывел нас. Откуда? Из того места, о котором Апостол Павел сказал: «После моего отшествия войдут к вам лютые волки. И из вас самих восстанут притворные люди, которые увлекут церковь за собою...» И они вошли и увлекли. А мы будем благодарны, что Господь нас вывел из ВСЕХБ. И теперь Он повел нас всех этой как бы «долиной плача», чтобы испытать и приготовить к встрече с Ним. Не будем чуждаться этой трудной доли и скорбеть, потому что Господь Сам прошел впереди нас этим путем и оставил нам пример, чтобы мы шли по следам Его! Будем помнить Его! будем всем этим дорожить, смиряться во всем и продолжать свой путь, доколе придет Господь.

Дорогие друзья, братья и сестры! Много есть рассказать, но по старческому моему состоянию, по слабости моего голоса, мне уже затруднительно продолжать свои повествования,— им нет конца. Апостол Павел рассказывал о своих переживаниях, где он был в опасностях между лжебратьями, в опасностях от разбойников, и он показал только частичку пережитого, из которой всем нам очень понятен его путь.

Я тоже рассказал частичку, всего не в силах передать.

Хочу только сказать: будем, братья и сестры, продолжать порученное нам дело Господне. Аминь!

ШЕВЧЕНКО

Николай Павлович

1913—1968

Николай Павлович Шевченко родился в 1913 году в селе Усатово Одесской области в семье верующих родителей, которые воспитывали своих детей в учении и наставлении Господнем. В 1934 году Николай Павлович принял крещение по вере, в 1944 году церковь избрала его руководящим.

Николай Павлович был всегда ревностным проповедником и служителем Слова Божьего. Из воспоминаний друзей известен такой эпизод жизни брата.

«После войны семья Шевченковых голодала. Николай Павлович пошел по деревням искать хлеба. Когда он пришел в одну деревню, его встретили радостным возгласом: "Брат, дорогой! Хорошо что ты приехал: проведем сегодня собрание!" Брат охотно согласился. После этого направился в другую деревню. И там такая же просьба: "Проведем собрание..." — "Братья, у меня семья голодная осталась..." — "Бог позаботится о твоей семье!" — утешали его верующие друзья. Только через месяц Николай Павлович вернулся в семью. Подходя к дому, сердце служителя осаждали тревожные мысли: чем питались жена, дети? Маленький сынишка, увидев отца, радостный побежал навстречу: "Папа, как ты ушел, у нас выиграла лотерея! На эти деньги мы и живем!" Так чудно позаботился Бог о семье проповедника Евангелия, жертвенно, с такой любовью и верой служившего своему Господу.

В 1948 году Николай Павлович был рукоположен на пресвитера Пересыпской общины. Находясь долгие годы на этом ответственном служении Николай Павлович был «делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины». «Во всем показывал в себе образец добрых дел; в учительстве

чистоту, степенность, неповрежденность» (2 Тим. 2, 15; Тит. 2, 7). Он был горячо любим церковью. Дети, молодежь, вдовы и сироты, больные — никогда не были оставлены им без внимания и заботы. Многим членам в общине он своей лаской заменял отца.

Как служитель Христов и верный домостроитель Николай Павлович нигде не являлся с важностью, но был всегда тих, «...подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими» (1 Фес. 2, 7). Кротость его была известна всем людям. Об этом свидетельствуют жена, дети, которых он содержал в послушании со всякой честностью, а также друзья, товарищи по работе, наконец, заключенные в лагерях, где ему приходилось отбывать узы за Слово Божье.

В 1958 году в Пересыпской общине состоялось обширное христианское общение. За это старший пресвитер по Одесской области М. С. Липовой и уполномоченный по делам религий отстранили Николая Павловича от руководства общиной.

Несмотря на это, Николай Павлович оставался пастырем и отцом для членов церкви, хотя богослужения приходилось проводить в дождь и снег у стен молитвенного дома, пока этот дом не конфисковали и не превратили в клуб.

Шел 1961 год... Время духовного пробуждения народа Божьего. Небольшая группа Пересыпской общины вместе с Николаем Павловичем, узнав об отступлении ВСЕХБ, не примкнула к другим зарегистрированным общинам, но осталась на узком пути. Господь благословлял их служение, община стала расти. Собрания проводились по квартирам. Гонения, слежки, обыски, аресты в те годы не прекращались.

1965 г. Крещение в Одесской церкви, в котором принимал участие Н. П. Шевченко.

В 1962 году Николай Павлович вместе с другими братьями был арестован и осужден на 4 года лагерей усиленного режима и 3 года ссылки. Поводом для ареста послужило крещение, которое он совершил без ведома власти.

Срок лишения свободы Николаю Павловичу пришлось отбывать в очень тяжелых условиях. Он был совершенно лишен продуктовых передач.

31 декабря 1964 года, отбыв в заключении 2 года 7 месяцев, Николай Павлович был реабилитирован, но вместо положенного освобождения его поместили на месяц в барак усиленного режима (БУР) только за то, что он заговорил с заключенным, который через него уверовал в лагере. В добавление к этому, без всякой причины, перед освобождением его бросили на сутки в карцер и только 16 февраля 1965 года Николай Павлович вышел на свободу и с прежним усердием продолжал трудиться в церкви.

В августе 1965 года в числе делегатов, ходатайствующих перед Президиумом Верховного Совета об освобождении оставшихся в заключении братьях и сестрах, был и Николай Павлович. По возвращении из Москвы его сняли с работы и в течение года ему отказывали в трудоустройстве.

В 1966 году по стране прокатилась очередная волна гонений, захватившая и Николая Павловича. В этот раз он был осужден на 3 года строгого режима. Тяжелые лагерные условия не могли не отразиться на его здоровье, тем более, что многие годы, еще до заключения, он страдал болезнью желудка.

22 октября 1968 года, на год раньше срока, Николая Павловича освободили по амнистии, а через две недели он слег. Его отправили в больницу, где установили диагноз: цирроз печени.

Тяжело страдая, он не стонал, никого не беспокоил. В больнице удивлялись его терпению.

За время болезни его посетили многие друзья. Каждый шел, чтобы услышать последнее слово наставления от любимого пастыря. Он всем спешил сказать доброе слово, хотя это стоило ему больших усилий. Неверующих родственников призывал к покаянию, а верующих убеждал стоять в вере.

В конце ноября родные взяли Николая Павловича домой. Он попросил совершить вечерю Господню и чтобы его посетили некоторые братья. Желание его исполнилось. В беседе с братьями Николай Павлович сказал, что готов уйти, если Господь позовет. Просил братьев совершать духовный труд,

который начали, бодрствовать, не страшиться. Передал привет братьям-труженикам.

Во вторник, 10 декабря, ночью он сказал жене, которая не отходила от него и, как могла, старалась облегчить его страдания: «Я скоро уйду». Жена спросила: «Что сказать Саше?» Он ответил: «Пусть будет верным Господу... на земле мы больше не встретимся...»

(Саша, его сын, за 4 дня до возвращения из уз Николая Павловича, был арестован с другими братьями.)

11 декабря в 7 часов утра по его просьбе у постели собрались друзья и родственники. Помолившись вместе с ними, он стал прощаться, оставляя каждому пожелание.

11 декабря 1968 года, через полтора месяца после возвращения из второго заключения, отошел в вечность верный служитель Божий, пресвитер Пересыпской церкви г. Одессы — Николай Павлович Шевченко.

Проститься с Николаем Павловичем приехали друзья и из тех мест, где ему пришлось отбывать сроки в лагерях.

Глубоко скорбя о дорогом пастыре и добром наставнике, родственники и друзья с большой любовью украсили гроб живыми цветами, а на венках отчетливо выступали слова веры и надежды, которые были так дороги сердцу Николая Павловича: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Фил. 1, 21).

ПИДЧЕНКО
Виталий Иванович

1941—1990

Сие же делаю для Евангелия, чтоб быть соучастником его. 1 Кор. 9, 23

В ясный зимний день, 16 января 1990 года, внезапно оборвалась жизнь скромного христианина и верного труженика на ниве Божьей Виталия Ивановича ПИДЧЕНКО. Ему было 49 лет. Почти 25 из них он отдал работе в издательстве «Христианин» Совета церквей ЕХБ.

Церковь впервые узнала его имя из информационного сообщения издательства 24 октября 1974 г., когда он был арестован с группой печатников в поселке Лигатне Латвийской ССР. Не будь этого ареста многие братья и сестры познакомились бы с ним только у гроба. Но эта безвестность радует тружеников печати, потому что она содействует успеху в их труде и вселяет надежду получить в свое время полную награду от Господа (Матф. 6, 1–4).

«Они – единственные сотрудники... бывшие мне отрадою»,– писал Апостол Павел о тех, кто подвизался вместе с ним для Царства Божьего даже до уз (Кол. 4, 11). С благодарностью Господу и мы можем сказать, что брат Виталий Иванович был одним из тех, чье служение долгие годы приносило отраду всему нашему братству. Он был также отрадой и для большой семьи печатников, о которых до самой последней минуты жизни нес попечение как ответственный по технической части за печатные точки издательства «Христианин» СЦ ЕХБ.

Призвание

После смерти Виталия Ивановича в его архиве нашли три тетрадных листка с некоторыми воспоминаниями. Начинались они словами из послания Апостола Павла: «Сие же делаю для Евангелия, чтоб быть соучастником его» (1 Кор. 9, 23). Этот стих Писания стал девизом его жизни, которую он без остатка отдал делу распространения Евангелия.

«В Церкви Христовой,— писал он,— *нет тех, которые бы не имели определенного назначения от Господа для выполнения какого-либо труда. Господь одних поставил учителями, а других увещателями, третьих начальниками и т. д. (Рим. 12, 6—8). Господь и меня призвал быть Его*

рабом, исполнить Его волю, приносить Ему добрые плоды.

Собрания я начал посещать в 1951 году. Крещение принял в мае 1960 года. Братья, с которыми я посещал собрания, пели, говорили слово. Мне также хотелось чем-то прославить Господа, но я не мог найти своего места в труде. Казалось, если бы мне дали тяжелую ношу и сказали: «Неси, брат Виталий, во имя Иисуса!» — я бы с радостью выполнил это поручение. И тогда у меня появилась мысль: печатать! Но что печатать, как и где — я не знал».*

Наступил 1961 год. Это было знаменательное время для нашего братства! Господь начал пробуждение народа Своего в нашей стране. Виталий Иванович, как и сотни других преданных Господу душ, горячо откликнулся на призыв Божий, прозвучавший через послания Инициативной группы. Но в церкви он пробыл недолго: в декабре 1961 года его взяли в армию. Служил три года. И только в декабре 1964 года вернулся домой.

Сначала ему долго не удавалось найти работу. Проходили месяц за месяцем, и вот однажды, в марте 1965 года, идя в Харькове по улице Энгельса, он увидел объявление о наборе рабочих в типографию и уже на следующий день устроился туда учеником фотографа. В его цехе изготавливались формы для офсетной печати, и он мог наблюдать за этим процессом. Была еще одна радость: у студентки-практикантки ему удалось приобрести рецептурный справочник, в котором были собраны рецепты по изготовлению форм офсетной печати и краткая технология их изготовления.

К сожалению, работать фотографом пришлось недолго. Когда узнали, что он верующий, срочно провели собрание, объявили о сокращении штатов и летом 1965 года только его одного уволили с работы.

«Все это были пути Господни! — вспоминал Виталий Иванович о кратковременной работе в типографии. — *Бог привел меня в цех, показал все, и меня уволили. Но теперь я знал, в каком направлении работать.*

С рецептурным справочником я пришел к местным служителям и сказал, что хочу приступить к экспериментам. Братья дали 15 рублей, я приобрел нужные химикаты, приготовил растворы и на чердаке своего дома стал работать. Конечно, мои опыты были настолько

* В те годы запрещали принимать в церковь молодежь. Боящиеся Бога служители преподали Виталию крещение ночью в реке Мерефе.

примитивными, что сейчас об этом смешно говорить: на листе я отпечатал всего несколько букв текста. С большой радостью я пошел с этими «достижениями» к братьям. «Если получилось несколько букв, значит, можно добиться большего!» — ободрили они меня.

Но падший херувим встревожился. Однажды ночью я проснулся от того, что мне кто-то с угрозой говорит: «Ты знаешь, что тебе за это будет?!» Я понял, кто меня пугал. Но здесь же меня спрашивал другой голос: «А что тебе будет, если ты оставишь это дело?» Я стал молиться, чтобы Господь удалил страх. Он услышал мою молитву и послал победу. Дьявол отступил. С того дня в труде для Господа я больше никогда не испытывал никакого смущения, и все, что я делал по печати, совершал с полным сознанием, что должен это делать!»

На этих словах обрываются скупые строки некоторых воспоминаний Виталия Ивановича. Дальше были дела и посвященная Богу жизнь, которые при благословении Господнем послужили во свидетельство и во спасение многим грешникам и принесли славу великому имени Божьему!

Благословенное сотрудничество

Будучи в те годы молодым человеком, брат Виталий, конечно, не знал, да и не мог предположить, что уже с самых первых дней пробуждения служители Господни, опираясь на помощь Божью и Его всемогущество, верой и делами вводили в жизнь то, что братство еще никогда не имело, но в чем испытывало огромную нужду: независимую от мира христианскую печать! После нескольких напряженных лет поисков и экспериментов, проводимых ими в подмосковных домах, при содействии Божьем к 1965 году основной принцип офсетной печати (единственно возможной в наших нелегальных условиях) — был ими найден и освоен. Теперь предстоял не менее тяжелый труд по доводке и совершенствованию начатого дела, чтобы в скором времени приступить к выпуску духовной литературы. Для этого нужны были богобоязненные и способные к такой работе люди. Среди других, избранных Богом для Своего святого дела, был и Виталий Иванович.

Узнав о том, что молодой христианин из Харькова горит желанием трудиться для Господа в деле печати, братья, занимавшиеся становлением независимой христианской печати в нашем братстве, пригласили его к себе.

Приехав в Москву, Виталий увидел, какую большую работу Бог помог совершить им по изготовлению форм и печатной машины, и так как он был частично уже знаком с фотолабораторным процессом, они передали ему свой опыт работы в наших своеобразных, не типографских условиях и предложили довести печатные формы до рабочего состояния, позволяющие массовым тиражом размножать христианскую литературу, в которой так нуждался народ Божий.

Он вернулся в Харьков и с местными служителями при большой слежке и многих опасностях продолжал эксперименты в потаенных лабораториях по изготовлению качественных алюминиевых пластин.

В то же время другие доверенные братья продолжали дальнейшие разработки печатной машины. В оформлении чертежей большую помощь оказали братья Киевской гонимой церкви.

Первая металлическая машина была изъята при обыске в 1967 году в г. Гудаута (Абхазская АССР). На ней Виталий Иванович с сотрудниками успел отпечатать Евангелие Иоанна и брошюру «Синай или Голгофа». Интересен факт, что после изъятия эта машина нигде не фигурировала и о ней никто, никогда и нигде не упоминал, по-видимому, избегая разглашения сведений о том, что в среде Совета церквей ЕХБ возникла самостоятельная типографская печать.

Первые плоды многолетнего кропотливого труда — Евангелие от Иоанна — привезли на совещание служителей Совета церквей. Братья радовались и благодарили Бога. «А нам было стыдно,— вспоминали впоследствии печатники,— потому что поля печатного листа были не белые, а серые. Не было тогда еще той чистоты оттисков, какой мы добились сейчас».

Подвизался до уз

В 1974 году, немного не завершив 30-тысячный тираж полного Евангелия, о котором так мечтал Виталий Иванович, он был арестован вместе с другими сотрудниками. За несколько дней до ареста посетил эту печатную точку Г. К. Крючков. «Он как бы благословил нас на приближающиеся страдания»,— с благодарностью вспоминали потом печатники.

Но арест лишь на время оторвал Виталия Ивановича от любимой работы. Он неохотно рассказывал о том, что ему пришлось пережить под следствием и в узах. Известно

В этом доме была арестована печатная точка, в которой работал В. И. Пидченко. (Лигатне, Латвия.)

только, что до суда его избивали, а в лагере несколько раз помещали в ШИЗО за то, что народ Божий ходатайствовал о нем. Домой из далекого сибирского лагеря он слал родителям письма, полные веры и упования:

«Господь хранил меня от зла, важно поэтому не уклониться от переплавки, а пройти через огонь испытаний и выйти чистым, как золото...»

«В лагере я познал то, чему не мог научиться на свободе. Смиренно отдаю себя в распоряжение Господа и чувствую себя в безопасности. Постоянно стараюсь хранить себя чистым, пребываю в молитве...»

«Хочу идти за Господом, не сворачивая ни направо, ни налево. Я очень рад, что Господь призвал меня, что Он очень любит меня — этим я очень утешаюсь. Он всегда со мной. Во Христе — мое настоящее и будущее. Я люблю Господа и хочу всегда быть Ему послушным...»

«Подвизаясь за веру Христову, мы несем узы. Но ради Него не страшны никакие лишения. "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе..."»

Кемерово, ваш сын-узник Виталий.

Узнав, что сестры-печатницы освобождены досрочно, Виталий Иванович поздравил их и передал пожелание: «Соверши дела твои вне дома, окончи их на поле твоем, и потом устрояй и дом твой» (Притч. 24, 27). Сестры поняли его заботу и то, чем наполнен был дух его. Они и сами были расположены продолжить служение Богу в печати, но это пожелание еще больше укрепило их. Вернувшись из уз, почти все они не захотели устроять свой дом, свою судьбу, но решили работать «вне дома» — на ниве Божьей — сколько Господь позволит. Некоторые из них трудятся в издательстве вот уже более 20 лет.

Пока Виталий Иванович был в узах, Господь выслал новых тружеников. За это время заметно усовершенствовались отдельные узлы печатных машин. Много потрудился здесь Иван Петрович Плетт (из Душанбе, ныне служитель Совета церквей, который в 1980 году вместе с сотрудниками был арестован во время тиража в Краснодарском крае).

К большой радости всех детей Божьих в 1976 году издательство «Христианин» отпечатало юбилейную Библию, посвященную 100-летию ее выхода в свет на русском языке. Благодарил Бога и Виталий Иванович — это была его давняя мечта: самим отпечатать Библию! И она исполнилась.

Во всей работе издательства «Христианин» просматривается чудная милость Божья. Борющиеся с церковью всеми силами старались разрушить дело печати, арестовывали точки. Но Господь восполнял утраты настолько обильно, что народ Божий не ощущал потери и только усердней молился о томящихся в узах сотрудниках издательства и об успехе всего дела Божьего в нашей стране.

Сокровенное служение

О сложности сокровенного служения издательства «Христианин» и других отделов Совета церквей народ Божий догадывается и понимает, что оно совершается в опасностях и большом напряжении. Но не пришло еще время говорить об этом открыто. Приведем лишь один из множества случаев, пережитых братом Виталием Ивановичем.

Однажды ночью он и другие братья пробирались лесом к дому, в котором трудились, и натолкнулись на солдат. Оказывается, в этом месте начались ночные военные учения. Братья поняли: подходить к дому опасно, да и идти мимо солдат нельзя — могут остановить, проверить документы, а это нежелательно, так как они были на нелегальном положении. Братья тут же скрылись и пошли в обход. Ночь, лес, куда ни свернут — окопы,

заполненные талым снегом. Где можно обходили, а где не могли — шли прямо по воде. Вскоре сбились с пути и не знали, где находятся. Ни компаса, ни огонька, никакого ориентира. Шли, куда придется, только бы не выдать места, где совершается служение. Но Господь слышал их молитвы. Он — путеводитель в любом бездорожье. Чудным образом Господь привел их к дому с противоположной стороны! Братья поблагодарили Бога. Промокшие, замерзшие, они не жалели о том, что всю ночь блуждали по мокрому снегу, рискуя здоровьем.

За годы служения подобных случаев в жизни Виталия Ивановича было много; и не только он, но и многие сотрудники из-за слежки жертвовали собой, здоровьем, сберегая потаенные места святого служения.

«Конспирация — это часть нашего служения Богу,— говорил Виталий Иванович,— *но гарантии нашей безопасности в Боге, а Он хранит чистых сердцем. Мы держимся на молитвах и святости».*

Сначала Бог!

В октябре 1978 года Виталий Иванович после 4-летнего заключения вышел на свободу. Но отдыхать после уз и стольких лет работы в напряженных условиях конспирации он не хотел. Отвлекся лишь на время: 9 марта 1979 г. у него должно было состояться бракосочетание с сестрой христианкой Верой (из Баварской церкви г. Харькова). Накануне брака Виталия Ивановича вызвали в милицию и предупредили: если он хочет, чтобы брак состоялся, то должен письменно попросить об этом уполномоченного по делам религий.

Зная недобрые действия гонителей, сочетание провели конспиративно рано утром на одной из квартир верующих. А к 10 утра гости и друзья, которых Виталий Иванович с Верой пригласили на брачное торжество, направились к его дому. Но на подступах к улице был выставлен заслон из милицейских машин. Новобрачных посадили в машину, подвезли к родительскому дому, втолкнули в калитку, при этом испачкали свадебное платье и порвали фату.

Был первый месяц весны, но зима еще не отступила. Шел снег. Невесте и жениху пришлось надеть валенки и тулуп, и они во дворе, на холоде долго и напрасно ожидали друзей на пир: многих верующих в это время увезли в степь, а 19 братьев сначала отправили в сельсовет, а потом осудили на 10—15 суток. На другой день Виталий и Вера разыскивали арестованных в спецприемнике и угощали свадебными пирогами.

Семейную жизнь Виталий Иванович строил по принципу: сначала Бог, затем труд в издательстве и только потом — семья.

«Я люблю Господа больше всего,— говорил Виталий Иванович до брака своей невесте. — *Господь призвал меня трудиться в печати. Это будет связано с недостатком внимания для семьи. Наша жизнь будет не как у других...»*

— Это условие определило всю нашу жизнь,— вспоминала сестра Вера. — Год Виталий провел дома, а остальные дни и годы он приходил домой, как на короткое свидание. Я ценила в нем целеустремленность. Не удивлялась, когда он приходил домой в час ночи, а в 6 утра уходил. Иногда месяцами его не было дома.

Виталий не раз мне говорил: *«Легко расставаться с тем, что не ценно, но для Бога нужно жертвовать самым дорогим: собой, детьми, здоровьем. В узы нас брали силой, мы оставляли семьи и шли под конвоем. Сейчас Бог испытывает нашу любовь к Нему: готовы ли мы ради дела Божьего добровольно расстаться с уютом, свободой, семьей...»*

Виталий очень любил детей. Уходя из дому на служение, он помолится, поцелует сонных сыновей и идет. Если дети не спали, они поднимались на подоконник и через форточку долго кричали ему: «Папочка, до свидания!» «Трудно жить жизнью полной отдачи»,— говорила жена Виталия Ивановича.

«Я должен...»

«Я должен это делать!» — не раз повторял Виталий Иванович о своем участии в печатании Евангелий. С этим радостным сознанием долга он работал до последней минуты. И не просто работал как мог, но торопился сделать лучше и больше и почти всегда на пределе физических сил. Если бы можно было не отрывать время на отдых, то он, наверное, и не спал бы — такая большая жажда была в его душе содействовать через печатное слово спасению людей!

«Больше Евангелий для России!» — это был девиз его жизни.

«Никакое религиозное объединение в нашей стране не печатает Евангелий столько, сколько выпускает их издательство "Христианин" СЦ ЕХБ,— говорил Виталий Иванович. — Но это — капля в море для 265-миллионного населения нашей страны. Только в Москве живет более восьми миллионов, в Харькове — два с половиной миллиона! А сколько приезжих в этих городах! Где взять для них Евангелия? Нужно расширять работу издательства!» И сокрушенно молился: *«Господи, помоги нам! Вышли новых тружеников...»*

Виталий Иванович мечтал о том, чтобы в каждом городе была печатная точка по выпуску Евангелий для удовлетворения жажды народа в Слове Божьем.

Усердное попечение

Виталий Иванович знал и помнил нужду каждой печатной точки, и когда попадался хороший инструмент или ценные детали, закупал их, как рачительный хозяин, сколько было возможно, и учил этому молодых сотрудников.

Когда печатные точки издательства размещались для работы на новом месте, Виталий Иванович для многих из них сам оборудовал помещение, наблюдая за тем, чтобы были соблюдены необходимые условия конспирации. Печатники и хозяева, где отрабатывался тираж, благодарили Бога за его бодрствование и предусмотрительность, которые во многом содействовали успеху служения.

«Когда будет свобода печати,— говорил иногда он,— *тогда в издательство придут другие, более способные люди. Мы же призваны Богом для работы в подполье, поэтому Он и посылает нам способность быть бодрствующими».*

Он любил святое дело печати до самозабвения. Бывало после напряженного рабочего дня ночами просиживал над чертежами красочного аппарата, чтобы улучшить его работу. Друзья долго мучились, шлифуя вручную валы. И как же Виталий Иванович ликовал, когда Господь помог ему вместе с друзьями разработать станок для шлифовки! «Он радовался, как ребенок!» — вспоминали они.

У Виталия Ивановича не поднималась рука выбросить сносившуюся деталь от печатной машины. «Она больше не пригодится!» — убеждали его. — «Пусть полежит, она не помешает, ведь она служила в святом деле...» Все, что касалось печати, он хранил с большой любовью. «Это — святыня Господня!» — говорил он серьезно, а друзья, слыша его слова, невольно учились бережному отношению ко всему, что относилось к печатному делу.

Виталий Иванович старался быть заботливым и внимательным к личным нуждам печатников. Он знал семейное положение каждого сотрудника, помнил и по возможности посещал их родственников, чтобы ободрить и сообщить им о благополучии тех, кого они посвятили на служение Богу.

Виталий Иванович предчувствовал свою кончину, это отмечают все близко знавшие его. Однажды он ехал в машине и в его сознании настойчиво прозвучали слова: «Приготовься

к сретению Бога твоего!» Он остановил машину. Помолился: «Господи, сейчас?» Внутренний голос сказал: «Нет». Помолившись, он поехал дальше.

Сотрудникам он не раз говорил: «Я долго жить не буду. Мне очень хочется умереть раньше, чем придет Господь».

В последнее время, когда верующие в его присутствии радовались успехам в работе издательства, он смиренно говорил: «Это — великая милость Божья!»

«Добрый и верный раб»

16 января Виталий Иванович, отправив сотрудников для работы на точках, поехал домой, а через несколько часов жене сообщили, что он погиб в автомобильной аварии. Верующих свидетелей случившегося нет. По словам сотрудников ГАИ при гололеде его занесло на встречный поток машин и он был сбит «ЗИЛом». Был ли в этой аварии злой умысел? Бог знает все, но многие моменты его гибели оставляют место для подобного вывода.

Весть о смерти Виталия Ивановича потрясла многих детей Божьих. Служитель Совета церквей М. С. Кривко во время траурного богослужения сказал: *«Услышав о смерти Виталия Ивановича, я обратился к Господу с такими словами: «Господи, не всегда есть силы благодарить Тебя за скорбь... Утешь меня и скажи: почему это случилось?» Потом я открыл Библию и мой взгляд остановился на святых строках: «Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Матф. 25, 21). Этот стих объяснил мне прошедшую жизнь Виталия Ивановича и его будущую жизнь в небе! Господь доверил ему труд в издательстве «Христианин». «В малом ты был верен!» — это оценка Господом его служения. «Войди в радость господина твоего!» — Бог отозвал нашего брата в Свои обители! Прочитанные слова из Священного Писания утешили меня. Надеюсь, они утешат и дорогую семью: жену, старушку мать и деток, а также всю церковь, которая скорбит об утрате верного труженика Божьего».*

19 января, в пятницу, в Харьковской общине СЦ ЕХБ на прощальном служении звучала минорная музыка, у гроба стояла жена с сыновьями, родственники и много друзей по вере. Но в служении не преобладал дух уныния и чрезмерной скорби. Были слезы, но не только об отошедшем к Господу труженике. Многие плакали и каялись, что не были такими ревностными и жертвенными в труде для Господа, как Виталий Иванович.

20 января траурное служение шло на улице, возле дома Виталия Ивановича. Более тысячи людей прибыло со всех концов страны, чтобы проводить дорогого брата в последний путь на земле. Были подняты плакаты: «Верный сотрудник издательства "Христианин"», «Он сделал все, что мог» и другие. В перерывах между проповедями играл духовой оркестр Харьковской и Курской церквей, декламировались стихи.

Это известие горем явилось,
Словно стрела, оно в сердце вонзилось
И отозвалось у многих слезами:
Брата Виталия нет уже с нами.
Будет заметно отсутствие брата.
Как бы предвидя, что солнце к закату,
Делать добро он спешил доброхотно,
Свет отражая во мраке холодном.
Жизнь его с юности близким знакома:
Часто на ниве и изредка дома.
«Больше печатать Евангелий, больше!» —
В этом он слышал веление Божье.
Слово Христа светоносно, нетленно!
Брат рассевал его самозабвенно.
Он в пятьдесят совершил для России
То, что другой и за сто не осилит!
Смерть его — наша большая утрата.
Но, хоть и больно расстаться нам с братом,
Знаем — у Бога утрат не бывает,
Души спасенных Господь приглашает.
Жребий их — Царство любви и свободы!
Всем, кто Христу посвятил свои годы,
Бог открывает в бессмертие двери!
Брат в это верил, и мы тоже верим!

Ты с нами!

Останешься ты с нами, не иначе,
Хоть в дом ворвалась скорбь и сердце плачет,
Хотя сиротство ломит сыновей
И ране этой не найти елей.
Уверены, останешься ты с нами.
Святые книги не приходят сами.
Нас радует Евангелие, журнал —
Для них ты жизнь на алтаре сжигал.
И в каждом доме светлые страницы
Доносят к нам души твоей частицу,
И между строк нетрудно прочитать:
На жертвенности держится печать.
Ты шел с друзьями по камням ГУЛага,
Вас берегла любовь, а не отвага.

М. С. Кривко. Тяжело было расставаться с дорогим братом по вере и неутомимым тружеником издательства «Христианин» — В. И. Пидченко.

И отступил пред верой исполин —
Издательство живет «Христианин»!
Убеждены, останешься ты с нами.
С тобой связала нас любовь и память.
И мы продолжим в вечности союз,
Где пилигримов встретит Иисус!

Закончилось служение у дома и похоронная процессия, выстроившись в колонну по 6—8 человек в ряду, медленно двинулась к кладбищу. На голубых полотнах несли 15 плакатов с текстами из Библии, впереди на плечах служители и сотрудники издательства несли гроб с телом Виталия Ивановича.

В пути процессия останавливалась: звучало пение, стихи, проповедники свидетельствовали неверующим людям о вечности, о суде, о Божьей любви. Желающим раздали около 700 Евангелий.

В служении на кладбище участвовали также члены Совета церквей С. Н. Мисирук и Ф. В Маховицкий. На кладбище перед погребением мимо гроба, прощаясь, медленно проходили все, кому близок и дорог был при жизни брат Виталий Иванович.

Верующие и родные у гроба В. И. Пидченко.

Жена брата Виталия Ивановича в последней молитве сказала: «Господи, благодарю Тебя за жребий мой. Все принимаю из Твоей руки».

Совершена последняя молитва на кладбище, возложены на свежий могильный холм живые цветы, и тут духовой оркестр заиграл гимн радости:

В час, когда труба Господня
Над землею прозвучит
И настанет вечно светлая заря,
Имена Он всех спасенных
В перекличке повторит,
Там, по милости Господней, буду я.

Казалось, что к ранам, причиненным неожиданной разлукой, Кто-то нежно прикоснулся и пролил на них бальзам утешения... Торжественные звуки гимна, словно невидимые крылья, подняли дух и взоры всех скорбящих туда, к небесам, где, навеки слившись с сонмами святых, пел новую песнь хвалы Богу и наш дорогой брат Виталий Иванович ПИДЧЕНКО. Он достиг желанной цели! Мы же еще в пути. Но обетование Господне в сердце верных вселяет радость: «...возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я» (Иоан. 14, 3).

БОЧАРОВА

Софья Петровна

1929—1980

Все сии умерли в вере...
Евр. 11, 13

Внезапный уход

22 января 1980 года в возрасте 51 года в горние селения Господни перешла от нас простая, горячо любимая сотрудница издательства «Христианин» – Софья Петровна БОЧАРОВА.

Ее внезапный уход до сих пор остро ощутим не только родными.

Передвигаются на новые места походные печатные точки издательского отдела Совета церквей, отрабатываются в невероятно сложных условиях тиражи духовной литературы, но подвижники, которым посчастливилось работать совместно с Софьей Петровной, откровенно говорят: «Если бы была жива Софа (так с большой любовью называли ее друзья), она бы подсказала здесь, она бы учла там, она бы не забыла ничего, что необходимо в работе...»

Да, она помнила обо всем. Ей было дело до всех и до всего. Искренняя любовь к Богу и удивительная аккуратность в труде слились в ней воедино. По ее неутомимости в служении можно было судить о ее любви к Богу. И – только из любви к Богу она была так беззаветно предана делу печати и распространения Его святого Слова.

Апостол Павел в свое время заметил, что усердием одних верующих испытывается искренность любви других (2 Кор. 8, 8). Всегда радостным подвизанием Софьи Петровны и ее абсолютной бескорыстностью в служении были обличаемы многие, знающие ее, кто, избегая гонений за имя Христово, не проявлял ревности в деле Божьем.

«Ищущий находит»

Воспитывалась Софья Петровна в православной семье. В юности она стремилась жить, как и все люди,— в свое удовольствие, хотя жизнь ее, как она сама свидетельствовала, все равно была бесцельной и пустой. Но уже тогда в душе ее жила, возможно, неосознанная еще тоска по какой-то другой, лучшей, более возвышенной жизни.

Это острое ощущение внутренней неустроенности и усиливающаяся с каждым днем жажда жить чистой, доброй, справедливой жизнью томит сердце всякого человека. На самых неожиданных поворотах бытия они с пронзительной ясностью обязательно дадут о себе знать. И если человек дерзкой рукой не оборвет эти Божественные струны, не заглушит их трепетного и нежного звучания в своей душе,— он непременно найдет дорогу к щедрому вечному счастью, потому что «ищущий находит...» (Матф. 7, 8).

Так было и в жизни Софьи Петровны. Она не подавляла в себе призывный голос Божий, не угашала стремлений к небу. Она искала истину и пришла к немеркнущему свету!

Жила она в то время в общежитии в г. Ногинске Московской области. Ее соседка по комнате не была обращенной, но имела Евангелие и вечерами читала его вслух желающим. Среди них была и Софья Петровна.

Со страниц Священного Писания на ее чуткую душу внезапно повеяло волнующим прозрачно чистым дыханием неба. Она воспринимала Евангелие не сомневаясь, как единственно верную спасающую истину. Это были поистине самые прекрасные вечера в ее жизни, когда она вместе с подругами (их собиралось пятеро) до упоения слушали дивную повесть о всепрощении, любви и благости Божьей к грешникам, к которым она вполне осознанно причисляла и себя.

В те благословенные вечера были прочитаны христианские рассказы и книги: «Звездочка», «Павел Смоленый», «Камо грядэши!», «Путешествие пилигрима». «Что за книги!» — восхищаясь, сквозь слезы повторяла Софья Петровна.

Находила эту духовную литературу все та же приближенная женщина — ее соседка по комнате — у своих верующих родственников в Москве.

Первый христианский гимн, который научилась петь Софья Петровна, был: «В древнее время сидел и пел...» Теплыми летними вечерами, сидя перед распахнутыми окнами пять подруг подолгу самозабвенно пели: «Это Давид был! Он Богу пел... имея арфу в своей руке, Он пел сердечно и стройно...»

Изредка они ездили на воскресные богослужения евангельских христиан-баптистов в Москву. Немного позже нашли верующих в г. Электростали и узнали, что там проходят собрания.

Так этой счастливой пятеркой они и пришли на богослужение Электростальской общины. Старушки были растроганы до слез. «Наш букет! Букет пришел!» — радостно причитая, встретили они их.

Началось богослужение. Общим пением запели гимн: «К неземной стране...» Мелодия гимна простая и задушевная. *«Нам так хотелось петь со всеми вместе,—* вспоминала Софья Петровна,— *и когда нам передали сборник, мы так обрадовались!.. Это внимание со стороны совсем незнакомых нам людей, это радушие и тепло настолько тронули нас, что мы, все пятеро, пели и плакали не стесняясь. Плакали от радости, что так, по-родному, встретили нас в новой среде; плакали, слушая призывные проповеди; плакали от сознания того, что наконец пришли в отчий дом, наконец нашли то, чего так давно искали».*

Первые испытания

К моменту уверования Софье Петровне было 29 лет. Работала она воспитательницей в детском саду. Работала увлеченно, легко и талантливо. *«Мне было трудно с новой группой детей только первые два месяца,—* говорила она,— *пока дети усвоят все, что от них требуется, и убедятся в том, что эти навыки и правила они должны будут выполнять с неизменным постоянством. Я никого из детей не оставляла без внимания, но и никогда не уступала их капризам и лени. Дети — маленькие, но отличные психологи. Когда они убедятся, что воспитательницу им не победить, они делают все спокойно, аккуратно и радостно».*

Сотрудники, заметив перемену в жизни Софьи Петровны, интересовались: что же произошло? — и она не стесняясь говорила им о Боге и о той радости, которую приобрела, уверовав в Иисуса Христа.

Первые шаги веры и первые испытания идут почти всегда вместе. Так произошло и с Софьей Петровной. Несмотря на ее способности и добросовестное отношение к работе, ее уволили. Расставаться с любимым делом, конечно, было нелегко. Но сознание того, что гонят не ее, а Того, Кто поселился в ее сердце и подарил ей счастье жизни вечной, помогло терпеливо переносить первые испытания.

Счастливые люди

В то время Евангелие было большой редкостью. «Весь народ его вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, чтобы подкрепить душу...» (Пл. Иер. 1, 11) — эти слова Иеремии о трудном времени своего народа удивительно ярко характеризуют тяжелое время и нашего народа, жаждущего хлеба духовного.

«Я готова была заплатить любую цену лишь бы приобрести святую Книгу! — вспоминала Софья Петровна. — Людей, имеющих собственную Библию, я считала бесконечно счастливыми».

Духовную литературу, какая ей встречалась, она всю переписывала. Сборник духовных гимнов, «Гусли», она переписала не один раз. «У нее была "норма",— вспоминают друзья,— переписать 50 гимнов в день. И она всегда охотно выполняла ее».

Приток молодежи

В Электростальской общине вскоре покаялось еще пять молодых сестер. Жизнь общины заметно оживилась с притоком в ее ряды молодежи. Сестры не только пели в хоре, но готовили содержательные мелодекламации, а в дни христианских праздников самостоятельно проводили молодежные собрания.

Одно из таких собраний посетил служитель Московской церкви — Константин Павлович Крючков. Он сам неоднократно подвергался преследованиям за дело Божье, отбыл заключение. Увидев духовную устремленность сестер и их готовность оказывать такую ревность до конца, он очень обрадовался и благословил их начинание.

Духовному подъему в общине откровенно радовались все. Но помолодевший состав общины сразу обратил на себя внимание атеистов. Пресвитера и других старцев стали вызывать и облагать тяжелыми штрафами. Старцы-пенсионеры продавали все, что с таким трудом выращивали на своих огородах, и молча, в одиночку, выплачивали по тысяче и более рублей. Никто из верующих почему-то не догадывался помочь им, возможно, потому, что сами они и наставляли паству хранить в строгой тайне бесчинства недругов церкви, чтобы «не случилось чего хуже». Так молодежь невольно стала причиной скорбей для общины, и старушки стали открыто роптать на них. А когда богослужения стали разгоняться нарядами милиции и дружинников, то молодежи пришлось отделиться, чтобы не подвергать ударам старцев, и самим нести ответственность за служение, труд и живое свидетельство о Господе.

Бурные события

Начало 60-х годов предвещало бурные события в жизни церкви ЕХБ в нашей стране. В 1960 году были разосланы по общинам снискавшие недобрую славу документы ВСЕХБ: «Инструктивное письмо» и «Положение». В церквах, где еще теплилась хоть какая-то духовная жизнь и уделялось внимание молодежи и детям, начиналось брожение, которое

затем перерастало в открытое недовольство антиевангельскими предписаниями этих документов. Все больше верующих стали видеть в них падение руководства ВСЕХБ. Церковь Христову — это святилище Господне, эту отраду души для тысяч грешников — они, сознательно связывая с миром, лишали духовной силы и, изгоняя молодежь, отнимали ее будущее.

1964 г. С. П. Бочарова с друзьями по вере. (Сидит во втором ряду первая справа.)

Но Бог не оставил истинных детей Своих. Через бодрствующих служителей, образовавших Инициативную группу, Дух Святой призвал всех, кому дорого дело святости церкви и спасения своей души, возвысить голос за обновление евангельского служения. К каждому члену церкви звучал призыв проверить личное хождение перед Богом. Сколько было тогда сокрушения, сколько искреннего раскаяния принес народ Господень за беспечность и нерадение, за то, что допустили так уничижить и разорить Церковь Христову, за то, что не входили в проломы и не ограждали стеной дела Господнего, «чтобы твердо стоять в сражении в день Господа» (Иез. 13, 5). Тысячи душ в те памятные годы возобновили свое безраздельное посвящение Богу и выдержали великий подвиг страданий за свою верность и ревность.

Святое дело печати

Софья Петровна не осталась в стороне от призыва Духа Святого. Она с радостью включилась в труд по размножению призывов к покаянию и посвящению, посланий, «Братских листков», журналов и другой духовной литературы гектографским методом.

Используя этот метод, который позволяет обычно снимать до 100 копий, многие труженики нашего братства стали снимать с одного оригинал до 200 экземпляров. Но впервые при той же технологии было получено 300 экземпляров, когда Софья Петровна вместе с другими тружениками печатала духовный материал Совета церквей «Об очищении и освящении». Это было явным чудом Божьим! Все участники этого труда восприняли эту неожиданную радость как знак особого Божьего благоволения к этому духовному документу Совета церквей.

Милости Господни

Рассказывая о многолетнем участии Софьи Петровны в гектографской печати, нельзя не отметить ее постоянства и поразительной аккуратности. Кто знаком с этим видом печати, знает, как трудно соблюсти во время работы чистоту и порядок. Но Софье Петровне это удавалось всегда. Она работала на белой скатерти, рассчитывая при этом на неожиданные посещения друзей по вере, которых не было нужды посвящать в этот труд, а также на нежелательные визиты милиции (за ее квартирой велось наблюдение). Считанные секунды требовались ей, чтобы убрать напечатанную работу и открыть дверь. За долгие годы работы она никогда по халатности или самонадеянности не подвергала опасности свой святой труд. Готовую продукцию и чистую бумагу Софья Петровна и еще несколько друзей доставляли и отправляли сами.

Сколько чудес и очевидной милости Божьей пережила она в те годы! С благодарностью Богу она не раз вспоминала, как однажды невозможно было вынести из квартиры изготовленные к совещанию «Братские листки» и другую духовную литературу, потому что возле подъезда до вечера бессменно просидели соседки. Выйти нескольким людям с нагруженными сумками было опасно. Друзья молились и недоумевали: почему такая непредвиденная задержка? Поздним вечером сидевшие у подъезда старушки разошлись, и друзья уехали. Каково же было их удивление, когда они узнали, что у квартиры, где должно было проходить совещание, весь этот день

патрулировал наряд милиции. «Как вы прошли? — изумилась хозяйка. — Ведь только сейчас от дома отъехала милицейская машина?!» Господь чудно сохранил и литературу и братьев.

С чего началось?

Как только были разосланы Первые послания Инициативной группы, служители ее, побуждаемые Господом, приступили к изучению офсетной печати. Софья Петровна одна из первых и здесь принимала участие. Она не была грамотна технически, не обладала никакими необходимыми для этой работы навыками, и все-таки она, как отмечали позднее служители Совета церквей, очень помогала, особенно в начальном этапе разработки офсетного метода печати.

Братья работали до глубокой ночи в условиях, не отвечающих даже самым минимальным требованиям, не говоря уже о жестких рамках конспирации. «Соня, сегодня нам понадобилось железо, и мы без спросу взяли у тебя кочергу»,— сообщали служители хозяйке, когда она возвращалась с работы. А завтра в дело шел бидон (для валов экспериментальной печатной машины) и ручка от мясорубки. Все, что находилось в квартире, братья использовали, не опасаясь недовольства хозяйки. Она только смущенно пожимала плечами и удивлялась, как такие вещи могут пригодиться в деле Божьем!

Уставшие, в 3 или 4 часа ночи братья ложились спать. Сил не хватало даже отмыть руки, не говоря уже об инструментах, кюветах, столах, рабочей одежде. Все это, не исключая пола и стен, было испачкано и черно от краски. А наутро все опять было чистым и сверкающим, нигде не было и следа от прежнего беспорядка. Чистая и доброжелательная обстановка, казалось, любезно приглашала продолжать работу. «Когда мы видели такое радушие и чистоту,— вспоминали служители,— нам хотелось работать снова и снова». Когда успевала Софья Петровна все это делать, когда она отдыхала,— можно только догадываться. А ведь все эти годы она регулярно печатала журналы «Вестник спасения» и «Братские листки», стремилась не пропускать богослужений и работала на производстве.

Позднее печатные машины усовершенствовались, благодаря ревностному участию многих других братьев, но мало кто знает, что у колыбели этого великого и святого дела трудились, сохраняемые до сих пор втайне, руки служителей Совета церквей и руки таких скромных сестер, как Софья Петровна. Мало кто знает сколько дней провели служители Инициативной группы в библиотеках, отыскивая необходимую

литературу по офсетной печати. Мало кто знает, что все начиналось с бидона и ручки от мясорубки!

Сегодня тысячи детей Божьих с благодарностью отмечают, как «просветил глаза наши Бог наш, и дал нам ожить немного в рабстве нашем» (Ездр. 9, 8) и дал нам необходимую духовную пищу.

«Не мыслю жизни без труда»

В 1967 году Софью Петровну пригласили работать непосредственно в издательство. Для этого нужно было оставить работу на производстве и уйти из дому. После некоторого раздумья и молитв, она, видя крайнюю нужду в тружениках, дала согласие: оставила привычный образ жизни и без ропота многие годы несла это служение в нелегальных условиях.

Не раз в кругу друзей она вспоминала, что ей страшно было выходить на это служение. Страшно не оттого, что за это святое дело могут бросить в тюрьму, на это она была готова, живя дома. Ее пугала сложность лабораторного процесса офсетной печати. «Я ведь без этикетки не отличу кислоту от щелочи, я все забыла, а в этой работе нужны знания»,— сокрушалась она. Раньше она только помогала служителям, но самостоятельно не делала ничего. «Не получится у меня, наверное!» — робела она. Но со временем все получилось и получалось так, как этого можно только достичь в условиях конспирации.

«После вечерней молитвы я не могла уснуть до тех пор, пока в уме не повторю до мелочей весь процесс приготовления офсетных пластин,— рассказывала она. — *Это была моя как бы «вторая молитва», потому что труд этот был для меня святыней, незаслуженным Божьим доверием мне. Я не могла исполнять его небрежно, потому что я не мыслила жизни без труда. Я не могла себе представить как расстанусь с ним...»*

С ее непосредственным участием издательство «Христианин» выпустило около 400 тысяч экземпляров различной духовной литературы.

Встречаясь с друзьями по вере, которые отказывались трудиться для Господа, мотивируя тем, что не имеют талантов, она, с присущей ей откровенностью, говорила: *«Не верю я, что это может служить причиной для отказа. Ниже моих способностей и знаний едва ли у кого найдешь! Бог ищет не таланты. Таланты Он Сам дает. Богу нужны жертвенные сердца, а способностью Он их наделит! Я испытала это на личном опыте...»*

Особый талант

Отрабатываются новые тиражи в обстоятельствах очень тесных, всегда опасных и в постоянной спешке.

«Во время тиража во мне появлялась какая-то неистощимая энергия, я не знала усталости»,— удивлялась сама себе Софья Петровна.

Такой прилив сил и необычайной выносливости ощущал на себе почти каждый труженик Господень. Обетования Божьи сбывались и сбываются: «Надеющиеся на Господа обновятся в силе... не устанут... не утомятся» (Ис. 40, 31).

Софья Петровна рассказывала однажды такой случай. На дворе стояли погожие весенние дни. Деревья покрылись пышным цветом. А в помещении, где работали друзья,— была невыносимая духота. Шум печатной машины не позволял открыть даже форточку. Хозяин дома, где работали печатники, решил порадовать их и внес в помещение большую ветку цветущей белой акации. Ее поставили в ведро с водой, верхушкой ветка касалась потолка. Но недолго радовала она утомленных тружеников. Растение не выдержало даже 2-х часов и засохло. Слишком неподходящими были для него условия. А сотрудники издательства работают в таких условиях годами.

В тесном помещении, большая часть которого заполнена бумагой и другими необходимыми материалами, нужно разместиться бригаде из 7—8 человек, да еще печатная машина и кухня... Спали, конечно, на полу. Раздвигали по углам все оборудование и на освободившемся «пятачке» уставшие, намаявшиеся за долгий рабочий день, радостно молились и засыпали. Какой уж там уют? Когда было об этом заботиться? Но Соня, по-прежнему верная своей привычке, под мерное дыхание спящих друзей, как под музыку, протирает пыль, чистит инструменты, стирает спецодежду... У нее действительно был какой-то особый талант создавать и поддерживать порядок. Каждую пачку бумаги она осторожно и ровно собьет, сложит в аккуратные стопы, накроет это все чистой тканью. В стакане или в неприхотливой вазочке поставит зеленую веточку,— и чувствуешь себя почти как дома.

Наблюдать за ней, когда она что-нибудь делала,— было просто одно удовольствие. Если она упаковывала готовую продукцию — можно было быть спокойным: пакет не рассыплется и не разорвется, если даже и упадет при спешной погрузке. Просто диву даешься — как у нее все получалось таким аккуратным и красивым!

Сколько сестер бывают тоже страстными приверженцами чистоты. Едва ли не всю жизнь они посвящают тому, что натирают до блеска полированную мебель в своих квартирах или сдувают несуществующие пылинки с одежды. Но Софья Петровна, имея от природы эту склонность к порядку и чистоте, употребила ее не для себя, а во славу Господа и на благо дорогой церкви.

С хозяевами квартир, где ей приходилось работать, всегда налаживались самые искренние и добрые взаимоотношения. Они не могли не радоваться, глядя на ее аккуратность, чуткость и бережливость. С ней всем было легко. Бесхитростная, покоряюще искренняя, открытая, общительная... Соня никогда не скрывала своих промахов, немощей. «Вот такая как есть: ошибаюсь — прошу прощения, плачу, исправляюсь, но очень хочу трудиться»,— признавалась она.

Для тех, кто впервые переступал порог этого ответственного служения, она была заботливой наставницей. Она была требовательна в вопросах конспирации, но эта требовательность не была властной, а скорее убедительной, разумной просьбой.

Ей можно было доверить любое самое секретное дело — никогда не подведет. Пользуясь церковными средствами, она была честной до щепетильности. «...Не укорит меня сердце мое во все дни мои» (Иов. 27, 6) — эти слова Иова имела право сказать и Софья Петровна.

«Она сделала, что могла»

На 12-м году бессменной работы в издательстве Софья Петровна серьезно заболела, у нее был обнаружен рак. Все уговоры друзей оставить служение она отклоняла: «Пока могу, я хочу работать для Господа». И она работала, пока были силы: подавала бумагу, мыла, стирала...

В воскресение 22 июня 1979 года сотрудники издательства отметили двойной юбилей Софьи Петровны: 12 лет труда и 51 жизни. Как бы подводя итог, служитель прочел из Священного Писания: «Обильный дождь проливал Ты, Боже, на наследие Твое, и когда оно изнемогало от труда, Ты подкреплял его» (Пс. 67, 10). Рассуждая по-человечески так и хотелось спросить: «Откуда ты черпала силу, чтобы с радостью пройти такой сложный и трудный путь?» И ответ может быть только один: обильный дождь благословений Бог излил на служение этой скромной труженицы. Вместе с Апостолом Павлом она могла бы повторить: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Фил. 4, 13).

В проникновенных молитвах друзья просили Господа продлить сестре жизнь, чтобы она смогла еще трудиться. Сама же Софья Петровна благодарила Бога за пройденный путь, за Его постоянную помощь и обещала, если Господь исцелит, продолжать трудиться.

Но болезнь не отступала. Силы покидали сестру. Когда она поняла, что дни ее сочтены, ее посетила тихая радость. *«Мир для меня уже не существует,*— говорила она,— *кругом цветут и благоухают сады, но эта земная прелесть не радует меня, душа моя уже не здесь, дух мой восторгается уже неземной красотой... Я живу предстоящей встречей с Господом».*

Близкие друзья настаивали совершить молитву об исцелении. Она уступила просьбам: «Кто я, чтобы возражать служителям? Если это послужит к славе Божьей, то совершайте»,— сказал она. Служители, церковь участвовали в посте и молитве, но исцеление не наступило.

Воля Господня

Задушевная подруга юности Софьи Петровны безмерно скорбела, видя угасающую жизнь близкого ей человека. Ей хотелось узнать волю Божью: будет ли она жить или умрет? Как-то, стоя на кухне, она вслух помолилась: «Господи! открой волю Твою! Я хочу узнать ее через Слово Твое...» Она открыла Библию и прочла: «Верующий в Меня имеет жизнь вечную...» «Господи! — молилась дальше подруга,— я знаю, что она имеет жизнь вечную. Но я хочу узнать: будет ли она жить или нет?» — И она открыла Библию во второй раз: «За это, вот, Я приложу тебя к отцам твоим,— читала подруга,— и ты положен будешь в гробницу твою в мире...» (4 Цар. 22, 20). Господи, что еще нужно мне? — рассуждала она,— теперь мне все ясно».

Войдя в комнату, где лежала с закрытыми глазами больная, подруга тихо позвала:

— Соня! Сказать тебе, что открыл мне Господь?

— Скажи,— согласилась та. И подруга передала ей то, о чем молилась.

— Как хорошо! — сказала Соня, выслушав ее. — Ты меня успокоила. Слава Богу, только не плачьте обо мне. Не держите меня на земле своими молитвами.

Последнее пожелание

Перед самым днем отхода к Господу Софью Петровну просили сказать последнее пожелание тем, с которыми она трудилась. Вот ее слова:

«Трудитесь, друзья, и дальше для славы Господа. Не унывайте. Труд ваш не тщетен пред Господом.

Если бы мне возвратили мои прожитые годы в Господе, я прожила бы их также, за исключением тех ошибок, которые допустила. Я не жалею, что отдала лучшие годы для Господа.

Тяжело мне только одно: мои родственники не знают Бога. Я молюсь о них, но их сердца пока остаются закрытыми для действия Духа Святого».

До последнего вздоха Софья Петровна была в сознании, хотя страдания во плоти были велики.

«Подними меня! — попросила, умирая, Софья Петровна свою родную сестру Елизавету Петровну. — *Я встретить хочу! Я хочу встретить...»* И, подняв руку, с этими словами ушла от нас к Господу.

Деревенское кладбище

27 января 1980 года в г. Ногинске в доме Елизаветы Петровны — родной сестры Софьи Петровны — состоялось прощальное богослужение. Проводить в последний путь дорогую сестру приехало много друзей по вере из различных

Гроб с телом С. П. Бочаровой выносят из дома.
(Первый справа — Виталий Пидченко.)

городов. В служении принимало участие много служителей, был духовой оркестр, пел молодежный хор. Похоронная процессия проследовала по просьбе умершей на ее родину — в деревню Богородское Ногинского района. Вслед за гробом несли тексты Священного Писания: «Она сделала, что могла», «Верующий в Меня имеет жизнь вечную» и другие. Там, на деревенском кладбище, было совершено краткое служение. Слово Господне и призыв к покаянию звучал впервые для всех жителей этой местности.

«Ревность ваша поощрила многих»

Получая все эти годы Библии, сборники духовных песен и другую духовную литературу, выпускаемую издательством «Христианин», мы могли знать лишь имена да адреса тружеников печатного слова и то только после их ареста. Но большинство из нас ничего не знают о их ежедневном тихом героизме.

Жизнь и служение Софьи Петровны Бочаровой помогает понять, какой подвиг с помощью Божьей совершают в полной неизвестности подобные ей христиане. Работая в большом стеснении по силам, а иногда и сверх сил, они «среди великого испытания скорбями, преизобилуют радостью». Любя Господа, они не берегут себя. О них нельзя сказать, что в доме Божьем они разумно расходуют свои силы

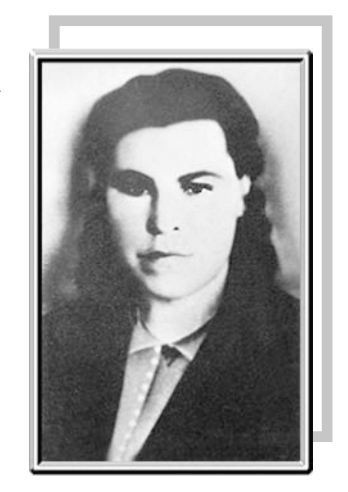
Друзья по вере провожают в последний путь сотрудницу издательства «Христианин» С. П. Бочарову.

и здоровье. Нет. По примеру Господа они расточают себя.

Расточить — не значит истратить имеющиеся в распоряжении средства и силы с пользой для себя. Расточать — это щедро дарить, рассыпать, нерасчетливо широко тратить с пользой для других. Это значит потерять душу «свою ради Христа и Евангелия», которое из любви к Богу и погибшим грешникам мы призваны распространять.

Ушла от нас Софья Петровна, но остался яркий пример ее жертвенной жизни.

Уходят многие братья и сестры в узы за святое дело умножения печатного слова истины — сегодня таких узников уже больше 23. Но не зря они страдают! Ревность их поощрила многих, и плод их во славу Божью очевиден!

СЛОБОДА
Надежда Степановна

1930—1979

Обращение к Богу

В 1961 году началось духовное пробуждение в нашем братстве. Это было неповторимое время. Дух Божий обличил нас в бездействии, нерадении, мы почувствовали ответственность за спасение не только своих душ, но и душ друзей и родных.

Поделиться этой радостью — пробуждением, я поехала к родным в Белоруссию. Больше всего хотелось говорить о Господе неверующим. Такими жаждущими сердцами оказалась семья моей сестры — Надежды Степановны Слободы. После многих живых расспросов, отрадных бесед я уехала, оставив им Евангелие. Молилась, чтобы Дух Святой разъяснил необходимые истины для спасения их душ.

Надя со страхом и радостью много читала Евангелие и стала понимать, что она — грешница и нуждается в спасении. Тут вскоре ее увезли в больницу с острым приступом аппендицита. Она много пережила в связи с этим, так как операцию пришлось делать в то время, когда она ожидала рождения ребенка. Надя очень боялась умереть непримиренной с Богом. «Молилась тогда, как умела,— вспоминала она. — Господи, сохрани! Если умру, то погибну навеки, навсегда!» И Господь заступился, сохранил!

После этого, в 1963 году, она покаялась, приняла крещение. Началась новая жизнь, полная радостей и тревог.

В селе Дубравы Витебской области, где она жила, верующих евангельско-баптистского исповедания не было, одни православные. Но обновленной жизни во Христе никто не знал. Когда уверовала Надя, ее муж Иван, также свекор и свекровь, и родной брат Нади с женой, и еще несколько человек, то в ее доме стали постоянно проводиться собрания. Эти краткие часы

общения и молитвы сколько радости приносили их сердцам, пылающим первой любовью к Спасителю! Но какая тогда поднялась вокруг буря! К ним в село, как в запретную зону, невозможно было приехать с посещением ни одному верующему!

Однажды парторг на сельском собрании так расходился, что стал кричать: «Почему до сих пор не уничтожили верующих? Их давно надо с лица земли стереть!» И сразу после собрания пошел к дому Слободы и поджег сарай. Он надеялся, что никто не станет тушить, но сбежались соседи, приехали пожарные и не дали сгореть дому. Дело было зимой. Когда приехала комиссия (хотя Надя не вызывала ее и никому не жаловалась), то без труда нашли виновника: следы от сарая вели к дому парторга.

Не успевали одни гонители смириться, как восставали другие, потому что уверовавшие всем свидетельствовали о Господе. Почти ни одно богослужение не проходило спокойно. Специально настроенная молодежь считала своим долгом, проходя мимо дома Слободы, кидать в окна камни. Сколько раз и среди ночи Надя просыпалась в кровати, засыпанная осколками!

У верующих семей урезали приусадебные участки, не давали работы, пытались лишить всяких средств к существованию. Но они радовались, славили в скорбях Господа и еще больше укреплялись в вере. А ненавистники истины как будто действительно задались целью стереть с лица земли эту горстку стойких детей Божьих. Поднялась на ноги вся общественность колхоза и сделали все, чтобы за религиозное воспитание отнять у Слободы детей.

Переплавка в горниле

О том, как переплавлялась в горниле страданий вера этого дорогого семейства, последовавшего с любовью за Господом, лучше всего свидетельствует «Открытое письмо», написанное Иваном Федоровичем Слобода, отцом этого семейства, на имя Косыгина, Руденко и Горкина (Приводится в сокращении. — *Прим. ред.*).

И ныне изливается душа моя во мне: дни скорби объяли меня.
Иов. 30, 16
Но Он знает путь мой... Иов. 23, 10

Обращаюсь к вам, правители страны, и прошу вникнуть в мое дело. Пять лет назад я был, как все прочие жители деревни, незнающие Бога. Когда я стал верующим человеком, стал сразу же подвергаться глумлениям и гонениям. В окна нашего дома стали бросать камни, срывали двери,

врываясь в комнату обрезали свет и... затем по решению суда отняли детей, Галю и Шуру, за религиозное воспитание. Все это известно вам уже через наше письмо.

Дети пережили очень много. Страдания их кто возьмет описать? Они дважды бежали из детдома, но за ними устраивали погоню и возвращали обратно.

Руководил этим председатель колхоза Быков, парторг колхоза Солтан, Кураш Александр и другие активисты деревни.

Видя, что в ответ на нашу жалобу не было никакого воздействия на них, по их же инициативе 16.10.1968 года была осуждена на четыре года заключения моя жена, мать пятерых детей, Надежда Степановна. Судили ее за проповедь об Иисусе Христе в этом темном глухом местечке, куда еще никогда не проникал свет Христов.

Вместе с ней осудили моего брата, Викентия Слободу, и брата жены, Петра Кураш.

Я остался с тремя детьми: Коле — 10 лет, Люсе — 7 лет и Павлику — 5 лет. Все силы я положил для того, чтобы заменить им мать. Тепло и уютно им было в родном доме. Мать, Устинья, и жена брата, Галина, помогали смотреть за ними. Но воинствующие атеисты — полновластные хозяева деревни — не успокоились и на этом. Они зорко следили и запретили всем нашим родным навещать друг друга. Но этого тоже им было мало.

16.1. они с привлечением других должностных лиц составили ложный акт, на основании которого суд отнял и остальных детей. На суде был мой сын Коля, десяти лет. Его увели в другую комнату, где допрашивали судья и прокурор. Когда вернулись с допроса, то судья сказал: «Нам и этого достаточно, что он сказал: "Есть Бог!"» Больше мальчика в зал суда не допустили. С моей стороны свидетелей не допустили.

Свидетелями были должностные лица. Они подписали акт, в котором хитро все назвались просто жителями деревни, тогда как В. Дрозд фактически — директор школы; П. С. Андрученок — председатель Чапаевского сельсовета; А. Ф. Быков — председатель колхоза им. Жданова; В. А. Солтан — парторг колхоза им. Жданова; Э. Дубро — завклубом дер. Дубравы. Они показали, что мои дети воспитывались в религиозном духе.

Забрали детей 13 февраля с. г. в 13 часов при следующих обстоятельствах: сыну Коле в школе сказали: «Иди

домой!», но он не хотел одеваться. Тогда директор Дрозд отпустил всех детей домой. Когда Коля оделся и вышел из школы, директор схватил его за руку и втолкнул в милицейскую машину, спрятанную за школой. Ему не дали даже проститься с отцом.

В это время к моему дому подъехала машина скорой помощи Освейской больницы. В дом вошли: судебный исполнитель Верхнедвинского суда, директор школы — Дрозд, участковый милиционер из Освеи — Полевечко, два дружинника — А. Кураш и В. Кутенко из дер. Дубравы, завройоно Верхнедвинского района — Синявский и некая медсестра из Освейской больницы.

Бедным детям прочитали вслух приговор и приказали одеваться. Они начали отчаянно плакать. Одели их насильно и посадили в машину. Мне приказали сопровождать их. Так довезли до Верхнедвинска, где меня высадили, а их, плачущих, несчастных моих одиноких деток, повезли дальше...

О, где же мне взять слова, чтобы выразить горе моих детей и мои страдания?! Один Всевышний знает путь мой. Он дает мне силы переживать непосильную тяжесть страдания моих детей...

Я остался один. В пустом доме моем не слышно голосов детей моих и жены. Меня утешает мысль, что сказал Христос: «Гнали Меня, будут гнать и вас».

О вы, гонители живого Бога, одумайтесь, остановитесь, раскайтесь в путях своих, ибо слезы сиротские — тяжелое бремя. Господь собирает их в чаше Своего долготерпения. Вы взяли мою жену, взяли детей, но Господь не оставит нас. Живу ли, умираю ли, я всегда Господень.

Верните детей моих и мать домой, но воля Его да будет во всем! «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12, 24).

4 марта 1970 г.

Слобода

Чудное видение

Незадолго перед арестом Надежда Степановна Слобода, выходя из магазина, остановилась, заслушавшись чудесным пением. Люди озирались вокруг, не понимая откуда доносится приятная мелодия. Надя подняла голову и увидела Ангелов. «Посмотрите на небо! Поднимите глаза!» — просила она деревенских жителей, которые ничего не могли увидеть. «Ты

Отец с детьми во время разлуки с женой и матерью Н. С. Слободой.

с ума сошла! Тебе все кажется, домолилась!» — с криком набросились они на нее и стали избивать. Неизвестно, сколько бы времени они били ее, если бы (как позднее вспоминала Надя) молодой человек в белоснежной одежде не отвел ее от разъяренных женщин. Он поднял ее на небо и ввел в большую чистую комнату с мягкими креслами.

— Что это? — удивленно спросила она.

— Зал ожидания,— пояснил Ангел. В креслах отдыхало очень много людей. — Здесь хватит мест на всех? — поинтересовалась Надя.

— Да, приготовлены для всех, но многие еще не пришли.

— Покажите мне мое место.

Ангел подвел Надю к свободному креслу, и она быстро села.

— Нет, нет. Тебе еще не время отдыхать,— пояснил ей Ангел. — Еще немного потрудишься, а потом придешь.

— А можно мне на Апостолов Господних посмотреть? — спросила Надя.

Ангел привел ее к Апостолам, и она всех узнала, как будто раньше видела их в лицо.

После этого видения она так ликовала, везде ездила, всем рассказывала! Но человеческим языком невозможно описать

той небесной красоты, какую она видела. Сердце ее горело всем свидетельствовать о любящем Господе, она так хотела потрудиться для Него, но ее вскоре арестовали.

В тюрьме

Переступив порог этого мрачного заведения с тяжелым чувством разлуки с дорогим мужем и детками, Надежда Степановна находила единственное утешение в горячей молитве. Она отыскала около умывальника свободное местечко и там, молясь, разговаривала с Богом. Ему поручила заботу о милых крошках, которые тоже были в неволе, вдали от родного дома — в интернатах. Она знала, что им тяжелее переносить разлуку, знала, что они безутешно плачут среди чужих людей. Молилась о муже, который остался один в четырех стенах. Она стояла и не чувствовала, как разгневанные заключенные лили на нее воду, и не слышала, как насмехались. Когда она подолгу не вставала с колен, они вешали на нее фуфайки, но она молилась и молилась. Позднее эти издевательства прекратились. Женщины даже стали бить тех, кто мешал ей молиться. «Не трогайте ее, не подходите!» — приказывали они новичкам. Молилась она и на рабочем месте во время обеда.

Узнала надзирательница, что Надежда молится о заключенных, стала просить помолиться о больной матери. «Может ли Бог ее исцелить, если ты помолишься? Мама ведь не здесь, а далеко». — «Может»,— с уверенностью ответила Надя. — «Тогда помолись». — «Нам нужно молиться вместе, но сначала ты должна покаяться в своих грехах». И по молитве их мать исцелилась. Сейчас эта надзирательница уверовала, приняла крещение и является членом церкви.

Молилась Надя и о бесноватой женщине заключенной, которая рвала на себе волосы, била всех, так что ее хотели посадить в одиночную камеру для ненормальных. Молиться за нее было очень трудно, это была такая тяжелая, напряженная борьба!.. 11 дней Надя постилась о ней, пока Господь положил на нее исцеляющую руку.

Заключенные называли Надю «святой». Каждый стремился отдать ей свою порцию сахара, хлеба. Но Господь положил ей на сердце ни от кого ничего не брать. «Я хочу быть всем слугой,— говорила она. — Прославляйте Бога! Он достоин! А я — такой же человек, как и вы, только нахожусь в Его руках».

«Господь меня не оставлял,— рассказывала она после освобождения. — И сахар был, и все необходимое, ни в чем не имела недостатка. Женщины не ели тюремной пищи,

бросали тарелки в угол, а я попрошу благословения и ем, и никогда еда не была противной. Они возмущаются, кричат, а я с удовольствием ем и славлю Господа».

Однажды во время обыска на работе, в цехе начальник подошел к Наде, она как раз молилась. Женщины не позволили ей мешать. Когда она поднялась с колен, он просмотрел все ее вещи и взял тетрадь с записями из Библии и пообещал, что после проверки отдаст. Надя несколько раз напоминала ему о его обещании, пока он не сказал: «Твоей тетради уже нет! Я ее давно сжег!»

«Боюсь,— ответила на это Надя,— что Бог поступит с вами так, как вы поступили с Его Словом».

Через несколько дней он ослеп и срочно выехал на лечение. Через три месяца он вернулся, зрение ему восстановили. Вызвав Надю в кабинет, он спросил: «Слобода, ты молилась, чтобы Бог меня наказал?» — «Что вы? — испугалась Надя. — Наоборот, молилась, чтобы Господь помиловал и спас вас». Начальник был тронут таким ответом, расположился и после этого случая уже не преследовал ее.

До прибытия Нади в лагерь, заключенные в воскресенье не отдыхали. Она сразу сказала начальству: «Я в этот день служу Господу и работать не буду». Надю за это посадили в карцер, там она пробыла 56 дней в жутком холоде. Дежурные войдут на пять минут и воротники поднимают от холода. Заключенных выносили оттуда с воспалением легких. «А я,— говорила Надя,— помолюсь Господу и ложусь, и меня словно кто-то крыльями покроет, теплом веет, и я засыпаю».

Женщины стали возмущаться: «Освободите Слободу, иначе не будем работать, план сорвем».

Начальник лагеря приходит к ней в камеру, говорит: «Пиши заявление, что ты раскаиваешься и больше так делать не будешь». Надя отказалась: «Нет! Как говорила всем о Господе, так и буду говорить!» Начальник был человек жестокий, его весь лагерь боялся. Когда он вошел в камеру, Надя стала ему свидетельствовать о Господе. «Откуда только брались слова? — вспоминала она. — Речь лилась без остановки. Напоминала ему многие места из Священного Писания...»

— Слобода, ты замолчишь или нет? — закричал он на нее.

— Я не могу молчать, гражданин начальник,— ответила Надя спокойно. — Ну, постойте еще немного, я вам расскажу о том, как вас любит Господь...

Он улыбнулся, что с ним редко бывало, и так говорит добродушно: «Слобода, разве ты не знаешь, что нам нельзя

слушать?..» Он ушел, закрыв камеру, а она продолжала говорить и петь, как будто ее слушала большая аудитория. Не могла удержаться, все говорила и говорила из Библии, а дежурные за дверью слушали и не перебивали. «На свободе,— подчеркивала позднее Надя,— у меня никогда не было подобных дней, когда Господь был настолько близок ко мне, как там, в одиночной холодной камере карцера».

В заключении Надежде Степановне приходилось встречаться с людьми и других вероисповеданий. Мы молились за нее, чтобы Господь сохранил ее в вере, ведь прошло всего пять лет, как она познала истинный путь Господень. И удивительно и страшно: женщину пятидесятницу (не знаю, была ли она искренней верующей или нет), с которой Наде пришлось встретиться в заключении, еще на свободе дух побуждал делать все, чтобы попасть в тюрьму. Там сидит Слобода,— убеждал ее этот дух,— она не имеет Духа Святого, а ты должна помочь ей в этом».

«Если бы я не была научена ничего не делать не вопросив Господа, то могла бы не устоять,— рассказывала впоследствии Надежда. — Эта женщина убеждала меня молиться о крещении Духом Святым. Я сначала обрадовалась. Мы назначили даже место, где будем молиться. Она меня торопила, а я сказала, что Господь мне еще не ответил: угодно ли это Ему. «Господи,— молилась я,— открой мне: нужно ли мне такое крещение, ведь Ты меня уже исполнил Своим Духом. Я так радовалась, когда Ты мне простил грехи, сердце, казалось, от счастья разорвется, а теперь вот это "крещение"...» И Господь мне открыл, что не только что другое делать, но даже приветствовать эту женщину нельзя. В назначенный день я стояла на условленном месте. Вижу она бодро направляется ко мне и, в шагах четырех от меня, какая-то невидимая рука свалила ее на землю. Она встала и, не глядя мне в глаза, быстро ушла. Позже я ей сказала, что Господь мне открыл, что ее даже приветствовать грех, и больше она ко мне не подходила. Потом эта женщина заворовалась и очень низко пала. Бывало, в субботу весь день спит, глаза опухнут, а в воскресенье, когда все отдыхают, идет работать. Заключенные ее не любили».

Гонения продолжаются

Хотя Надя была в тюрьме, а дети тоже, как маленькие узники,— в интернате, в селе по-прежнему гонения на верующих не прекращались. Эта небольшая группка, состоящая из

нескольких семей верующих, была совершенно отрезана от народа Божьего: к ним никого не пропускали с вечерей Господней, ни просто с посещением, даже родственников увозили далеко вглубь леса и там издевались: подводили к березе и хотели повесить; избивали до потери сознания.

Приехала как-то сестра из Совета родственников узников и спросила у деревенских жителей: где дом Слободы? Не успела она войти, как тут же в дом ворвались активисты села и пытались увести сестру в сельсовет. А Надиного мужа, Ивана, схватили за волосы и стащили со стула. Хотели сестру на руках вынести, но она решительно запротестовала. Побежали за машиной, а Иван Федорович убедил сестру уйти из дому в лес. Приехали они на машине, а в доме никого нет. Обежали все дома, никого не нашли. А Ивану Федоровичу пришлось идти с сестрой лесом километров десять, пока не вышли на дорогу, и там сестра села на автобус и уехала. Активисты думали, что она никуда не уйдет, и утром в этом селе они проверяли все автобусы, но никого не нашли.

На свободе

В октябре 1972 года Надежда Степановна освободилась после четырехлетнего заключения. Стала посещать деток в детдоме, но директор относился к ней крайне враждебно. Всякий раз вызывал милицию, чтобы не дать свидания с детьми. Но вскоре директора постигло несчастье. Его 18-летний сын погиб, сбитый автомобилем. Позже, когда Надя приехала в детдом, директор спросил ее: «Теперь ты, наверное, злорадствуешь?...» «Я плачу о вашем сыне,— с сочувствием ответила Надя,— ведь он ушел в ад, погиб навеки! Вы занялись перевоспитанием моих детей, но это — не мои, а Божьи дети». С тех пор он не препятствовал ей видеться с детьми и перестал их притеснять.

Председатель колхоза советовал Наде уехать из села, обещая беспрепятственно отдать документы, только бы не было в его местности живых христиан. Но Надежда отказалась: *«Вы говорите, чтобы я уезжала, а я не вижу на это воли Божьей. Он поставил нас здесь светить, в этом месте, где так мало знают о Спасителе Иисусе Христе! А когда Господь повелит мне уехать, я это сразу же сделаю».*

Дважды Надежда Степановна ходатайствовала о возвращении детей, но им отказывали. «Вы изменили ваши

взгляды?» — спрашивали их. «Нет» — «Как же мы вернем детей, когда они отняты за ваши убеждения? Откажитесь от Бога, и сегодня же дети ваши будут с вами».

Приходили домой для беседы и новый директор школы с учительницей. «Мы на минутку,— сказала директор,— хотим посмотреть какие условия в вашей семье для детей». Надя много рассказывала им о пережитом, о всех притеснениях со стороны атеистов, а они внимательно слушали и как будто совсем забыли, что собирались скоро уходить. Прощаясь, директор упрекнула Надю:

— Конечно, вам хорошо жить, вы получаете посылки от своих верующих друзей...

— Вот и сравните, как относитесь к нам вы и как относятся к нам верующие в Господа друзья. Когда мы уверовали, вы выгнали нас из колхоза. А ведь обо мне писали в газете как о хорошей работнице! Потом отняли всю землю, негде было даже картофель посадить. Детей отняли, не пожалели. Меня в тюрьму посадили только за то, что проповедовала о Господе. Не давали работы в колхозе,— обрекали на голодную смерть.

— Да,— тихо проговорила директор. — Мы вас оставили, а они оказались друзьями.

Господу угодно было...

Чудное видение, которое еще перед арестом видела Надежда, возможно, не раз всплывало в памяти, и нежный голос Ангела звучал: «Еще потрудишься немного, а потом придешь». Сколько продлиться это «немного» — она не знала, но отрадно было покоиться в руках любящего Небесного Отца и знать, что у Него всему есть Свои времена и ничто не случится без Его воли!

По возвращении из лагеря, Надежда Слобода стала плохо себя чувствовать. Время шло, и состояние здоровья ее все ухудшалось. Наконец, она не могла уже и работать. Болезнь разрушала печень, и врачи определили у нее злокачественную опухоль. И все же, зная, как она физически слаба, они выписали ее на работу. Но не только работать, но даже ходить ей было очень трудно. Надя все больше лежала. Но ее вызывал начальник милиции: «Почему не работаешь, Слобода?» — «Не могу, сил нет, а пенсию не хотят оформлять».

Через три месяца начальник милиции снова вызвал ее, стал угрожать, что откроет уголовное дело как на тунеядку,

и послал Надежду за врачом. С трудом она пошла и передала главврачу, что его вызывают в милицию. «Зачем?» — испугался тот. «Начальник милиции хочет поговорить с вами о моей болезни, чтобы пенсию мне назначили»,— ответила Надя. «Хорошо, хорошо»,— пообещал врач. И пенсию ей оформили.

Но недолго продлились дни ее странствования на земле. Господу угодно было исполнить Свое определение, о котором Он открыл ей заранее: «Немного потрудишься, а потом придешь...»

Ранним утром 27 февраля 1979 года, на 49-м году жизни, отошла в вечные обители своего Отца наша дорогая сестра в Господе, простая, но искренняя христианка — Надежда Степановна Слобода. Ушла от скорбей и слез, которые выпали на ее материнскую долю и которые из любви к Богу она так мужественно переносила. Ушла на вечный покой неутомимая молитвенница, день и ночь ходатайствовавшая о милых детях, муже, о тех, кто, подобно ее семье, переносил гонения за имя Христово, а также о многих, многих погибающих грешниках.

Трогательно было слушать горячую молитву детей на могиле матери: «Господи! Мамочка умерла. Помоги нам быть похожими на нее, такими же искренними, и так же, как мама, всем свидетельствовать о Тебе!»

Проводить в последний путь дорогую сестру в Господе приехали друзья и молодежь из Полоцка, Витебска, Бреста, Минска, Ленинграда. Они читали стихи, вели беседы с неверующими, пели. Особенно внимательно слушали неверующие пение. Когда запели гимн «Когда одолеют тебя испытанья...», слушатели сняли шапки, стояли не шелохнувшись, а в деревне потом рассказывали, что верующие пели, как ангелы на небе. Очень им понравились такие благоговейные христианские похороны.

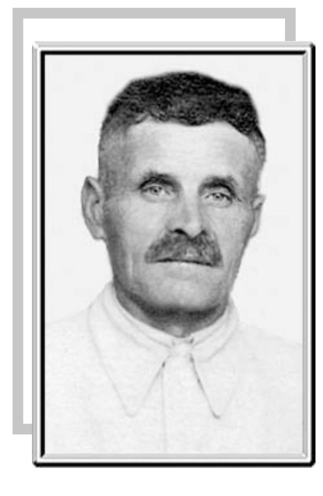
Только главврач нарушил служение. Стал кричать: «Вы мне душу режете своими песнями! Вот я вам сейчас!» И стал размахивать кулаками. Жители вывели его под руки.

На кладбище трудно было говорить и петь. Сильно шумел белорусский лес. На похороны вышла вся деревня. Милиция не пускала на кладбище только деревенских детей, чтобы не слушали о Боге. С молитвой, в благоговении близкие друзья предали земле гроб с телом дорогой сестры Надежды Степановны, утешенные твердой верой, что встретятся с ней у ног Спасителя.

Не возлюбили души своей даже до смерти

Откр. 12, 11

Часть II

КУЧЕРЕНКО
Николай Самойлович

1895—1962

Спустя год после начала благословенного духовного пробуждения, воздвигнутого Господом в нашей стране, немногочисленные по тем суровым временам общины гонимого братства облетела тревожная весть: на допросе в КГБ замучен до смерти служитель Николаевской церкви — КУЧЕРЕНКО Николай Самойлович.

Для воинствующих атеистов, облеченных государственной властью, какую опасность представлял собой этот простой, любимый церковью проповедник? — Он был принципиально верен Богу и Его Слову!

В 1960 году старший пресвитер ВСЕХБ К. Л. Калибабчук привез в Николаевскую зарегистрированную церковь антиевангельские документы «Инструктивное письмо» и «Положение». Николай Самойлович Кучеренко, будучи на то время председателем ревизионной комиссии, отказался внедрять их в жизнь церкви. За это его и некоторых бодрствующих братьев и сестер исключили из членов Николаевской общины.

Желая сохранить свободу Христову и остаться верными Господу изгнанные из общины дети Божьи (около 30 человек) стали проводить богослужения самостоятельно. (Собрания часто проходили в доме Николая Самойловича.)

В августе 1962 года в 2 часа дня работники КГБ подъехали к дому Николая Самойловича и увезли его и жену на допрос. После двух часов напряженной беседы жене отдали ключи от дома и силой выпроводили из кабинета, а Николая Самойловича оставили. Не пришел он домой ни вечером, ни ночью. А на утро сотрудники КГБ приехали и стали кричать на сестру Марфу, жену Николая Самойловича: «Муж в больнице, а ты сидишь дома?!»

Придя в больницу, сестра Марфа узнала, что Николая Самойловича из КГБ привезли туда уже мертвого и что его не хотели принимать, но по указанию КГБ его поместили в больничный морг. Осматривая умершего в присутствии работников КГБ, сестра Марфа обнаружила, что все тело мужа синее, а пальцы рук выкручены.

В медицинском же заключении значилось: «Смерть наступила от инфаркта миокарда».

Спокойный, никогда не повышавший голоса, смиренный служитель Божий своей твердостью в деле защиты чистоты евангельской истины, дал понять сотрудникам КГБ, что он никогда не пойдет ни на какие уступки, и они в одну ночь расправились с ним, чтобы устрашить сторонников внутрицерковного движения за пробуждение. В какой-то мере гонители достигли своей цели. В зарегистрированных общинах до смерти Кученко многие дети Божьи искренне поддерживали духовную работу по очищению церкви, а после того, как брата замучили, немало верующих убоялось. «Зачем ему нужно было лезть на рожон?! Нужно было соглашаться с "Инструктивным письмом". Куда уж тут денешься...» — вздыхали от ужаса некоторые верующие зарегистрированной Николаевской общины.

«Надо было соглашаться...» Соглашаться с внедряемым нечестием Николай Самойлович, как видим, не мог. Не мог он поступиться евангельской истиной. Он, как некогда Навуфей, не согласился с требованиями сильных мира сего. Не уступил им святынь Господних — вот подлинная причина мученической смерти дорогого подвижника. Он не захотел быть сообщником гонителей в деле низложения церкви и лучше расстался с временной жизнью, чем, став предателем народа Господнего, лишился бы вечной жизни.

«Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех, и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест...» (Евр. 12, 1—2).

ХМАРА
Николай Кузьмич
1916—1964

Все страдания, выпавшие на мою долю, я принимала как от Господа. Господь допускает страдания, и Он дает сил все перенести.

Мария Ивановна Хмара

Мой муж, Николай Кузьмич Хмара, в начале 60-х годов стал посещать богослужения христиан и сразу сказал: «Если я уверую в Господа, меня тут же посадят в тюрьму». Но он не боялся этого. Придет, бывало, вечером с собрания и до глубокой ночи читает Священное Писание. В июле 1963 года мы вместе приняли крещение по вере.

Жили мы в большом двухэтажном доме. В нашей квартире часто проходили богослужения. Нашими соседями были учителя. Они подолгу задерживали моих детей в школе и расспрашивали о собраниях.

В августе 1963 года в нашей квартире был первый обыск. Перевернули все, хотя из духовной литературы у нас ничего не было, кроме старого Евангелия и сборника с переписанными от руки гимнами. Вскоре пришли со вторым обыском, а 3 ноября 1963 года Николая Кузьмича и брата Ф. И. Субботина арестовали. У нас в семье было четверо детей, младшей дочери в то время было всего две недели.

Николай Кузьмич знал, что в этот день его арестуют. Утром мы только склонились на колени для молитвы, подъехала машина. Обратившись к детям, Николай Кузьмич сказал: *«Дети, знайте, что ваш папа не преступник. Меня забирают в тюрьму за то, что верую в Бога»*. Затем он попрощался с каждым. Помню, как он, смахивая слезы, долго смотрел на младшую дочурку.

Мужа подвели к машине, там уже сидел его брат, Василий Кузьмич. Через два дня их отправили в Славгородскую тюрьму.

25 декабря состоялся суд. Было очень много «свидете-

лей», из уст которых лилась клевета и ложь. Николая Кузьмича осудили на три года лишения свободы, а детей по ходатайству райисполкома решили поместить в интернат, лишив нас родительских прав.

После суда арестованным братьям дали свидание, а Николаю Кузьмичу не дали, потому что он был сильно избит. «Вам дадут свидание в Славгороде!» — сказали в администрации тюрьмы. Через несколько дней, когда узников везли в Славгород, братья вели мужа к машине под руки.

«Мы узнали, что в тюрьму привезли баптистов и один из них (Николай Кузьмич) не принимал пищу. Мы решили выбить из него эту дурь!» — рассказывал позже сотрудник милиции.

5 января я поехала в Славгород узнать о муже, о братьях. Был сильный буран, я с двухмесячной крошкой с трудом добралась к тюрьме.

— Вы к кому? — спросил надзиратель.

— К Николаю Хмаре.

— Подождите. Кого-то уже увезли в Барнаул. Сейчас узнаю.

Ждать пришлось долго.

— Вашего мужа увезли в Барнаул,— наконец сообщили мне.

— Когда?

— Позавчера.

— В каком состоянии?

— В неважном. К поезду несли на носилках.

Я вернулась с ребенком домой и хотела сразу же ехать в Барнаул, но сильный буран задержал нас на несколько дней.

На улице вьюга, дороги безлюдные. Но вдруг открывается дверь, вошел родной брат мужа с женой. После напряженной паузы брат сказал:

— Маша, «кто любит отца или мать, или мужа более, нежели Господа, не достоин Его!» — говорит Христос.

Лицо брата было печально.

— Володя, что ты хочешь этим сказать? С Николаем что-то случилось? Умер он?

— Да, Маша, Николая уже нет на земле...

Дети ушли в другую комнату и зарыдали. Я опустилась на колени и могла сказать только несколько слов: «Господи, дай терпение все перенести...»

9 января Николай Кузьмич умер. Телеграмму нам принесли 11 января.

Мужа решили хоронить в Барнауле — там больше верующих, лучше для свидетельства о Господе. В этот же день брат Володя с женой и еще один брат, я и мои дети уехали в Барнаул. Утром нас встретили друзья. Был воскресный день, мы побыли на богослужениях — Господь утешал наши сердца.

В понедельник утром несколько братьев и сестер поехали в тюрьму за телом Николая Кузьмича. И только в 18 часов закрытый гроб привезли в дом Дмитрия Васильевича Минякова. Братья решили гроб открыть и, увидев тело, ужаснулись. Следы побоев и пыток были очень явными.

С 9 по 16 января шли богослужения, похороны откладывались. Друзья пытались отправить ходатайственную телеграмму в Москву. На почте долго отказывались ее принять, но потом согласились.

Меня вызвал прокурор. Больше часа я добиралась к нему с ребенком. Было очень холодно.

— Кто вы такая? — встретил неприветливо прокурор.

— Вдова Николая Хмары.

— Почему не хороните? Если через два часа не похороните, тело заберем.

(Вскоре этот прокурор умер.)

На следующий день братья решили совершить похороны. Было очень много верующих. Процессия шла по улицам. Останавливались, проповедовали, рассказывали стихотворения. Сопровождающие милицейские машины уехали только тогда, когда гроб с телом опустили в могилу.

Через три дня я с детьми возвратилась в Кулунду. В дом пожаловала комиссия: несколько мужчин и женщин.

— Мария Ивановна, вы знаете что вас лишили родительских прав? Детей нужно определять в интернат!

— Я позавчера похоронила мужа, дети расстались с отцом, и вы пришли ко мне разлучить меня с детьми?! Вы не боитесь греха?

— Скажите только одно слово отречения от Бога, и дети останутся с вами. Будьте благоразумны, вы можете и детей лишиться... — уговаривали жестокие люди.

— Ни одного слова вы от меня не услышите,— только это и могла я произнести.

— Мария, ты подумай хорошо!

— Если Господь не допустит, вы не коснетесь моих детей.

После ухода комиссии меня вызывали в милицию, к следователю, в школу. Время шло, дети оставались со мной,

а злобно настроенные люди возмущались: «Почему у нее не отбирают детей?!»

Весть о мученической смерти Николая Кузьмича распространилась широко. Дети Божьи единодушно ходатайствовали о моей семье. Из центральных органов пришло указание оставить мою семью в покое.

Поскольку убийство мужа приняло широкую огласку, начались расследования. Меня опять вызвали к прокурору.

«Вы люди мирные, в суд на убийцу не подаете, а партия таких судит...»

Позже в Славгороде судили начальника тюрьмы и его заместителя. Их исключили из партии и сняли с работы. Суд для меня был тяжелым. Я узнала некоторые подробности избиений и смерти мужа. Сопровождающий мужа охранник говорил, что на пути в Барнаул (его долго везли на машине) Николай Кузьмич всего один раз приходил в сознание.

Медработник Барнаульской тюрьмы рассказывала, что, придя в 9 часов на работу, она увидела мужчину, лежащего на полу в коридоре без признаков жизни. Растопили тюремную баню, разогрели его, сделали несколько уколов. Николай Кузьмич приходил в сознание, но 9 января умер.

Когда мужа избивали, то надзиратели говорили: «Субботин затянул Хмару к баптистам и его еще можно выручить из этой секты».

Но Николай остался верным Господу. Его совсем малый опыт веры (всего четыре месяца, как Николай Кузьмич заключил завет с Господом!) был причиной жестокости гонителей.

Господь послал мне силы перенести эти скорби. Внутренне я была готова, что и детей отнимут, и квартиру,— согласилась на все.

(Какое это важное слово — все! Все — ради Христа! Бедная вдова, о которой сказал Христос, отдала все, что имела, в храм Господень. Богатому юноше Христос сказал: «Пойди, все, что имеешь, продай». Ученики Христа сказали: «Мы оставили все и последовали за Тобой». Невозможно без этого ВСЕ быть достойным Христа.)

Вскоре после этих тяжелых событий в поселке организовали сходку, чтобы вынести решение отобрать у баптистов 11 детей. (В семье Субботина — пятерых, у Василия Хмары — троих, у Николая Хмары — троих.)

«И четвертого забрать!» — кричали в толпе. — Это о моей грудной девочке. Потом все же решили «помиловать» — только троих детей отнять.

Сходка закончилась, а я каждый день ждала, что меня разлучат с детьми.

Дочь Надя (первоклассница) каждое утро со слезами говорила: «Мама, я не хочу идти в школу, меня заберут в интернат...»

«Ну и что, Надя, адрес знаем, напишем маме, и она приедет к нам»,— утешали ее братишки (10 и 12 лет). Соглашались тоже на все! Я слушала детей, и слезы лились ручьем. Они и меня утешали: «Не плачьте, мама! Мы сразу напишем, и вы приедете!» Но Господь не допустил этого насилия, хотя переживания были продолжительными.

Все страдания, выпавшие на мою долю, я принимала как от Господа.

Неверующие родственники спрашивали:

— Ну что, Мария, потеряла Николая, сейчас и детей заберут. Не колеблется твоя вера?

— Нисколько,— отвечала. — Я хочу быть там, где Николай — у Христа.

— Откуда такая твердость? — удивлялись родственники.

— Это не мои силы. Господь допускает страдания, Он и дает сил все перенести.

«Что говорит Господь о смерти святых Его? Не мрак исходит из их могил. Не в скорбь отошли они — в радость! Господь говорит о них: блаженны! В их жизни проявлялась Его сила, Его любовь к Своему народу, Его верность в обетованиях. А посему их смерть — Божья слава!

Верные слуги Господа, они оставили нам благословенный пример жертвенной жизни, глубокого упования и любви к Господу. Все они могли бы стать на путь сделок со грехом и жить беспечной жизнью. Но это была бы духовная смерть и ожидание суда Божьего. Это был бы конец их духовной жизни. Они это отвергли и избрали путь правды, путь узкий и тернистый, но ведущий в жизнь вечную! Такой ценой строилось их служение и совершалось восхождение. Так совершается оно и поныне всеми верными чадами Божьими».

Первые шаги навстречу Богу братьев Хмара

«Нас было четверо братьев,— рассказывает Петр Кузьмич Хмара (брат Николая Кузьмича, убитого за Слово Божье). — На один из православных праздников мы собрались вместе, не обошлось без вина. Один из нас предложил:

"Давайте почитаем Библию". (Библия досталась нам от очень набожной православной матери.) Все согласились, начали читать, а объяснить некому. Тогда решили записывать возникающие при чтении вопросы. Получилось два листа.

Жена замученного за веру в Господа Н. К. Хмары — Мария Ивановна.

Кто-то сказал, что на пилораме работает верующий, который хорошо поясняет Библию. Братья без меня раза два ходили к нему, а на третий раз и я пошел. Встретил нас молодой человек лет 25. Задали ему первый вопрос — он ответил, и так — второй, третий... Чувствовали сердцем, что ответы правильные, сильные, все понятно и доступно. Так мы начали приближаться к Богу, и вскоре я, Владимир и Василий обратились к Господу. Николай покаялся позже».

«Будете иметь скорбь»

Церковь в условиях гонений росла и развивалась. В 1963 году в общине был праздник рукоположения. Брат старец Жиров, служитель Славгородской общины, благословлял братьев Ф. И. Субботина и Д. А. Пивнева на служение в гонимой церкви.

Церковь утверждалась на узком пути, умножалась и укреплялась. Однако усилились и гонения. В этом же 1963 году были арестованы братья Ф. И. Субботин, В. К. Хмара и 4 месяца назад принявший водное крещение Н. К. Хмара.

Суд проходил в поселковом клубе. Уста «свидетелей» извергали поток клеветы и лжи. Различие речей, произнесенных на суде, было лишь в том, насколько ужасней оратор нарисует портрет сектантов-баптистов и кто потребует более жестокую меру наказания. А толпа? — Толпа кипела от возмущения и негодования, требовала возмездия «опасным элементам общества»!

Господь же небесным утешением успокаивал Своих, правых сердцем, свидетелей.

Пресвитер церкви Ф. И. Субботин был осужден на 5 лет, а братья Василий и Николай Хмара были приговорены к трем годам лишения свободы.

Дополнил число убиенных

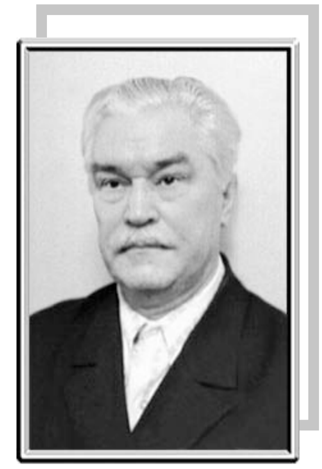
Через два месяца пришло печальное сообщение — Николай Хмара умер в Барнаульской тюрьме. Оставаясь верным Господу, брат не дрогнул перед пытками, истязаниями, смертью. С глубокой скорбью народ Божий прощался с верным, мужественным свидетелем Христовым — Николаем Кузьмичем Хмарой. Еще один мученик за Слово Божье дополнил число убиенных христиан.

Нет, это не поражение церкви, это ее победа! Кровь мучеников, как живительная влага, способствует росту Церкви. Сколько тысяч верующих вдохновились подвигом веры страдальца Христова и пошли на духовную брань с ложью и злом, с духами злобы поднебесными!

После смерти брата Хмары гонения на Кулундинскую церковь несколько ослабли. Ходатайства верующих всей страны и из-за рубежа не позволили гонителям расправиться с общиной. Были освобождены братья Ф. И. Субботин и В. К. Хмара. Угрозы отнять детей в этих семьях узников не осуществились. Дети Божьи, вдохновленные твердостью мученика и его подвигом, шли дальше путем верности Господу.

ХРАПОВ
Николай Петрович

1914—1982

...Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.
Марк. 8, 35.

Возлюбленные братья и сестры! Вряд ли чье сердце не опечалилось вестью о том, что 6 ноября 1982 года, на 69 году жизни в столь необычных условиях, отошел в вечность член Совета церквей ЕХБ — Николай Петрович ХРАПОВ.

Бог благоволил взять его к Себе с узнического одра, как из горнила страдания. Его смерть в лагере Мангышлака стала еще одним ярким свидетельством верности делу Христа, за которое он так много перенес гонений.

Будучи совершенно неповинным перед законом, Николай Петрович провел почти 30 лет в лишениях и неволе за то, что проповедовал истину Божью и стремился жить по учению Иисуса Христа. Такой срок явился для него, по существу, смертным приговором, растянутым на десятилетия.

Не всем братьям и сестрам приходилось встречаться с Николаем Петровичем лицом к лицу, поскольку годы его заточения были настолько впрессованы в жизнь, что мало оставляли времени для труда на свободе. Но он хорошо известен всему нашему братству литературными произведениями и особенно своими биографическими книгами: «Счастье потерянной жизни». А книгам этим было из чего взяться.

«Лютая буря...» Она не смолкала в его жизни. Била в лицо снежной метелью Колымы, песчаной вьюгой Бухары и Мангышлака. В грозный час жизни, в изнеможении, кажется, можно было и не устоять, повернуть назад, отказаться от прямого пути. — Бог давал сил выстоять!

Но так был уплотнен во времени гнет преследований, так

непрерывен вой лютой бури, что и при всей решительной покорности Богу из его истомленной груди иногда вырывался стон: «Хватит, уймись хоть на долю минут!..» Но благодарение Богу, каждый такой вздох, по примеру Небесного Учителя, Николай Петрович заканчивал молением: «Господи! Не моя воля, но Твоя да будет!»

Много пришлось пережить Николаю Петровичу: утрату отца, жизнь которого оборвалась вдали от семьи, в заключении; голод, нужду, узы, чередующиеся короткими передышками на свободе.

И вот последний, пятый арест — 3 марта 1980 года. Этого удара не вынесла жена Николая Петровича — Елизавета Андреевна, перенесшая с ним много лишений,— и отошла в вечность спустя полтора месяца после ареста мужа.

Для Николая Петровича утрата жены легла дополнительным бременем. Ноша, пронесенная через десятки лет, стала давить непомерным грузом. Бывает, что в конце пути, когда уже так много пережито, даже маленькая капля может оказаться тяжелей того бремени, которое в первые годы следования за Господом переносится бодро и с радостью. И если духовные силы, укрепленные Господом, не покидали Николая Петровича и он с упованием на Бога переносил все посылаемое Им, то физические — таяли с каждым днем.

Оставшимся без матери детям так необходимы были свидания с отцом! Да и для Николая Петровича встреча с ними стала единственной возможностью узнать что-либо о семье, о церкви. Но приехавшим в лагерь к нему дочерям — свидания не дали, и, как оказалось впоследствии, всего за несколько часов до его кончины. Едва вернувшись домой после тщетных попыток добиться свидания, дети получили телеграмму из лагеря: «Ваш отец, Храпов Николай Петрович, скончался 6 ноября».

Гроб с телом позволили доставить домой. Официальная справка предписывала: «Захоронение производить без вскрытия гроба». В ней же о причине смерти сказано: «Хроническая сердечно-сосудистая недостаточность». А что за этим — знает один Бог.

Похороны Николая Петровича состоялись в Ташкенте при многолюдном стечении родных и друзей из разных городов страны и под наблюдением многочисленных сотрудников в штатском и милиции.

Проводить в последний путь дорогого брата не смогли многие его соработники — члены Совета церквей,— потому что почти весь состав Совета находился в узах.

Каковы же были взгляды Николая Петровича? К чему он звал народ Божий, молодежь? Просто ли радоваться, петь, устраивать пышные торжества, стоя вдали от тревожных испытаний, выпавших на долю соблюдающих заповеди Божьи? Последовав призыву своего Спасителя, он и других звал не к бездейственному обрядоверию, а к деятельной отдаче самих себя на служение Богу, а если нужно — и на страдания, в победу над грехом, во славу Христову! Об этом говорят его стихи:

«Вперед, не робея, на смену идите
Усталым борцам! Не страшитесь креста!..»

Он знал, что предлежащий путь жизни в условиях атеистического абсолютизма — это путь крестных страданий, свободу от которых можно обрести только ценой практического отречения от Иисуса Христа.

Он звал не к той, чисто эмоциональной любви, которая не хочет терпеть издержек благочестия (2 Тим. 3, 12), но к любви, влекущей к сораспятию со Христом, к состраданию страждущим, к радостной жертвенности. Где подлинная любовь ко Христу — там и крест. Эта истина, исходящая из самой сути Евангелия, была осознана им в многолетнем опыте жизни. Вспомним слова Николая Петровича:

«Без креста невозможно обнять Христа,
Без креста невозможно понять Христа...»

В памяти нашей этот воин Божий останется таким, каким мы знали его по долгим годам подвергнутой испытаниям жизни. При всех жизненных невзгодах Николай Петрович всегда желал оставаться в надежных руках Спасителя и на склоне лет вручал Ему свою жизнь так же, как и в молодые годы. Он «потерял» ради Господа свою душу, щедро расточил ее, посвятив все свои силы делу проповеди Евангелия, потому и сберег ее для Царства Небесного.

Теперь для Николая Петровича тюрьма — позади, гонения — позади, искушения — позади! Кончилась власть притеснений и лишений. Для дорогого брата в небесах теперь отрыто вечное свидание и с отцом, и с любящей женой, да и со всеми святыми, которые уже перешли к тем берегам. А главное, он узрит Того, кто пролил за него Свою святую Кровь и Кому он так преданно старался служить (2 Тим. 2, 12).

Автобиография Н. П. Храпова

Родители мои выходцы из православия, но впоследствии, уверовав, отец принял крещение в братстве баптистов г. Москвы в 1921 году. Почти одновременно с ним обратилась

к Господу и моя мать и присоединилась к Коломенской общине, которая была основана в 1922 году. В ней отец нес служение благовестника.

Я родился 17 марта 1914 года в г. Коломне Московской губернии, и мое духовное воспитание проходило в баптистской семье и в общине баптистов. Первое мое осознанное раскаяние пред Господом было в девятилетнем возрасте, ночью.

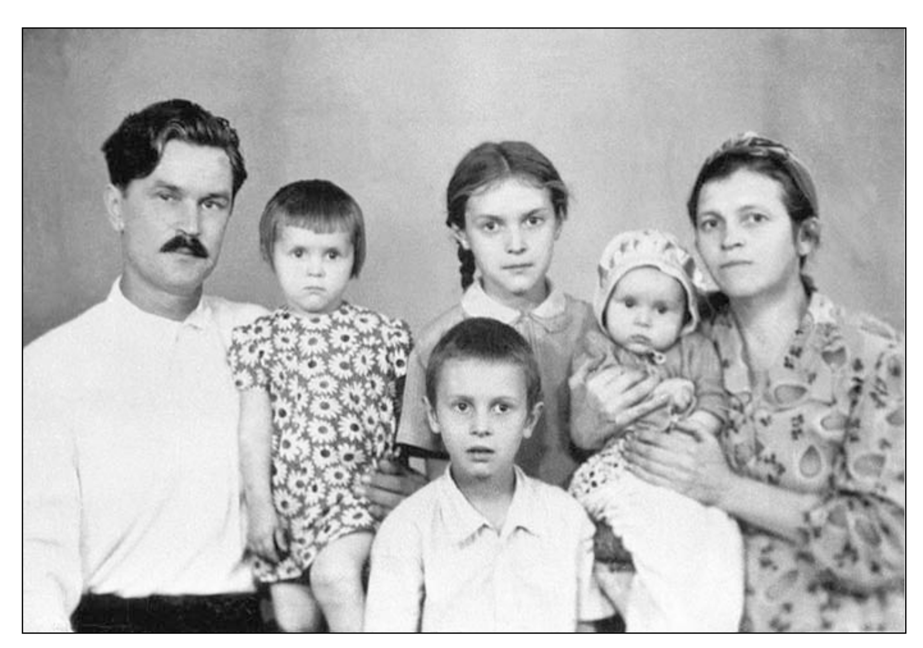
За распространение евангельского учения отец (а вместе с ним и вся семья) перенес много страданий. Без суда, по особому совещанию НКВД, он был сослан на Север в распоряжение Управления Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН), а в 1937 году после 8-летних общих лишений, находясь на нелегальном положении, был арестован вновь и, едва достигнув 50 лет, отошел в вечность, так и не увидев свободы. Один Бог только знает последний час его на земле и могилу, где он похоронен.

Еще в 1929 году, когда отец был сослан, я 15-летним мальчиком вынужден был оставить разоренное родительское гнездо и искать средств к существованию.

Находясь в разлуке с семьей и церковью, я из религиозного подростка превратился в юношу безбожника, но встреча с отцом и другими изгнанниками-христианами произвела на меня потрясающее впечатление. В конце января 1935 г. я глубоко раскаялся пред Господом и получил прощение от Него. В моем сердце загорелось желание свидетельствовать другим об имени Божьем. Мне было тогда 20 лет.

К тому времени, работая на машиностроительном заводе в г. Коломне в числе инженерно-технических работников, я в вечернее время занимался на третьем курсе подготовительного рабочего факультета при Московском Государственном университете. Но Бог решил иначе! 10 февраля 1935 года органами НКВД я был арестован. Единственная моя «вина» состояла в том, что две недели назад я покаялся пред Господом и не скрывал этого пред людьми. По постановлению НКВД Московской области я был лишен свободы сроком на 5 лет и отправлен на Крайний Север. Много ужасов пришлось пережить за это время, но и в тех условиях Господь давал сил свидетельствовать о Христе, приобретая души для Него.

По истечении 5-летнего срока в 1940 г. я был закреплен на жительство там же, на Крайнем Севере, «до особого распоряжения». Это «особое распоряжение» продлилось еще более 7 лет. Однако Бог был со мной в эти суровые годы

Семья Н. П. Храпова в годы короткого пребывания его на свободе.

и явил много Своих милостей. Там, спустя 10 лет после моего покаяния, в ноябре 1945 года в ясный морозный день я вступил в завет с Господом в ледяных водах реки Детрин (приток Колымы).

По персональному ходатайству местной администрации мне было разрешено выехать в центральные районы страны, чтобы жениться и привезти жену на место моего закрепления. Разделить мои скитания на Крайнем Севере отозвалась девушка-христианка с крайнего юга страны — Елизавета Андреевна, дочь пресвитера церкви. 3 марта 1946 г. в городе Ташкенте состоялось наше бракосочетание.

Бог благословил наше совместное пребывание на Севере. За короткое время там образовалась группа, человек около 10, из обращенных к Господу душ.

В 1947 г. нам было разрешено покинуть Крайний Север и мы переехали на жительство в Ташкент, предоставив группу оставшихся возрожденных христиан благодати Божьей.

Переселившись в Ташкент и ближе познакомившись с жизнью общин, я увидел в каком печальном состоянии находилось братство евангельских христиан-баптистов. Кажущаяся относительная свобода вероисповедания таила в себе

Н. П. Храпов проповедует в Ташкентской церкви.

скрытые греховные обстоятельства, и сердце сжималось от боли при виде тех отступлений, которые внедрялись по общинам работниками ВСЕХБ и как яд распространялись повсеместно. Среди служителей Ташкентской общины, которые руководствовались в своем служении указаниями атеистов и допускали одно отступление от истины за другим, я не нашел себе единомышленников и, не желая идти на компромисс с совестью, не мог присоединиться к официально действующей общине. Вместе со всем домом своим я посвятил себя делу благовестия, и Господь благословлял наш труд. Вскоре в кругу друзей, свободных от отступлений, я был рукоположен старцем А. И. Чекашкиным на дело благовестия и с помощью Господа совершал его около 3-х лет.

И вот новое испытание. Меня и еще одного брата и сестру в октябре 1950 г. арестовали и осудили на 25 лет с последующим лишением права голосования на 5 лет. Не имея никаких причин для ареста, органы МГБ возвели на нас вымышленные обвинения в антисоветской пропаганде. Казалось, что это незаслуженное обвинение и сам срок — 25 лет — должны бы сломить наше стремление верно служить Господу. Но Бог давал мужества и силы перенести и это испытание, а сердце наполняла ободряющая вера в наше скорое освобождение.

Отбывая заключение в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, я испытал много благословений Божьих. Наша узническая церковь достигала 15—16 членов, и незабвенными останутся в памяти лица братьев, с кем приходилось разделять тяжесть уз, и те благословенные минуты, когда обращались к Господу души из заключенных. Из 25-летнего срока я пробыл в заключении только 5 лет и 6 месяцев. В апреле 1956 г. вместе со многими братьями и сестрами я был освобожден, а осенью того же года — реабилитирован.

Летом 1957 г. по просьбам верующих и утвердившись перед Богом, я со всей семьей выехал для служения среди марийского народа (черемисы), где прожил более года, участвуя в деле евангельского пробуждения.

Осенью 1958 г. я с семьей возвратился в Ташкент. До 1961 г. совершал служение по разным городам страны, участвуя как в деле домостроительства, так и в деле пробуждения общин.

В 1961 г., 18 марта, я вновь был арестован за распространение евангельского учения. Суд извратил смысл моей религиозной деятельности и приговорил меня по политической статье к заключению в спецлагерь на 7 лет. Лагерь, в котором я находился в течение 3-х лет, расположен на территории Мордовской АССР (ст. Потьма) и содержал в себе в то время более 600 заключенных исключительно верующих людей различного вероисповедания.

Народ Божий прощается со служителем Совета церквей и многолетним узником за дело Христово — Н. П. Храповым, перешедшим в бессмертие.

По истечении 3-х лет дело мое было пересмотрено прокуратурой СССР, политические обвинения сняты и я был освобожден.

По освобождении из заключения в 1964 г. я узнал, что тысячи христиан отделились от религиозного союза ВСЕХБ и объединились под служением Оргкомитета, который вскоре был переименован в Совет церквей ЕХБ. Возвратившись в Ташкент, я без колебания присоединился к пробужденному братству, объединенному служением СЦ ЕХБ.

Ташкентская община единодушно вверила мне служение пресвитера церкви. Одновременно с этим на расширенном совещании служителей общин СЦ ЕХБ по югу Средней Азии меня избрали руководителем совета этого объединения. При Господнем содействии я совершал вверенное мне служение, но за это в 1966 г. был арестован органами КГБ в четвертый раз и осужден к 5 годам заключения, которые отбыл полностью.

Освободившись в 1971 г. я вновь возвратился к служению, которое нес до момента ареста, а летом 1971 г. был избран членом Совета церквей ЕХБ.

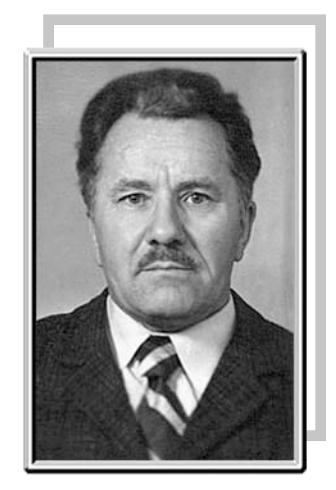
В ноябре 1972 г. по настоянию КГБ я был уволен с работы — и все мои попытки устроиться в другом месте оказались безрезультатными. По причине преследования со стороны органов КГБ я вынужден был уйти на нелегальное положение и в течение 3-х лет не мог открыто жить в семье.

Испытав в своей жизни скорби и лишения за имя Господа, в моей душе и сегодня горит одно желание: до конца дней своих сердцем и неуклонно следовать за Иисусом и свято и богоугодно совершать служение в Доме Божьем на том месте, на котором поставил меня Господь.

АРТЮЩЕНКО
Борис Тимофеевич

1920—1984

(Автобиография)

Борис Тимофеевич АРТЮЩЕНКО, служитель Курской общины СЦ ЕХБ, а в последние годы и благовестник Совета церквей, был арестован (в четвертый раз) 28 августа 1984 г. А всего через три месяца после ареста скончался на операционном столе Курской тюремной больницы, когда приступили удалять ему прободную язву. Оказали бы вовремя ему соответствующую медицинскую помощь,– возможно, он был бы жив. Но этого не произошло. И что же скажем? Мы глубоко верим, что в этом, хотя и прискорбном для нас событии, несомненно сокрыт чудный план Божий, который во всей благости и красоте вполне откроется лишь в вечности.

Жизнь Бориса Тимофеевича была перенасыщена скорбями. Еще в 1961 г. начался его первый узнический путь. А произошло это после того, как Борис Тимофеевич отказался от предложенного ему работниками ВСЕХБ отступления от прямого пути Господнего. Заместитель Генерального секретаря ВСЕХБ Артур Иосифович МИЦКЕВИЧ, приехав в Курск, предложил ему пост старшего пресвитера по Курской области и при этом заявил: «Для этого надо сблизиться с работниками госбезопасности». И привел целый ряд практических примеров из жизни служителей, работающих в тесном сотрудничестве с соответствующими органами.

Этот разговор состоялся в 12 часов ночи в гостинице Курска, куда А. И. МИЦКЕВИЧ пригласил Бориса Тимофеевича для беседы.

Наш дорогой брат отказался от такого сотрудничества с внешними, и это стало поворотным моментом во всей его последующей жизни. Это был сознательный выбор пути, хотя узкого и тернистого, но пути спасения, заповеданного Самим Господом Иисусом Христом.

Через некоторое время Борис Тимофеевич был арестован. Потом последовали вторые узы, уже в рядах пробужденного братства. Затем третьи... Ему пришлось пережить ужасы психиатрической больницы... И вот четвертый срок. Не пробыв в тюрьме и трех недель после суда, приговорившего его к трем годам лагерей строгого режима, Борис Тимофеевич почил в Господе 7 декабря 1984 г. в 64-летнем возрасте.

Отрадно было слышать и видеть дорогого служителя на этом суде, когда он с сияющим лицом говорил в последнем слове:

«Сегодня я стою перед судом за имя Христа, за свидетельство о Нем.

Я самый счастливый человек на земле! Душа моя преисполнена радости при мысли о том, что я страдаю за веру евангельскую!»

Это святое выражение радости было не мимолетным наплывом чувств. Еще на свободе, за неделю до ареста, обращаясь к юным душам на молодежном общении, он говорил: «Дорогие друзья! У нас есть непобедимое оружие, о котором говорит Сам Господь: ГОТОВНОСТЬ СТРАДАТЬ И УМИРАТЬ ЗА ХРИСТА! Против этого оружия бессилен враг со всей своей ратью!.. Умереть с радостью – вот что хочет от нас Господь. Чтобы мы радовались не только в благоприятных условиях, в труде нашем, но радовались и в страданиях за имя Христово! Радовались тогда, когда будем уходить из этого мира через смерть, перед лицом которой трепещет каждый, весь мир дрожит! А нам, христианам, Господь дал победную песнь бессмертия: перейти от смерти в жизнь, ко Христу!» И этот гимн хвалы, начатый дорогим братом еще здесь на земле, будет продолжен им во веки вечные на небесах!

Родители мои проживали в сельской местности Волчанского района Харьковской обл. Отец уверовал в 1914 году от одного старца, проживавшего в той же местности, к которому часто ходил по вечерам и совместно читали Евангелие, вели духовные беседы и молились. Вскоре к ним присоединилась и моя мать, обратившись с искренним покаянием к Богу.

Однако принять крещение по вере они не могли, так как вскоре началась первая мировая война, а затем и гражданская. К концу 1919 г., когда возвратился с фронта уверовавший там старший брат отца, они вместе начали вести духовную работу по пробуждению родственников и односельчан. Их ревностный посев дал свои всходы. Три семьи отдались Господу на служение: семья моего отца и семьи двух его старших братьев, а затем к ним присоединилось несколько душ из односельчан. Так образовалась церковь. Были приглашены служители из Харькова, которые совершили крещение и избрали служителей. Мой отец был избран дьяконом церкви, его старший брат — пресвитером, а дом среднего брата был посвящен для богослужебных собраний.

Я родился 1 мая 1920 г. Мое возрастание и духовное воспитание проходило в сплоченной духовной общине, в особенно яркий период пробуждения и духовного подъема, когда свобода вероисповедания и благовестия Евангелия не были еще так ограничены.

Дом отца был всегда открыт для приезжавших служителей: пресвитеров, благовестников, проповедников, хористов. Будучи впечатлительным, я жадно впитывал все, что видел и слышал от известных в то время служителей Украинского союза баптистов.

Впоследствии мой отец стал руководителем хора и проводил духовные занятия с молодежью и детьми.

Однако недолго длилось время свободы. Все чаще стали вызывать для бесед моего отца и дядю (пресвитера церкви) местные власти и приезжавшие из высших инстанций, ища предлог для обвинений. Наконец, им удалось воздействовать на 16-летнего юношу, жившего по соседству с нами, который не устоял, отрекся от Бога и дал ложные показания на служителей церкви. Вскоре после этого, в конце 1929 г., были арестованы пресвитер, дьякон (мой отец) и проповедник. Верующим было запрещено проводить собрания до окончания следствия по делу арестованных братьев.

Шесть месяцев велось следствие, и ввиду того, что никаких обоснованных обвинений не было, всем обвиняемым предложили выехать с семьями за пределы Украины, избрав по своему усмотрению место постоянного жительства. Наша семья переехала в январе 1931 г. в город Курск. Но и там она находилась под надзором и должна была ежемесячно являться в комендатуру для отметки.

Богослужения в Курске проводились еще несколько лет (примерно, года 3—4). Затем и там были арестованы служители и ревностные проповедники, а собрания запрещены. Некоторое время верующие продолжали собираться группами по домам. Но вскоре началось предательство и общения прекратились.

Много трудностей и скорбей пришлось пережить нашей семье в те годы. На приобретение дома в Курске средств не было. Семья состояла из 8 человек, работал один отец, зарабатывал мало. Скитались по частным квартирам, в тесноте, в лишениях, недоедании. От истощения и болезни умерли мои дедушка, бабушка, старший брат. Я сам лежал в постели в критическом состоянии. Но Бог помиловал меня.

Окончив в Курске 7-летнюю школу, я уехал в Ленинград, где поступил в индустриальный техникум, который окончил в 1940 году, получив диплом техника-технолога силикатной промышленности. На работу направили в Челябинскую область. Но проработать пришлось всего полгода. По просьбе родителей мне дали расчет и я возвратился в Курск, чтобы взять семью на обеспечение. Отец заболел, потерял трудоспособность, перешел на инвалидность. Но и в Курске не пришлось долго работать. Через два месяца началась война и я был мобилизован в армию.

Уверовал я и принял крещение 28 июня 1942 года.

После демобилизации из армии, возвратился в Курск и был принят в члены Курской церкви ЕХБ в конце 1945 года.

Уже тогда было заметно, как нарушался принцип евангельского учения в общинах вновь созданного союза евангельских христиан-баптистов, с чем я никак не мог согласиться. В последующие годы я старался разъяснять членам церкви об отступлении служителей и старших пресвитеров официального союза ЕХБ от пути истины Христовой. И надо сказать, что большинство членов церкви понимали это, но боялись поступать вопреки установленному порядку. Поэтому нам, небольшой группе братьев и сестер, Бог дал дерзновение взять на себя ответственность перед церковью противостать отступлению. Старшему пресвитеру Шавырину Ивану Денисовичу теперь уже не так легко было проводить в нашей церкви антиевангельские принципы служения, поэтому он отменил членские собрания и стал решать все вопросы на двадцатке. Причем состав двадцатки подобрал исключительно из своих единомышленников. Тем же, кто не поддерживал его, заявил: «Кто вы, что будете мне указывать как мне поступать?! Меня поставил ВСЕХБ и утвердило Министерство (то есть Совет по делам религиозных культов), и я имею все права».

Вскоре, не выдержав ограничения своей власти в нашей церкви, старший пресвитер пошел на крайность: вызвал на членское собрание уполномоченного по делам религиозных культов В. И. Отцовского. Уполномоченный зашел на кафедру и властно заявил: «В вашей среде есть группа, действующая против установленных советских законов и препятствующая деятельности поставленных служителей. Эта группа поставила под угрозу дальнейшее проведение ваших богослужебных собраний. Приказываю вывести таковых из церковных органов и отстранить их от проповеди. Старшему пресвитеру поручаю действовать решительно и навести соответствующий законный порядок в церкви».

Уполномоченному начали задавать вопросы, но он, никого не слушая, поспешно покинул собрание. Все члены церкви и даже служители были растеряны и в недоумении. Как выяснилось позже, старший пресвитер, приглашая уполномоченного, ни с кем из служителей поместной церкви этот вопрос не согласовал и никого не поставил в известность. Теперь даже те, которые раньше поддерживали его,

увидели до какого печального состояния доведено дело. Дальше уже нельзя было терпеть такого пресвитера. Это поняла вся церковь, понял и президиум ВСЕХБ, получивший об этом уведомление.

Вскоре для решения этого вопроса на членское собрание прибыл Артур Иосифович Мицкевич. После членского собрания он подошел ко мне и пригласил в гостиницу для беседы в 12 часов ночи.

Здесь, в отдельном номере гостиницы, Мицкевич сообщил о том, что решением президиума ВСЕХБ старший пресвитер по Курской области отстранен от служения и что вопрос стоит о кандидате на его место. При этом он передал положительное мнение президиума обо мне лично и что президиум не возражает утвердить меня на это служение при моем согласии. Он также сообщил, что органы власти желают, чтобы на этом служении был человек из местных жителей, грамотный, знающий людей и чтобы люди знали его. Далее он сказал: «По всем данным вы подходите для такого дела». Когда же я спросил, какие ставятся условия для исполнения такого служения (потому что уже видел деяния старшего пресвитера), он ответил:

«Нам нужны люди, которые правильно понимают взаимоотношения церкви с органами власти и могут умело сочетать их для пользы дела. Для этого надо сблизиться с работниками госбезопасности. Там люди способные, которые могут нам помочь, подсказать, научить. Ими нельзя пренебрегать».

Затем он привел целый ряд практических примеров из жизни служителей, работающих в тесном сотрудничестве с соответствующими органами.

Выслушав это, я пришел в большое изумление. Никогда не мог я представить себе ничего подобного! Какие красивые по внешности сосуды и в таком низком употреблении! Теперь я понял: что высоко у людей, то низко перед Богом. Конечно, посвящая меня в эти тайны их служения, Мицкевич не ожидал, что я не дам согласия быть соучастником таких страшных дел. Услышав мой отказ, он сказал: «Значит, ты еще не дорос». А я ответил: «До этого и не хочу расти».

Вот теперь мы узнали, что между нами нет ничего общего. На прощанье он сказал, что нам пришлют из Ленинграда Сорокина Максима Ивановича (помощника Орлова), который будет старшим пресвитером по Курской области. С тех пор я больше с Мицкевичем не встречался.

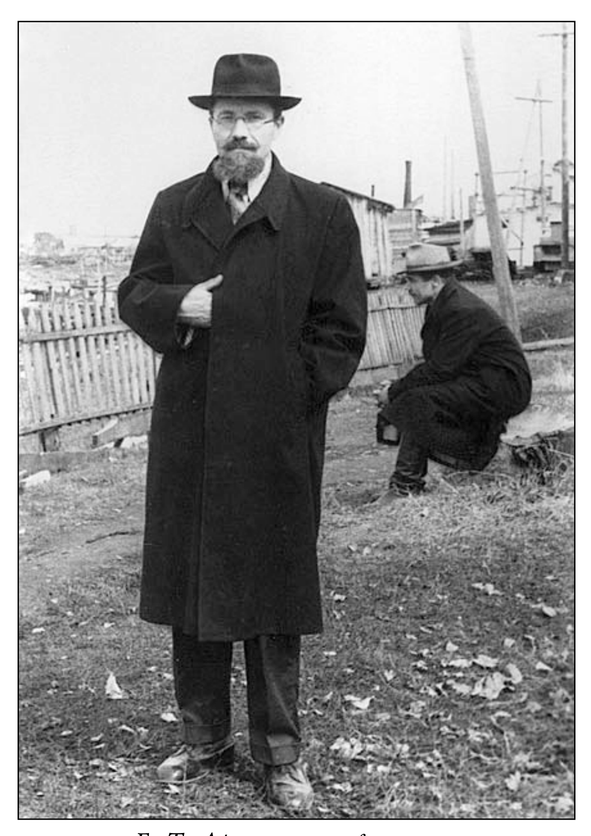
После беседы с ним мы собрались с братьями и я подробно рассказал им все, о чем узнал в этой беседе. Мы решили ожидать приезда нового старшего пресвитера и посмотреть, как он будет действовать.

Когда приехал Сорокин, то, собрав нас, братьев, сказал: «Братья, я думаю, что мы дружно будем трудиться, потому что я тоже много потерпел от Орлова, как и вы от Шавырина. Да что ваш Шавырин по сравнению с Орловым! Он подобно дракону действует в церкви Ленинграда!»

Однако вскоре новый старший пресвитер обнаружил себя как недостойный служитель. Он был из тех же сотрудничающих с внешними, о которых рассказывал Мицкевич. На словах он не одобрял действий Орлова,— на деле проводил в церковной жизни ту же линию антиевангельского служения. Поэтому Господь дал нам дерзновение обратиться к церкви с призывом осудить действия служителей, вступивших в сотрудничество с атеистами, и отделиться от них для самостоятельного служения Господу по Слову Его. Около 40 человек отозвались на наш призыв, и с 1960 года мы стали проводить служение отдельно. Внешние не сразу отреагировали на наш выход из ВСЕХБ. Однако, когда мы провели разъяснительную работу по всем церквам области и нашему примеру последовали еще две церкви вместе со своими служителями, а многие стали сочувствовать и поддерживать нас,— тогда море взволновалось. Нам стали угрожать, посещать наши богослужения, фотографировать, помещая о нас клеветнические материалы в газетах, в передачах по радио, в лекциях на производствах, в карикатурах на площадях города; многих стали притеснять на работе, а некоторых уволили.

Был уволен и я и в течение 8 месяцев нигде не мог устроиться на работу. Знакомые начальники признавались, что есть специальное указание не принимать меня на работу. Все же мне удалось устроиться на силикатный завод мастером смены. Господь благословил мой труд, и моя смена, ранее слывшая самой отсталой и недисциплинированной,— вышла на первое место. В связи с этим меня назначили начальником цеха, и завод впервые стал выполнять сменные задания. Через некоторое время предприятие посетил начальник областного управления и, узнав, что я работаю на нем, дал указание немедленно уволить меня. В тот же день я был уволен как несправляющийся с работой на порученном участке. Только через два месяца

усиленных ходатайств перед различными органами и общественными организациями меня приняли на тот же завод крановщиком мостового крана. А три месяца спустя, 8 августа 1961 г., в обеденный перерыв за мной приехали на милицейской машине, отвезли в городской народный суд и тут же зачитали мне решение суда о высылке меня в отдаленные районы страны сроком на 5 лет по Указу о тунеядцах.

Б. Т. Артющенко в ссылке.

Итак, с работы я не вернулся и оказался в тюрьме, а через два месяца этапа — был уже в поселке Маклаково, Енисейского района, Красноярского края. Там я узнал, что еще 12 братьев арестованы и сосланы кто в Красноярский край, кто в один из отсталых районов своей области. Там я получил весть о том, что в Кежемский район Красноярского края высланы братья из г. Дедовска (Московской обл.) — П. В. Румачик и В. Я. Смирнов, а также из Новомосковска (Тульской обл.), из Волжска и других мест.

Эти вести и встречи ободрили нас и вдохновили на труд во имя Господа. Туда к нам пришла радостная весть об образовании Инициативной группы по созыву съезда евангельских христиан-баптистов. Туда приходили к нам братские послания. Мы читали, распространяли их, радовались, благодарили Господа и просили в молитвах о дальнейшем пробуждении народа Божьего. Там, в Енисейске, по милости

Божьей мы организовали небольшую общинку и совершали служение Господу. Так как перед арестом я был рукоположен в церкви благовестником, то здесь мне поручили исполнять пресвитерское служение.

Почти четыре года я провел в ссылке, но в результате ходатайств народа Божьего был реабилитирован и освобожден и в мае 1965 г. возвратился домой в Курск.

После возвращения из Сибири я принимал самое искреннее участие в работе и служении пробужденного братства как в местной церкви, так и в областных, межобластных советах и Центра России. Был также сотрудником Совета церквей. Участвовал в делегациях, которые ходатайствовали перед правительством об освобождении узников, о проведении независимого съезда церкви ЕХБ.

После майской делегации 1966 года я был снова арестован и осужден на 3 года. Отбывал заключение на лесоповале в Костромской области.

После отбытия второго срока заключения я пробыл на свободе немного больше года. За три месяца до ареста, когда стало ясно, что на меня готовят обвинительный материал, я ушел на нелегальное служение. В то время многие служители Совета церквей совершали труд в таких условиях. Через короткое время я был арестован в третий раз и осужден на 3 года. На этот раз отбывать заключение меня отправили на дальний север Тюменской области, вблизи Обской губы, где река Обь впадает в Карское море.

Это северная пустыня — тундра. Здесь очень суровый климат с почти беспрерывными сильными ветрами, очень коротким холодным дождливым летом и длительной полярной зимой, с суровыми морозами и снежными метелями. Работа заключенных состояла в том, чтобы извлекать из реки Обь сплавной лес, штабелевать его на берегу в запас на всю зиму, а затем грузить в эшелоны и отправлять по единственной одноколейной ветке через Урал в сторону Воркуты.

Контингент заключенных состоял из тех, кто нарушал режим в других лагерях или был переведен сюда из лагерей особого режима. Были такие, которые отбывали 25-летний срок. Единственным желанием таких людей было одурманить себя чем-нибудь и ни о чем не думать. Для них ничего не составляло убить человека или себя лишить жизни. Ни о какой нравственности, справедливости, законности они и слушать не хотели.

Поэтому не удивительно было, когда однажды, после того как их настроили против меня, они объявили мне полный бойкот: никто не стал разговаривать со мной, порвали всякое общение, обходили меня стороной в полном молчании, не обращая никакого внимания. А потом некоторым из них дали задание травить меня различными химикатами: обсыпали ими рабочее место, кровать, на которой я спал, а затем и одежду мою. Однако им не дано было довести меня до смерти, и тогда решили отправить меня в спецпсихбольницу для принудительного «лечения» в город Ухту, Коми АССР. Мне пришлось увидеть и испытать на себе то, что трудно даже представить!

Мне еще больше стали понятны слова Апостола Павла, который писал в послании Коринфянам: «...мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых» (2 Кор. 1, 8). Поистине только Бог, богатый милостью, избавил меня от столь близкой смерти. То, что вводили в мой организм, не давало покоя ни днем ни ночью не только там, в лагере, но и после освобождения. И только

1984 г. Б. Т. Артющенко во время посещения верующих в п. им. К. Либкнехта (п. Пены).

1984 г. Б. Т. Артющенко за два месяца до ареста.
(Стоит третий справа, второй — В. Ф. Рыжук.)

через год прекратилось действие яда на мой организм и здоровье мое стало улучшаться.

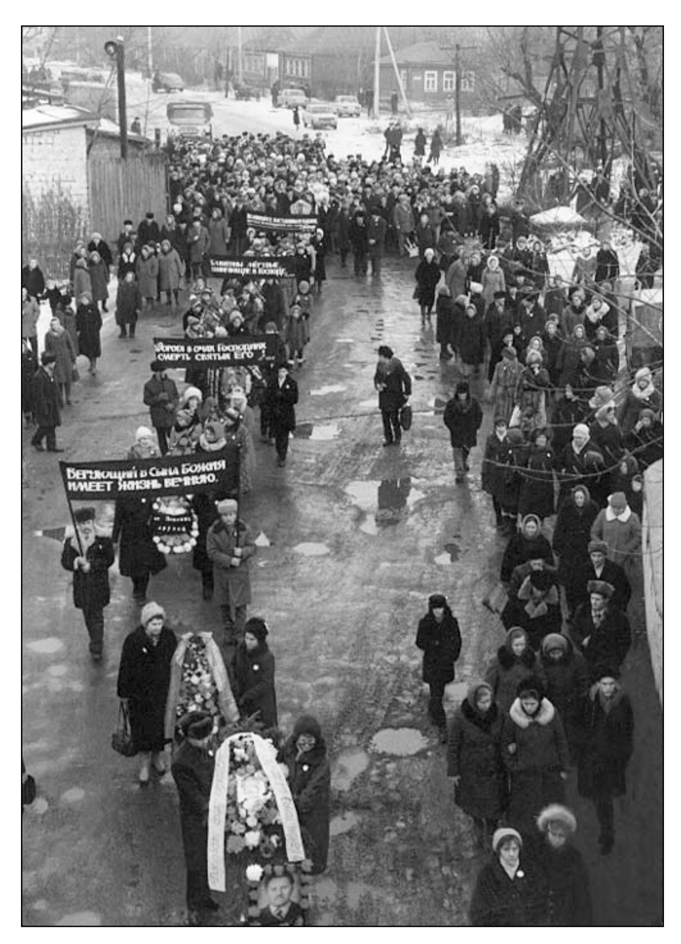
Вышел я на свободу в сентябре 1973 года. Братья совершали труд в суровых условиях. Я понимал всю сложность обстановки, но знал, что путь, на который стало пробужденное братство — это путь Божий, которым Он вел и будет вести Церковь Свою до конца, до ее восхищения от земли. И мир будет неистовствовать оттого, что Церковь независима от мира, свободна во Христе и неодолима в своем победном шествии к славной цели.

Еще увидел я, что те служители, которые полагались на свои человеческие способности, знания и другие достоинства,— не устояли на этом пути. А ничего не значущие в этом мире, полагавшиеся на силу и премудрость Божью, на верность Его обетований,— все преодолевают силой Возлюбившего их, продолжают дело Божье и подают добрый пример для подражания всем искренним детям Божьим, всему народу Его. И я вновь присоединился к ним для совместного труда.

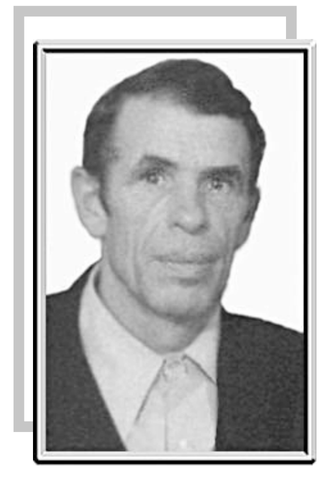
Не думал я, что столько лет пробуду на свободе. Как-то

уже вошло в привычку, что больше года передышки не дают. Но вот уже 10 лет прошло! В нашем объединении, которое доверено мне братьями, 3 церкви сдали регистрацию, а одна церковь вышла из состава ВСЕХБ сдала регистрацию.

Не хочу хвалиться, но хочу трудиться в одном духе со всем братством Совета церквей, смиряясь под крепкую руку Божью, чтобы Он благодатью Своей укреплял постоянно и не дал бы поколебаться. «А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем, Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь» (Еф. 3, 20—21).

Народ Божий отдает последний долг дорогому служителю братства — Б. Т. Артющенко, умершему в неволе.

ДИРКСЕН

Яков Францевич

1924—1985

(Биография)

Яков Францевич ДИРКСЕН, отец большого христианского семейства, служитель церкви Аполлоновка, Омской области. Он умер в возрасте 61 года в лагере г. Змеиногорска, Алтайского края 2 июня 1985 г. за 9 месяцев до окончания 5-летнего заключения, отбывая уже третий срок. Простой, скромный, но верный служитель Божий.

При всех скорбях, при всем том, что ему пришлось пережить,– он обладал даром утешения. За этим утешением к нему шли. Это утешение получали. Слово его, простое и сердечное, имело действие не только потому, что исходило из уст страдальца. Будучи сам утешен Господом, он от избытка полученной радости мог утешать других. И это было не просто одним из дарований человеческого духа. Это было плодом Духа Святого. Даже жена, которая при извещении о внезапной смерти мужа была в неутешном горе, увидев его почившим, утешилась, ибо по его лицу поняла, что он в мире, в упокоении отошел к Господу. Действительно, печать действия Духа Божьего была на нем, как и на мученике Стефане, когда он, утешенный Господом в свой последний час, воскликнул: «Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Д. Ап. 7, 56).

Иногда встречаются верующие, которые, ссылаясь на особенности обстоятельств, считают, что если они не будут активно защищать истину Христову, то общие для христиан гонения обойдут их стороной. Но мы хорошо знаем, что Бог нигде не сказал: будьте умеренно благочестивы. Бог никогда не призывал: будьте умеренно преданны или расчетливо жертвенны. Наоборот, Слово Божье призывает трудиться по силам и сверх сил, любить Господа всем сердцем, всей душой, даже до смерти. И такой жизнью жил наш возлюбленный брат.

Для многих из нас ранее была неизвестна, но стала родной по звучанию: «Дорф Аполлоновка» (в переводе с немецкого – «деревня Аполлоновка»), откуда прозвучал спокойный, но твердый голос Якова Францевича и его братьев-подвижников по страданию: «Нужно быть там, где Господь ставит святых Своих. Мы призваны переносить страдания как добрые воины Иисуса Христа и в духовной брани, когда Господь зовет отстаивать истину Его, не должны чуждаться даже самого сильного накала». Таким он и запомнился нам, верный и истинный служитель Иисуса Христа и Церкви Его!

Что говорит Господь о смерти святых Его? Не мрак исходит из их мо-

гил. Не в скорбь отошли они – в радость! Господь говорит о них: блаженны! В их жизни проявлялась Его сила, Его любовь к Своему народу, Его верность в обетованиях. А посему их смерть – Божья слава!

Яков Францевич ДИРКСЕН родился 9 марта 1924 г. в деревне Аполлоновка Омской области, в большой христианской семье. Отец его — ревностный проповедник Евангелия — был арестован в 1937 г. и, будучи верным Господу, домой не вернулся. Он умер в Омской тюрьме.

Яша рос девятым ребенком в семье. В детстве он с родителями молился и очень любил рассказывать духовные стихотворения, но когда вырос — все оставил и увлекся стихиями этого мира. И все же духовное попечение, которое с большим постоянством нес в свое время отец,— не прошло бесследно. Когда в 1948 г. Яша женился на девушке Екатерине Брель (тоже из христианской семьи) и начал самостоятельную жизнь, то рассуждал так: «Если мы не будем молиться, как научены родителями, то как же научатся молиться наши дети, которые будут у нас?» Поэтому в молодой, тогда еще не христианской семье, был заведен порядок: совершать молитвы перед едой и перед сном по родительскому обычаю.

В 1952 году в их местности началось духовное пробуждение. В деревню Аполлоновку приехал молодой 24-летний проповедник Регер Яков. Желающих слушать Слово Божье собиралось очень много. После проповеди всегда были кающиеся души. В общей сложности около 50 душ обратилось тогда с покаянием к Господу. В их числе была и молодая чета — Яша с Катей.

После уезда Регера в молодой образовавшейся группе верующих не было ни одного проповедника, а жажда слышать Слово Божье была велика. Хотя организованные богослужения еще не проводились, но собирались по домам, узким кругом друзей, молились. Возревновав о проповеди Евангелия, Яша стал изучать Слово Божье. Все свободное время — дни и ночи — он читал Библию и, исследуя ее, полюбил всей душой. Вскоре он стал ревностным проповедником. Его беседы с интересом слушали жаждущие души.

Прошел год. Молодые Дирксены еще не приняли крещение, а Яшу уже предупредили: если он не прекратит проповедь Евангелия,— будет арестован. В виду таких угроз их решение было единодушным: оставаться верным учению Христа, предаться воле любящего Отца.

Вскоре ночью к ним в дом пришли работники спецорганов с собаками и Якова Францевича арестовали. Его спрашивали: «Ну, как, будешь еще проповедовать?» Он отвечал: «Конечно, буду». — «Тогда будем судить».

И вот 8 февраля 1953 года за проповедь Евангелия он был осужден на 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества (судили его с тремя братьями по вере: Эпп, Валл, Регер-отец) и отправили отбывать заключение на Джезказганский медный рудник. Дома осталась жена с тремя детьми. Младшей — Кате — было всего три месяца.

Так начались первые страдания за имя Господа Иисуса Христа.

Семья Дирксенов жила в то время в крайней бедности. Ютились в землянке, голодали, не было одежды и обуви. Из личного имущества для конфискации нашли лишь единственные брюки и рубашку. Поэтому, когда через небольшой промежуток времени некоторые заключенные вместе с Яковом Францевичем собрали немного денег и выслали для пропитания его семье, да из вещей выслали бушлат, суконное одеяло и резиновые сапоги,— это было величайшим богатством и несказанной радостью для гонимой христианской семьи.

Из 25-летнего срока брат отбыл в заключении только три с половиной года и был реабилитирован. По возвращении из уз он сразу принял крещение. А после крещения был рукоположен на служение пресвитера церкви. В это время богослужения в Аполлоновке хотя и проводились, но с большими притеснениями. В землянке Дирксенов обрезали провода, лишая освещения, а самого Якова Францевича исключали из совхоза, принуждая отказаться от веры в Бога.

Прошло 16 лет. Церковь за этот период заметно выросла и укрепилась. Семьи верующих обычно многодетные. Поэтому на собраниях всегда присутствовало много детей. Этот факт, конечно, не мог не волновать атеистов. И вот новый арест служителей. 2 июня 1972 года Яков Францевич был взят прямо с работы (он пас совхозный скот) и в наручниках увезен в район. Вместе с братьями И. А. ВАЛЛ и А. Ф. ФАСТ его обвиняли по статье 142, ч. 2 УК РСФСР за присутствие детей на богослужениях. Но неожиданно назначенный на 11 августа суд был отменен, так как началось новое следствие, чтобы осудить братьев по статьям 190-1 и 227, ч. 2 УК РСФСР. 21 ноября 1972 года состоялся суд и Яков Францевич был осужден по этим статьям на 5 лет лишения свободы. Дома осталось 10 детей. Младшему — Ване было три года.

Дòлги и томительны годы разлуки. И одно только утешение — в Боге и единственная возможность беседовать с родными — письма.

«Не бойтесь, братья моряки,
Хоть грозен бурный вал,
Но вот уж видны маяки
И свет их засиял.
Уж видны там берега —
Близок конец скорбям...» —

писал он в одном из своих многочисленных писем домой.

«Очень часто пою я эту ободрительную песнь. Уже недолго, мои возлюбленные, и мы испытаем ту великую радость, которую Бог предусмотрел и приготовил для всех нас. Ныне еще время благодати, время благоприятное для повествования спасительной вести, ибо Дух Святой еще на земле и двери благодати открыты до пришествия Его на облаках за Невестой Своей. Пусть даже некоторых и постигнет горькая чаша страданий, но ничего не совершается, кроме допущенного по воле Его...»

«Как это утешительно для нас, что мы верим и знаем: не от людей зависит наше благословенное будущее, а от Бога Милостивого, Мудрого, Вечного. Слава Ему, что Он сделал нас способными переносить все с терпением и не иметь обид на тех, кто нас преследует за истину и справедливость. Наше дело за всех молиться и стремиться к тому, чтобы все могли прощать и всех любить».

«Каждый раз, когда я пишу вам письма, возлюбленные, я ощущаю духовную радость и духовное общение со всеми вами, временно забывая земной шум и страдания, возношусь с вами ввысь, к вечной жизни, к вечному утешению. Как нам приятно чувствовать в себе эту радость, знать и верить, что никто не способен отнять ее у нас! Меня всегда радует и утешает то, что все письма, которые я получаю отовсюду, говорят о том же. Как все-таки сильна вера СТРАДАЮЩЕЙ ЦЕРКВИ сегодняшних дней! Это прямо чудо перед глазами всех и особенно перед теми, которые преследуют и гонят ее...»

И вот снова наступил долгожданный час освобождения! В июне 1977 года Яков Францевич вернулся к любимой семье, родной церкви. Верный и преданный Господу, он сразу включился в духовный труд на побелевшей ниве Господней, о которой часто тосковал, томясь в неволе... И снова штрафы, преследования, угрозы: «Если ты и дальше будешь

так продолжать, то и третий срок получишь, еще 5 лет отсидишь». Но духовное служение Яков Францевич всегда ценил больше всего. Особенно придавал он значение свидетельству о Христе. С большой картой «Божий план спасения» он ездил по деревням, чтобы рассказать грешникам о Божьей любви. Работая над Словом Божьим, он всегда записывал свои мысли. И вообще писал очень много, иногда просиживал целые ночи.

Последнее время, находясь на свободе, он говорил жене: «У меня очень мало времени. По хозяйству надо делать только самое необходимое, чтобы выкроить побольше времени для духовной работы».

Его любимый гимн:

«Господь, мое желание
У ног Твоих всегда пребыть
И в полном послушании
Тебе, Спасителю, служить...».

17 марта 1981 года Я. Ф. ДИРКСЕНА арестовали в третий раз, придя за ним на дом. В присутствии милиционера он собрал свою семью и сказал:

«Без молитвы из дома не пойду».

Семья склонилась на колени и все горячо молились Богу. Потом стали провожать его. Сердце родных чувствовало долгую разлуку с любимым отцом, а милиционер успокаивал:

«Что вы плачете? Чего вы боитесь? Мы повезем его только на беседу, потом он вернется...»

Но брат уже не вернулся...

14 мая 1981 года в Исилькульском народном суде за проповедь Евангелия и верность Господу четверо христиан были осуждены на различные сроки заключения. Среди них был и Я. Ф. Дирксен. Родственников в зал суда не пропускали. Подсудимым не дали сказать ни защитительного, ни последнего слова. Когда Яков Францевич хотел сказать последнее слово, то успел только спокойно и громко произнести слова Священного Писания: «Блаженны изгнанные за правду...». Судья прервал его: «Подсудимый Дирксен, замолчите! Лишаю вас слова».

Прокурор запросил дать Я. Ф. Дирксену 3 года лишения свободы. Судебная коллегия удалилась для совещания. После перерыва судья зачитал: 5 лет лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима с конфискацией имущества.

Конфисковывать у Дирксенов было нечего. Многодетная семья жила бедно.

Сначала Якова Францевича отправили в Омский лагерь, где отбывал срок М. И. Хорев. Но радость общения была недолгой. Осенью Якову Францевичу сделали операцию (по удалению грыжи) и вскоре в спешном порядке он был отправлен на этап, несмотря на то, что рана еще не зажила. Перед этим ему и брату Валлу, который отбывал заключение в соседнем лагере, сказали, что они будут отправлены домой и выдали им обходные листы. Братья весьма радовались этому. Валл даже раздал всю свою зимнюю одежду, а Яков Францевич, садясь в «воронок», тепло попрощался с заключенными. И вдруг прапорщик поразил его словами:

«Ты поедешь домой?! Нет! ты поедешь туда, где "Макар телят не пас" — в Барнаульскую "десятку", откуда ты живым не вернешься».

Встретившись в Омской пересыльной тюрьме, Валл с радостью сообщил: «Яша, мы едем домой!»

«Сейчас я тебе скажу, куда мы едем,— ответил Яков Францевич. — Нас везут в Барнаульскую тюрьму, на "десятку"...»

В Барнаульской тюрьме Якова Францевича часто перемещали из одной камеры в другую, подсаживали людей, которые следили за каждым его шагом. Затем отправили в г. Змеиногорск Алтайского края, в учрежд. п/я 46 14/10-«Ж». Обстановку там создали невыносимую. Заключенные заранее были настроены против брата. Они его еще не знали и были на него весьма злы. Несмотря на незажившую после операции рану, его поместили на второй ярус коек. Один из преступников, отрубивший дочери руки, а жене голову, угрожал сделать то же самое и Якову Францевичу.

Но через полгода, когда заключенные лично познакомились с ним, увидели его сердечность и доброту,— мнение о нем резко изменилось. Его стали уважать и сердечно называли «святой отец». Некоторые просили помолиться об исцелении их болезни. Даже тот, кто раньше угрожал и всячески издевался над братом, теперь попросил прощения за все свои злые поступки. «Я никогда ни у кого не просил прощения»,— говорил он. Но Яков Францевич сумел и его смягчить.

По прибытии в лагерь ему дали свидание с родными. «На него страшно было смотреть: кожа да кости»,— вспоминали они.

В то время лагерное начальство говорило: «Здесь ты скоро откажешься от своих убеждений. Были здесь всякие: и пятидесятники, и субботники — все отказались. И ты откажешься».

Яков Францевич ответил:

«Я от веры в Бога никогда не откажусь. Даже если за это жизнь придется отдать. Я должен свидетельствовать о Боге всем...»

За несколько месяцев до извещения о смерти писем от него не было. Только в мае получили одно письмо, в котором он сообщал, что совсем не получает писем. И когда после смерти отдали родным принадлежащие Якову Францевичу вещи и переписку,— стало ясно, что письма от него и к нему были задержаны.

О его смерти уже говорили по всей округе, а родным еще ничего не сообщали. И только во второй половине дня 3 июня из лагеря пришла телеграмма: «2 июня умер Яков Францевич». В выданном свидетельстве говорилось: «Причина смерти: отек легких, легочная артрия». Но Господь знает не только причину, но и всю правду случившегося. И мы утешены тем, что любящий Отец видел и сопереживал скорбь Своего слуги.

5 июня тело было привезено родными в Аполлоновку. Удивительный мир выражало лицо почившего брата. На

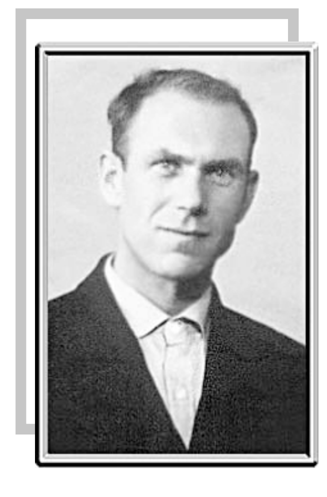

Родные и близкие у могилы дорогого отца и узника Христова Я. Ф. Дирксена, закончившего земной путь на тюремных нарах.

устах его запечатлелась улыбка, которая всегда озаряла его лицо в минуты особо радостного настроения духа. Действительно печать действия Духа Божьего была на нем, как и на мученике Стефане, когда он, утешенный Господом, воскликнул: «Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Д. Ап. 7, 56).

Попрощаться с дорогим другом, отцом, служителем собрались друзья, родные, знакомые. Приехали из разных мест около 2000 человек. Было также много и людей в штатском и в форме, которые с настороженностью наблюдали за всем происходящим и покинули свои места только после того, как тело усопшего было предано земле.

6 июня 1985 года после назидательного богослужения, при огромном стечении народа, на простом сельском кладбище был погребен скромный, но преданный Богу до смерти наш дорогой брат и служитель Яков Францевич ДИРКСЕН. Воистину в его благословенной кончине верность достигла наивысшего предела. И поэтому без лишних слов, без сухих назиданий его жизнь и смерть побуждают нас подражать его вере, испытанной скорбями. Как и написано: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

БИБЛЕНКО
Иван Васильевич

1928—1975

Ранним-ранним утром, когда чернильная мгла ночи только начала мутнеть молочными красками рассвета, в дверь резко постучали. Дети испуганно вскочили с постелей. Иван Васильевич Библенко зажег свет в сенях и отворил дверь. Вперед смело ступили люди в форме. Хозяин понял, что пришли с обыском.

Это заставило его вздрогнуть. В доме находилась небольшая стопа брошюр, отпечатанных издательством «Христианин» СЦ ЕХБ, предназначенных для верующих в соседнем селении Анновка. В сознании отчаянно заметалась мысль, но что-либо предпринять для укрытия литературы было уже невозможно. Рука сыщика вскоре легла на стопу брошюр. В это утро обыски одновременно проходили во многих домах христиан.

Следственным органам нужны были дополнительные материалы, которые позволили бы заключить в узы следующую партию «сектантов». После четвертого суда в 1970 г., на котором двое братьев на три года лишились свободы, по мнению гонителей, прошло довольно времени. К тому же, не было никаких признаков, что Криворожская церковь убоялась гонений. Поэтому в 1972 году на народ Божий обрушились новые скорби. Были осуждены шесть братьев. Один из них — Иван Васильевич Библенко.

Этого христианина, в отличие от остальных осужденных, развезенных по другим городам, поместили в лагерь, расположенный вблизи города. Узником вплотную занялись работники КГБ.

Вот воспоминания родного брата — Николая Васильевича Библенко: *«Я числился в деле Ивана Васильевича как родственник и потому имел право на свидание с ним. Эта*

долгожданная возможность, наконец, предоставилась. Увидев брата, я поразился... как он изменился! Он выглядел очень худым и изможденным. "Ваня, почему ты такой худой?" — ужаснулся я. Он рассказал об изнурительных постоянных допросах сотрудниками КГБ. Они осаждали его расспросами об издательстве "Христианин". Найденные при обыске в его доме брошюры были причиной допросов. "Если распространял литературу, значит, знаешь, где печатают",— неистово домогались гонители. "Лучше бы мне умереть, чем снова идти к ним",— тяжело вздохнул Ваня в конце свидания. Молясь Господу, мы расстались».

Работники КГБ не оставляли Ивана Васильевича на протяжении заключения. Эту острую тяжесть постоянного напряжения дополнило горестное известие о смерти его младшей дочери, которую сбила машина. Домой узник вернулся физически обессилевшим, но несломленным и верным Богу. Работники КГБ в досаде бросили Ивану Васильевичу вслед: «На свободе мы с тобой еще встретимся...»

В теплой атмосфере любви в семье и в церкви здоровье Ивана Васильевича быстро поправилось. Вскоре он включился в служение общины и совершал его радостно и бодро. Возвратились из заключения и другие братья. В этих благоприятных обстоятельствах Господь готовил Своего раба к той брани, которую Он доверяет перенести единицам из многих тысяч Своих последователей.

Прошел почти год после освобождения из уз. Осень золотила деревья, часто хмурилась тяжелыми тучами. В эту пору дети Божьи на торжественных богослужениях благодарят Небесного Отца за урожай, за все блага, за все дары небес и земли. Соседствующие церкви обычно договариваются поочередно проводить праздник Жатвы, чтобы была возможность посетить друг друга. Это обыкновение не стало исключением и в 1975 году. На 14 сентября был назначен праздник Жатвы в соседней Днепропетровской церкви.

«В субботу, 13 сентября, Ваня вышел из дому с намерением быть в Днепропетровске на празднике Жатвы,— рассказывает Николай Васильевич Библенко. — *В воскресенье вечером верующие, ездившие в Днепропетровск, возвратились, но Вани не было. Не было его и в понедельник. В тревоге мы разыскали тех, кто был на Жатве и спросили о Ване. Удивленные, они ответили, что на празднике его не было. Мы стали искать его везде: и в милиции, и в больницах, спрашивали в ГАИ. Во вторник, отпросив-*

Семья И. В. Библенко, убитого за верность Господу и церкви.

шись с работы, я и жена Вани поехали в Днепропетровск. В областном ГАИ дежурный офицер, внимательно просмотрев регистрационный журнал, сказал, что 13 сентября на этом участке дороги аварий не было. В скорби, все больше и ясней сознавая беду, мы активно продолжали поиски, но они были безуспешны. Только 25 сентября в 12 часов ночи принесли почтовую карточку с известием о смерти Ивана Васильевича Библенко».

Тело убиенного родственники взяли в Днепропетровской больнице им. Мечникова. Осматривая, они увидели следы жутких пыток. Голова — в сплошном синяке и в глубоких ссадинах. На спине — багряные кровяные круги, ожоги. На ногах прободения, сделанные, вероятно, железным прутом, и множество синяков. В области позвоночника — широкий прокол.

Официальная причина смерти, в которой власти горячо и многократно убеждали верующих, такова: И. В. Библенко ехал на такси по направлению к Днепропетровску и машина попала в аварию, в которой Библенко погиб. В газете была опубликована статья, подробно описывающая эту трагедию. Чтобы создать в народе впечатление достоверности были напечатаны адреса якобы пострадавших вместе с Библенко

в аварии. Верующие решили встретиться с этими людьми и обратились в адресное бюро с просьбой указать местонахождение обозначенных лиц. Сотрудница городской справки, внимательно взглянув на верующих, спросила: «Вы баптисты?» — «Да». — «Не трудитесь! — сокрушенно покачала она головой,— таких улиц в городе нет, они существуют только в газетах».

Гонители были уверены и в безнаказанности, и в том, что общественность никак не отреагирует на убийство, поэтому и скрывали преступление как-то лениво и грубо.

Во-первых, Иван Васильевич никак не мог поехать на такси, потому что в его кармане было всего 6 рублей. Да если бы и было денег больше, он не посмотрел бы в сторону такси, так как был человеком скромного достатка. К тому же, он не торопился.

Во-вторых, характер ран никак не присущ аварии. Они причинялись намеренно, направленно и с интервалами во времени. Их число также решительно опровергает лживую версию об автокатастрофе.

В-третьих, если бы действительно эта смерть была результатом аварии, то по тем временам об этом никогда не писали бы газеты, не наносились бы к родственникам многочисленные визиты различных чиновников, которые далеко не все блестяще выполнили свою роль. Были среди них и люди не привыкшие лгать. Они, рассказывая об аварии, сильно волновались, путались, избегали прямых взглядов. Впрочем, и они, и исполнители этого злодеяния достойны лишь сожаления и великой крестной молитвы Первого из убиенных: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают». Дай Бог сил от сердца повторить эти слова каждому христианину, переживающему скорби за имя Христово.

Итак, авария — это официальная версия смерти, зафиксированная медработниками, обозначенная в документах. Однако по стечению обстоятельств и по сочувствию людей, знающих отдельные детали происходящего, достоянием верующих стали такие сведения: первые четыре дня Ивана Васильевича пытались сломить в психиатрическом диспансере Кривого Рога. Мучители не забыли своего обещания встретиться с ним на свободе. Затем его, еще живого, перевезли в Днепропетровск в больницу им. Мечникова. В этой больнице на лечении находился сын одного из членов Криворожской церкви. Его немедленно переправили в другое место. Но сотрудники КГБ не учли, что санитаркой в боль-

нице работала верующая из общины пятидесятников. Она-то и заметила некоторые подробности последних дней жизни страдальца. Ее рассказ был очень важен для родственников погибшего. Она увидела, что незнакомые люди в штатском привезли мужчину и поместили в палату одного. У дверей постоянно дежурил незнакомец и никого не впускал. Больного периодически уводили и приводили. Вскоре и больной и его сопровождающие исчезли...

Похороны были многолюдными. Друзья несли полотна с текстами Священного Писания. В потоке шествующих было много сочувствующих верующих из зарегистрированных общин. За гробом шли исполненные святого мужества служители гонимых церквей. Звучал скорбный минор, братство прощалось еще с одним мучеником, убиенным за Слово Божье.

«Смерть для Ивана Васильевича не была неожиданностью,— говорит Николай Васильевич. — *За два месяца до смерти, во время какой-то беседы с ним, я вдруг услышал: "Коля, я умру мученической смертью. И если это случится, то верю: дети мои все будут спасены Христом"».*

ДЕЙНЕГА

Николай Яковлевич

1923—1976

Николай Яковлевич Дейнега, диакон Черниговской общины СЦ ЕХБ,— второй мученик этой многострадальной церкви.

Родился он в 1923 году. Уверовал в 1946 году после возвращения с военной службы. В 1949 году принял крещение. Его жена, Евдокия Степановна, была христианкой, пела в хоре.

Брат Николай горячо полюбил Господа и вскоре ревностно проповедовал в церкви. С кем бы ему ни приходилось встречаться, он не упускал случая засвидетельствовать о Христе, о спасении. Хотя в те времена проповедь Евангелия была запрещена.

Духовное пробуждение, начатое Господом в нашей стране в начале 60-х годов, стало близко и дорого ему и всей его семье. (К 1964 году у брата было уже 6 детей.)

В 1971 году он переехал с семьей поближе к Чернигову, в село Ивановку. Купил времянку (4х3,5 $м^2$) с участком земли. Прописались. Устроились на работу. Председатель колхоза и рабочие приняли их хорошо. Дети пошли в школу. Брат намеревался построить дом.

Но через две недели парторг колхоза В. В. Полулях, узнав, что Дейнега христианин, стал на него кричать: «Враг народа! Баптистам нет места на колхозной земле! Через 24 часа чтобы тебя ни здесь, ни в соседнем селе не было!»

На следующий день брата к работе не допустили, а жену уволили через три месяца. Пришлось им искать работу в Чернигове (20 км от с. Ивановки).

Пять лет брат жил с маленькими детьми в тесной холодной времянке, ходатайствуя о разрешении на постройку дома. На его просьбы приходил отказ. Семья бедствовала. Брат вынужден был начать строительство самовольно.

Семья Н. Я. Дейнеги у дома, разрушенного трактором.

Купил в Чернигове дом под снос, разобрал, перевез его в село и за короткий срок построил возле времянки новый дом.

4 июня 1974 года, когда дома были только несовершеннолетние дети Дейнеги, парторг с нарядом милиции в присутствии архитектора и лиц в штатском трактором разрушили дом, а брату Николаю приказали убрать обломки и окончательно развалить постройку. Он отказался.

Затем брат неоднократно писал ходатайства Брежневу, в газету «Известия». Жена ездила в Москву и была на приеме у Щербакова, но везде давали один ответ: «На месте вам все разъяснят». Парторг разъяснял: «Хотя бы сам Косыгин разрешил тебе жить в нашем колхозе, я своими руками выкину тебя!»

В июне 1975 года группа неизвестных лиц под руководством парторга окончательно доломала постройку и обязала хозяина оплатить 168 рублей 94 копейки людям, исполнившим это злое дело, в противном случае угрожали судом. Эту сумму удержали из зарплаты брата — в итоге два месяца семья оставалась без средств.

«За мои убеждения меня умышленно делают преступником. Семья моя живет в тяжелейших условиях. Средств на

приобретение жилья у меня нет. Но я и с этим смирился.

Парторг установил за моей семьей слежку. В один из вечеров, когда я в кругу семьи читал Библию и пел религиозные песни, он выскочил из кукурузы и оштрафовал меня на 50 рублей»,— писал Николай Яковлевич в ходатайственном письме.

От постоянных потрясений, неоднократных угроз: «Ты своей смертью не умрешь!» брат Николай заболел сахарным диабетом, но о лечении не могло быть и речи: нужно было кормить семью. Брат оставил работу грузчика и устроился сторожем, не переставая всем свидетельствовать о Господе.

9 сентября 1976 года Николай Яковлевич уехал в Чернигов на дежурство и домой не вернулся. Во время работы к нему зашел зять, Карпенко Владимир (он жил с семьей в селе Количевка — в 4 км от с. Ивановки). Поговорив, они расстались.

10 сентября в 6 часов утра зять шел на работу. На скамье автобусной остановки он увидел лежащего на спине человека. Около него толпились люди. Подойдя ближе, Владимир узнал своего тестя, Николая Яковлевича Дейнегу, который был без сознания. Лицо было закрыто окровавленным платком. Под головой — булка хлеба, рядом — разбитая бутылка из-под минеральной воды. С ног сняты сапоги. На лбу — глубокий пролом от удара тупым предметом. На лице — багрово-синие раны и ссадины, перебита переносица. Одна рука свисала, как переломленная. Когда он дышал, ребра неестественно выпирали из-под рубашки (видимо, тоже были повреждены). Брат Николай был еще жив, но ни на что не реагировал. Зять недоумевал: почему тесть оказался не в своем селе?

Люди, поняв, что Владимир — родственник пострадавшему, поспешили успокоить, что скорую помощь уже вызвали. Но машина прибыла через полчаса.

«Куда повезете?» — спросил Владимир.

«В районную больницу».

«Я поеду с вами, это мой тесть...»

«До приезда милиции мы никуда не поедем».

«Тогда я съезжу за женой пострадавшего...» — предупредил Владимир.

Вернувшись минут через 20 с Евдокией Степановной, женой брата Дейнеги, они не нашли на остановке ни «скорой», ни милиции, ни пострадавшего.

В районной больнице его тоже не оказалось, и только в 11 часов дня в приемной Черниговской горбольницы жене сказали, что к ним поступил больной в бессознательном состоянии. Родственников к нему не допустили. По телефону

они периодически справлялись о состоянии брата Николая. В 22 часа сообщили: «Ваш муж умер и отправлен в морг».

Жительница села Количевки позднее сообщила дочери брата Дейнеги: «*9 сентября в 8 часов вечера мы с напарницей возвращались с работы и увидели вблизи автобусной остановки человека, лежащего лицом вниз. Возле него было много крови. Рядом валялась хозяйственная сумка с хлебом и бутылка минеральной воды. Мы побежали в медпункт, но фельдшер торопилась на срочный вызов. Тогда мы сами принесли воды, подняли его, хотели обмыть лицо, но он отказался. "Я сам..." Потом спросил: "Где я нахожусь?" Мы ответили: "В Количевке". — "А где остановка, как туда пройти?" Мы показали и ушли.*

Ближе к ночи на остановке был слышен шум мотоцикла, крик, стоны, но никто из жителей не осмелился туда подойти...»

Так на 53 году жизни был убит еще один верный свидетель Иисуса Христа.

«*Это был спокойный и твердый в вере брат,*— свидетельствует о нем диакон Черниговской церкви П. М. Кравченко. — *Много раз его склоняли к сотрудничеству с органами КГБ, но он отказывался. После очередного вызова в КГБ он проработал всего неделю, и его убили. Из сведений, поступивших из многих источников, мы поняли, что это — дело рук КГБ.*

Парторг завода, где я работал, после убийства Дейнеги пригрозил: "Не вздумайте писать о Дейнеге куда-нибудь! Не перекладывайте вину на чью-то голову!.."»

14 сентября 1976 года на сельском кладбище состоялись многолюдные похороны мученика за имя Христово и неутомимого проповедника Евангелия, диакона Черниговской общины СЦ ЕХБ, дорогого брата Николая Яковлевича Дейнеги.

Скорбящей жене, детям, верующим и всем присутствующим напомнили последнюю проповедь Николая Яковлевича, которую он сказал, явно предчувствуя свою мученическую кончину. Это были слова из книги пророка Иеремии: **«А что — до меня, вот, я — в ваших руках; делайте со мною, что̀ в глазах ваших покажется хорошим и справедливым; только твердо знайте, что если вы умертвите меня, то невинную кровь возло̀жите на себя и на город сей и на жителей его; ибо истинно Господь послал меня к вам сказать все те слова в уши ваши» (26, 14—15).**

Какая готовность: «вот, я — в ваших руках!»

Какое мужество: «делайте со мною, что хотите!»

Какое добровольное принятие мученического венца: «вы умертвите меня!»

Какая уверенность в своем предназначении: «истинно Господь послал меня к вам сказать в уши ваши слова любви и всепрощения и умереть, любя и прощая...»

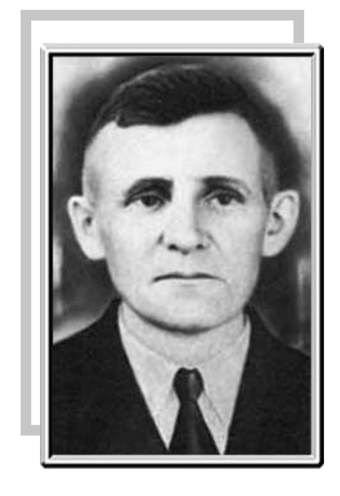
Другой проповедник во время траурного служения обратился к притихшим слушателям: «Убийца! Может быть, ты находишься здесь? Покайся, чтобы не погибнуть за невинно пролитую кровь...» Толпа заколыхалась. Люди, стоящие сзади, рвались к проповеднику, чтобы сфотографировать, но какая-то сила сдерживала их и оттесняла назад.

«Мой муж много говорил людям о покаянии, призывал всех верить в Евангелие — это и было настоящей причиной разрушения сначала нашего жилища, а затем и убийства мужа и отца»,— свидетельствовала перенесшая много страданий сестра в Господе Евдокия Степановна Дейнега.

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»,— звучали утешительные слова Самого Христа для скорбящей семьи, расставшейся с любимым мужем и отцом, и для церкви, разлучившейся с бесстрашным проповедником правды.

Жена Н. Я. Дейнеги — Евдокия Степановна — у гроба мужа, убитого за отказ сотрудничать со спецслужбами.

ВИБЕ

Отто Петрович

(1905—1964)

Отто Петрович Вибе родился 13 октября 1905 года в Крыму, в Тельманском районе в верующей семье. С раннего детства он был наставлен в истине Божьей. В юношеские годы принял Иисуса Христа личным Спасителем и в 1923 году заключил завет с Господом, став членом церкви. Отто не только пел в церковном хоре, но проявил регентские способности и с 1927 по 1931 гг. совершал служение регента в поместной церкви. Из любви к Господу и делу Его он сам распространял хоровые христианские песни, применяя малознакомый в то время метод печати гектограф, «синьку».

Поскольку по религиозным убеждениям он отказывался брать в руки оружие, то с 1929 по 1931 гг. Отто постоянно мобилизовали на летние месяцы на лесоповал.

В 1933 г. Отто Петрович вступил в брак с сестрой в Господе Идой Классен и в последующие годы воспитали сына и дочь.

В 1936 г. Отто Петровича арестовали вместе с отцом, Петром Филипповичем Вибе. В апреле 1937 года их судили. Поскольку лжесвидетели не могли отстоять свои показания, Отто Петровича освободили под расписку, а отца оставили в заключении. С тех пор он больше его не видел.

Через год Отто Петровича снова арестовали. Как и тысячам заключенных в те мрачные годы, ему без следствия и суда зачитали приговор: 10 лет лишения свободы. Спустя два месяца отправили этапом в Красноярский край. Тяжелый изнурительный труд очень скоро сделал его совершенно непригодным, он обессилел. Его перевели в контору бухгалтером, где он работал до освобождения.

Как всякий любящий Господа, Отто Петрович томился без Слова Божьего в годы пребывания в неволе. Однажды ему

предоставилась возможность за большую сумму купить Библию. Он, не задумываясь, откладывал деньги из своего жалкого заработка и приобрел-таки эту драгоценную Книгу Жизни! Он часто вспоминал и с большой радостью свидетельствовал об этой милости Божьей.

В 1941 году его жену с двумя малыми детьми выслали в Казахстан. Всякая переписка прекратилась. Два года, кроме личных невзгод, Отто Петрович томился неведением о судьбе своей семьи.

В 1948 году окончился срок его десятилетнего заключения. Отто Петровича занесли в список спецпереселенцев и еще два года и 9 месяцев он был в разлуке с семьей.

1 ноября 1950 года Отто Петрович переехал, наконец, к семье в Казахстан в Акмолинскую область и семь лет жил в кругу дорогих и близких сердцу. В 1958 году брат переехал в г. Караганду и там был рукоположен на пресвитерское служение.

23 января 1963 года Отто Петровича арестовали уже как служителя церкви, избравшей прямой путь возрожденного братства, и приговорили к 4 годам лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима.

В январе 1964 года Отто Петрович получил свидание с детьми. Жена из-за болезни не смогла посетить мужа. Через неделю после свидания Отто Петрович перенес инфаркт, а к вечеру того же дня его парализовало. Пять дней он пролежал на больничной койке в тяжелом состоянии и 30 января 1964 года верный служитель Божий, 14 лет отбывший в узах за Слово Божье, отошел в вечность.

2 февраля родные и большое число верующих друзей прощались с дорогим узником, своей смертью запечатлевшим любовь и верность Христу Иисусу.

У гроба покойного два его внука, рыдая, молились Тому, Кто многие скитальческие годы водил по злачным пажитям Отто Петровича: «Господи, дай нам идти по стопам дедушки...»

АФОНИН

Иван Алексеевич

(1926—1969)

Иван Алексеевич Афонин родился 30 августа 1926 года в деревне Данилово Тульской области в православной семье. Детство Вани прошло среди людей, которые жили по законам мира сего. Однако он любил слушать о Боге. Бывало, идя дорогой, услышит разговор о Боге и тут же присоединится к собеседникам. С 15 лет уже пошел работать учеником на производстве.

1947 год открыл для Вани новый и серьезный период жизни, определивший навсегда его будущность: он познакомился с верующими. Беседуя с ними на духовные темы, еще больше устремился к Богу. Посещая богослужения, он нашел здесь родной дом для себя. Дух Божий касался его сердца и зимой он покаялся и пожелал принять водное крещение. Но его крестили весной 1948 года. В этом же году он вступил в брак с сестрой по вере Анной Степановной Мандрощенко. Усердно посещая богослужебные собрания, Иван Алексеевич вскоре стал проповедовать Слово Божье. На любовь Божью Иван Алексеевич отвечал взаимной благодарной любовью. «Я люблю Господа всей душой»,— часто говорил он жене.

Трудолюбие и честность брата располагали к нему людей на производстве. Работал Иван Алексеевич энергетиком на шахте. За религиозную деятельность его неоднократно увольняли, а затем через суд восстанавливали.

В конце 1963 года Узловская и Новомосковская церкви объединились. Иван Алексеевич, имея 2 группу инвалидности, нес служение в объединенной церкви. Временами болезнь сердца сильно обострялась. Иван Алексеевич сокрушался: «Теперь я не способен ни к какому труду...» Анна

Степановна ободряла его: «Ваня, не отчаивайся, Господь силен восстановить».

11 октября 1964 года в Новомосковской церкви был праздник Жатвы. Иван Алексеевич мог даже присутствовать на богослужении. Но болезнь возобновилась и около 7 месяцев он был прикован к постели. Перестал есть, ходить и с трудом говорил. Дети с отчаянным воплем взывали к Богу: «Господи! Не забирай от нас папу...» После их молитвы Иван Алексеевич открыл глаза, опустил ноги, преклонил колени и сказал: «Детки, будем благодарить Господа за услышанную молитву». Милосердный Отец Небесный по вере семьи восстановил брата.

С 1966 года, после разгона и ареста всесоюзной делегации верующих, посланной в ЦК КПСС в г. Москву с ходатайством о повсеместных гонениях на верующих, начались усиленные разгоны молитвенных собраний в Новомосковской церкви. В конце февраля 1967 года дело по обвинению Ивана Алексеевича, как служителя церкви, было у него на руках. Готовясь к суду за религиозную деятельность, он продолжал работать.

30 марта 1967 года под усиленной охраной в зал суда ввели христиан, лица которых светились как у Ангелов.

В защитительной речи Иван Алексеевич привел известные слова Яна Гуса: «Раз познанной правде нельзя изменить, нельзя от нее отречься,— это было бы предательством и отрицанием жизни. Посему, верный христианин, ищи правду, слушай правду, учись правде, поддерживай правду, хотя бы и ценой жизни, ибо правда освободит тебя. Если правда вызовет возмущение — лучше возмущение, нежели отказ от правды».

3 мая был вынесен приговор: 3 года лишения свободы. «...Суд установил: Подсудимый Афонин Иван Алексеевич, являясь пресвитером Новомосковско-Узловской незарегистрированной общины ЕХБ в период 1965—1966 гг., в нарушение действующего законодательства о религиозных культах в возглавляемой им общине постоянно призывал верующих и несовершеннолетних к активному неповиновению советским законам о религиозных культах...»

В конце апреля 1967 года Ивана Алексеевича отправили в лагерь п/я УЮ 400/1 в Донском р-не Тульской области. По состоянию здоровья (у брата пухли ноги) его поставили дневальным отряда. Весной Анна Степановна посетила заместителя начальника лагеря с просьбой освободить мужа от

тяжелой работы, но он ответил: «Что это за работа дневальным?! Мы заставим его работать как следует!» Вскоре Ивана Алексеевича перевели в цех по изготовлению панцирных сеток контролером.

В письмах из уз Иван Алексеевич неизменно повторял: «Я благодарю Господа, что Он дал мне познать Его, что Он дал жену, которая дополняет меня, что дал мне девять деток. Я благодарю Господа, что удостоился пострадать за Него».

5 и 6 августа 1969 года Ивану Алексеевичу дали личное свидание. Брат был бодр, радостен, на здоровье не жаловался. Когда Анна Степановна уезжала с детками домой, 3-летний сынок Леня обнял отца и никак не хотел отпускать. «Папа, поедем домой!» — плакал Леня. Отец утешал сынишку: «Следующий раз вы приедете с мамой на свидание, и мы поедем вместе домой...»

11 августа цех посетил начальник лагеря Диваков. Придирчиво осмотрев продукцию, он нашел незначительный брак и закричал: «Кто контролер?» Иван Алексеевич подошел к нему и сказал: «Сейчас мы это исправим». Начальник не хотел слушать. «Лишить его всего! Наказать самым строжайшим образом! Сгноить, чтобы он и семьи своей не увидел!» — в ярости кричал он.

Ивана Алексеевича лишили диетического питания, ларька и передачи. Здоровье брата резко ухудшилось. За месяц перед смертью Ивана Алексеевича перевели в другой отряд. Назначили уколы, но сердце его ослабевало с каждым днем. 22 ноября 1969 года во время работы Иван Алексеевич вдруг упал лицом в корзинку, которую делал. Рабочие подняли его и на руках у них он умер.

Заключенные его очень любили, никогда не обижали! «Таких людей немного, которые твердо отстаивают свое убеждение»,— свидетельствовали они.

Будучи на свободе и трудясь для Господа, Иван Алексеевич с надеждой говорил, что «настанет время пробуждения народа Божьего, но нас, возможно, не будет». Он желал этого всем сердцем. Ему дороги были такие строки стихотворения:

«О, Боже, Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай — дары святого неба,
Но хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!»

Чутко отзываясь на желание детей поскорее встретить папу из уз, он в письмах указывал не только на общую скорбь

Семья пресвитера Узловской церкви — И. А. Афонина после его загадочной смерти в узах.

семей узников, но и на то великое избавление, которое ожидает всех верных в вечности.

Служителю Узловской гонимой церкви, узнику за имя Христово, отцу 9-х детей — Ивану Алексеевичу Афонину — было всего 44 года, когда в неволе оборвалась его жизнь. Родственники и верующие, скорбя об утрате, в ходатайственном заявлении в правительство писали:

> «У Ивана Алексеевича был порок сердца, он был болен ревматизмом, имел II группу инвалидности. Несмотря на это, его незаконно использовали на тяжелых работах, хотя родственники предупреждали, что возможен смертельный исход. Просили освободить невинно осужденного, но лагерное начальство игнорировало все просьбы и выдали вдове и его 9-м детям (шестеро из них совсем малы) мертвое тело отца и мужа.
>
> Мы вынуждены отметить, что обстоятельства, вызвавшие смерть Ивана Алексеевича,— сомнительного характера, чтобы считать ее естественной... Да простит вам Господь смерть невинного человека...
>
> Учитывая происшедшее, мы со всей серьезностью и озабоченностью напоминаем Вам: немедленно освободить всех больных и старцев, арестованных за веру в Бога».

Братья и гости Узловской церкви ЕХБ незадолго до начала пробуждения. (Стоят во втором ряду: третий справа — Г. К. Крючков, четвертый — П. Д. Голощапов. В третьем ряду: третий справа — И. А. Афонин, пятый — В. Ф. Рыжук.)

Иван Алексеевич Афонин был искренним христианином, отцом большого семейства, но почему так жестоко расправилось с ним лагерное начальство? — невольно напрашивался вопрос. Ясно, что директива быть беспощадными к диакону небольшой периферийной общины исходила сверху. И причиной тому — следующее:

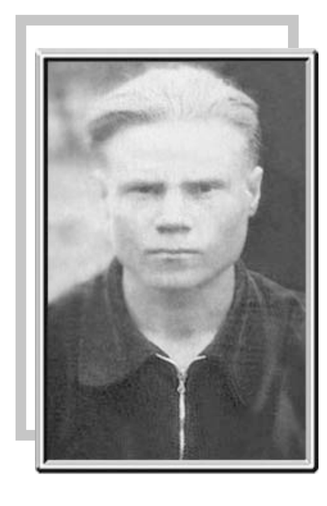
В 1961, знаменательном для нашего братства году, когда началось благословенное внутрицерковное движение за пробуждение народа Божьего, Иван Алексеевич принимал участие в первых совещаниях Инициативной группы по созыву Чрезвычайного съезда церкви ЕХБ. Он глубоко скорбел за состояние церкви, которую пошатнувшиеся служители официального духовного центра повели по пути измены Богу, по пути предательства народа Божьего.

На квартиру пресвитера Узловской общины, Г. К. Крючкова, возглавившего по поручению церкви Инициативную группу, пришли с арестом еще раньше, в 1961 году, но опоздали на несколько минут. Помолившись с друзьями и родными, он ушел и вынужден был совершать служение в нелегальных условиях, потому что центральные органы власти распорядились «выявить Инициативную группу с целью ее ликвидации».

Вот почему и уничтожали искренних детей Божьих, во

весь рост вставших на защиту дела церкви. Убоявшихся, равнодушных к судьбам народа Господнего и к судьбе собственного спасения, не влекли на допросы и в суды. Малодушных не уничтожали в спровоцированных авариях и в тюремных карцерах. Тех же, кто, не боясь, мог сказать всего несколько мужественных правдивых слов в защиту истины Господней, ликвидировали под различными предлогами, умножая в церкви число сирот и вдов.

Через великий подвиг страданий благоволил Бог провести наше братство, но великим было и Божественное утешение гонимым за истину Христову: «Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну; ей, говорю вам, того бойтесь» (Лук. 12, 4—5).

ПОПОВ
Иван Иванович

1932—1983

...Я увидел под жертвенником ду́ши убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели.
Откр. 6, 9

О начале христианской жизни скромного, но мужественного брата Ивана Ивановича Попова известно, к сожалению, слишком мало. Родился он в 1932 году и жил с матерью, Татьяной Федоровной, в г. Шахтах Ростовской области. Мать была ревностной христианкой. Оба они любили Господа искренней нелицемерной любовью, которой неведом страх (1 Иоан. 4, 18), расчет. Деятельная любовь к Богу и Его народу проявлялась в весьма важном для гонимой Шахтинской церкви служении: народ Божий не имел где приклонить голову, у церкви не было молитвенного дома. Богослужения в ту пору проходили по частным домам и квартирам, совершенно не приспособленным для этой цели. Ютиться приходилось не один год, но неудобства и непрекращающиеся разгоны богослужений, аресты и суды над служителями не сломили духа церкви, не заставили искать покровительства мира.

Простой, не отличающийся особыми талантами, брат Иван Иванович Попов в единодушии с матерью решил на своем участке построить вместительный дом для богослужений. Работал брат грузчиком и всю зарплату вкладывал в строительство. Питались они более чем скромно на пенсию матери.

В 1968 году дом был построен, и церковь проводила богослужения в большой просторной комнате.

Перегородок и мебели, кроме кровати для матери, в доме не было. Зимой кровать служила «раздевалкой» — верующие складывали на нее верхнюю одежду. Ваня спал на церковных скамейках: сдвигал их на ночь, клал матрац и почитал себя счастливым, что его дом принадлежит Богу. И он,

и мать могли с уверенностью сказать: «Господи, мы оставили все и последовали за Тобой!» Их жертва была осмысленной, добровольной, обоюдной.

Но богослужения в частных домах считались нелегальными, и в 1968 году были арестованы: пресвитер Шахтинской церкви — Андрюшин Иван Иванович, хозяин молитвенного дома — Попов Иван Иванович; сестры Горемыкина П. И. и Палий Г. К. — за религиозное воспитание детей. Согласно Законодательству о религиозных культах такая жизнь церкви считалась уголовно наказуемым преступлением. В конце 1968 года арестовали диакона Нарсесян Н. М.

Брат Иван Иванович Попов был осужден на три года исправительно-трудовых лагерей. Отбывая срок в лагере общего режима, он писал матери: «Постарайся, чтобы гости (Церковь. — *Прим. ред.)* продолжали собираться в нашем доме...» Так оно и было. Собрания проходили на том же месте. Верующие были довольны и радовались жертвенности матери и сына-узника.

Освободившись, брат Ваня решил жениться, но условия, какие он поставил избранной сестре: «Богослужения в нашем доме прекращаться не будут.» — оказались неприемлемыми. И тогда брат пожелал лучше остаться одиноким, чем проявить неверность в служении Богу.

В 1978 году умерла Татьяна Федоровна, мать Вани, и вскоре по решению городского суда дом был конфискован якобы за незаконную пристройку. Дом переоборудовали под библиотеку и передали в собственность государству. Брату Ване предлагали благоустроенную квартиру, он отказался и, отстаивая право верующих на свободу вероисповедания, ходатайствовал о возвращении собственного дома, не уходя из него. Когда дом опечатали, он перешел жить в небольшую «времянку» во дворе, соорудив в ней печку. Пять лет (с 1978 по 1983 гг.) брат Ваня ютился в этой летней постройке и, конечно, своей настойчивостью раздражал сильных мира сего, как в свое время Навуфей царя Ахава.

В 1983 году отрезали электрические провода, ведущие к сараю. Брат Ваня не унывал, зажигал коптилочку, читал Слово Господне, преклонял в своей «горнице» колени и молился Богу.

Некоторое время богослужения проходили во дворе. Когда же милиция и дружинники силой изгнали верующих со двора, собрания зимой проходили в квартирах и домах, а летом в лесопосадках.

В октябре 1983 года ночью загорелся сарай, где жил брат Ваня. В два часа ночи пожар потушили и нашли брата Ваню мертвым, лежащим на полу в луже крови. На голове у него был след от сильного удара.

Официальная версия причины смерти И. Попова гласила: «Угорел от пожара...»

По свидетельству очевидцев, дверь в сарай была снаружи подперта, так что изнутри открыть ее было невозможно. Ваня во время пожара оказался в ловушке. Смерть его была явно насильственной. По-видимому, его сначала убили, а потом заперли и подожгли.

Так умер наш дорогой одинокий подвижник. Так сгорел на жертвеннике Божьем, не уступив недругам дела Господнего ни пяди.

Что выдающегося совершил этот простой христианин? Он стоял на своем посту до последнего вздоха. Его подвиг созвучен подвигу Моисея. Брат Ваня лучше захотел страдать с народом Божьим! Он ютился в сарае, пренебрегши всеми жилищными удобствами, только бы отстоять право народа Божьего на независимое служение.

Рассуждая по-человечески, можно бросить горький упрек стойкому христианину: зачем нужна такая жертва? Какая польза от скитаний одинокого праведника? Разумно ли в годы разгула гонений решиться сделать свой дом домом молитвы для страдающей церкви? Мудрым и расчетливым христианам не понять его напряженное противостояние. Брат Ваня воистину был безумным Христа ради, потому что свою жизнь подчинил евангельскому правилу: жить не для себя, но для умершего и воскресшего за нас (2 Кор. 5, 15).

После мученической кончины брата Вани покаялась и приняла крещение его родная сестра Валентина. Имея юридическое право вступить в наследство брата, она стала ходатайствовать о возвращении его дома. В органах власти ее несколько раз предупреждали, чтобы она прекратила ходатайствовать. Однажды, придя на богослужение, она, предчувствуя недоброе, сказала: «Возможно, и я скоро пострадаю за Христа...» Она работала сторожем. Весной 1985 года на рабочем месте ее убили. Это еще одна молчаливая безвестная, но верная Господу подвижница многострадальной Шахтинской церкви.

Тернистым был путь Шахтинской церкви. В суровые 30-е годы в ней было 150 узников, из которых остались в живых лишь единицы.

С 1961 по 1986 гг. 11 братьев Шахтинской церкви за веру в Господа отбыли в узах по 3 года. Трое из них неоднократно. Служитель Шахтинской церкви, секретарь Совета церквей Н. Г. Батурин, этапом прошел 50 тюрем, отбыв в неволе 24 года!

Почему Шахтинская церковь шла, как и многие другие общины нашего братства, таким трудным путем? Почему столько узников было в ней? — Велико искушение свободно проводить богослужения, но получить эту свободу в годы гонений можно было только ценой отступления от Евангелия. Нужно было дать обязательство исполнять антиевангельское Законодательство о религиозных культах. Но после такого шага церковь перестает быть церковью. Для верующих Шахтинской церкви верность Богу и Слову Его была превыше всего. Поэтому они охотнее скитались, шли в узы, а такие незаметные христиане, как Иван Иванович Попов и его сестра Валентина предпочли мученическую кончину, но сохранили совесть и сердце чистыми от каких бы то ни было компромиссов.

Таким был посев. Какой же будет жатва? — Без сомнения — славной и радостной! Благодарение Богу, что в нашем братстве много таких подвижников, которые жили и умирали с несгибаемой верой.

Бог благословил нас войти в богатое наследство этих скромных подвижников. Они не дожили до дней свободы проповеди Евангелия, но по их вере и молитвам мы вошли в нее. Будем же помнить, что духовную свободу не выпрашивают и не выторговывают ценой компромиссов. За нее умирают со взором веры и живого упования на Бога, Который посылает народу Своему несравненно больше, о чем мы просим или помышляем.

ОСТАПЕНКО

Иван Моисеевич

1914—1973

Иван Моисеевич родился в 1914 году в семье ревнителей православия. В юные годы, при румынском режиме, он был членом «божьего войска», организованного в 1928 году для борьбы с пробуждающимся в Бессарабии баптизмом. Многие члены этого общества, искренне считая что отстаивают Божью веру, вели непримиримую борьбу с «отступниками» от исторической веры отцов. Желая доказать исключительность своей веры, они нередко устраивали специальные диспуты с возрожденными христианами. Именно такие диспуты окончательно убедили молодого Ваню Остапенко в правоте веры в живого Бога, Создателя неба и земли. С тех пор он до конца дней оставался верным последователем евангельского учения, которому отдался всей душой.

Будучи ревностным христианином, он старательно изучал Священное Писание и скоро стал хорошим проповедником, верного преподающим слово истины.

По натуре Иван Моисеевич был справедливым и строгим, но строгость он больше всего проявлял к себе. Никогда не стремился к известности. Старался в чистоте сохранять звание христианина и служителя Божьего.

В 1949 году Ивана Моисеевича рукоположили на пресвитерское служение, которое долгие годы он ревностно совершал в Шевченковской церкви. В служении он неукоснительно руководствовался Словом Божьим: дети постоянно присутствовали на богослужениях, приезжие служители проповедовали в общине.

В благословенные 60-е годы, когда Господь пробудил в нашей стране Свой народ и началось движение за чистоту Церкви Христовой, Иван Моисеевич всем сердцем привет-

ствовал это святое дело. Сознавая греховность регистрации на условиях соблюдения антиевангельского законодательства о культах, он всеми силами старался убедить церковь освободиться от греховной зависимости от мира. С тех пор начались его преследования.

18 октября 1968 года, сохранив верность Господу и церкви, Иван Моисеевич был осужден по статьям 138 ч. 2 и 209 ч. 1 УК УССР на четыре года лишения свободы с содержанием в лагерях общего режима и на три года ссылки.

Основной срок Иван Моисеевич отбывал в лагере г. Вольнянска Запорожской области. Администрация лагеря ходатайствовала, чтобы Иван Моисеевич отбывал ссылку в сельской местности. Председатель колхоза Одесской области Килийского района Н. А. Музыка дал на это согласие. Но, как потом выяснилось, за эту услугу Иван Моисеевич должен был отречься от своих убеждений. Этого, конечно, Иван Моисеевич сделать не мог. Под стражей его отправили в ссылку в поселок Нягань Октябрьского района Тюменской области. Тридцать пять дней он шел этапом в далекую Сибирь. Ему тогда было 58 лет. Он был инвалидом третьей группы.

Разделить суровую ссылку с мужем приехала жена, Ирина Прокопьевна. Для супругов, проживших всю жизнь на юге, климат севера оказался очень тяжелым, и они вскоре заболели. Дети вынуждены были взять Ирину Прокопьевну домой, а Иван Моисеевич лег в больницу. После полуторамесячного лечения медкомиссия дала заключение: климат севера противопоказан. Леспромхоз, где работал Иван Моисеевич, направил в суд характеристику и ходатайство о досрочном освобождении.

Между тем, Ивана Моисеевича неожиданно перевели на работу истопником в ночную смену на одном из объектов на окраине поселка. По свидетельству жителей поселка, днем 26 января Иван Моисеевич был бодр и говорил только о близком освобождении. Заносил в помещение дрова, чтобы ночью впервые заступить на дежурство.

Наступило утро 27 января 1973 года. Жителей поселка облетела жуткая весть: Иван Моисеевич найден повешенным в подъезде здания, где дежурил первую ночь. Одновременно с этим трагическим событием исчезли и два человека, жившие с ним в одной комнате в общежитии. Для жителей все это было загадкой.

Получив это скорбное известие, друзья его молодости вспомнили, как Иван Моисеевич, будучи юношей, не раз

говорил: «Братья, приближаются гонения на христиан, и сердце мне подсказывает, что я должен умереть за веру во Христа...» Через 44 года это предчувствие исполнилось.

Пришло последнее письмо Ивана Моисеевича, из которого и родные и вся церковь узнали, что он предчувствовал свой мученический конец: *«Не плачьте обо мне, если умру. Придет время, Господь скажет северу: отдай; и югу: не удерживай. И земля извергнет мертвецов своих, дабы предстать им пред белым престолом и Судьей всей вселенной, чтобы получить каждому то, что он делал, живя в теле; доброе или худое. Будем помышлять всегда о добром и делать добро перед всеми человеками и Богом. Кого в чем обидел, простите меня ради Господа...»*

Родственникам, прибывшим в Тягань, сначала разрешили вывезти гроб с телом, а потом по непонятной причине отказали. (При беглом осмотре родные заметили, что ноги и кисти рук замученного отца были почти черные, а лицо чистое, белое.)

Пришлось поехать в Москву. Обращались во все инстанции, но бесполезно. Тем временем из Тюмени пришло разрешение взять тело. 17 дней гроб доставляли в родную церковь. Работники КГБ ходили по пятам за родственниками и чинили большие препятствия.

Как только прибыли в Шевченково, сразу же появились работники санэпидстанции и категорически запретили вскрывать гроб. Вокруг дома поставили охрану. Но родственники, невзирая ни на что, вскрыли гроб и осмотрели тело. На виске у брата Ивана Моисеевича была углубленная рана. Она была заполнена воском. Но в Шевченково было, конечно, теплее, чем в Сибири, и воск подтаял, вскрыв следы злого умысла. Брата, по-видимому, сначала убили, а потом повесили. Да еще пытались представить как самоубийцу, чтобы верующие отказались его хоронить. Но злой умысел был раскрыт. Верующие убедились в лживости измышлений недругов.

Убийство брата Остапенко не было случайным произволом. Дело в том, что Шевченковскую общину настойчиво вели к регистрации отступившие служители. Освобождение И. М. Остапенко помешало бы им увести церковь с прямого пути Господнего. Церковь любила своего пресвитера-узника и доверяла ему больше, чем неустоявшим в истине служителям. Поэтому недруги дела Божьего лишили жизни Ивана Моисеевича, чтобы он не мешал тем, кто повел бы церковь по греховному пути.

В день погребения собралась тысячная толпа, среди них были и служители и просто верующие, горячо любившие дорогого узника. Гроб с телом мученика за веру Христову в сопровождении духового оркестра был доставлен на городское кладбище, где после краткого прощального служения тело брата в благоговении было предано земле. Скорбным было расставание с дорогим служителем, но радостной будет встреча с ним в тот час, когда «Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде» (1 Фес. 4, 16).

Многолюдные похороны бескомпромиссного служителя Божьего — пресвитера Шевченковской общины СЦ ЕХБ, убитого и повешенного в ссылке.

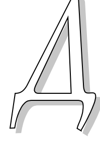

МОИСЕЕВ

Иван Васильевич

1952—1972

Дорогие братья и сестры! С глубокой скорбью сообщаем вам, что 16 июля 1972 года в г. Керчи на втором году службы в армии за свидетельство о живом всемогущем Боге был замучен молодой христианин Иван Моисеев.

Этот простой, искренне любящий Господа юноша, по прибытии в часть в уединенных местах молился Богу. За это его неоднократно выставляли перед полком на всеобщее посмеяние. Публично издеваясь над ним с первых дней службы, армейские офицеры сделали его предметом всеобщего внимания, в надежде, что таким образом окажут на него давление и Ваня откажется от веры в Бога. Два года службы в армии для дорогого брата были годами сплошных пыток и чудовищных издевательств. Но юный благовестник оставался непреклонным и мужественно переносил испытания. В ответ на это, как особую милость, Господь посылал ему для утешения и ободрения Ангелов и сопровождал чудесами и знамениями его простое, как сама правда, свидетельство о Христе.

И как офицеры и заинтересовавшиеся этим работники КГБ, ничего не могли противопоставить его живой вере, то замучили, а затем утопили этого свидетеля Божьего.

Глядя на фотографию Вани со следами побоев и мучений, переданную родителями, так и хочется сказать: «Не умер, но спит». Спит спокойно, как доверчивое дитя, ничем не запятнавшее свою совесть. Не далеко то время, когда восстанешь ты, дорогой наш брат-мученик, для получения славного венца. Твоя короткая, но святая, яркая, как звезда в ночи, жизнь и сама казнь сделались живой проповедью о Христе, и эта проповедь долго будет говорить и по смерти.

О мученической кончине брата Вани мы узнали из сообщения родителей. Для них смерть сына не была неожиданностью, так как он сообщал им в письмах о глумлениях над ним, а также рассказывал лично во время отпуска, за восемь дней до смерти.

Ниже мы полностью приводим сообщение родителей, сохранившиеся письма Вани, открытое письмо участников похорон, а также личное свидетельство о пережитом, записанное на магнитофонную пленку.

Совету церквей ЕХБ в СССР
Совету родственников узников ЕХБ в СССР
от Моисеева Василия Трофимовича,
Моисеевой Иоанны Константиновны,
проживающих в селе Волонтировка
Суворовского р-на, Молдавской ССР.

СООБЩЕНИЕ

...Я увидел под жертвенником души убиенных за СЛОВО БОЖИЕ и за свидетельство, которое они имели... И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число. Откр. 6, 9—11

Дорогие братья и сестры!

Мы вынуждены пополнить вашу постоянную скорбь ради Иисуса Христа. Наш сын, Моисеев Иван Васильевич, 1952 года рождения, член Слободзейской церкви ЕХБ, отбывавший военную службу в г. Керчи в/ч 61968 «Т», 16 июля 1972 г. принял мученическую смерть за свидетельство Иисуса Христа. Избитого, израненного, обожженного раскаленным железом, еще живого, его утопили в Черном море на глубине 156 см при его росте 185 см.

«Смерть наступила вследствие насилия»,— так отмечено в протоколе экспертизы при анатомировании.

Наш сын дополнил число убиенных за СЛОВО БОЖЬЕ. Вместе со скорбью, мы радуемся за его подвиг страданий.

Он больше всего на свете в своей жизни любил Иисуса и доказал это.

В своих предсмертных письмах часто напоминал нам: *«Если вы любите в мире что-то или кого-то больше Иисуса, вы не сможете за Ним идти...»* Взирая на Учителя благого, он твердо верил и страдал.

Пусть этот живой цветок, отдавший благоухание своей юности на крест, послужит добрым примером для всей русской молодежи (и для молодежи всех национальностей) так любить Христа, как любил наш сын Ваня.

Просим сообщить через журнал, что нас посетили испытания, но верен Бог, Который поможет перенести их.

Родные Вани: отец, мать,
6 братьев и сестра Моисеевы.

1 августа 1972 г.

Последние письма Вани Моисеева

27/XII 70 Привет из Феодосии.

Поздравляю всех вас с Рождеством Иисуса Христа и хотелось бы, чтобы когда прочтете мое письмо вы имели мир от Господа и не печалились обо мне. Думаю, что вы все знаете или меня обманули, что поговорили с отцом, вы знаете. Я не взял автомат, то есть оружие в руки, ни присягу не принял, потому что сегодня было, но еще этот вечер, третий день после Рождества по новому стилю, я на свободе, хотя уже не буду на свободе.

Папа и мама, и все остальные, сегодня 5-й день с тех пор как я начал свою битву. Уже был перед четырьмя полковниками, а подполковников и майоров было еще больше. И Господь победил все. Меня ожидает что-то страшное, но не боюсь, я не дрожал перед ними.

О, дал бы Господь и вам такую твердость и веру, чтобы знать что̀ ответить на различные вопросы. Я ответа от вас не жду, ждите от меня другого адреса и сейчас, сегодня нас перевели в другое место, но в том же городе...

Всего хорошего Семе и Гале. Много здоровья бабушке и веры в Господа. Всем и собранию большой привет.

От вашего сына Вани.

15 июля 1972 г.

Христианский привет, любимые родители! Получил ваше письмо и обрадовался. Хочу сказать, что по милости любвеобильного Отца, здоров. Я написал вам, когда Господь мне открыл, какой есть самый правильный путь и каковы должны быть все христиане...

Любимые мои родители! Когда я был дома, Илюша выучил и спел мне псалом. Прошу вас написать. Илюша, учи еще псалмы, и учи старших, чтобы пели, потому что они не знают. Вчера был в Керченском собрании и встретился с здешними братьями из другого собрания, как и мы не с союзом. Был брат из Сочи. И они знали обо мне. Встреча была очень хорошая. Все здешние и из Сочи передают привет в Господе всем братьям в Молдавии.

Любимые мои родители! Открыл мне Господь путь и я должен идти по нему, и я решил идти. Но не знаю: придется ли вернуться, потому что этот бой намного тяжелее, чем был первый. Намного тяжелее и больше борьбы буду иметь сейчас, нежели имел. Но не боюсь. Он идет впереди меня. Чтоб не скорбели, любимые родители, потому что я люблю больше Иисуса, чем себя самого. Я слушаю Его, хотя тело и немного боится, или не хочет исполнять все, так что и жизнь не ценю так, как ценю Его. Я не буду жить по своей воле, но как захочет Господь. Он скажет идти и я пойду.

Не огорчайтесь, если это будет последнее письмо вашего сына. Потому что и я сам, когда вижу и слышу видения, слышу как говорят Ангелы, и даже удивляюсь и не могу поверить, что Ваня, ваш сын, говорит с Ангелами. Потому что он, Ваня, тоже имел грехи и согрешения, но через страдания Господь очистил их. И он не живет, как хочет, но как хочет Господь.

Пишу еще тем, которые не верят в Господа нашего Иисуса. Вы называетесь антихристами, чтобы знали, хотя не верите, что есть Господь, Который мне дал жизнь, потому что это тело было мертво. Чтоб и ты, Семен, любимый брат, знал, что Отец Небесный и тебе дает жизнь. Даже я много устал с тобой. Чтоб знал и ты, Сема, что есть Господь. Поверь, что я говорил с Ангелами и летал с ними даже на другую планету, где нас ждет жизнь бесконечная.

Верьте, если хотите и те, которые еще не знают о другой жизни. Я вам пишу, потому что видел все это...

31 июня 1972 г.

Приветствую всех вас великой любовью Иисуса Христа. Пишет вам наименьший брат во Христе Ваня.

Вам могу писать еще это письмо свободно, и вы можете узнать, что после радостной встречи с Сергеем была не одна буря, а больше. Я был рад за все. Когда нет бури, ни ветерка, тогда и скучновато станет, так что уже привык к любой буре.

О как прекрасно и чудесно там, далеко от нашей земли! Какая там радость! О братья, идем мы все вперед, не страшитесь, если придется идти через огонь, идите вперед, к цели!

Если сердце твое будет любить что-то больше, чем Христа, тогда ты не сможешь идти за Ним.

Сейчас я буду вам писать какие тела у Ангелов. (И у нас будут такие, если мы будем верны до смерти.) Хотел я видеть Ангела и видел, видел как они одеты и рассказал вам. Но тела у них не как у нас. Их тела не будут мешать кому-то другому смотреть дальше. Смотришь и через них можешь видеть, как через стекло. Внутри и снаружи он чистый-чистый, как кристалл, как зеркало. И можно видеть все, внутри у них ни одного греха, ни одной ошибки нет. Такие духовные тела и мы когда-то будем получать. Такие тела смогут все видеть и Иисуса, и Ангелов, и Отца Небесного, и тогда мы будем знать, что думает другой или сосед. О, какая радость, какая чистота и какая любовь существует там, как все чисты-чисты! Если будем тереть стекло, все равно грязнее будет, чем те тела.

Жду ответа с нетерпением. Желаю всем идти вперед к Небесной стране.

Без даты.

Мир вам, любимые родители. Были у меня из Запорожья братья во Христе. Радуюсь, хотя из союзного (зарегистрированного) собрания. Они предали меня на прошлой неделе за то, что проповедовал Христа.

Несмотря на то, что я солдат, работаю для Господа, хотя имею трудности и испытания. Иисус Христос дал приказ возвещать Слово жизни в городе, в любом собрании, в части: офицерам и солдатам. Был в штабе дивизии и в особом отделе. Хотя не долго было, но Господь сделал так, что и там хорошо получилось, что я возвестил Слово Его самым старшим. Еще больше я был притеснен и изгнан оттуда.

Те будут спасены, которые будут жить не по человеческой воле, а по Божьей воле. Соблюдайте же заповеди Иисуса. Услышите позже, что имею многие чудеса и откровения.

С Господом. Ваня.

9 июня 1972 г.

Приветствия вашего сына прекратятся вскоре, но, будучи слаб, сейчас приветствую вас любовью Иисуса Христа и миром Божьим!

Запретили проповедовать Иисуса. Имею мучения и испытания, но я сказал им, что не перестану нести весть об Иисусе. Господь постыдил их перед всей частью, так как они испытывали меня и вот встал тот солдат, который поехал в отпуск и рассказывал он всем, и спросил: «Чья сила была?»

...Работа большая и я иду по приказу Иисуса. Испытания большие и мучения не легкие. Имею много писать, но не могу писать в письмах. Жду встречи с Сергеем и выполнить приказ Иисуса.

Сейчас чтобы мы не стыдились говорить о Господе.

Все видят чудеса и говорят: «Воистину есть Бог!»

Буду сеять, и буду идти вперед, как меня учит Господь через Духа Святого и Ангелов.

Не обижайтесь, но я стараюсь в этой работе. И знайте, что для тела не легко. Здесь я хожу в собрание, хоть они и запретили. Братья передали всем привет, и я передаю всем привет: в Слободзею, Ермоклию.

Сене и Гале желаю, чтобы уверовали и увидели силу Господа, что Он есть. Как здесь все начальники и солдаты говорят, что есть Бог и боятся, ибо видят чудеса и силу Его. Бабушке тоже желаю уверовать, и чтобы знала, что дорога, по которой она идет, ведет в ад. Веруйте в Евангелие, пока зовет вас Иисус Христос, и Он вам дарует жизнь вечную. Я не могу дать жизнь.

Если услышите, что я на свободе, то знайте, что здесь в г. Керчи, оставил блокнотик, где написал чудеса. Может, вы приедете, или они к вам,— Господь знает все.

Будьте истинными христианами. Он укрепит и пошлет силу. Просите, ибо Он богат для всех, и все, что желаете, даст вам даром.

Я вас не забуду в моих молитвах.

С Господом. Ваня.

11 июля 1972 г.

Приветствую всех вас любовью Иисуса Христа! Пишет вам это письмо Ваня. Я очень рад за вас, и еще может быть встретимся.

Можете узнать, что строгим образом запретили увольнения для меня. Но работаю полным ходом для Христа и не хочу хвалиться, а хочу, чтоб вы знали и не забыли в ваших молитвах про нас.

10 июля, вечером, проповедовал Иисуса и покаялся один солдат. Я очень рад был, и еще больше сил наполнило меня.

Встречи с Сергеем еще не было. Слава Господу за все. Если встречусь с вами, расскажу подробно, а писать не могу.

...Больше, мне кажется, вы меня не увидите... а если думаете приехать ко мне, бесполезно. О вас я не забуду в молитве. Очень буду стараться встретиться с Сергеем.

Может, последнюю работу уже выполнил.

Примите сердечный христианский привет от наименьшего брата Вани. Всем передайте привет. Ответа не жду, и прошу вас не писать. До свидания. С Богом, дорогие друзья.

Мне стало жаль вас, но одно помню: иду выполнить Христовый приказ.

Приветствие от Вани.

13 июля

Получил я, браток, твое письмо, и с ответом запоздал, потому что была буря сильная. У Сергея нашли и забрали открыточки и литературу.

Ты родителям сразу не рассказывай. Скажи им: Ваня мне написал письмо и писал так: он по приказу Иисуса Христа идет в бой, а этот бой — христианский, и неизвестно, вернется ли он.

Желаю всем вам, дорогие друзья, молодые и старые, один стих: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2, 10).

Примите, может, последний привет на этой земле от наименьшего брата Вани.

«Не унывай в пути, но твердо веруй:
Господь рассеет мрак и дух твой укрепит,
И солнца луч тебя согреет,
И мрачный путь Он снова озарит.
Пусть небо синее покрылось черной тучей
И солнышко не светит на пути,
Ты не забудь, с тобою Бог могучий...»

/Из блокнота И. Моисеева./

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

всем детям Божьим, составляющим Церковь Господа нашего Иисуса Христа

...Иные же замучены были, не принявши освобождения... Евр. 11, 35
...Умерщвлен верный свидетель Мой...
Откр. 2, 13

Возлюбленные в Господе, братья и сестры!

Извещаем вас о скорбном событии. Эта скорбь является нашей общей скорбью, ибо все мы составляем единую Церковь, единое Тело Христа.

17 июля 1972 г. брат Моисеев Василий Трофимович и его жена Иоанна Константиновна получили срочную телеграмму из г. Керчи в/ч 61968 «Т»: «Ваш сын Моисеев Иван Васильевич трагически погиб». При выдаче тела родным вручили свидетельство о смерти, где в графе: причина смерти, записано: «Механическая асфиксия от утопления».

В акте экспертизы при анатомировании значится: «Смерть наступила вследствие насилия».

Перед погребением гроб вскрыли и, осмотрев тело, все пришли в ужас: в области сердца шесть глубоких проколов, на голове слева и справа раны и ссадины, ноги и спина сильно побиты, на груди большие ожоги, так что стук пальца по коже слышен. Вокруг рта синяки.

Зная Ваню, как верного свидетеля Христа, мы заявляем: он был терзаем и мучим за Иисуса. 16 июля 1972 года для него оканчивался последний срок для рассуждения*, там он принял пытки и, так как был верен Богу, мучители не услышали от него отречения. Тогда, скрывая следы, его, еще живого, насильно утопили в море на глубине 156 см, при росте Вани 185 см.

У гроба замученного брата было много народа: братьев, сестер местных и приезжих, которые совершали благоговейное служение Господу. Похороны проходили 20 июля с. г. во второй половине дня с пением гимнов и несением текстовенков на молдавском и русском языках: «Для меня жизнь Христос, а смерть приобретение»; «Не бойтесь убивающих

* Постоянно запугивая и подвергая пыткам Ваню, люди в штатском, как свидетельствуют документы, при участии военных начальников неоднократно давали ему сроки «подумать» и отречься от своих убеждений. *(Прим ред.)*

тело, души не могущих погубить»; «Увидев под жертвенником дỳши убиенных за Слово Божие...».

Вот лицо безбожников. Они дополняют меру беззакония своего, о чем свидетельствует ныне мученическая кончина дорогого брата Моисеева Ивана Васильевича.

Предав земле прах замученного брата Вани, мы возвратились на свои места с благоговением и желанием более ревностно служить Господу и так же, как брат Ваня, быть верными Ему до смерти.

Да, и в наши дни совершилось небывалое. Обратите внимание на это, посоветуйтесь и скажите. Расскажите об этом всему народу, любящему Господа. Расскажите об этом всем большим и малым, чтобы все, в ком есть страх Божий и кто жаждет встречи со Христом, единодушно устремились к Нему, защищая и отстаивая истину.

Ваши братья и сестры Слободзейской, Ермоклийской, Тираспольской церквей — участники похорон.

20 июля 1972 г. село Волонтировка.

О пережитом

(Личное свидетельство брата Вани Моисеева)

По прибытии в часть я часто искал место для молитвы. Заметил одну комнату, в которой до 10 часов утра никого не было. Подъем солдат в 6 часов. Я одеваюсь и иду туда и молюсь до завтрака. Солдаты делают физзарядку, занимаются строевой, а я молюсь два часа. Иногда даже опаздывал на завтрак, потому что на часы не смотрел.

Так прошло два месяца. Настал день испытания моей верности Господу. Бог открыл мне, как я должен поступать. В то утро я встал в 5 часов и молился. Около 9 часов я поспешил встать в строй: все уже ожидали и искали меня. Пришлось отчитываться перед командиром роты за свое опоздание. Ему уже доложили, что я верующий. Майор приказал встать в строй и сказал, что я буду наказан.

Разговор с ним продолжался в поле. Солдаты занимались военным делом, а я разговаривал с начальником на другую тему. Он хотел заставить меня отказаться от моих убеждений. Когда мы вернулись в казарму, меня снова вызвали к командиру и там многие начальники беседовали со мной. Дали наказание: работать всю ночь. И я с радостью работал, пел и молился.

На другой день снова работал. Солдаты занимались строевой, а мне дали мыть полы в казарме. Казарма большая. Мыть щеткой с мылом, я был на все согласен и радовался. Начальство это заметило и как только я начал мыть, стали вызывать то к одному, то к другому.

Наконец, я был вызван к командиру дивизии. Встретил меня его заместитель и с ним я беседовал около трех часов. Он сначала кричал, потом перестал. Я спросил его: «Разрешите сказать вам несколько слов?» Он разрешил, думая, что уже переубедил меня и что я буду слушать его. Но я все время слушал Бога, а не людей. Я сказал ему: «Вы даром кричали. Вы не запугаете меня криком».

После этого меня увезли в другую часть, где целый день со мной беседовал полковник. Через 20 дней мы прошли 500-километровый марш для шоферов и нас отправили в г. Керчь.

Там меня начали испытывать. Первое испытание: 5 дней ничего не давали кушать. Они спрашивали меня: «Ты когда-нибудь болел?» Я сказал: «Нет, я не знаю, что такое больница». Они думали, что через 5 дней я должен заболеть. Но я не заболел, слава Богу! Я молился. Проверили меня на рентгене — не заболел. Отпустили. Об этом узнали начальники и сказали: «Дайте ему покушать, иначе вы опозорите нас, если он умрет с голоду!»

В строю я не ходил и песен с ними не пел.

Потом испытывали меня по-другому. Была уже зима. На дворе снег, 30 градусов мороз. Солдаты спят в казарме, а меня выводят на улицу и приказывают: стоять на морозе 5 часов. В летней форме: в одной рубашке, брюках, в сапогах, в шапке. Их не касалось, как я проведу время, лишь бы пробыл 5 часов на улице. А я все время молился, какой бы срок ни дали. После этого вызывают, спрашивают: передумал или нет. И снова повторяется тоже наказание. Но я холода не ощущал. Начальники если выйдут на улицу и постоят 10—20 минут, то дрожат от холода. Смотрят на меня и удивляются, что со мной ничего не случилось в такой мороз. Бывало целую ночь стоял, и даже подряд несколько ночей. Это испытание было две недели.

Помню, в первый раз, когда мне разрешили спать в казарме с солдатами, я разделся и лег после отбоя в 10 часов вечера. Я уже спал, солдаты тоже спали, как вдруг прилетел ко мне Ангел и сказал: «Иван, вставай!» Мне показалось, что это сон. Я встал, не помню как оделся. Из казармы мы вышли не через двери или окно, но открылся потолок и крыша и мы улетели на другую планету. Ангел мне сказал:

«На этой планете будешь идти за мной, потому что дороги не знаешь». И я шел за ним. Подошли мы к реке, по берегам которой была большая трава. Он перешел реку, а я боялся. Он сказал:

«Чего ты боишься?»

«Змей»,— ответил я.

«Ты со мной, не бойся! Здесь не так, как на земле. Змей здесь нет». И я перешел к нему.

Там он показал мне одного ученика Иисуса Христа — Иоанна. Иоанн был первым кого я видел. Он прилетел и рассказал мне, как они живут на той планете. Та планета озарена таким ярким светом, лучше, чем дневной свет на земле. Но солнца я там не видел.

Потом Ангел показал мне пророка Давида, Моисея, а после — пророка Даниила. Но я с ними не разговаривал, а только Ангел говорил с ними.

Когда мы шли дальше Ангел сказал: «Мы прошли далекий путь, и ты устал». Сели под большим деревом и немного отдохнули. «Я хочу показать тебе небесный город — Новый Иерусалим. Но если ты увидишь этот город, как он есть, то не будешь жить, а для тебя еще много работы на земле. Мы будем лететь отсюда на другую планету. Я покажу тебе только свет этого города, чтобы ты жил и знал, что небесный город действительно есть».

И мы улетели на другую планету, где были высокие горы. Мы не поднимались на те горы. Между гор было глубокое ущелье, Ангел поставил меня в это ущелье и сказал: «Смотри вверх и увидишь свет города».

И я увидел этот свет, который ярче солнца и даже ярче дуги электросварки. Я думал, что ослепну, но Ангел сказал: «Ты не бойся, смотри, ничего с тобой не случится». И я смотрел...

«Пришло время возвратиться на землю»,— сказал Ангел. И мы улетели. Помню, крыша и потолок раскрылись и мы очутились в казарме. Ангел стал по одну сторону кровати, а я по другую. Постояли 1—2 секунды. Дежурный по казарме закричал: «Подъем!» И Ангел скрылся.

Все солдаты встали. Я смотрю на себя: одет, койка моя заправлена. Я все запомнил хорошо, что показал мне Ангел.

Мой сосед встал (он тоже из Молдавии) и говорит:

«Где это ты был ночью?»

А я думал, что все это было во сне. Я ответил ему:

«Ты не помнишь, как я разделся и лег спать?»

«Да, действительно, ты со мной лег спать, но после трех часов ночи ты куда-то вышел, я подумал, что ты ушел в самоволку в город».

«Идем, спросим у дежурного»,— сказал я. Спросили у дежурного по казарме.

«Никто не выходил ночью,— ответил он,— я стоял у двери».

Тогда я рассказал своему соседу, где я был, но он не поверил.

Два дня я находился в таком состоянии, что не мог понять: живу я на земле или нет. Работал на машине правильно, ощущал все, но не верилось, что я на земле. Потом это все прошло. Но чудо откровения Божьего до сих пор удивляет меня.

Меня часто вызывали в штаб, беседовали со мной, допрашивали, угрожали все с целью перевоспитания и чтобы я не имел свободного времени. Если вызывают 10 раз в день, то этого мало. Иногда вызывали по 15—20 раз.

Однажды наша рота собралась на политзанятия. В начале собралось человек 20. Командир роты почему-то не пришел. Тогда солдаты решили провести беседу на тему: какая разница между моим Богом и их богом. Они спросили меня:

«Кто твой Бог?»

Я ответил: «Мой Бог всемогущий и всесильный».

Один сержант, армянин из Еревана, говорит мне: «Если твой Бог всемогущий и Он жив и может все сделать, то пусть Он отпустит меня завтра домой в отпуск, тогда я буду верить в Него!»

И все солдаты подтвердили: «Да, если Бог отпустит его, мы будем знать, что действительно есть Бог. А пока все, что ты рассказываешь, мы принимаем за сказки. Если же твой Бог сделает это, мы поверим, что Он живой и может все сделать».

Я помолился в духе и Господь открыл мне: «Скажи, что Я могу это сделать». Тогда, обратившись к сержанту, я сказал: «Завтра ты уедешь домой в отпуск, но только исполни, что я скажу тебе». (Он курил.)

«Брось сигарету»,— сказал я. Он бросил. — А теперь вытащи пачку из кармана». Он достал и сжег ее. Пока проходила эта беседа, собрался весь полк, 150 человек. Затем пришли наши начальники и распределили нас по работам.

Вечером мы опять встретились с сержантом и беседовали всю ночь, спать пришлось часа два. Он обещал, что будет верить. Я дал ему некоторые советы, как вести себя в дороге,

дома. Родители его неверующие, ничего не знают о Боге. А с начальником у него даже и разговора не было об отпуске.

На утро, сразу после подъема, меня отправили на машине за продуктами. Потом мне рассказывали, что в наш полк из Одессы позвонил большой начальник, какой-то генерал, и приказал этого сержанта, срочно через 10 минут, отпустить домой.

Но я верю, что это был не генерал, Ангел звонил по телефону.

В штабе оформили документы и сержант уехал в отпуск.

Когда солдаты узнали об этом, то рассказали офицерам, какое мы вчера провели «политзанятие» и что исполнилось все, «что предсказал Иван». Офицеры послали нескольких солдат в погоню за сержантом, чтобы вернуть его и тем самым опровергнуть всеобщее мнение солдат, что Бог Ивана дал отпуск сержанту, но было поздно. Сержант уже уехал, и его не догнали.

Когда я вернулся в полк, солдаты окружили меня и с радостью рассказали, что он уехал. Не успел я поговорить с ними, как меня вызвали в штаб. Там ждал меня командир дивизии генерал-майор. На его вопрос о том, что произошло, я рассказал все по порядку о вчерашнем политзанятии...

«Но как ты мог знать, что он уедет в отпуск?» — спросил генерал.

Я ответил, что это сделал Бог.

Видимо, по распоряжению генерала меня хотели убрать из этой части, куда-то подальше увезти, но солдаты вступились за меня. Все бросили работу и собрались у штаба. Так я остался в своей части.

После этих «политзанятий» нас всех отправили на целинные земли на уборочную. Мне хотелось дождаться сержанта из отпуска, но нас увезли на целину.

> За время работы на целинных землях, как рассказал дальше брат Ваня, Господь послал ему для утверждения его веры два видения. Одно из них он видел ночью, выйдя из палатки. На прекрасно сияющем звездном небе явилась яркая лента.

Но я не мог читать от яркого света,— рассказывал Ваня,— и стал читать по буквам, как мальчишка из 1 класса. Там было написано: «Я скоро приду».

> По возвращении с целинных земель их часть продолжала работать в Одесской области в селе Жовтень Ширяевского района. Закончив работу, колонна машин воинской части, в которой служил Ваня,

направилась к ж.-д. станции. Ване было приказано сесть в машину, вышедшую из строя, буксируемую другой машиной. В пути эта машина окончательно сломалась, так что ее невозможно было буксировать. Нужно было снять карданный вал. Ваня залез под машину и стал снимать карданный вал. Никто из солдат шоферов не догадался подложить упоры под колеса машины. И когда после долгих усилий ему удалось сорвать монтировкой кардан, он отодвинулся в сторону, чтобы кардан не упал на него. В этот момент машина /ЗИЛ-164/, груженная двумя тоннами земли, тронулась с места и наехала задним колесом на правое плечо Вани. Он успел только отвернуть голову и крикнуть, чтобы дали задний ход. Колесо остановилось у него на груди. Несколько минут прошло пока шофер буксирующей машины завел мотор и дал задний ход... Машина раздавила плечо и правую сторону грудной клетки Вани.

Два часа вся колонна простояла на дороге, пока Ваня пришел в сознание. Медицинской помощи не было оказано никакой. В 3 часа ночи колонна прибыла на станцию Затишье, где тоже не было врача. Начальство, видя, что Ваня держится еще на ногах, решили везти его в общем эшелоне до Симферополя, надеясь в тот же день быть там. Между тем, рука Вани уже омертвела, дышал он с большим трудом. Воинский эшелон прибыл в Симферополь только на третьи сутки!

* * *

Прибыли мы в Симферополь ночью, в 4 часа,— рассказывал дальше Ваня,— ждали до 9 утра, и меня отвезли в военный госпиталь. Там хирург осмотрел меня, заставил поднять руку. Левая рука поднялась, а правая осталась неподвижной, омертвела.

Врач проверил плечо и руку на рентгене и положил в палату. На другой день меня снова взяли на рентген для проверки легких. Снова уложили в палату и ничего не сказали. На следующие сутки у меня повысилась температура.

На четвертый день вечером, это было 26 ноября 1971 года, температура повысилась до 42 градусов. Дышать я уже не мог. Правая рука была холодная, не чувствовал ничего.

Лежать я мог только на левом боку. В то время, когда в палате был ужин, я поднялся с постели и стал молиться вслух так, как будто я находился в последний раз на земле. Все в палате слышали мою молитву. Помолившись, я лег спать и больше ничего не помню. На следующий день утром я проснулся в 6 часов и увидел, что лежу на спине и обе руки мои подняты вверх. Смотрю на левую руку — понятно, что она может так подняться, смотрю на правую — не верится... Я подумал, что это сон. Медленно опустил руки. Правая не болит!

Чувствую, что могу легко и свободно дышать. Сделал глубокий вдох два раза, что же это?! Встал с кровати, пощупал кровать. Неужели я сплю? Сделал физзарядку. Дышу свободно!

Тогда я стал молиться, благодарить Господа. Но все равно не верил, что это была действительность. Думал, что сон и снова лег спать.

Пришел на обход дежурный врач. Ему сказали, что со мной что-то случилось, и он сразу подошел ко мне. Предложил измерить температуру.

Я сказал: «Мне термометр не нужен».

Тогда он говорит: «Прими лекарство».

«Ваше лекарство не поможет»,— ответил я.

Он посмотрел на меня и испугался, подумал, что я сошел с ума.

«Я видел, что вы не можете вылечить меня,— сказал я,— и обратился к моему Врачу, Который исцелил меня сегодня ночью».

Доктор еще сильнее испугался. Тогда я встал, взял термометр, мне тоже было интересно узнать, какая у меня температура. Проверили температуру — нормальная, 37 градусов. Врач удивился и ушел.

Потом вызывает меня хирург в свой кабинет и спрашивает: «Что случилось?» Я ему повторил те же слова, которые говорил дежурному врачу. Они уже узнали, что я верующий и поняли, к какому Врачу я обратился.

Хирург открыл книгу записей и говорит: «Смотри сюда. Вот какое лечение мы должны были тебе применить: руку твою отрезать и выбросить, так как она была совершенно негодная и половину легких твоих также нужно было выбросить! Сегодня ты должен был перенести эту операцию. А сейчас я впервые в жизни вижу, что действительно есть Бог и Он тебя исцелил, потому что мы этого не смогли бы сделать никогда!»

Хирург был в звании подполковника медицинской службы. В его кабинете при этом разговоре присутствовали еще два врача. Я попросился в часть. Он сказал: «Да, сегодня я тебя выпишу». Записал все в медицинскую книжку, дал ее и я ушел.

Из госпиталя мне нужно было еще зайти в штаб корпуса, чтобы получить документы с целины. При штабе находились 200 человек солдат, которые были со мной на целине и все наши начальники.

Увидев меня, они все удивились: как это могло случиться, что через 5 дней я вышел из госпиталя после тяжелейшей травмы! Когда я рассказал им, что со мной произошло в госпитале, они поверили, что есть Бог.

В штабе корпуса мне выдали документы, командировочное предписание и я ушел на автовокзал. Купил билет. Вдруг подъезжает легковая машина. Военный шофер вышел из нее и подозвал меня. В машине находился полковник — главный врач по Крыму. Когда он узнал, что операция не состоялась и что меня выписали из госпиталя, то очень встревожился. Ему доложили врачи о моем исцелении, но он им не мог поверить и решил вернуть меня. Но было уже поздно. Я кратко пояснил ему, как исцелил меня Господь, показал руку, плечо и он меня отпустил.

Таким образом я возвратился в Керчь, в свою часть, где многие знали меня. И снова все были удивлены, узнав о моем чудесном исцелении.

В дни испытаний, о которых я рассказывал в начале, было еще одно явление Ангела. Когда меня беспрерывно вызывали в штаб на беседы с целью перевоспитания, я обычно дорогой молился или пел духовные песни. Однажды, по пути из автопарка в штаб, я молился и смотрел на небо. Вдруг стала спускаться блестящая звезда, которая, приближаясь, становилась все больше и больше. И я увидел, что это Ангел. Он спустился, но не до самой земли, а метров 200 над землей шел в воздухе надо мной в том же направлении, куда вела моя дорога.

Он сказал мне: «Иван, иди, не бойся, Я с тобою». Так мы шли до самой двери штаба. Потом он стал невидим для меня, но я твердо верю, что он был со мной рядом, когда я разговаривал с начальством.

Месяца два тому назад или больше, перед отправкой нас в длительную командировку, я молился всю ночь. В три или четыре часа ночи Бог для утешения моей души показал мне небесный хор, который пел песню: «Во все концы земли

несчастной...» Пока Ангелы пели эту песню, я их видел — все были в разноцветных сияющих одеждах. Когда они скрылись, Господь сказал мне: «Это для утешения твоей души. Ты завтра уедешь отсюда». Так и было.

Я прочитаю сейчас из книги Числа 22, 31: «И открыл Господь глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и преклонился, и пал на лицо свое». Вот как Бог посылал в то время Ангелов верующим людям, так и сегодня Он может всем верующим в Него показать Ангелов и явить Свою силу!

Я хочу еще прочитать Евангелие от Марка 14, 35: «И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей». Дорогие братья, такие часы испытания, часы трудные. И для нас многих есть такие часы. Иисус Христос молился тогда. Он знал все, что Его ждет впереди, а мы ничего не знаем. Я хочу пригласить вас к молитве. Как Иисус Христос молился, и мы сейчас склоним колени и будем молиться Господу». /Молитва./

Однажды я ехал на машине, груженной хлебом и мне Бог открыл духом: «Уменьшай скорость». Я смотрю на спидометр: 60 км и думаю: но это мало, чего я буду уменьшать скорость, не подчинился. Еду дальше, и тогда Бог открыл задние двери машины и хлеб высыпался на землю, но я ничего не видел. Вдруг, смотрю,— булка хлеба катится впереди машины. Я удивился и остановился и сразу догадался, что это Бог меня останавливает.

Со мной ехал старший сержант. Мы вышли и посмотрели назад, а там на расстоянии километра два рассыпан хлеб.

— Ваня,— спросил сержант,— кто закрывал двери?

— Мы, вдвоем,— ответил я.

— Да, правильно. Я работаю шесть лет на этой машине и такого еще не было. Дверь закрывается на две защелки, если ее ударить, она еще лучше закрывается, да еще замок. Не может быть, чтобы она сама открылась! Мы закрывали ее, я помню.

— И я помню.

Мы собрали весь хлеб и поехали дальше.

На первом же перекрестке мы поняли, что это Бог спас нам жизнь! Пока мы собирали хлеб, нас обогнал пассажирский автобус «Икарус» и столкнулся с автокраном. Произошла большая авария. Все пассажиры погибли, а мы приехали в полк и всем рассказывали, но они не верили. Меня вызвали и спрашивали: «Как это может быть?» Я сказал:

«Так было! Бог нам спас жизнь. Он любит всех и не только нас». Тогда Бог прославился.

Потом меня арестовал военный трибунал. В штабе корпуса в г. Симферополе я был на допросе у военного прокурора. Там сказали мне по какой статье будут меня судить. Наказание — 3—7 лет. «Даю тебе три дня подумать. Если не откажешься от своего Бога, получишь 7 лет».

После допроса увезли в Керчь. Прошло три дня. Повезли в тюрьму и снова пугали: «Здесь будешь сидеть!» В тот же день увезли оттуда и снова сказали «подумать три дня». Прошел и этот срок, приехали за мной и увезли в Одессу.

Там тоже хотели запугать меня. Приказали поставить ногу в какую-то морозильную камеру на 5 минут. Нога замерзла, сапог стал белый. Я не мог ступить этой ногой, так как она была совершенно замерзшая. Немного чувствовалась боль. Тогда я стал молиться и нога выздоровела.

Опять дали срок подумать три дня и увезли в Керчь. Исполнился и этот срок. Тогда прокурор сказал: «Будем встречаться в судебном зале». Приехали за мной и сказали, что увезут в Симферополь. Посадили в поезд «Симферополь — Иркутск», в котором был вагон для арестантов. Охрана с автоматами. Привезли в Симферополь. Я спросил: «Когда же будет суд?» Они сказали: «Это военный трибунал судит. Если даже будет суд, никто и твои родители сюда не приедут. Мы осудим тебя на 7 лет, так что подумай: где лучше в армии 2 года, или 7 лет в тюрьме?»

Я сказал: «Пусть дадут 7 лет».

И меня увезли в большую тюрьму. Стены толстые — 2,5 метра, из камня. Там я сидел 10 дней. Каждый день они меняли комнаты*.

Конечно, в одной стоял. Например, в другой комнате была скамейка, только можно стоять и сидеть. В третьей комнате была кровать, можно лежать и сухо было. В четвертой комнате капает вода сверху, холодная! В следующей комнате рефрижератор: холодно-холодно — можно замерзнуть и т. д.

Надели на меня резиновый костюм, который сильно сжимает. Они смотрели, сколько может выдержать человек. Испытали это. «Ну как, подумал?» — спрашивают. Еще сжимают. Но они уже видят, что человек не выдерживает и от-

* По-видимому, это были камеры. Брат Ваня — молдаванин, свободно изъясняться по-русски он не мог. (*Прим. ред.*)

пускают. И так продолжалось 10 дней. Начальники сказали: «Будешь сидеть здесь 7 лет!» Я ответил: «Если на то будет воля Божья, чтобы мое место было здесь, значит буду здесь 7 лет, а если нет, то на второй день меня снимут оттуда». Так и было: через 10 дней сняли и увезли обратно в Керчь.

Последний срок, данный Ване подумать, кончился 16 июля. А так как он оставался верным Господу, то в этот день, после обеда, начальник части Малсин В. В. с группой лиц в штатском приказали Ване ехать в своей машине за ним. (Убийцы, по словам очевидцев, ехали к месту казни на машине «Победа».)

Их руками убит наш дорогой брат Ваня.

19 июля при выдаче родителям тела сына очевидцы казни Вани, «выражая сочувствие», сказали: «Моисеев умирал трудно, он боролся со смертью, но умер христианином».

Из личного блокнота Вани Моисеева,

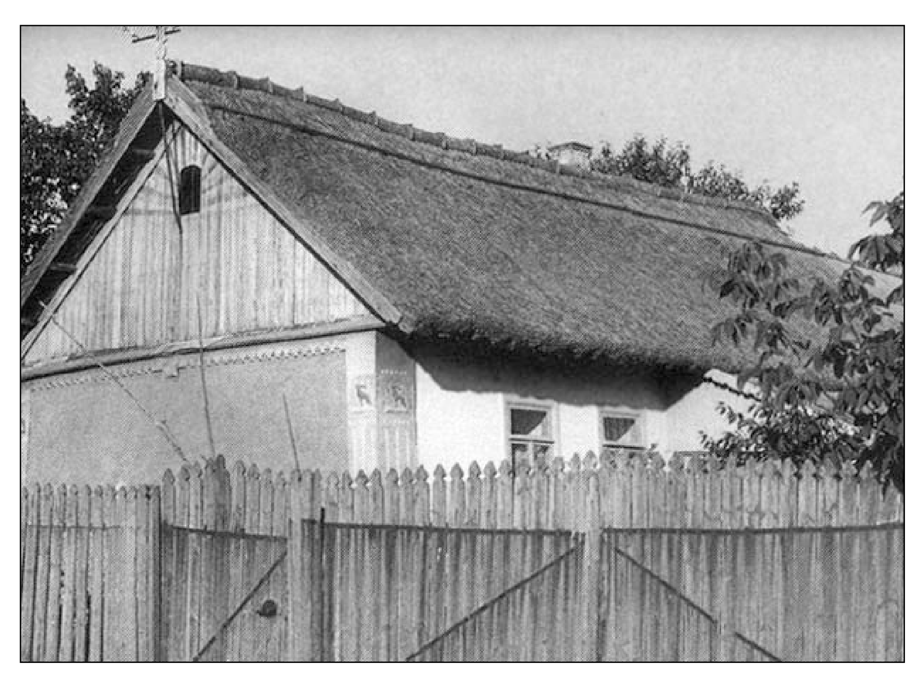
оставленного у верующих г. Керчи
перед мученической смертью

В годину тягостных житейских испытаний
Не унывай, мой одинокий брат,
Пусть жизнь твоя полна одних страданий
Иди вперед! Не отступай назад!

Далека ль цель твоя, терниста ли дорога,
Не унывай, мой одинокий брат.
Пусть жизнь твоя участьем не согрета,
Иди вперед! Не отступай назад!

Услыша смех врагов, наветы и глумленья,
Не унывай, мой одинокий брат,
Верь глубоко в заветные стремленья,
Иди вперед! Не отступай назад!

Темна ли ночь вокруг, царит ли непогода,
Не унывай, мой одинокий брат,
Сей правды семена, настанет время всхода,
Иди же к цели, одинокий брат!

Родной дом Вани Моисеева в с. Волонтировка, Молдавия.

* * *

Дорогие друзья!
Не бойтесь, если придется страдать за Христа:
Вы радуйтесь!
Идем мы все к победе.

Подобно псалмопевцу, который дважды обращается к душе своей: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога...» (Пс. 41, 12), Ваня многократно обращался к своей душе со следующими словами:

ПОМНИ, ВАНЯ, всю свою жизнь, как ты первый раз в жизни видел Ангелов, тебе было 15 лет.

ВСПОМНИ, как ты шагал по земле и под твоими ногами были змеи, но ты твердо шел и не боялся их. Много времени ходил, пока не победил самого большого змея, и победил потому, что Христос тебе помог.

Дорогая сестра наша в Господе Иоанна Константиновна,— мать замученного на службе в армии христианина Вани Моисеева с маленьким Ванечкой, рожденным после трагических событий.

ВСПОМНИ видение, когда ты стоял на страже с Ангелом на большой скале и следил за морем. Когда началась буря на море и один корабль тонул, как ты прыгнул в море по приказу Ангела, и сколько ты спас, вытащил на берег людей из моря. Волны шумели, угрожая погибелью. А когда последнего человека вытащил на берег, ты сам упал без сил, но ПОМНИ, как Ангел тебя взял и поставил снова на скалу, и мы опять стояли на страже.

ПОМНИ, как Иисус тебе показал сколько работы есть на земле и сколько ее лежит без плода и ты должен обрабатывать эту землю.

ВСПОМНИ, когда усталый был, идя на допрос, и Ангел спускался с неба и говорил такие слова: «Ваня, не бойся, иди, Я с тобою!»

ПОМНИ огненную афишу на небе: «Я скоро приду!» И огненный плакат, и что было на нем написано. Знай, что Бог запретил это передать другим.

ВСПОМНИ, как был в тюрьме и готовили зажечь тебя, и ты все это видел.

ВСПОМНИ, как два дня ты не знал живешь или нет, в теле или без него, после того, как ты видел свет небесного Иерусалима, и как радостно с Ангелом жить.

ПОМНИ, что молитва есть самая хорошая связь с Богом.

ПОМНИ свою семью, отца, мать, 7 братьев и сестру.

ВСПОМНИ, кого ты любил больше: семью или Иисуса Христа? И что еще ты не все силы отдал для Христа.

БУРДА
Юрий Иванович

1963—1983

Верно наставленный

Истинные последователи Христовы за веру в Господа «были... подвергаемы пытке...» (Евр. 11, 37). И не только в древние времена. В облако подвижников веры, заплативших за преданную любовь к Богу цену собственной жизни, вошли и мученики наших дней. Имена одних прозвучали громко и они достойны, чтобы о них помнили. Имена других, выдержавших не меньший подвиг страданий, остались как бы в тени. В тени у людей, но не у Бога. Он высоко оценил труд и чудо их веры (Евр. 11, 38).

Родители и близкие родственники, трагически погибшего солдата-христианина БУРДЫ Юрия Ивановича (Они проживают в Крымской обл. Симферопольском районе в с. Пожарском, ул. Мира, 48.), в письме на имя Генерального прокурора, министра обороны, начальника Управления воинских частей г. Семипалатинска (копии начальнику в/ч 63159 г. Семипалатинска-22 и Совету родственников узников ЕХБ) сообщили о том, что их сын Бурда Юрий (1963 г. р.) до призыва в армию учился на курсах шоферов при ДОСААФе г. Симферополя. Во время учебы к нему приезжал майор КГБ Волков и склонял к сотрудничеству, обещая за это устроить службу в г. Симферополе. Поскольку Юра на предательство не согласился, Волков заявил: «Мы с тобой будем работать...»

30 мая 1983 года Юру направили на действительную службу сначала в Капустин Яр. Там поставили условие: «Не примешь присягу, отправим в Семипалатинск!» Будучи христианином, Юра по религиозным убеждениям не мог принять воинскую присягу и его отправили в Семипалатинск-22 в/ч 63159, где он работал шофером.

Через 6 месяцев, 1 ноября 1983 г., родители получили

телеграмму от командира части: «Ваш сын, Бурда Юрий, трагически погиб. Телеграфируйте выезд».

4 ноября родителей встретили в Семипалатинске: командир части майор Павлов, замполит и следователь.

— Юра погиб в автомобильной катастрофе? — задал первый вопрос отец.

— Нет,— ответил Павлов,— и подробно изложил вымышленную причину смерти. — Произошел несчастный случай: Юра убит током. После работы он поставил машину, подошел к умывальнику, который находился на территории гаража, помыл руки, потом снял сапоги и начал мыть ноги под краном. (Холодной водой в зимнее время!) В этот момент лампа дневного света, подвешенная над умывальником, якобы замкнула. Юра пошатнулся и ухватился обеими руками за умывальник и крикнул: «Ой!» Рядом стоящий Бережной Игорь схватил Юру и оторвал от умывальника...

— Как же так получилось: Юру убило током, а Бережной остался невредим? — уточнили родители.

— Мы вызвали электрика, и когда измерили напряжение, установили, что оно резко менялось,— ответил Павлов. — Если бы Юра был обут, его не убило бы. Но, поскольку руки у Юры были мокрые и ноги босые, то он был поражен током...

— Сколько времени Юра был под напряжением?

— Минуты три... — неуверенно ответил Павлов.

— Можно ли осмотреть место происшествия?

— Нет, воинская часть — секретная... — отказал Павлов.

— Были ли свидетели смерти нашего сына?

— Были. Юрин друг и единоверец Бережной Игорь, четыре солдата, два офицера и врач. Они подробно вам обо всем расскажут.

— Вы знали, что Юра христианин? — поинтересовались родители.

— Да.

— Принимал ли он присягу?

— Нет, но мы его по этим мотивам не притесняли...

— Можно ли получить личные вещи Юры?

— Все находятся в прокуратуре...

Затем командир части пообещал: «Когда привезут тело, мы вам покажем, чтобы вы не сомневались: Юра какой был, такой и остался... Запаяют гроб и отправим. Но пока привезут тело, я с замполитом поеду в аэропорт приобрести вам билеты и договориться об отправке гроба, а с вами побеседует следователь, ведущий дознание».

Следователь задавал отцу, матери и брату погибшего вопросы, не имеющие никакого отношения к трагической смерти молодого солдата: в какой семье воспитывался Юра? Как учился? Чем увлекался? Какие религиозные секты посещал? Какую работу проводил среди молодежи? С кем переписывался? Не возражала ли секта против ухода Юры в армию? Не сообщал ли Юра в письмах об отношении к нему командного состава части?

Под различными предлогами родственникам не отдавали гроб с телом, и отправили в Москву сначала их, а через сутки доставили гроб.

Наконец тело погибшего привезли к сельсовету. Отец Юры зашел туда оформить документы на погребение и увидел четырех сотрудников КГБ во главе с майором Волковым, который обещал «работать» с Юрой.

Когда гроб внесли во двор дома, отец в присутствии многих односельчан, родственников и верующих распаял его. «Перед нами открылась ужасная картина,— писали родные Юры в заявлении на имя правителей страны. — Тайное стало явным.

Тело сына было анатомировано. Руки не вымыты, (а командир части говорил, что Юра вымыл руки). В глазах — сплошная серая пленка. Руки, как выкрученные, свободно сгибались и разгибались во все стороны. На запястьях обеих рук синие двухсантиметровые следы от наручников. Пальцы на руках черные, раздавленные, плоские. Обе руки до локтей исколоты иглами. А выше, до плеч, на каждой руке по четыре обожженных следа, похоже, электроштекером. Такие же следы на висках и бороде. В области сердца — опаленная проколотая рана диаметром 4 мм. Тело обескровленное, чистое, без отеков. Ноги без каких-либо повреждений. Волосы седые...»

Следы пыток, которым подвергся во время службы в армии юный христианин Юрий Бурда, видели многие односельчане, присутствующие на похоронах. Молчаливо наблюдали за всем этим и сотрудники КГБ...

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам Слово Божие...» — призывает нас святое Писание. Брат Юрий не был наставником. Но он был верно наставлен и сохранил свое сердце чистым от греха предательства, уплатив за отказ от сотрудничества со спецслужбами цену собственной жизни. Короткая, немногословная проповедь этого мужественного христианина потрясает душу и побуждает юных последователей Христовых, взирая на кончину его мученической жизни, подражать его вере.

ДРУК

Василий Федорович

1960—1981

...Делами вера достигла совершенства. Иак. 2, 22

В небольшом молдавском селе Новые Маринешты в многодетной христианской семье (11 детей) родился и вырос Василий Друк. Он постоянно посещал богослужения, был ревностным среди христианской молодежи, хорошо знал Слово Божье, всегда стремился жить богобоязненно.

19 ноября 1979 года он был призван на службу в армию, которую проходил в Ленинграде (в/ч 32534), не приняв присягу по убеждениям.

За время пребывания в армии (он прослужил год и 9 месяцев) Вася зарекомендовал себя примерным солдатом. Воинское начальство отметило его службу тремя почетными грамотами. (Известно, что в годы господства атеизма заслужить похвалу верующему человеку было практически невозможно.)

Товарищи по службе, видя, что Вася не ругается, не курит, не пьет, говорили: «Это настоящий верующий!»

В письмах Вася не распространялся о том, как ему живется в армии, а когда приехал в отпуск, то рассказал, что за отказ от присяги его всячески притесняли, пытались переубедить, заставляли отказаться от веры.

По возвращении в часть письма от него приходили редко. В последнем, встревожившем родителей письме, Вася сообщил: «Один сержант хочет отнять у меня жизнь...» Буквально на следующий день после письма, 13 августа 1981 года, родители получили печальную телеграмму: «Ваш сын трагически погиб...»

Отец, прибыв в часть, узнал неутешительные подробности умышленного убийства сына.

Солдаты рассказывали, что 13 августа 1981 года в части между русскими и узбеками произошла драка, после которой майор Кобылко и ротный командир лейтенант Мирошниченко построили роту и приказали солдатам зайти в ленинскую комнату, а Васю Друк и солдата Терзина послали в канцелярию, находящуюся рядом с ленинской комнатой.

Затем майор Кобылко приказал своему личному шоферу Турсунову (узбеку): «Леша, пойди разберись с ним!», а сам стал у дверей ленинской комнаты и держал ее, чтобы никто из солдат не смог выйти. Когда Вася шел в канцелярию, Турсунов подбежал к Васе и ударил его охотничьим ножом в область сердца. (В коридоре в это время находился ротный командир Мирошниченко.) Вася успел крикнуть четыре слова: «Товарищ лейтенант, меня зарезали...» Солдаты, услышав крик, вырвались из ленинской комнаты и увидели, как узбек Турсунов вынимал нож из груди Васи. Истекая кровью, Вася упал. Майор Кобылко крикнул убийце: «Леша, беги!» и сам убежал. А Вася через несколько минут скончался.

Суд над убийцей Турсуновым Адханом Бурхановичем (1959 г.р.) был закрытым. На нем присутствовал только отец

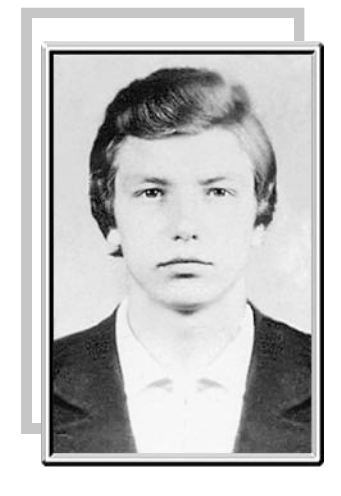

Похороны юного солдата-христианина, зарезанного во время службы в армии.

Васи. В чудовищном приговоре умышленно были извращены все факты и указано, что В. Друк был якобы пьян и «на почве личных неприязненных отношений, возникших после взаимных оскорблений и драки, Турсунов нанес ему умышленно удар ножом в левую половину грудной клетки, причинив проникающее колото-резаное ранение с повреждением сердца». Отмечалось также, что в крови трупа В. Друк якобы обнаружен винный спирт в концентрации 0,94%.

Эта заведомая ложь была включена в приговор с единственной целью: смягчить умышленное групповое преступление солдата-убийцы Турсунова и соучастников: майора Кобылко, командира роты Мирошниченко, командира части подполковника Цатуры и замполита Кончева, с ведома которых было совершено убийство юного христианина Василия Друк.

Возможно, посторонние, неверующие люди, еще могут поверить, что истинный христианин способен драться, напиться пьяным, но даже солдаты, которые хорошо знали Васю, не говоря уже о родственниках и братьях и сестрах по вере, никогда не поверят этой лжи. Убийство было умышленным и его единственная причина предельно ясна: Вася был христианином и принадлежал к общине гонимого братства. Стойкостью искренней веры в Бога он подавал пример всей христианской молодежи. Вера его была живой, глубокой и делами достигла совершенства.

МУЗЫКА

Владимир
Иванович

1963—1982

«Какое счастье быть со Христом!»

10 января 1982 года многодетную семью служителя церкви ЕХБ г. Умань (Черкасская обл.) — Музыки Ивана Семеновича — повергла в глубокую скорбь неожиданная телеграмма:

«Ваш сын Владимир скоропостижно скончался во время прохождения воинской службы в г. Лесосибирске Красноярского края в/ч 654136».

Воспитывался Володя в христианской семье. Незадолго до призыва в армию обратился к Господу, принял крещение и с большой ревностью, искренне любя Господа, преданно служил своему Спасителю.

19 ноября 1981 года он был призван в армию и еще в Умани заявил, что верующий и по религиозным убеждениям присягу принимать не может. Выслушав его, командир II-го отделения Уманского военкомата Н. Г. Кизила пригрозил: «Домой живым не вернешься...»

Сначала Володю отправили в Семипалатинскую область, п. Георгиевка, в/ч 49650. Оттуда он успел прислать родным письмо. Оно оказалось единственным.

«...Еще из Черкасс я зарекомендовал себя верующим. По милости Господа и при Его помощи хочу остаться верным Ему...

Часто вспоминаю дом, церковь... Благодарю Господа за милость, оказанную мне... Какое счастье быть со Христом!

Кроме службы меня два раза вызывали на беседу. После первого раза начали «гладить против шерсти». Прошу вас и церковь поддерживать меня на руках молит-

вы: пусть избавит меня Господь от всякого греха и даст силы неуклонно идти за Ним.

Пусть Господь пребудет с нами и ведет нас в Свой край...»

В декабре 1981 года Володя прибыл в г. Лесосибирск в/ч 654136 и 10 января скоропостижно скончался. Призванный в армию совершенно здоровым, за 52 дня службы в ней он догорел как свеча. За месяц до смерти у него были сильные головные боли, то есть с того момента, как его привезли из Семипалатинска, где, как он писал, его вызывали для бесед и «гладили против шерсти». Во время подъема он не успевал одеваться и командир из-за него заставлял роту по нескольку раз раздеться, лечь, и снова одеться. В последнее время Володя настолько ослабел, что после обеда не мог застегнуть пуговицы и завязать шапку. Командир приказывал солдатам помочь Володе. В полусознательном состоянии его заставляли выходить на работу иногда в сорокоградусный мороз. Жил он вместе с солдатами в палатке, несмотря на сильный мороз.

«В 4 часа утра в воскресенье Володе стало плохо,— свидетельствует один из солдат. — *Он встал и тут же упал. Его*

Скорбящие родные у гроба скоропостижно скончавшегося в армии христианина Володи Музыки.

отнесли в санчасть и никого туда не впускали. В 9 часов утра меня позвали попрощаться с земляком. Володя уже был накрыт простыней».

Судмедэксперт С. В. Кабанов в медицинском заключении указал причину смерти Володи: «Отек и сдавливание головного мозга, гнойный менингит».

Врач С. В. Кабанов в беседе с родителями Володи сказал, что по результатам вскрытия Володя, пока был живой, переносил адские муки.

Родителям, когда они посетили часть, где служил Володя, отдали незаконченное и не отправленное письмо сына.

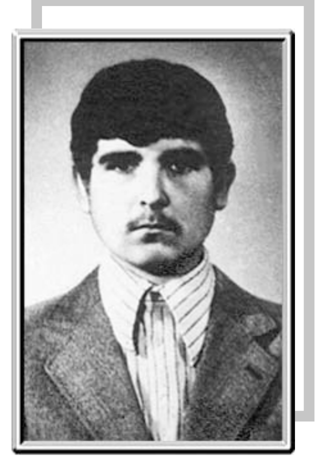
И тогда вернется снова весна—
Все мы соберемся у ног Христа,
И тогда не будем годы считать,
И не будем страдать...

«Дорогие мои, папа, мама, Петя, Лариса, Галя, Юра, Витя, Миша, Нина, Саша, Толик и Светочка! С христианским приветом к вам ваш сын и брат.

Хотя с опозданием, но хочу поздравить вас с Новым годом и Рождеством Христовым! Как бы мне хотелось отпраздновать его вместе с вами! Вместе помолиться, просто посидеть за столом и попеть. От души желаю вам счастья, любви особенно...»

КОРНИЕНКО
Филипп Владимирович

1963—1982

Пять недель спустя после загадочной смерти солдата-христианина Володи Музыки (он прослужил всего 52 дня сначала в Семипалатинской области, а затем в г. Енисейске Красноярского края в/ч 75439) церкви гонимого братства потрясло новое скорбное сообщение: в г. Аягузе Семипалатинской области в/ч 12616 так же скоропостижно скончался другой юный солдат-христианин Корниенко Филипп.

Верующие Черкасской области, откуда родом оба умершие брата-солдата, глубоко скорбя вместе с родителями, лишившимися сыновей, обратились с ходатайством в высшие государственные инстанции по поводу этих печальных событий. Ниже мы приводим в сокращении их письмо.

> «Чрезвычайные события, случившиеся в семьях наших друзей и единоверцев, заставляют нас обратиться к Вам со следующим заявлением:
>
> 10 января 1982 года в г. Енисейске Красноярского края в/ч 75439 (командир части Островерха) при загадочных обстоятельствах скоропостижно скончался наш брат и друг Музыка Владимир, пробывший на срочной военной службе всего 52 дня. Командир части в телеграмме указал причину смерти: "абсцесс головного мозга".
>
> До службы Володя проживал с родителями в г. Умани Черкасской области.
>
> Не успело еще остыть тело Музыки Володи, а в наших сердцах улечься боль о непонятной преждевременной его смерти, как другие наши друзья, проживающие в Черкасской области, Шполянском р-не, с. Журавка, получили от командира части, майора Утина из Среднеазиатского военного округа в/ч 12616 Семипалатинской области, г. Аягуз следующую телеграмму: "Ваш сын Филипп погиб при исполнении

служебных обязанностей. Срочно телеграфируйте выезд".

На месте выяснилось: Филипп проболел двое суток и скоропостижно скончался. В свидетельстве о смерти, выданном родственникам, указан диагноз: "Отек головного мозга с вклинением миндалин мозжечка в большое затылочное отверстие".

Это быстро распространяющееся известие заставило всех верующих содрогнуться от напрашивающегося вывода: слишком много совпадений в обстоятельствах смерти обоих солдат, чтобы считать их случайными:

Родители обоих солдат являются членами незарегистрированной церкви, входящей в состав СЦ ЕХБ.

Отец Володи и отец Филиппа несут пресвитерское служение в местных общинах.

Обе семьи многодетные. У Корниенко В. Д. — 10 детей, у Музыки И. С. — 11 детей.

Володя и Филипп проживали в Черкасской области.

Оба служили в Среднеазиатском военном округе.

Оба отказались принимать присягу на основании заповеди Христа: "Не клянись..." (Матф. 5, 34).

У солдат-христиан одинаковая причина смерти: "Повреждение головного мозга".

Оба скоропостижно скончались в воскресенье с интервалом в один месяц: 10 января и 14 февраля 1982 года.

В телеграммах родителям было указано, что сыновья "умерли при исполнении служебных обязанностей". Неужели преждевременная смерть солдат-христиан является их служебной обязанностью?

Семья Корниенко в заявлении отмечала, что во время службы их сына Филиппа постоянно терроризировали, многократно порочили перед строем солдат, угрожали судом, сажали на гауптвахту, чернили в окружной газете, приезжали для переубеждения политработники из Алма-Аты (майор Левченко) и замполит части майор Жила, который особенно усердствовал в этом.

На похоронах, неизвестно зачем, присутствовали несколько десятков людей в штатском, перед которыми трепетали милицейские чины всех рангов.

Необыкновенную заинтересованность в проведении похорон проявили местные власти и уполномоченный по делам религий...

С уважением христиане Черкасской области»

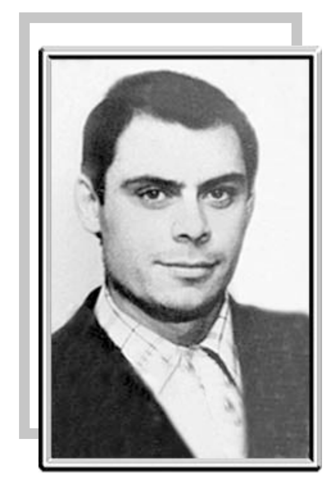
«Вы... убили праведника; он не противился вам» (Иак. 5, 6). От кроткого Авеля до беззащитных юношей-христиан наших

дней — сколько убито праведников на земле... Убито не за преступления, за искреннюю веру в Господа, за желание всецело принадлежать лишь Ему одному.

Отрадно сознавать, что наши юные христиане умирали не сопротивляясь, не выторговывая себе жизнь ценой отречения от Бога.

Отрадно, что родители и родственники мучеников, погибших за веру, не мстили и не мстят убийцам, предав весь суд Судии праведному, Который в оный день воздаст каждому по его делам.

Голос крови убитых вопиет от земли к Богу (Быт. 4, 10). Мы не слышим их праведный вопль, но Бог внемлет стону убиенных за правду, потому что касающиеся нас, касаются зеницы Божественного ока (Зах. 2, 8).

ФРИЗЕН

Владимир Егорович

1953—1980

Фризен Владимир родился в 1953 году в с. Ново-Курск Новосибирской области в многодетной христианской семье (9 детей). Отец его был проповедником и хористом. Мать тоже пела в хоре и помимо домашних дел вела духовные занятия с детьми в церкви.

В 1972 году семья Фризен переехала на постоянное жительство в с. Константиновку Павлодарской области. Здесь, в поместной церкви, 19-летний Владимир обратился к Господу и заключил с Ним завет через святое водное крещение. Пел в хоре, проповедовал. Обладая музыкальными способностями, обучал в церкви детей игре на инструментах.

В 1975 году вступил в брак с сестрой по вере Анной Экк.

Вскоре брату Владимиру поручили вести духовную и музыкальную работу с молодежью в Константиновской общине.

Одновременно с этим он с большой ревностью участвовал в распространении печатного Слова Божьего и немало потрудился на этом ответственном поприще.

Кроме того он работал на производстве и строил свой дом. Строил с таким учетом, чтобы в его доме совершались богослужения, и Бог помог осуществить это святое желание.

Нужды церкви, нужды ближних у брата Владимира всегда были на первом месте. Вместе со служителем церкви он посещал семьи узников и многодетных и не только ободрял и утешал их словом, но помогал делом.

Ревностная, жертвенная, бескомпромиссная жизнь брата Владимира раздражала гонителей. В 1979 году его вызвал парторг колхоза и убеждал не ходатайствовать о гонимых за веру. (Брат Владимир для ответа на ходатайства всегда указывал свой адрес.)

«Вас не гонят, зачем вы пишете в правительство о других?» — пытался вразумить его парторг.

«Это мои братья и сестры по вере! Они страдают за добрые дела. Я о них переживаю, потому ходатайствовал и впредь буду ходатайствовать...» — не боясь отвечал брат Владимир.

Поздней осенью 1979 года на работу к брату Владимиру пришли представители власти с уполномоченным по делам религий и убеждали его помочь зарегистрировать общину.

«Это дело церкви!» — коротко, конкретно и мужественно ответил брат Владимир.

Тогда представители власти, уполномоченный и работник КГБ из г. Алма-Аты посетили общину и склоняли верующих решить вопрос регистрации. Но церковь единодушно противостала этому. Не получив желаемого, работник КГБ заявил: «Мы будем гнать вас, как зайцев! — и обернувшись к брату Владимиру, пригрозил: а ты, Володя, смотри! Ты нам еще попадешься...»

1 февраля 1980 года брат Владимир вместе с братом по вере Андреем Петкер и сестрой Фридой Петерс выехали за духовной литературой. Брат Володя перед поездкой усердно помогал по домашней работе жене, по-особенному нежно ласкал детей.

Собрав мужу необходимое в дорогу, жена, послушная и притихшая, села у стола и молча наблюдала, как готовился к отъезду муж. Затем они помолились.

«Счастливого пути...» — пожелала она мужу и он вышел. Через секунду, словно что-то забыв, он приоткрыл дверь и с глубокой любезностью пожелал: «Пусть и тебе будет хорошо...» Так сердечно и мило они расстались, как потом оказалось, навсегда на этой скорбной земле.

А потом пришла тяжелая весть: «3 февраля 1980 года на 382 километре автотрассы Караганда—Алма-Ата КамАЗом сбиты и раздавлены "Жигули" и находящиеся в ней: Фризен Владимир, Петкер Андрей и Петерс Фрида».

Обстоятельства трагической смерти дорогих в Господе братьев и сестры таковы: КамАЗ, в кузове которого находился транспортируемый «Москвич», на большой скорости вышел на встречную полосу и лобовым ударом сбил, а затем подмял под себя «Жигули», в котором ехали два брата и сестра. КамАЗ протащил «Жигули» 50 метров по шоссе и, столкнув в 3-метровой глубины кювет, «сел» на смятую машину.

Голова сестры Фриды, как сама она, была раздавлена передней частью смятой машины.

Володя Фризен, раздавленный КамАЗом, лежал навзничь на откинутом и смятом сиденье машины. В разбитое лицо его глубоко врезались осколки лобового стекла.

Андрей Петкер при ударе был наполовину выброшен через открывшуюся дверцу машины и зажат смятым корпусом машины. Раздавленная грудь брата была вмята в землю колесом КамАЗа.

Машина представляла собой бесформенную скрученную и согнутую пополам кучу металлолома. Длина ее, вместе с уцелевшим багажником,— не более метра.

Библии, находящиеся в салоне, раздавлены и залиты кровью убитых христиан.

Духовной литературы, которую в машине везли братья и сестра, было:

Библий (карманного формата)	300 шт.
Евангелий	150 шт.
Ветхий и Новый Завет (для детей)	120 шт.
Библейских атласов	40 шт.
Симфоний	20 шт.

Один из очевидцев этой чудовищной «аварии» свидетельствовал: «На улице было очень холодно. Дорожный инспектор дал указание собирать окровавленные священные книги

Сироты-дети и вдова, дорогая сестра наша в Господе Анна, у гроба убитого мужа — брата В. Е. Фризена.

и сжигать в кювете. У костра грелись озябший водитель КамАЗа, казах Дороханов, и пассажир Фаст (водитель перевозимого "Москвича").

К месту происшествия подходили работавшие вблизи трассы люди и забирали уцелевшие книги. Разбитую машину «Жигули» вместе с раздавленными в ней людьми погрузили краном в кузов грузовой машины и доставили в отделение милиции поселка Аксуек. Оставшиеся окровавленные Библии сжигали прямо на дворе».

Пассажир, сидевший во время аварии рядом с водителем КамАЗа, сказал родственникам погибших: «Здесь не только водитель, но и другие люди из высшего начальства виновны в происшедшем...»

Брату Владимиру было 27 лет. Три его сына, Владимир, Виктор и Андрей, остались сиротами.

ПЕТКЕР

Андрей Яковлевич

1948—1980

Второй, погибший в аварии брат, Петкер Андрей, родился и вырос в семье, где отец был далек от Бога. Христианским воспитанием детей занималась мать. Переехав в с. Константиновку Павлодарской области, Андрей в 1966 году покаялся и с большой ревностью приобщился к жизни церкви. Отслужив в армии, в 1971 году вступил в брак с сестрой по вере Еленой Гафнер.

В 1974 году Андрея Яковлевича Петкер рукоположил на служение благовестника служитель Совета церквей Б. Я. Шмидт. Через два года, учитывая возросшие духовные нужды церкви, Андрею Яковлевичу доверили пресвитерское служение.

Наряду с попечением о душах, Андрей Яковлевич принимал ревностное участие в распространении Слова Божьего — этому он придавал особое значение. Это служение требовало частых далеких поездок, каждая из которых по тем суровым временам гонений, могла окончиться, в лучшем случае, арестом.

Накануне своей последней поездки, он, уставший, вернулся домой в 7 часов утра, и, не позавтракав, лег отдыхать. Но шумная детвора скоро разбудила отца и он был рад побеседовать с ними. «Я сильно соскучился о детях...» — признался он жене. Однако вскоре пришли друзья по вере и он ушел с ними по делу. Вернувшись поздно вечером, он с необычным усердием помог жене по хозяйству. На утро 2 февраля Андрей Яковлевич долго читал Библию и даже отказался от завтрака, чтобы подольше побыть с полуторагодовалой дочуркой. Пришло время отъезда. Андрей Яковлевич внимательно посмотрел на детей, нежно попрощался с ними и с женой,

Сироты-дети и вдова, дорогая сестра наша в Господе Елена, у гроба мужа — брата А. Я. Петкера.

и уехал на легковой машине вместе с братом Владимиром Фризен. Уехал навсегда... Сиротами остались три сына и две дочери.

* * *

10 февраля 1980 года в селе Константиновке состоялись похороны. На открытой машине были установлены два гроба. На траурное богослужение, оно проходило под открытым небом, собралось около 1300 человек. Духовой оркестр, хор местной церкви исполняли благоговейные христианские гимны, утешающие осиротевших детей, жен, матерей и скорбящую церковь. Стояла морозная погода. Вся природа словно замерла в немом благоговении...

ПЕТЕРС
Фрида Корнеевна

1948—1980

При перевозке духовной литературы вместе с братьями погибла сестра Фрида Петерс, которая проживала в г. Иссык Алма-Атинской области. Обратилась к Господу сестра Фрида в 1965 году. В 1966 приняла водное крещение и с большой ревностью искала близкого общения с Богом, жаждала трудиться во славу искупившего ее Господа. Когда за служение Господу арестовывали братьев, Фрида вместе с другими верующими ходатайствовала об их освобождении. Всем сердцем она сострадала узникам за дело Божье и готова была положить за них свою душу. Несмотря на молодость, в церкви ее называли «мамой Фридой». Молодые друзья шли к ней за советом и утешением. А представители власти негодовали: «Она слишком активна! К ней нужно применить некоторые меры...»

У Фриды было слабое здоровье, но она очень желала потрудиться на обширной ниве Господней. И Бог исполнил ее желание. Матери вначале не хотелось отпускать от себя единственную дочь, но, поняв, что Господь ее призывает, не стала ей препятствовать. В 1978 году она уволилась с работы, оставила родной дом и полностью посвятила себя на служение.

В поездку за литературой Фрида вызвалась ехать сама, хотя предчувствовала, что она может быть последней. «Произойдет что-то тревожное... но Бог будет со мной...» — говорила она, расставаясь с друзьями. Попросила также дошить начатый ею свадебный наряд,— словом все делала так, как будто ясно знала, что больше к обычной жизни не вернется.

Мать Фриды, не зная о происшедшем, встревожилась о судьбе дочери. Ища утешения от Господа, она открыла Библию и взгляд ее упал на слова: «Они победили его Кровью Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбили

души своей даже до смерти» (Откр. 12, 11). Бог готовил сердце матери воспринять тяжелую весть. Отдавая ее на служение, мать рассчитывала, что Фриду могут арестовать, но согласиться с мыслью, что дочери уже нет, ей было трудно. Вечером сотрудники милиции принесли телеграмму: «Ваша дочь Фрида погибла в автодорожной аварии...» Как только за дверью скрылись мрачные вестники, мать упала на колени и в великой скорби молилась Тому, Кто близок и по-отцовски разделяет печаль Своих детей.

Ночью мать в сопровождении двух братьев поехала за телом убитой дочери. Следователь устроил безмерно скорбящей матери жестокий допрос: где дочь работала? С кем? Куда ездила? На все эти вопросы мать не могла и не собиралась отвечать: дочери нет в живых — какое это теперь имеет значение?!

9 февраля 1980 года по тихим улицам г. Иссыка шла скромная похоронная процессия. Скорбящие о разлуке с дорогой сестрой друзья по вере несли венки с текстами: «Час смерти пришел неожиданно, но Господь назначил его». «Дела их идут вслед за ними». На крышке гроба были написаны утешительные слова: «Радуйтесь! Я уже дома, в сонме святых!» Так ушла в вечность в расцвете лет (сестре Фриде был 31 год) дорогая наша сестра в Господе, научившаяся жить жертвенной жизнью.

«Они везли Библии,— что может быть драгоценнее спасительного Слова Божьего?! — звучали проповеди служителей. — Братья посвятили всю свою жизнь распространению духовной литературы! В последние минуты жизни они собственной кровью запечатлели верность Богу и Его делу. Их сердце билось для славы Господней, для народа Божьего! "Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними" (Откр. 14, 13)».

На месте происшествия родственники и верующие друзья поставили скромный памятник. Через время его снесли бульдозером, оставив одни обломки. Участок дороги (100 метров), где КамАЗ раздавил «Жигули» с двумя братьями и сестрой, везущими духовную литературу, тщательно заасфальтировали. На обочине и на месте кювета, куда шофер КамАЗа столкнул раздавленный им «Жигули», спешно построили автобусную остановку — так тщательно заметались следы о разыгравшейся на этом участке трассы ужасной трагедии.

ЯСЬКО
Иван

1958—1980

Молодой христианин Ваня Ясько жил сначала в г. Гомеле. Он еще не был членом церкви, но сотрудники КГБ пытались его завербовать. Отслужив в армии, он принял крещение и понимал, что предательство — великий грех. Будучи молодым, не наставленным, он не знал как противостать натиску этих настойчивых людей и решил переехать в г. Чернигов. Но и здесь они быстро настигли его. Тогда он уехал в село Синдаревское, неподалеку от Чернигова, стал там членом церкви.

Работал грузчиком на вокзале г. Нежина. Домой ездил на мотоцикле.

Однажды в городе Нежине его встретил на улице незнакомый человек.

— Здравствуй, Ваня! Что, не узнаешь?

— Не узнаю...

— Ну, Ясько, мы же с тобой встречались в Гомеле.

И тут же принялся склонять его к сотрудничеству. Угрожал расправой, чтобы не смел никому рассказывать о беседах и назначил новую встречу.

Ваня скрывал свои переживания даже от отца. Утром 18 октября 1980 года, уходя на работу, он сказал отцу: «Я так не хочу сегодня уезжать... На сердце тяжело...»

В 8 часов вечера он возвращался с работы на мотоцикле, но домой не приехал. Родным сообщили, что его сбила машина. На безлюдной дороге у кучи щебенки они нашли неповрежденный Ванин мотоцикл. Лобовое стекло не разбито, каски, в которой ехал Ваня, на месте не оказалось.

Родные нашли Ваню в глухой сельской больнице в Ичне. Доставили его туда попутным пассажирским автобусом,

в котором ехали люди из села Синдаревского. Один из них даже помогал поднять Ваню в автобус.

Родственников сначала не допускали в больницу, но после настойчивых просьб разрешили. Шесть дней Ваня был живой, приходил в сознание, но медицинской помощи ему не оказывали. Череп на затылке у него был проломлен, осталась глубокая вмятина. Над бровью небольшая рассеченная рана.

Когда у его постели дежурила родная сестра, пришли врачи и попросили ее выйти, так как Ване якобы нужно было промыть кишечник. Сестра вышла. Когда врачи ушли, другой больной, лежавший в палате, сказал: «Они ему прочистили, но только не то, что говорили...» После этих процедур Ваня вообще перестал реагировать на происходящее.

Похороны верного христианина И. Ясько

Умер он 24 октября 1980 года. На похоронах присутствовало много незнакомых людей.

Высокую цену заплатил молодой христианин — Ваня Ясько — за чистоту своего сердца! До крови сражался, подвизаясь против греха! Не отрекся от веры! Никого не предал, ни чьей души не погубил, но свою положил за друзей и братьев своих! Незаметным он был, но победно умер, потому что греха боялся больше, чем смерти. Уповая на Бога, один одолел рать нечестивых. Поверженными оказались кичащиеся силой. Низложены при всей своей надменной мощи! Не превозмогли они одной праведной души! Он победил их, не возлюбив души своей даже до смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

ТРУЖЕНИКИ СУРОВОГО,
НО СЛАВНОГО ПОПРИЩА

Часть II

...НЕ ВОЗЛЮБИЛИ ДУШИ СВОЕЙ
ДАЖЕ ДО СМЕРТИ

ерез всю историю христианства золотой нитью проходит жизнь тех, кто страдал за Христа и умирал ради имени Его! Они были «столпом и утверждением истины», были тем Божественным Телом — Церковью Христа — которую Апостол Павел назвал «твердым основанием», которое «стоит, имея печать сию: "познал Господь Своих"; и: "да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа"» (2 Тим. 2, 19). Это был тот остов, который Бог называет побеждающей Церковью!

И хотя, живя жизнью правды, они каждый день умирали ради Христа, были в презрении и уничижении у людей,— они были частью запечатленного Богом братства, живой Церковью Господа, о которой на страницах святого Евангелия оставлены неизгладимые слова Христа: «...Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16, 18).